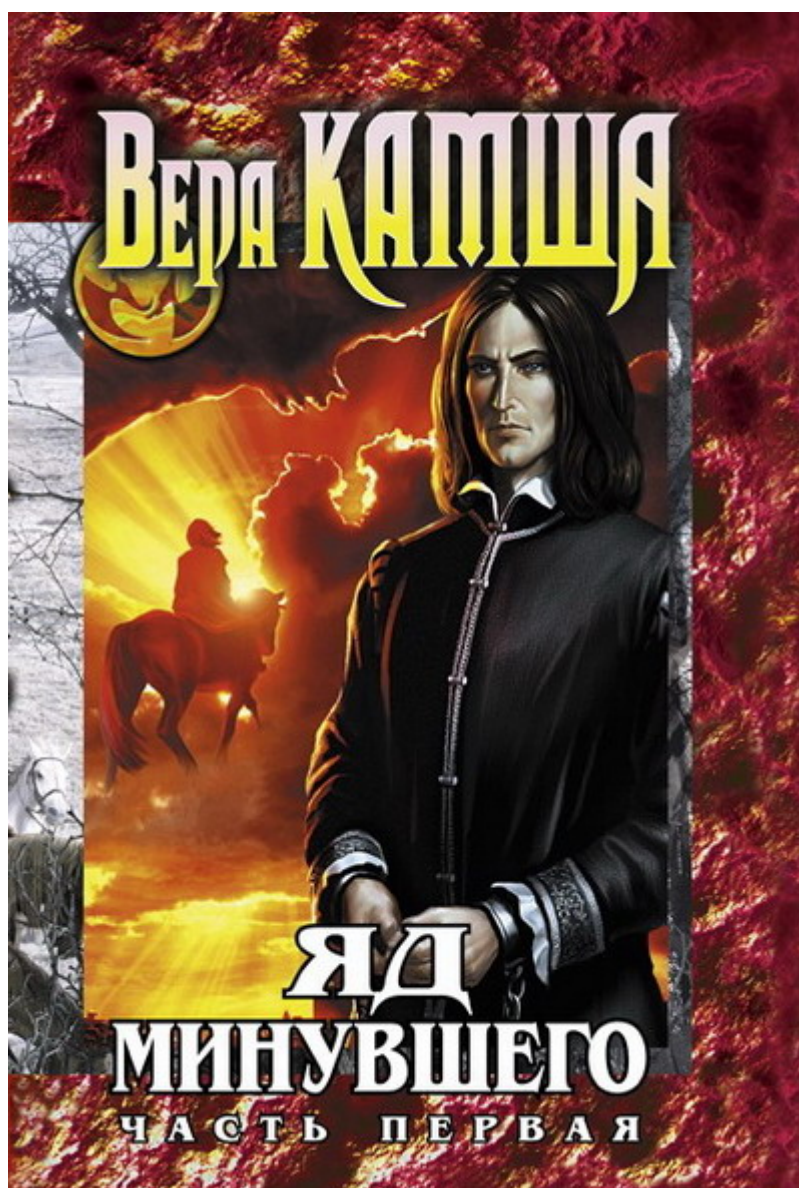

Вера Викторовна Камша
Яд Минувшего. Часть 1

Отблески Этерны – 4

? palmz.in

«Яд Минувшего. Часть 1»: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-21483-9

Аннотация

Свершилось. Принц-изгнанник Альдо Ракан коронован в городе, где некогда был предан и убит его предок. Ворон Рокэ, Повелитель Ветра, потомок предателя и опора династии Олларов — во власти нового государя. Его ждут суд и казнь. В этом не сомневается ни сам Альдо Первый, ни готовый шагнуть за сюзереном хоть в Закат Повелитель Скал, ни выбирающий между страной и другом, бывшим другом, Повелитель Молний, ни скрытный Повелитель Волн.

Их четверо. Всегда четверо. Навеки четверо. Скованных невидимой цепью, но идущих разными дорогами. А отставших и отчаявшихся за поворотом ждет пегая кобыла — и это

не самое плохое, что может случиться. Хуже, если древняя вестница смерти опоздает.

Вера Камша
ОТБЛЕСКИ ЭТЕРНЫ

Книга четвертая
ЗИМНИЙ ИЗЛОМ

Том второй
ЯД МИНУВШЕГО
Часть первая

*Этой жизни нелепость и нежность
Проходя, как под теплым дождем,
Знаем мы — впереди неизбежность,
Но ее появления не ждем.*

*И, проснувшись от резкого света,
Видим вдруг — неизбежность пришла,
Как в безоблачном небе комета,
Лучезарная вестница зла.*

Георгий Иванов

Вы боитесь моих вопросов, господин обвинитель?
Георгий Димитров

ПРОЛОГ
РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)
400 год К. С. Вечер 2-го дня Зимних Скал

Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор.
Франсуа де Ларошфуко

Бокал был не первым и даже не четвертым. Робер пил кэналлийское, словно какую-то касеру, не замечая ни запаха, ни вкуса, ни послевкусия. Что поделать, если лучшие вина и красивейшие женщины пьянят слабей беды и усталости... Франимские виноторговцы при виде того, как герцог Эпинэ глотает рассветную влагу, попадали бы в обморок или схватились за ножи, Марианна мило улыбалась. Она не была в Доре! Робер сжал зубы и налил себе еще, потом спохватился и наполнил бокал хозяйки. Баронесса улыбнулась.

— Вы все же вспоминаете обо мне, это радует.

— Кто вас видел хотя бы раз, тот вас не забудет, — соврал Эпинэ, заливая чужую смерть и собственную ложь «Черной кровью».

— Герцог, — Марианна гортанно расхохоталась, — эти слова не вызовут сомнений только у юной северяночки. Не забудьте угостить ими девицу Окделл.

— Она в Надоре. — Проклятье, о невесте так не говорят. А как говорят? С любовью?

Но влюбленные женихи не врываются на ночь глядя к куртизанкам. Ничего, невлюбленные женихи тоже не редкость. Эпинэ хлебнул «Крови» и нашелся: — Сударыня, когда моя невеста вернется, я стану уделять ей столько времени, сколько потребуется, но сейчас я у ваших ног.

— Вы истинный рыцарь, маршал, — красавица с осуждением глянула на перевязь со шпагой, брошенную Робером на оранжевую софу, — кладете между собой и дамой меч.

— Времена рыцарей прошли. — Эпинэ допил и спровадил шпагу на пуфик, золотистый, как шкура Дракко. Голова наконец соизволила закружиться; чуть-чуть, но и это было подарком. — Времена рыцарей, но не прекрасных дам!

— Теперь вы клеветаете. На себя. — Баронесса Капуль-Гизайль грациозно пересела на освобожденную от орудия убийства софу. Качнулись, поймав огонек свечи, длинные серьги, в вырезе лимонно-желтого платья вызывающе алела роза. Осенняя женщина, осенняя комната, осенняя ночь, то есть уже зимняя...

— О чем вы думаете? — В глазах Марианны плясали свечи, пахло цветами и духами. Здесь тепло и спокойно, а из городских ворот вторую ночь выползают закрытые мешками фуры, полные покойников. Мешков не хватает, фур тоже, из-под кое-как наброшенных тряпок вываливаются руки, ноги, головы. Жуткие лица истоптаны, измазаны засохшей рвотой, забуревшей кровью, какой-то пеной. «Погибших хоронит корона»... Хоронит или прячет?

— Я забыл извиниться за позднее вторжение. — Эпинэ поцеловал мягкую, благоухающую вербеной ручку. — Но зима не лучшее время для одиночества.

— Лучшего времени для одиночества не бывает, — улыбнулась госпожа Капуль-Гизайль, переплетая розовые пальчики с пальцами Робера, — а оправдание у мужчины одно — усталость, но его еще нужно заслужить. Вы готовы?

Готов, иначе зачем бы он пришел в этот дом? Маршал Эпинэ больше не в силах думать о бредущих меж серых стен горожанам с вожденными узелками и пустыми лицами. И о забитых досками позорных ямах. Доски не выдерживали, ямы становились могилами, наполнялись доверху телами, на которых стояли люди. На уже мертвых и еще живых...

— Сударыня, вы часто вспоминаете своих... своих друзей? — На то, чтоб забраться в чужую постель, его хватит. Забраться и забыть о задавленных, задохнувшихся, сошедших с ума.

— Иногда вспоминаю, но не тогда, когда у меня гости. — Женщина улыбнулась и тронула цветок на груди, Эпинэ вновь поднес ручку с роскошным венчальным браслетом к губам. Кто купил ей браслет? Муж? А кто купил мужа и титул?

— А ваш супруг? — Можно подумать, герцогу есть дело до маленького барона. И можно подумать, маленький барон не знает, откуда в его доме берется золото. — Он помнит ваших гостей?

— О, — красавица томно вздохнула, — только самых близких. Им Коко дарит морискилл, а своих питомиц он никогда не перепутает и не забудет, кому они достались. У вас тоже будет птичка.

— В самом деле? — Робер не отказался бы помнить лишь крыс и лошадей, но как забыть Мильжу, гоганского мальчишку, дочек Эммы Маризо?! Их все-таки нашли, в тех самых ямах. — Здесь кто-то есть?

— О да, — подмигнула баронесса и легонько причмокнула алыми губками.

Из-за расшитой бабочками-фульгами занавески выскочила левретка, повела узкой мордочкой, вильнула хвостом, приветствуя очередного полухозяина. Марианна рассеянно погладила любимицу.

— Ее зовут Эвро.

— Вот как?

Сюзерен только что учредил орден Эвро. Кавалеры Эвро. Левретки его величества... Робер не выдержал, усмехнулся и тут же был вознагражден.

— Ваши воспоминания, монсеньор, без сомнения, богаче моих. — Нежные пальчики

коснулись алых лепестков. — Расскажите что-нибудь бедной затворнице, ведь вы так много видели...

Видел. Ноги и обрывки цепей, торчащие из-под принесенной Вирой скалы. Кровь и вышибленные мозги на мраморе у камина. Добротню одетую горожанку с измятым каблуками лицом и вырванными косами, она еще жила, запрокидывала голову, пыталась дышать, а по лбу, щекам, глазам топтались невольные убийцы.

— Сударыня, то, на что я смотрю сейчас, много прекрасней того, что я встречал за пределами вашего особняка.

— Герцог, вы удивительно немногословны, а ведь вы южанин.

Даже южанин не расскажет, как из превратившейся в смертельную ловушку канавы вытащили восьмерых мертвецов и одного живого. Бедняга ничего не понимал и только просил пить. Снизу и сверху была смерть, а он выжил. Маленький кашляющий человечек в ученой мантии, чем-то похожий на похудевшего Капуль-Гизайля.

— Вы больше не пьете? — В черных глазах отражались рыжие огоньки, превращая женщину в фульгу. — Вам надоела «Кровь»? У меня есть и «Слезы».

Леворукий, как же ему надоели настоящая кровь и настоящие слезы, но куда денешься?

— Я уже пьян, сударыня, — выдал желаемое за действительное Эпинэ, — пьян и счастлив.

Славный барон любит птиц, его жена любит мужчин. Или не любит, какое это имеет значение. В будуаре пахнет вербеной и померанцами, здесь можно не думать, а пить и еще целовать выпирающие из золотой пены плечи.

— Если вы пьяны, поставьте бокал, — потребовала Марианна.

— Непременно, — пообещал Робер, — но не раньше, чем выпью за ваши прекрасные глаза.

Никола сбросит трупы в карьер Святого Павла, ему не в первый раз. Гоганы и мулы остались у леса Святой Мартины. Святой Павел, святая Мартина, святая Октавия, святая Дора, что скажут они осквернившим их имена погромами и убийствами?

— Только за глаза? — Марианна быстро облизнула губы. — А мне казалось, вас больше занимает... роза.

— Она и впрямь прекрасна, — подтвердил Робер, проглатывая вино, — а ее... ложе достойно ее красоты.

— Наконец-то вы сказали нечто приятное, — одобрила баронесса. — Мне ничего не остается, как подарить эту розу вам. Возьмите ее... Пока она не увяла.

Золотая с алмазной пылью брошь расстегнулась легко, ей часто приходилось это делать. Освободившийся цветок упал на затканый незабудками простенький коврик, Робер нагнулся за подарком, но натянутые голубым шелком стены пошли волнами, и Повелитель Молний глупейшим образом свалился с софы под жемчужный женский смех.

— «Черная кровь» полна коварства. — Марианна протянула гостью руку, и Робер честно за нее ухватился. Слишком честно, потому что прелестная баронесса оказалась на роскошном холтийском ковре рядом с пьяным гостем. Гость извинился и принялся собирать рассыпавшиеся ландыши. *Жаль вазу, но завтра он пришлет другую, серебряную, ее не разобьешь.*

— *Вы порезались? — Дрожащий, полный ужаса голосок. Глупышка никогда не видела настоящих ран.*

— *Сударыня, я готов отдать вам всю кровь, а не жалкие четыре капли.*

— *Не шутите так, если с вами что-то случится, я... Я не смогу жить!*

— *Со мной ничего не случи...*

— Робер! Робер, вам плохо?

Золотистый ковер, черноволосая женщина с широко открытыми, подведенными глазами. Марианна Капуль-Гизайль... Он напился, и баронесса подарила ему красную розу. Вот эту! Он напился, потому что хочет забыть Дору. И забудет, хотя бы до утра.

— Сударыня, как это ни прискорбно, я все-таки пьян. — Иноходец поднял

злополучный цветок, он ничуть не пострадал, а вот рукав отчего-то сделался черным, а раньше был красным. Робер это помнил совершенно точно. Красным, обшитым золотом, нелепым и вызывающим, ничего другого в праздник Повелитель Молний надеть не может.

— Робер, — баронесса силилась улыбнуться, но в глазах черными бабочками бился страх, — что с вами?!

— Кто здесь? Кто здесь, кроме нас? Там, за портьерами?

— Только Эвро... Мы одни, клянусь вам.

С комнатой все в порядке, она по-прежнему золотистая, а рукав — алый. За портьерой возится левретка, в руках у него роза, а не ландыши. Откуда взялись ландышам в Зимний Излом?

— Почему вы молчите? Что-то случилось? Что-то плохое?

— Говори мне «ты». Только «ты», договорились?

— Мне страшно.

— Не бойся. Я сумею защитить тебя.

— Но не нашу любовь. Они никогда не согласятся, никогда!

— Нам не нужно ничье согласие, мы будем вместе.

— Или умрем.

— Умрем? Нет, маленькая, мы будем жить вечно. Что с тобой?

— Холодно... Окно в спальне, я закрою.

— Боишься замерзнуть?

— Я боюсь потерять тебя. Ты pomoжешь мне закрыть окно? Его надо закрыть, надо...

— Я не войду в спальню своей невесты до свадьбы. Лучше я закрою дверь.

Двустворчатая дверь со смешными пляшущими человечками, ручка в виде цветочной гирлянды, голубые портьеры... Голубые? Золотые с алыми бабочками!

— Сударыня, что за этим занавесом? Дверь?

— Ложная... Успокойтесь, Коко в отъезде, и он не ревнив, а Эвро я заперла.

— Там двустворчатая дверь, и за ней кто-то есть.

— В моей спальне? Вы шутите! — Хозяйка звонко расхохоталась, вскочила и отдернула занавес. Закатным пламенем сверкнули бабочки-фульги, в окно ударил пахнущий сиренью ветер.

— Смотрите, герцог!

Однустворчатую дверцу украшают виноградные гроздья, костяную ручку-шар поддерживают белые кошачьи лапки с золотыми коготками.

— Первый маршал Талигойи удовлетворен?

— Дверью — да, — лучше казаться пошляком, чем сумасшедшим, — но не в двери счастье.

— Тогда вам следует съесть этот персик! Надеюсь, в моей спальне кто-то и впрямь будет. И этим «кем-то» станете вы.

Золотистый пушистый шарик в розовых ручках, лукавая улыбка, тихий смех.

— Сударыня, персик хорош, но вы — прекрасны!

— Я знаю...

Розовые губы пахнут земляникой, в фиалковых глазах тает весенняя ночь. Они впервые вместе. По настоящему вместе, одни, не считая весны и ландышей. Он нашел свою девочку в окошке и не выпустит даже на мгновение. Родня переживет, и король переживет, и весь мир, а кому не нравится, могут убираться к Изначальным Тварям.

— Есть в этом доме что-то, без чего ты не можешь жить?

— Ты... Только ты... Я не могу без тебя!

— Тогда идем.

— Куда?

— Разбудим какого-нибудь клирика. Завтра я представлю ко двору свою супругу.

— Так сразу? Я никогда не смогу. Отец...

— Отец простит, ему ничего не останется. Ты пойдешь или понести тебя на руках?
— Пойду... Только... Ты не смейся, но я надену другое платье. Я быстро...
— Ты, и в этом лучше всех.
— Старое платье — дурная примета.
— Ты справишься или позвать Тирзу?
— Не надо Тирзу... Создатель!

Треск за спиной, живое, трепещущее тепло у плеча, сдавленный крик. Закатные твари, их все-таки выследили.

— За меня! Слышишь, за меня! Быстрее!

Распахнутые створки, сорванное голубое полотнище, опрокинутый столик, перевернутая шкатулка с бисером. В дверях — десяток человек с обнаженными шпагами. Лица под масками, но одежду и осанку не спрячешь. Это не висельники, это дворяне. Родичи или заговорщики? За ней или за ним?

— Доброй ночи, господа. Как вас много... Молчат и готовятся, молчат и прячут голоса, но второй слева знакомо сутулится, а тому, кто рядом, не хватает ладони роста. Даже с каблуками. Родичи оказались заговорщиками, а заговорщики — родичами.

— Вы отказываетесь здороваться? Вы невежи или все-таки трусы?

Шаг вперед и в сторону, поклон, улыбка, родное тепло за спиной. Старое платье — «дурная примета», но малышка будет жить! Значит, к Леворукому отправятся убийцы, сколько б их ни заявилось.

2

Перед глазами — шелковые бабочки, в руке — обнаженная шпага. Бред! И вино тут ни при чем, он не пьян, до такой степени не пьян, что самому странно. Бедная Марианна, такого гостя у нее еще не было.

— Герцог, полагаю, я просто обязана подарить этих мотыльков вам. Вы без них просто жить не можете.

— Сударыня, прошу меня простить.

Нужно засмеяться, вложить клинок в ножны, налить вина, сказать что-то куртуазное, только почему внутри все кричит об опасности? Почему чуждаются ландыши и лиловые глаза?

— Вы не знаете, здесь кого-то убили? — Теперь его точно прогонят, и поделом!

— В этом доме? — не поняла хозяйка. — Когда?

— Весной. — Что за чушь он несет? Ему точно пора в сумасшедший дом.

— Весной? — Баронесса улыбается из последних сил; она испугана, и красавицу можно понять: сумасшедший в спальне — это неприятно. — На моей памяти нет, но, Монсеньор, вы так и не съели персик.

— Я искуплю свою вину. — Взбунтовавшиеся пальцы нипочем не желают отпускать эфес, улыбка на личике Марианны застывает, превращается в маску, сквозь золото стен рвется голубизна.

— Робер, ну что же вы...

Шаг, но не к женщине на ковре, а назад, к двери, и она распахивается. На самом деле. С треском. Люди в масках топчутся на пороге, сжимая шпаги и дубины...

Наступают полукругом, медленно, с опаской, хотят взять в кольцо... А луну вы случайно не желаете? А солнце?

Кресла, столик, цветы в вазе... Как кстати! Воду в глаза первому, вазу в грудь — второму, и вперед. Удар, и еще, пока не опомнились! Не убил, но задел! Обоих... А теперь назад. Три шпаги бьют в пустоту. Что теперь? Ага, задумались, сбились плотнее. Пока мнутя — малышку в угол. Не надо меня держать! Не надо! Обернулся, успел... Кресло — в ноги тем, кто посредине, сам в сторону и вперед. Сбить в кучу, отвлечь. Скатерть... Намотать на руку, пригодится.

Мы выживем, родная, выживем, Леворукий нас побери! Назло твоим дядьям и моим

«друзьям»!

— Сударь, мы, кажется, где-то встречались? Ждать удара глупо, полиага вбок и в атаку.

Взмах скатертью и укол. Из-под нее — в грудь. Есть! А вы предсказуемы, господа! Предсказуемы, как нищие на ярмарке. Стягиваете кольцо? Ну-ну... Пируэт, левой — отмахнуться от ближайших клинков, еще и портьеру на них... Сапоги топчут ландыши... а теперь еще и чью-то ступню. Сейчас твой черед... Есть... Второй! Передай привет Карлиону!

Эпинэ с силой выдернул шпагу из тощей груди. В лицо плеснула чужая кровь, Иноходец отпрянул. Там, где он только что был, пролетела дубина. Среди хрустящих осколков кто-то корчится, зажимает лапой брюхо. Лэие Астрапэ, он же только что вскочил. Когда он успел? Как?!

Труп на ковре, умирающий в углу, под ногами кровь, вино, фрукты... Марианна вжалась в стенную нишу, на лице — ужас. А дверь оказалась настоящей... Не знала?

Пыхтение убийц, острый запах боя и страха, в голове грохочут кагетские барабаны, левое плечо саднит, зацепили-таки. Ерунда, царапина! Сколько их тут? На ногах четверо... Это здесь, в будуаре, а в доме? Слуг нет, иначе бы прибежали. Ни слуг, ни мужа, только убийцы и левретка.

Комнатка маленькая, не побегаешь, нужно уходить. Через другую дверь. Хватать баронессу и уходить. Четверо на одного не так уж и много.

— Марианна! Сюда, быстрее!

На бледном лице удивленье и страх. Не перед разбойниками — перед ним!

— Баронесса!

Двое с дубинками, двое со шпагами, лиц нет, вместо лиц — тряпки. Не дворяне и даже не солдаты, а так, отребье, грабители с улиц... По одиночке — дрянь, вместе — стая. Ничего, четверо не дюжина! Жаль, спальня так высоко, а то бы высадить окно и на улицу.

— Марианна, за меня! Прячьтесь за меня!

Стройная жилистая фигура двинулась вдоль стены. Шпагу держит как положено, серая куртка, серая маска... Главный? Его нужно убить, и остальные разбегутся. Может быть...

— Габриэль, осторожней. Осторож!.. Леворукий, только не это! Что угодно, как угодно, только не это!

Скользкий удар по голове, несильный, глупый, женский... Отбить удар, обернуться... Марианна, но за что?!

И это высокие чувства и великие дела? В смысле — восемь на одного. А могло быть и двадцать, но разговор будет потом. Хороший разговор, большой, а сейчас — вырваться. Пока нет ран...

Визгливо взвыла Эвро, стройный разбойник перескочил через опрокинутый пуф, за ним метнулся второй, с дубиной, третий зачем-то рванул к трюмо.

Скользнуть за чужую спину... и ударить в нее. Вы не хотели дуэли, господа, и не надо! Получайте убийство!

Бюро, осколки от вазы, запертая дверь, хорош! Сюда, Габриэль, сюда! Споткнулся? Ну так падай! Под ноги приятелям. Слева в шею — отвели, скатерть пока спасает... Упавшего — носком сапога в висок, так быстрее.

Господа задумались? Еще бы, четыре трупа способствуют размышлениям... Здесь все? Вряд ли! Кто-то на лестнице, кто-то у двери, вопрос — сколько... О, еще один смельчак! Не повезло...

Парировать... Еще раз, и еще, терция, перевод... Какой, однако, бойкий раненый... Был! Отступили, теперь перевести дух и вперед... Эта рана вряд ли заживет, но за что? За что?! Нашел время думать, выживешь — разберешься!

Вторая дверь! И вторая компания, еще гаже первой. Десятка полтора! Весело, и дверь завалили шкафом, соображают. Значит, назад, в обитель любви. Уклон, отвод левой, вращение; эфесом — в лицо, нырнуть под руку, этого — в голову, этого — каблуком в

колени... Еще один готов, но двадцать шагов слишком даже для отца.

Не замирать, мы танцуем, танцуем «райос». Неужели не вырваться? Похоже на то! Сутулый, кто бы ты ни был, проваливай в Закат!..

Иноходец сам не понял, как шарахнулся в сторону и кувырком ушел из-под набрасываемой сети, тело слушалось так, словно в него не влили ни стакана... Они что, хотят взять живьем?! Робер перескочил через пуф и развернулся к ловцам. Один сзади, трое спереди, то есть двое...

Плечо! Квальдэто цэра, достали-таки! Мерзко, но это еще не смерть. Не его смерть! Зато это твоя последняя удача, погань!

— К двери! Уходит!

— Сюда, все сюда!

— Леворукий!

Какой же он Леворукий, он просто переложил шагу... Проклятое плечо, но до смерти еще дюжина чужих. На меньшее он не согласен.

— Осторожней, Ксавье! Во имя Создателя... — Этого покойника звали Ксавье...

Шага тяжелеет, глаза заливают пот, голубые стены розовеют и крутятся, крутятся, крутятся вместе с безликими крысами. Откуда здесь крысы?

— Скорее, ну скорее же!

— Берегись!

Поздно беречься. Тебе поздно... Кошки с ней, с этой любовью! Была бы жизнь, остальное приложится. Его ждут, он должен вернуться в Торку! Или хотя бы избавить мир от десятка мерзавцев, жаль, мелких...

Уходить все труднее, под ногами трупы, сколько же их? В бою с мертвыми проще, в настоящем бою... Обожгло спину... Уклон, шаг вбок, горло открыто, коротышка! Он попался, но он не один!

— Я еще могу убивать, слышите, вы?! И я буду!..

Робер перепрыгнул через скребущее золотой ковер тело, увернулся от брошенного кувшина и вышиб наконец дверь. Четверо отлетели в глубь комнаты. Снова четверо!.. Маленький, большой и двое так себе. Тоже в масках. Переглядываются, но вперед идут. Что им нужно? Вряд ли деньги. Может, заговорить? Лэе Астрапэ, вдруг...

Старое, новое, забытое, знакомое. Тени мечутся, но звука нет, звук куда-то делся. Кто жив, а кто уже в Закате? И где он сам? Лечь бы сейчас. Или прислониться к стене. На минуту, на миг, закрыть глаза и прислониться... Нельзя — остановишься, и конец. Ты убит, дружок, убит, с такими ранами не живут, но пока не упал, пока дышишь, дерешься, ненавидишь, ты есть!

А вот этот без маски, потерял... Так и есть... Брат... Несостоявшийся... Ладно, какая разница!

Чужой клинок глухо стукнул о гарду. Звук вернулся — глухой, ватный, но и на том спасибо. Выпад с четвертой... Рука сама парирует. Круговое движение, атакующий клинок уходит вверх. Перехватить чужую рапиру, задержать на мгновение, теперь — в горло. Опять кровь... Опять в глаза... Плечо горит, правая совсем онемела, зря он схватил клинок. Некогда жалеть, некогда!

Отводя предплечьем чужую шагу, крутануться и с разворота — рукоятью в висок. Продолжая вращение — принять на гарду удар следующего, ногой по чужому колену, и дальше, дальше — так танцуют со звездами. Не останавливаясь, уходя от тех, что сзади, — только не мешкать, иначе достанут, — пройти плечистому за спину... Проклятье, не успел ударить, но некогда... Ритм, держать ритм... полоснуть по мелькнувшей сбоку маске и дальше, дальше, не глядя, попал или нет... Если б не рана...

Промахнулись сразу двое... Ложный удар, поворот, одним движением запястья шагу вниз, вбок! Клинок вязнет в чем-то... в ком-то, вязнет и вырывается из рук, все плывет, ничего не видно... Нужна шага, хоть какая-нибудь! Или нож. У Ксавье в спине медвежий кинжал, но где он, этот Ксавье?

Живчик с длинным ножом мешком рухнул на порог, двое уцелевших разбойников переглянулись и с топотом ринулись вон, навстречу выстрелам и грохоту. Кто-то пришел? Надо же... И где Марианна?

Туман все краснее и краснее, прямо закат какой-то. Жаль, рассвета не увидать, нога скользит, что-то, звеня, отлетает в сторону. Рапира! Неважно чья, только бы поднять. Голубое и алое мчится к глазам, рука влетает в теплую лужу...

— Упал!

— Слава Создателю!

— Быстрее!

Кто упал? Пальцы сжимаются на липкой рукояти, перед глазами серые сапоги, над ними — штаны, камзол, руки и клинок, выше не разобрать. Стальное острие выползает из тошнотворной мути, зависает, плывет вниз... Перекатиться по испятнанному коврику, не выпуская эфеса, и ударить. Снизу вверх. Враг без плеч и головы отщипывается, зажимает живот, шпага падает, надо подобраться... Взять и подняться.

Красная струя, красные брызги, роса на красных лепестках, гранатовые рожи на склонах, алые рожи Алвасете. Ветер путает волосы, зеленые прозрачные волны обнимают скалы... Утром его найдут. Если хозяева не позаботятся спрятать трупы. Им придется много носить...

Робер, не выпуская шпаги, прислонился плечом к изящному трюмо, «украшенному» несколькими большими зарубками. Болела рука, ныли спина и колено, во рту было солоно от крови, рубаха насквозь промокла, но серьезных ран вроде не было, разве что в очередной раз принялось кровить запястье.

Десяток уже в Закате, на остальных не хватит сил. На всех, но эскорт у него будет!

— Кто хочет... прогуляться... к Леворукому... приглашаю... Ты?

Знакомая манера — сделать вид, что локоть не закрыт. Карл, и этот здесь! Думает, я туда и ударю?

— В глаза! Смотри в глаза, тварь!

Смотрит, а куда он денется? Смотрел... Метнули кинжал, и удачно, но сердце все еще бьется, а клинок звенит. Эве рэ гуэрдэ сона эдэрьенте... Он еще утянет за собой одного, а лучше двоих. Нет, троих! И ни мерзавцем меньше.

Шороха за спиной Иноходец не услышал, просто тело само собой развернулось, и Повелитель Молний оказался лицом к лицу с двумя громилами и пистолетным дулом. Времени на раздумья не оставалось, и Робер нырнул в ноги разбойнику с пистолетом. Словно в омут.

Красно-серые волны, качающаяся палуба. «Каммориста»? Откуда... «Каммористы» больше не будет. У тебя не будет, а у других будет все, и пусть! Пусть живут! Твоя смерть — она ведь только твоя!

Сколько можно топтаться... Смешно, но они хотят жить, потому и медлят. Знают, что троим не вернуться. Или четверым? Нет, четверых не взять, рука совсем плоха, и ноги не держат. Закатные твари, что там еще?

— Леворукий!

Опять... Сколько можно?

Как жарко. Что-то горит или пришло лето? А пол все-таки качается. Качка, жара, красное марево, кастаньеты, как же они трещат! И еще барабан. Зачем привели музыкантов? Глупо...

Убийца без лица спиной вперед влетает в комнату, валится у порога, что-то круглое подскакивает вверх, катится по полу. Голова... Голова в маске... Хлещет кровь, сколько же ее тут пролилось. В красно-черной дыре ночным факелом вспыхивает фигура. Высокая, яростная, словно сорвавшаяся с проклятой картины. Бешеное лицо, в руке — меч. Не шпага, не сабля — меч, и на нем кровь... Клирики не ввали, Он все-таки есть! И Он пришел.

— Монсеньор! Монсеньор, вы целы?

Офицер-пехотинец. Незнакомый, и откуда только взялся? Упрямый подбородок, хмурый взгляд, сзади — солдаты.

— Господин Первый маршал, это вы... Вы сражались один?

Кровь, вода, смятые истоптанные цветы, тряпки, осколки и трупы. Кровь, уже не алая, загустевшая... Парусами надуваются занавески, роятся, жужжат дорвавшиеся до смерти мухи, а в голове даже не жужжит, воет. Ничего не понять, не вспомнить, но столько он убить не мог. И выжить не мог, с такими ранами не живут, но дыра в животе исчезла, правый бок тоже цел. А спина?

Рука не желает подчиняться, с плечом, по крайней мере, он не ошибся. Так, сведем лопатки. Вдохнем... Ничего! Неужели примерещилось, но мертвецы — вот же они! Он не мог перебить всех. Половину, да, половину он положил, но остальные его почти добились.

— Один... — Эпинэ, словно вынырнув из омута, ошеломленно оглядел дело рук своих. Полдюжины тел валялись вперемешку с раздавленными фруктами и битыми вазами, а он ничего не помнил, то есть помнил какую-то муть с ландышами и Леворуким.

— Монсеньор! Вы целы? Ответьте! — Это не мухи, это скулит собачонка. Разве у НЕЕ была левретка?

Пальцы в крови, отвратительно-липкие, вокруг ногтей черно-красная кайма, у самого лица тело без головы. Из растянутого воротника выглядывает шея. Кровь вытекла, осталось мясо, кости да какие-то слизистые дырки. Как у курицы, только больше... Сквозь тающее кровавое марево проступают женские глаза. Испуганные, огромные, черные — Марианна! Забилась в угол, бессильно опустив руки. Платье залито то ли кровью, то ли вином, волосы растрепаны. Чей она враг, его или Альдо? Чей друг?

— Грабители. — Робер поймал встревоженный взгляд офицера. — Сюда ворвались грабители. Помогите мне.

Дойти до кресел он может и сам, но этого мало. Нужно собраться с мыслями, перевязать запястье и дурацкую царапину на плече, добраться до дома и лечь, иначе он околеет.

— Вам нужен врач, — подает голос баронесса, — и вам нужно лечь!

— Потом! — В этом доме он не уснет даже под охраной, и дело не в убийцах. — Теньент... Назовите ваше имя.

— Льюис Грейндж.

Парень полон рвения. Хороший офицер, но лучше б сюда явился какой-нибудь болван.

— Вы из Надора?

— Из Корды.

— Я там бывал. — Тошнота подкатывает волнами, в которых барахтаются Марианна, теньент Грейндж, левретка Эвро...

— Мой маршал, умоляю, вспомните, что произошло. — Этот не отцепится, он и сам бы не отцепился. — Нужно найти преступников.

— Я мало чем могу помочь. — И я не хочу вам помогать. — Возможно, госпожа баронесса заметила больше. Мы... ужинали и беседовали. Потом залаяла собачка, я не обратил внимания... Госпожа Капуль-Гизайль настояла, чтоб я проверил, я взял шпагу, и тут они ворвались.

— О, — прошептала Марианна, — это было так ужасно... Вас могли убить!

Могли, но не хотели, и об этом, сударыня, мы еще поговорим, но позже. Сейчас Первый маршал Талигойи ничего не соображает.

— Сударыня, — Эпинэ поймал бархатный взгляд, — все обошлось. Постарайтесь вспомнить, что можете, потому что я НЕ УСПЕЛ НИЧЕГО РАЗГЛЯДЕТЬ.

— Спасибо, герцог... Я обязана вам больше чем жизнью. Теньент, я, увы, не очень наблюдательна. Грабители вбежали через дверь, которую я всегда считала ложной.

— Неприятное дело, — насупился теньент. — Не хочу вас пугать, сударыня, но, боюсь,

разбойников в дом впустили. Как давно живут в доме слуги?

— Личные слуги нам преданы, — щеки Марианны слегка порозовели, — но на кухне и на конюшне люди часто меняются. О них лучше говорить с моим супругом...

— Без сомнения, сударыня. — Грейндж хотел докопаться до сути, но Робера это никоим образом не устраивало.

— Господин тенъент, — похмелье, усталость и боль словно с цепи сорвались, в голове гремел настоящий оркестр, — проводите меня домой, мои люди сейчас заняты. Что до грабителей, то это в ведении гражданского коменданта Оллари. Герцог Окделл — добрый знакомый... барона Капуль-Гизайля. Без сомнения, он сделает все от него зависящее, а мы с вами — военные, а не стражники.

— Да, монсеньор. — Лицо офицера стало виноватым. — Но не лучше ли пригласить врача сюда?

Если он не встанет сейчас, он не встанет до вечера, но нужно уйти и увести солдат. И еще получить несколько часов покоя. Без потайных дверей, королей, левреток и разбойников. Коронация, приемы, Дора, головорезы в масках... Это слишком для одного человека.

— Тенъент, вам доводилось перевязывать раны?

— Конечно, Монсеньор, — заверил офицер.

— Я могу помочь, — вызвалась баронесса Капуль-Гизайль. — Если я не упала в обморок раньше, не упаду и сейчас.

— У вас есть корпия, чистое полотно и хлебное вино? — осведомился Грейндж.

— Разумеется. — Баронесса, бестрепетно перешагнув через труп, скрылась за дверью. Той самой, которой якобы не было. Тенъент проводил женщину восхищенным взглядом. Славный парень, но как же невовремя он явился!

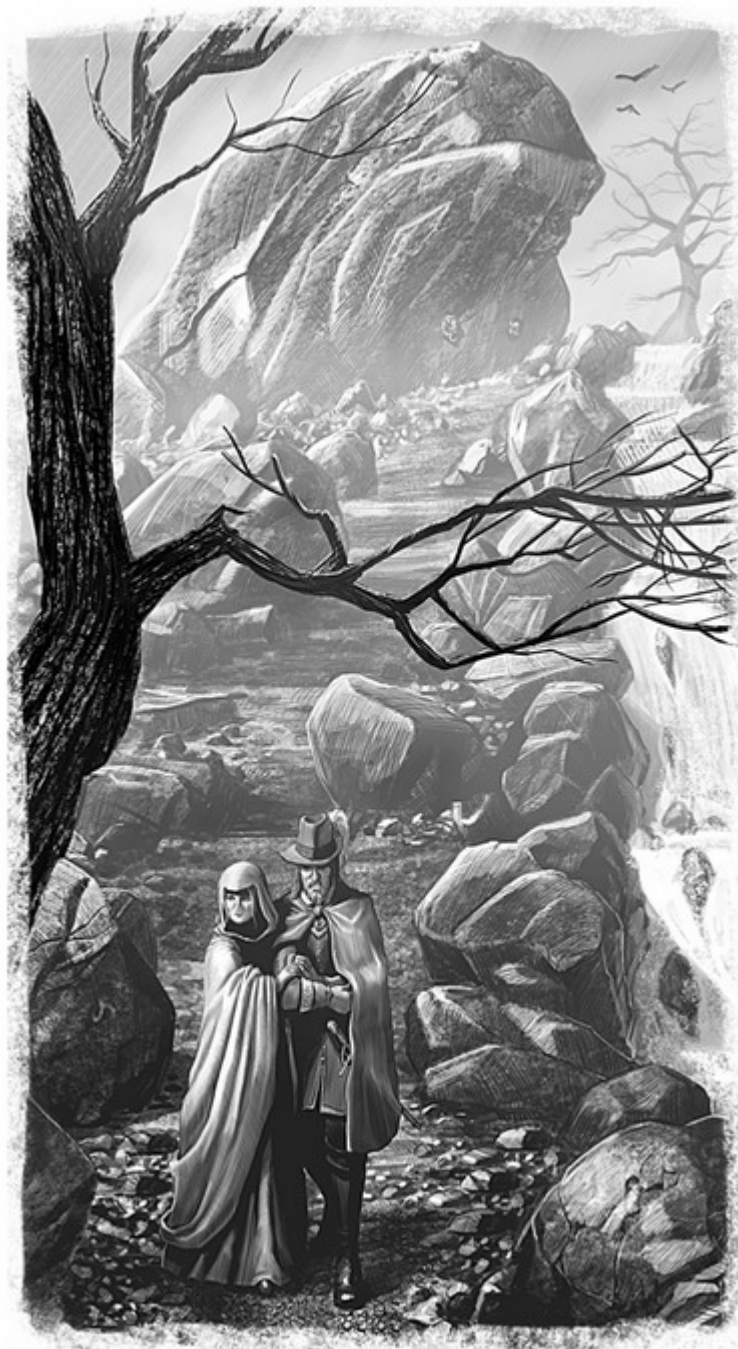
Робер стиснул зубы и положил многострадальную руку на столик для фруктов. Снимать обручальный браслет — дурная примета, но иначе не получится, и потом, их с Айрис помолвка — просто уловка. Эпинэ закусил губу и глянул на окровавленное золото. Надорский герб и имя невесты исчезли, на гладком золотом обруче отчетливо проступал знак Молнии. Такой же, как на отобранном истинниками браслете Мэллит.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «МИР»¹

Чтобы вступить в заговор, нужна непоколебимая отвага, а чтобы стойко переносить опасности войны, хватит обыкновенного мужества.

Франсуа де Ларошфуко

¹ Высший аркан Таро «Мир» (**Le Monde**). Карта указывает на успешное завершение чего-либо (достижение последней ступени), успех (в том числе материальный), обретение высшего знания, достижение гармонии с миром. **Перевернутая карта (ПК):** предрекает крупную неудачу, невозможность добиться желаемого, отсутствие результатов, застой, отсутствие способности или возможности развития, невозможность разрыва сжимающегося вокруг вопрошающего круга.

Глава 1. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)
400 год К. С. Утро 3-го дня Зимних Скал

1

Степь горела, над иссохшими мертвыми травами стелился остро пахнувший дым, ел глаза, забивался в нос, в горло. Полный пепла ветер гнал пламя прямо на Ричарда. Мимо юноши, спасаясь от огня, мчались, летели, бежали, ползли степные твари, а Ричард стоял над упавшей Соной, глядя в отчаянные лошадиные глаза, не в силах ни бросить мориску, ни подарить ей последний выстрел.

Сона захрапела, силясь подняться. Куда там, нога была безнадежно сломана, кобылу пришлось бы пристрелить, даже оказались они в королевском парке.

Справа что-то прошелестело: ызарги, целая стая, родные братья выползших позапрошлой осенью из полыхавшего краснаягодника... Тогда огонь спас от мерзких тварей

погибших птиц, теперь укроет сперва мориску, а потом и ее хозяина — пешком от пожара не уйти, так стоит ли длить агонию?

— Монсеньор! Монсеньор! — Из горячего марева вынырнуло встревоженное лицо. Джереми!

— Что случилось? — Дикон быстро сел на постели. — Пожар?

— Пожар? — удивился слуга. — Нет, монсеньор. Напали на герцога Эпинэ.

— Убили? — Ричард схватился за одежду.

Только не это! Робер должен жить, должен поверить в победу, научиться радоваться. Если он мертв, это несправедливо! Несправедливо и подло!

— Господин Первый маршал ранен. — Камердинер поднял свалившийся пояс и с поклоном подал хозяину. — Возможно, монсеньор захочет выслушать офицера, который привез известие?

— Конечно, — почти выкрикнул юноша, — где он?

— Я его проводил в Ореховый кабинет.

Ричард взмахнул гребенкой, приглаживая вздыбившиеся вихры, и, на ходу застегивая камзол, выскочил из спальни. Бедный Иноходец! Вчерашнее раздражение растаяло, сменившись чувством вины. Неужели их последней встречей станет ссора? Святой Алан, только бы обошлось!

— Господин цивильный комендант, — худощавый невысокий офицер, явно не южанин, четко отдал честь, — тенъент Грейндж. Явился по распоряжению Первого маршала Талигойи.

По распоряжению? Уже легче. Если Робер может распоряжаться, он хотя бы в сознании.

— Рана опасна?

— Первый маршал легко ранен в плечо. К сожалению, во время боя открылась старая рана на запястье, началось кровотечение.

Плечо и запястье... Судьба вновь смиростивилась над последним Эпинэ, но везение не может быть вечным. Иноходец болтается по городу почти без охраны и не носит даже кирасу. Альдо ему говорил не раз и не два, но Робер вбил себе в голову, что он дома. Как же! В Олларии из-за каждого угла или выстрелят, или нож метнут... Ричард огляделся, в глаза бросился франимский кувшин.

— Хотите выпить? — Он не станет больше злиться на Робера, что бы тот ни говорил. Иноходец потерял семью и восемь лет прожил в шкуре загнанного зверя, чего удивляться, что он на всех рычит, но это пройдет.

— Благодарю, — офицер лихо щелкнул каблуками, но на лице проступило сожаление, — мое дежурство еще не окончено.

— Тогда шадди, — решил Дикон и дернул звонок. — А теперь садитесь и рассказывайте. Подробно. В каком состоянии вы оставили маршала и где?

— Я доставил его в особняк Эпинэ. По его приказу. На пороге Первый маршал потерял сознание.

— Потеря крови?

— Лекарь говорит, обычная лихорадка. Первый маршал явился к господину Капуль-Гизайлю, уже будучи больным.

Робер приходил к Марианне?! Тогда он точно не в себе. Иноходец чурался женщин даже в Сакаци, а ведь красотка Вица ему только что на шею не вешалась. Айрис не заслуживает такого мужа, но когда это счастье улыбалось достойным?

— Отвечайте по порядку. Где на герцога напали? Когда? Кто?

— На монсеньора напали в доме барона Капуль-Гизайля. Хозяина не было в городе, баронесса предложила гостю ужин...

— Вы хотите сказать, все произошло в доме Капуль-Гизайлей?!

— Да, — подтвердил офицер, — убийцы ворвались через дверь, которую баронесса считала ложной. Видимо, их впустил кто-то из слуг. Если б не левретка, господина маршала

застигли бы врасплох.

— Сколько их было?

— Человек восемь или девять. Четверых монсеньор уложил на месте, одного смертельно ранил, остальные бежали. Двое выскочили прямо на нас, мы их взяли, но негодяи ничего не знают. Обо всем договаривался вожак, а ему удалось удрать.

— Сторонники Олларов или кэналлийцы?

— Отребье со Двора висельников, — тенъент брезгливо скривился, — вдевятиером на одного, как раз по ним.

— А что говорит Мари... госпожа баронесса?

— Герцог Эпинэ запретил расспросы. — На лице Грейнджа мелькнула досада. — Расследование подобных преступлений находится в ведении гражданского коменданта столицы. Монсеньор велел доложить обо всем вам.

— А капитан, то есть генерал, Карваль? Ему сообщили?

— Господин Первый маршал не счел нужным.

Перестал доверять? Вряд ли! Просто Робер тоже хочет мира. Он не стал просить прощения, но дал понять, что кошмар в Доре не вина нового гражданского коменданта, а преступление старого. И это так и есть!

— Спасибо, тенъент. — Если понадобится, он перетряхнет пол-Олларию, но убийц найдет. — Сейчас подадут шадди, и мы отправимся на место происшествия. Вы покажете, где и как все произошло, передадите пойманных разбойников и можете быть свободны.

2

Тонконогая большеглазая собачка припала на передние лапки и зарычала, защищая хозяйку. Марианна слабо улыбнулась и подхватила левретку на руки.

— Доброе утро, сударь. Простите Эбро, она совсем растерялась... Вы наконец-то нашли время для старых друзей? Как мило.

— Счастлив видеть вас живой и невредимой, — совершенно искренне сказал Ричард и, спохватившись, добавил: — Увы, обстоятельства нашей встречи весьма печальны.

Марианна покачала головой:

— Если б не они, я бы вряд ли вас принимала, так что я почти благодарна этим грабителям.

— Я был занят, — промямлил юноша, стараясь не вспоминать о рассыпавшихся по ковру черешнях и золотой розе в вырезе платья. Сейчас Марианна была в черном, а приснопамятные ковры убрали. Наверное, их испортила кровь.

— Гражданский комендант и должен быть занят, — ровным голосом произнесла красавица, и Ричард почувствовал себя лживой дрянью. Выкрикни он баронессе и всем женщинам мира, кем занято его сердце, Марианна бы поняла и приняла.

— Сударыня, вы можете говорить? — Вопрос прозвучал глупо, ведь они уже говорят.

— Смогу. — Баронесса подняла ресницы, ее глаза были по-прежнему прекрасны. — Только скажите, как чувствует себя Эпинэ. Я... Я обязана ему жизнью!

— У Робера лихорадка, — начал Дик и понял, что женщине нужно другое. К счастью, Джереми был рядом. Ричард окликнул камердинера:

— Отправляйтесь в особняк Эпинэ, узнайте, как чувствует себя герцог, и возвращайтесь. Немедленно. Баронесса ждет вашего доклада. Вы поняли?

— Да, монсеньор. — Слуга по военной привычке щелкнул каблуками и исчез.

— Скоро мы все узнаем, — заверил Дик, — но, насколько мне известно, жизнь Робера вне опасности.

— Слава Создателю. — Марианна устало вздохнула и поднесла к виску руку. Бессонная ночь и пережитый страх давали себя знать все явственней.

— Скоро вы сможете отдохнуть, — заверил женщину Ричард. — Нокс, я спрошу госпожу Капуль-Гизайль, а вы примите у тенъента Грейнджа преступников. Потом мы

вместе займемся слугами.

— Слушаюсь. — Лицо полковника² осталось бесстрастным, но Дик не сомневался: северянин не испытывает ни малейшего желания возиться с грабителями. Военные чураются грязи. С какой готовностью все они, даже сюзерен, свалили черную работу на Айнсмеллера, и чем все кончилось? Убийствами невинных и пятном на репутации Раканов. Подручные мерзавца под стать бывшему начальнику, их придется менять по ходу дела, а пока Нокс с Джереми, нравится им это или нет, станут искать пособников Олларов и ловить разбойников.

— Ваш офицер недоволен, — тихо сказала баронесса, — и я его понимаю. Давайте обо всем забудем, ведь непоправимого не произошло.

— Мой офицер будет делать, что ему приказано, — отрезал Ричард. Марианна удивленно и грустно раскрыла глаза, и юноша пояснил: — Я не могу полагаться на людей Айнсмеллера, особенно когда речь идет о вас. И я не могу оставить вас со слугами, один из которых предал.

— Спасибо, — прошептала красавица. Любопытно, где ее барон? Не вылетел же он в окно вместе со своими пичугами. Как бы Капуль-Гизайль ни перетрусил, ему пора появиться. Марианна вымученно улыбнулась.

— Если допроса не избежать, я предпочла бы исповедоваться перед вами. Только, если можно, в другой комнате.

— Разумеется. — Как он сам не сообразил, что ей страшно в разгромленном будуаре! — Куда вам будет угодно?

— Может быть, Янтарная спальня? — свела брови баронесса. — Я вправе предложить цивилистному коменданту шадди или вина?

— Сударыня, — поклонился Дик, — я покорный слуга вашей красоты и готов идти за вами хоть в Рассвет.

— Вам рано в Рассвет. — Женщина покачала головой и попробовала улыбнуться. — Этот мир еще не одарил вас тем, чего вы достойны, но прошу вас.

Зеркальная прихожая... Дик был здесь лишь однажды, когда Ворон играл в карты с Килеаном. Юноша невольно тронул возвращенное кольцо, один камень напоминал о другом, найденном и потерянном. Жива ли маленькая ювелирша? Нужно расспросить тех, кто прибирал в Доре, не находили ли они толстушку в костюме ангелочка. Отчего-то казалось, что девочка жива и карас все еще при ней. Робер распорядился переписать уцелевших, вчера это казалось лишним, но, подумав, Дик признал, что Эпинэ действовал правильно. Просто они все устали, вот и наговорили друг другу глупостей, а через несколько часов Робер едва не погиб. Они могли никогда не увидеться, и последними сказанными друг другу словами остались бы взаимные упреки... Это было бы чудовищно!

— Вот моя келья, — баронесса отворила полускрытую золотистым шелком дверцу, — я здесь прячусь, когда устаю от... общества.

Комната была прелестной. Все оттенки желтого и оранжевого, аромат померанцев и роз, щебет неизбежной морискиллы превращали спальню в уголок позднего лета. Женщина устало опустила на круглый пуф.

— Я готова. — У Марианны не глаза, а карасы, а бледность ей только к лицу. — Я хочу все рассказать раньше, чем упаду и усну. Или умру.

Иногда, чтобы защитить человека, приходится его мучить. Бедняжка хочет забыть кровавый кошмар, но он заставит ее вспомнить. Смог бы он так поступить с Катари? Никогда, но Катари подобной ночи не пережила бы!

— Вы предлагали вино, — разговор не должен стать допросом, — оно сейчас пришлось бы кстати.

— В кувшине «Черная кровь», — поежилась Марианна. — Ваша должность позволяет

² Капитаны Личной гвардии Повелителей получили звание полковников Талигойской армии, при этом они подчинялись только главе Дома и королю.

вам ее разлить или позвать слугу?

— Позволяет.

На алатском гобелене пышно цвели розы и летали алые с золотом бабочки. В Сакаци висели похожие вышивки, а сама баронесса напоминала сразу и Матильду, и Вицушку. Может ли быть, что госпожа Капуль-Гизайль из Алати? Дикон наполнил два узких бокала:

— Ваше здоровье, сударыня!

— Постойте! Не пейте. — Баронесса выхватила из рук юноши бокал, пригубила и виновато улыбнулась. — Теперь никто не скажет, что я пыталась отравить гостя.

— Марианна, — не выдержал Ричард, — что вы?! Никто... Никто никогда не подумает!..

— Но это было в моем доме, — выкрикнула женщина, — в моем! Робер Эпинэ пришел как друг, а на него напали...

— Ты в этом не виновата. — Дикон сам не понял, как схватил собеседницу за руки. — Это могло случиться с каждым!

— Нет, — баронесса мягко, но настойчиво освободилась, — только с теми, кто не слишком разборчив и излишне доверчив. Что я должна рассказать?

— То, что запомнила. — Грудь Марианны высоко вздымалась, и Дик с трудом отвел взгляд от черного атласа. — Как вышло, что в доме никого не оказалось?

Ворон — странный человек. Почему, при всей своей неразборчивости, он отказался от Марианны? Уж не потому ли, что боялся уронить свою репутацию непревзойденного любовника?

— Барон уехал за город. — Белые руки на фоне платья казались фарфоровыми. — Сейчас так трудно найти достойное вино. И не только вино, приходится договариваться с пригородными трактирщиками. Большинство слуг сопровождает... мужа. Мы решили, что во время королевских приемов наш скромный дом гостей не привлечет. Барон воспользовался случаем и решил пополнить запасы.

— Когда он вернется? — Бледность и тревога превращали уверенную в себе куртизанку в испуганную лань.

— К вечеру. — Марианна взглянула на обручальный браслет и усмехнулась. Бедный барон, женившийся на красавице. Бедная красавица, связанная со смешным, расфуфыренным человечком. Удо Борн готов забыть о прошлом Марианны, но оллариянские браки еще не отменены.

— Сколько человек было в доме?

— Я отпустила камеристку к матери. — Женщина ссадила с колен левретку и поправила платье.

— Итак, вы отпустили служанку?

— На праздники... Ваннина мне верна... Она бы кричала, пыталась их прогнать, и ее бы убили. Из-за меня...

Она все-таки разрыдалась, по-детски спрятав лицо в ладонях. Испуганно заскулила забившаяся под стол собачка, из высокой прически выпало несколько черепашковых шпилек. Ричард их поднял, баронесса судорожно всхлипывала, потом, не поднимая головы, попросила платок. Дик платок протянул, стараясь не глядеть на стройную шею, над которой трепетало несколько закрутившихся колечками прядок. Марианна вслепую нашарила клочок батиста, ненароком коснувшись пальцев Ричарда, и юноша не выдержал, поцеловал женщину в склоненный затылок. Баронесса вздрогнула и сильнее сжала его запястье, от теплых волос пахло розами.

— Успокойся! — Дикон осторожно обнял мягкие плечи, привлекая женщину к себе. Марианна что-то прошептала, она не отбивалась и не завлекала. Они были одни среди золотых шелков.

— Ричард, — пробормотала Марианна, — закройте дверь... Ключ на шее.

Когда Удо узнает, что случилось, он примчится, позабыв и гимнетов, и Совет, но граф пока не знает. И маленький барон не знает, а Робер болен.

— Я запрю. — Руки юноши нашарили тоненькую золотую цепочку. Ключик неохотно покинул свой трон. — Я сейчас...

Ричард заставил себя разжать объятия. Он даже шагнул к дверце, но та распахнулась сама.

— Монсеньор. — Выросший на пороге солдат уставился на растрепанную баронессу, и Дику захотелось пристрелить невежу на месте. — Тут разбойник один... Про вас орет. Говорит, он у вас вроде как на службе.

Губастого «висельника» Ричард вспомнил сразу же, как увидел. Прошлым летом негодяй поклялся Слепой Подковой разыскать убийц герцога Окделла. И что с ним теперь прикажете делать?

Ричард уселся в кресло, разглядывая вора, которого поздняя осень не сделала менее смуглым. С Марианной вышло некрасиво, но кто мешает нанести баронессе приватный визит через несколько дней? Госпожа Капуль-Гизайль не только хороша, но и умна. Да, сегодня она была не в себе, но это понятно: пережить нападение, узнать, что в твоём доме завелся предатель... Неудивительно, что красавица рванулась к тому, кто может её защитить, но губастый объявился вовремя. Что бы было, застань кто-нибудь гражданского коменданта с баронессой?! Поползли бы слухи, а Спрут озабочился бы донести их до Катари. Почему все-таки она отказывается его принять? Стесняется или дело во взбесившейся Айрис?...

— Монсеньор! Монсеньор, вы меня помните?!

Губастый. Никуда не денешься, нужно покончить с этим делом, а потом навестить Робера и сообщить о нападении Катари. Сегодня она просто не сможет его не выслушать.

— Вы меня помните?!

— Разумеется, — подтвердил Ричард, — но это ничего не значит. Если ты совершил преступление, ты за него ответишь.

— Я только стоял у входа, — зачастил подручный Тени. — Я не знал, кто тут... Мне не сказали...

— А что ты знал? — В ворье и вправду нет ничего достойного, ызарги и есть ызарги. — И где этот, как его, Джанис?

Сзади что-то звякнуло, и Ричард вспомнил, что они с «висельником» не одни. Впутывать незнакомого теньента в свои дела не хотелось, но если не объяснить, Грейндж, чего доброго, вообразит, что герцог Окделл якшается с отребьем.

— Этот человек видел того, кто хотел меня убить.

— Я его узнаю, если услышу, — встрял губастый, — я поклялся... Монсеньор знает. И Тень слышал...

— И где же он? — Если на Робера поднял руку Джанис, он поплатится, но чего он искал, золота или крови? Тень обязан Ворону жизнью и властью, забывать о таком нельзя.

— Монсеньор, — запыхавшийся Джереми не забыл щелкнуть каблуками, — герцог Эпинэ спит. Врач говорит, можно не опасаться.

— Сообщите об этом госпоже Капуль-Гизайль. — При всех прощаться с Марианной не стоит. — Засвидетельствуйте баронессе мое почтение, я навещу ее при первой же возможности.

— Слушаюсь, монсеньор, — поклонился Джереми, и тут губастый с неожиданным проворством рванулся вперед, вцепившись слуге в рукав.

— Это он, — завопил воришка, тыча пальцем в Джереми, — это он платил за убийство монсеньора! Я его узнал, точно узнал...

— Этот человек говорит правду? — Грейндж ухватил слугу за плечо. — Ты платил за убийство герцога?

— Да! — орал «висельник». — В одеяло замотался, чтоб за жирного сойти, только голос не подменишь!

Ночная дрянь не лгала, Ричард это понял, едва взглянув на побелевшего камердинера.

— Что ты можешь сказать в свое оправдание? — Так вот почему ему было неудобно в собственном доме. Он подпустил к себе змею и чувствовал это.

— Монсеньор, — глаза Джереми смотрели твердо, — этот вор не лжет. Я действительно по поручению генерала Люра заплатил убийцам. Я прошу лишь об одной милости, о разговоре с монсеньором наедине.

— Хорошо. — Святой Алан, неужели за ним охотились по приказу Симона, но почему?! — Выйдите все!

— Нет. — Грейндж был хмур и решителен. — Я останусь. Мое дежурство еще не кончено.

Он не уйдет. Выставить силой? Чтобы он побежал к Карвалю? И потом, цивильный комендант должен быть вне подозрений. Любых.

Ричард кивнул:

— Оставайтесь. Я слушаю, Джереми.

— Я был ординарцем генерала Люра. — Грейндж был ближе, но Джереми смотрел только на своего господина. Бывшего господина. — То есть не совсем так... Генерал меня спас и взял к себе. Я... Я немного пошалил с девицей, она не имела ничего против, но ее отец...

— Где эта девица теперь? — зачем-то спросил Дикон.

— Она моя жена, — просто ответил камердинер, — осталась в Корде с дочерью.

У Джереми есть жена и дочь? Бич никогда о них не говорил. Он вообще был неразговорчивым.

— Значит, за мою смерть платил Люра. Почему?

— Приказ тессория. — Висельник или мещанин ползал бы на коленях, Джереми стоял навтыжку. — Леопольд Манрик хотел получить Надор. Титул, земли и дорожный откуп. Леонард Манрик должен был жениться на сестре монсеньора, а дальше Оллар объявил бы его новым герцогом.

— Симон Люра это знал?

— Да, — подтвердил камердинер. — Правду сказать, генерал тогда и решил, что хватит с него морд этих рыжих. Сначала он отказаться хотел, да только с тессорием не потягаешься! Люра лямку с самого низа тянул, куда ему против Манриков переть было, да и толку-то. Один отказался — дюжина согласится.

— Значит, он согласился?

— Для виду. А потом Маршалу Запада доложил, только что фок Варзов, что Манрики из одной миски едят. Фок Варзов, даром что хорошего рода, а сказал, что из крапивного, прошу прощения, семени вишня не вырастет. И что хватит с него, прошу простить, надорской заразы. Тогда генерал и придумал. Велел найти самых негодящих разбойников, а к вам человечка приставил, чтоб приглядывал.

Как все просто и понятно. Фламинго захотели Надор, а Олларам плевать на право крови. Между титулом и рыжим генералом стоял только сын Эгмонта. И совесть Симона Люра.

— Джереми, — подался вперед Ричард, — это ведь был ты? Ты стрелял в убийц?

Бывший капрал молчал, в первый раз за все время опустив глаза.

— Это был ты! — повторил Ричард, и Джереми нехотя кивнул.

Глава 2. НАДОР

400 год К. С. 3-й день Зимних Скал

1

Небо было чистым, только на юго-западе горизонт затягивала легкая пелена, больше похожая на кружевную вуаль, чем на облака. Снег и свет выбелили старые крыши и стены, превратив прокопченный холодный Надор в нечто пристойное, разумеется, если глядеть издали и сверху. И все равно лезть на здоровенную, нависающую над замком скалу было

верхом глупости. Умный человек прикупил бы в трактире сносной говядины, вина и хоть каких-то приправ, а заодно пообедал, но влюбленные графы не думают о пище телесной, им подавай родовые святыни! Влюбленные графы мнутя с ноги на ногу и бормочут о каких-то каменюках, на которых что-то зиждется или покоится.

Мороженые булыжники притягивали Луизу, как капуста кошку, но Эйвон был таким трогательным, не огорчать же человека. Не прошло и недели, как госпожа Арамона согласилась подняться в полдень на заветную вершину, благо Айри с Селиной отправились на прогулку, а Мирабелла засела в церкви. До ужина драки не предвиделось, и дуэнья с чистой совестью удрала на свидание. Должна же она хоть раз в жизни услышать настоящее признание, женщина она, в конце концов, или подушка?!

Не очень юная и совсем не прекрасная дама перепрыгнула с одного обломка на другой, в животе самым непристойным образом заурчало. Святая Октавия, когда она в последней раз ела мясо, а не солдатские подметки?! Тогда же, когда в последний раз видела приличный хлеб! Желудок откликнулся на неуместные воспоминания новой трелью, и Луиза остановилась — представлять перед поклонником под музыку не хотелось.

Женщина втянула живот, нагнулась, разогнулась, глубоко вздохнула, как учила маменька, и усмехнулась: Аглая Кредон при виде надорских разносолов упала бы в обморок, а господин Креденьи вышвырнул бы поваров на улицу. Только где они сейчас, маменька с господином графом?

Луиза ночь за ночью объясняла себе, что бояться нечего: обитатели улицы Хромого Цыпленка вне опасности и празднуют Излом в свое удовольствие. Сидят себе в одном из поместий Креденьи, едят, пьют, разбирают подарки... Кто знает, вдруг маменька на старости лет затащила графа к алтарю. С нее стало бы упереться и не трогаться с места без обручального браслета, а господин Креденьи свою тесемочницу любит, что бы он ни говорил.

Понимал ли отец, что за медовая змеюка ему досталась? Раньше Луизе казалось, что мать напрочь заморочила любовнику голову, но последний разговор все изменил. Граф Креденьи с ходу раскусил дочь, которую и видел-то раз в год по обещанию. Неужели за сорок с лишним лет он не разобрался в любовнице?

Ноги начинали замерзать, и капитанша полезла вверх. Слева громоздились утыканные облетевшими кустами скалы, справа тянулся пятнистый от осыпей обрыв, под которым струилась дорога. Поедешь на север, найдешь Савиньяка, на юг — вернешься в Олларию... Если Раканышу ничего не свалилось на голову, он уже при короне.

Под каблуком хрустнул ледок, послышалось тихое журчание — до источника Вепря, о котором говорил Эйвон, было рукой подать. Женщина ускорила шаг, стараясь не думать о кэналлийце и помирающей Катари. Вот бы расчлениваться и попасть в Фельц, Креденьи и Олларию, не покидая Надора. Или хотя бы раздвоиться...

Тропка обогнула чудовищный, белый от времени и инея пенёк и растаяла среди припорошенных снегом руин. Грубо обтесанные глыбы мешались с беспорядочно разбросанными валунами, среди которых пробивался родник. Подходящее место для разыгравшихся котят. Соберись Айри бежать с возлюбленным, она наверняка бы затащила избранника на эту скалу вместе с лошадьми. Дурочка, да что она знает о любви? Что она вообще знает?

Госпожа Арамона медленно побрела к украшенной ледяными наплывами скале, из которой и бил ключ. Тихо шуршал гравий, цвел радужными искрами иней, игриво плескались хрустальные струйки. Сегодня на вершине все казалось зачарованным: сглаженные веками статуи, вцепившиеся в камень кусты, прозрачная дымка на небе, поющая вода, через которую еще нужно было перебраться.

Далеко внизу зазвонил колокол — начиналась Полуденная служба! За ужином вдоволь намолившаяся Мирабелла устроит сбежавшим допрос с пристрастием, — и как не надоест?! Луиза и сама знала толк в скандалах, но после них Арнольд поджимал хвост, Мирабелла же вылезала из потасовок на трех ногах и все равно не унималась.

Родник все так же резво прыгал с камня на камень, но сказка исчезла, остался страх поскользнуться. Вообще-то источнику полагалось бить в низине, а не на вершине горы, но в Надоре все через пень-колоду: свихнувшаяся хозяйка, затюканные домочадцы и холод. Замок выстыл не от зимы — от ненависти, да не простой, а протухшей. Луиза провела здесь меньше месяца, и только мысли о кэналлийце в Багерлее мешали капитанше сгрести дочь в охапку и сбежать.

Заговорщица Айрис каждый день выезжала «навстречу Реджинальду», а по вечерам если не грызлась с маменькой, то расписывала будущую жизнь с Эпинэ. Луиза слушала, готовясь хватать заговорщицу за хвост, а Эйвон вздыхал и бормотал о заповедном утесе. Это было забавно...

Госпожа Арамона выглянула из-за камней и тут же увидела сутулую спину: Эйвон впился взглядом в полуразрушенную лестницу. Бедняге и в голову не пришло, что его дама пройдет вдоль обрыва.

Луиза с силой сжала губы, чтобы они покраснели, — еще один маменькин секрет. Ларак подошел к самому краю площадки и замер. Облезлый граф с больным желудком, возмечтавший о вдовой капитанше, двадцать лет сохнувшей по герцогу. Дурак! И она дура, что на старости лет потащилась на свидание. Да еще в сапожках для верховой езды.

Женщина хмыкнула, вытащила из-под капюшона пару прядок и покинула свое убежище.

2

— Это вы? — Умный вопрос, ничего не скажешь. Нет, это не она, а Беатриса Борраска!

— Разумеется, я, — с достоинством, как и полагается уважающей себя даме, произнесла капитанша. — Я перешла ручей.

— Но там так опасно! — разволновался Ларак. — Тропинка в нескольких местах осыпается.

— Я не заметила, — колокольное дребезжание нужно забыть и побыстрее, — дорога была такой красивой.

— Обопритесь на мою руку, — взгляд Эйвона стал еще более собачьим, чем всегда, — я покажу вам Камень Окделлов.

— О, я так давно мечтаю его увидеть. — Да провались он, этот камень, вместе со всем Надором.

В глазах Ларака вспыхнул благоговейный огонь:

— Будущий Повелитель Скал, — выдохнул влюбленный, — в ночь совершеннолетия проводил время прикованным к родовому камню. В полночь к нему приходил глава Дома и задавал Великие Вопросы. Сын отвечал, а ответив, приносил клятву Скалам. Последним, кто прошел посвящение, был Алан Святой...

— Оказаться здесь, ночью, одной... — Чего еще ждать от Окделлов, но какой повод испугаться. — Граф, я бы умерла от страха.

— Вы — женщина, — возвестил Эйвон, — ваш удел — красота, робость и слабость, а удел рыцаря — служение Создателю, сюзерену и возлюбленной.

Видел бы несчастный, как робкое создание колотило законного супруга и рвало патлы кухарке. Или как волокло с пожара суконный скаток.

— Не все женщины слабы, — капитанша поправила «непослушный локон», — ваша племянница сильнее многих рыцарей.

— Мирабелла слишком много страдала, — заученно пробубнил Ларак. — И потом... Я ее называю кузина, это более сообразно ее положению. Сударыня, мы пришли. Вот он!

Знаменитый камень оказался здоровенным валуном, украшенным позеленевшими кабаньими головами, одна из которых все еще сжимала в пасти кольцо. Подслеповатые злые глазки смотрели подозрительно, и незваная гостья торопливо отвернулась. Легендарные вепри до отвращения напоминали тварей, украшавших маменькин комод, которого

маленькая «Улиза» боялась до дрожи. Ей казалось, что внутри живет кто-то страшный, он рано или поздно вылезет и всех сожрет, а вот госпожа Кредон деревянное чудище прямо-таки обожала. Луиза не удивилась бы, узнав, что маменька поволокла комод с собой, а если господин граф заставил ее уехать налегке, ему по гроб жизни обеспечены тяжкие вздохи и слезки на ресницах. Что такое спасенная жизнь в сравнении с пропавшей мебелью? Ерунда!

— Потрясающее зрелище! — голосом нищего на паперти пропел Эйвон. — Не правда ли?

Надо было ахать, а в голову, как назло, не лезло ничего подобающего.

— Я вижу, вы потрясены...

Госпожа Арамона пошевелила негнушимися пальцами ног. Правильно, что временем любви считают весну, весной ничего не обморозишь, и каштаны на голову не сыплются. Благородный влюбленный терпеливо ждал, глядя то на святыню, то на свою спутницу.

— Страшно подумать, что видел этот утес, — выдавила из себя капитанша, представляя себя прикованной к маменькиному комоду. — Но как вышло, что после Алана никого не привязывали?

А стоило бы. Не к скале, так к комоду, и на всю ночь, вдруг бы да помогло!

— Алан погиб, когда его сыновья были совсем детьми. — Простая скорбь на худом лице Ларака стала вселенской. — Он унес тайну в могилу, а его старший сын принял смерть вдали от Надора. Мой предок Люсьен Ларак привез малолетнему племяннику снятый с убитого родовой медальон, но это все, что он мог.

Ну отчего же, еще можно было приковать нового Окделла к скале и приковаться рядом со всеми чадами и домочадцами. Каменюк здесь хватает, и вообще, собирается граф объясняться или нет, холодно же!

— Рядом с этим камнем я чувствую себя совсем маленькой. — Это даже не вранье, гаже этих замшелых каменных морд только маменькины, деревянные. — Мне страшно!

— Как тонко вы чувствуете, — восхитился Ларак. — Поверьте, это дано немногим.

— Вы слишком добры. — Нос у нее, без сомнения, красный, но влюбленным рыцарям красные носы не страшны. — Но неужели вас не пугают эти звери?

— Мы часто бывали здесь с Эгмонтом, — завел свою песню Эйвон, и Луизе захотелось его стукнуть. Капитанша уже не могла слушать про придурка, превратившего Надор в смесь склепа с сараем, а здешние обитатели всё долдонили и долдонили, как покойный гулял, спал, ел... Странно, что им с Селиной до сих пор не показали ночную вазу, осененную великим страдальцем.

— Сударь... — Отвалятся пальцы или нет? — Эгмонт Окделл мертв, но вы живы, так возблагодарите за это Создателя.

— Я понимаю. — Эйвон вздохнул, как уставшая лошадь, — я слишком часто вспоминаю Эгмонта, но его жизнь придавала смысл и моему существованию. Мир несправедлив, великие погибают, а ничтожества продолжают влачить тяготы бытия. Их удел — оплакивать невосполнимую потерю.

Если б невосполнимую! Красотун Альдо на пару с сыном проклятущего Эгмонта восполнили так, что выходцам тошно.

— Скажите, граф, — еще немного, и она удерет, а Ларак пусть ловит вчерашний день сколько душе угодно, — вам не надоело быть родичем Эгмонта?

— Я знаю, что недостойн его, — испугался граф, — я... Я говорю об Эгмонте не потому, что хочу подняться в ваших глазах.

Закатные кошки, чтоб подняться в ее глазах, нужно скакать за помощью к Савиньяку, а не ныть о незадачливом заговорщике. Жаль, нельзя заткнуть дурня своими покойниками: Ларак про Эгмонта, она про мужа-выходца. Вот разговор бы был!

— Я вижу в вас графа Эйвона, — решила проявить милосердие капитанша, — но я слышала от слуг, что здесь встречаются призраки.

— О да, — воспрянул Ларак, — я своими глазами видел тут людей с мечами. Это был самый несчастный день в моей жизни!..

И надо ж было ей совать палку именно в это дупло, теперь придется слушать, но призраки — это последнее, на что ее хватит. После призраков — в трактир! К горячему вину, мягкому хлебу и мясу, сочному, с хрустящей корочкой, на подушке из жареных овощей...

— Сударь, — не подхлестнешь, до вечера не начнет, — когда это было?

— Восемь лет назад, — с готовностью начал Ларак. — Эгмонт повел войска на соединение с Эпинэ. Мои родичи, друзья ушли сражаться за свободу, а я остался в Надоре. Госпожа Арамона, я никому об этом не рассказывал. Никому!

— Даже вдовствующей кухне? — подняла голову обитавшая в Луизе гадюка. — Неужели вы так скрытны?

— Никому, — простодушно подтвердил Эйвон, — но вам я расскажу все. Я был болен, но тревога и сознание собственной никчемности были страшнее болезни. Я не находил покоя, и ноги сами принесли меня сюда, на любимую скалу Эгмонта.

Небо покрылось тучами, вставал туман, было тяжело дышать. Я устал и присел на один из валунов, потом встал, чтобы идти дальше, и вдруг увидел человека. Он стоял на такой же высоте, что и я, и смотрел мне в лицо.

Незнакомец был в цветах Дома Скал, и я решил, что это гонец, поднявшийся за мной, но не желающий прерывать мои размышления. Я его окликнул, он не ответил, тогда я пошел к нему; он тоже двинулся мне навстречу, повторяя мои шаги, движения, жесты...

Когда между нами осталось нескольких шагов, я узнал в нем самого себя. Признаюсь, я испугался, но постарался этого не показать. Я протянул к своему двойнику руку, он сделал то же, я закричал, и эхо четырежды повторило мой крик. Меня охватил ужас, не понимая, что делаю, я выхватил шпагу. Призрак тоже обнажил клинок, и тут я увидел, что это не я, а Эгмонт. Он смотрел на меня, я на него... Не помню, сколько это длилось, потом мне в глаза ударил солнечный луч, показавшийся алым. На мгновение я ослеп, а когда снова смог видеть, призрак исчез.

Голова у меня кружилась, я с трудом спустился со скалы, добрался до замка и потерял сознание прямо во дворе. На шестую ночь пришло известие о гибели Эгмонта. Он погиб в ту самую минуту, когда я его увидел. Он погиб, а я...

— А вы, к счастью, живы, — перебила Луиза, — и хватит об этом.

Стало тихо, Эйвон пережевывал давнишний бред, а ноги, окончательно замерзнув, готовились отвалиться. Добродетельная вдова без ног — это безобразие, и Луиза, наплевав на приличия, повлекла молчащего спутника вдоль скачущего ручья. Шагов через десять стало легче, и дама подняла лицо к кавалеру. Кавалер страдал то ли от несварения желудка, то ли от горьких воспоминаний, то ли от любви. Ну и пусть: хватит загонять петуха в курятник, пусть сам дорожку ищет.

Камень с мордами остался позади, и на том спасибо, плеск воды напоминал о ручейке в Кошоне. Весной Герард мастерил из щепок лодочки и водил малышня их пускать, а они с Селиной собирали примулы и гиацинты...

Сказал бы кто капитанше, что она станет бояться не только за детей и кэналлийца, но и за Катарину, а ведь боится! И за, с позволения сказать, жениха Айрис боится, и даже за дуру Мэтьюс с ее брюхатой дочкой, а вот Раканыша госпожа Арамона задушила бы своими руками. Жаль, руки коротковаты, только и остается, что кудахтать над девицами да искать дорожку к Савиньяку.

Над головой что-то захлопало: на щербатый валун плюхнулась ворона, выругалась и тут же сорвалась прочь.

— Весной здесь растут анемоны, — нашелся наконец Эйвон, — а ниже, вдоль ручья, распускаются незабудки.

Слава святой Октавии, о цветочках, а не о покойниках!

— В Рафиано, где я провела детские годы, — поддержала разговор Луиза, — растет трутный гриб. На пнях. А на полях — бобы. Кормовые. И еще спаржа. Ее едят.

— Это прекрасно, — не очень уверенно одобрил спаржу Эйвон и вернулся к местным прелестям. — Скальный ручей впадает в Надорское озеро. Сейчас оно замерзло, но летом его

берега покрыты...

— Фиалками? — с готовностью подсказала Луиза. — Ландышами? Колокольчиками? Ромашками?

— Ромашками, — признался Ларак. — А у воды расцветают ирисы... Сударыня, вы прекрасны... Я люблю вас, нет, не люблю, я вас боготворю!

3

Ну вот он и пробил, великий миг! Прекрасная Луиза в алом плаще возвышается над фамильным ручьем, а перед ней преклонил колени самый настоящий граф. Теперь никуда не денешься, придется скреплять. Поцелуем.

— Эйвон, — произнесла Луиза, кусая губы, а непрошенный то ли смех, то ли плач выгрызался наружу амбарной крысой, — не говорите так.

— Я знаю, что недостойн вас. — Дядя великого Эгмонта шумно вздохнул. — Я не могу ничего предложить в обмен на зажженный вами свет, озаривший мою убогую жизнь.

Тут не возразить: жизнь в Надоре и впрямь убогая, озаришь и не заметишь.

— Встаньте, сударь, — потребовала Луиза, переминаясь с ноги на ногу. Дернуло же ее не замотать лапы, хотя в меховых сапогах по скалам не попрыгаешь. Решено, когда в нее влюбится маркиз, пусть объясняется или летом, или у камина.

— Я готов оставаться здесь вечно, — лицо Ларака стало вдохновенным, — только б видеть вас, слышать вас голос, чувствовать ваше дыхание!

Еще немного, они тут навечно и останутся. Луиза с трудом сдержала рвущийся наружу чих.

— Граф, — заботливо проворковала она, — вы можете простудиться, давайте продолжим разговор в тепле. Мы могли бы спуститься к тракту.

Про трактир пока лучше не говорить, трактир — это низменно!

— Что значит болезнь и даже смерть в сравнении с вами, — начал Эйвон. Нет, так просто он не уйдет, остается одно.

Госпожа Арамона торопливо облизнула губы и облапила влюбленного, вынуждая встать. Именно так она заставляла перебравшего мужа доползти до кровати, а ведь останься старой девой, растерялась бы!

У поднятого с колен Эйвона пути к отступлению не оставалось. Он еще пытался что-то бормотать, но Луиза решительно пресекла разговоры, впившись в колючие усы.

Целовать Эйвон не умел, но от него пахло целебными травами, а не тинтой. А ты хотела «Черной крови» и шадди? Обойдешься!

— Сударыня, — Ларак сжал Луизу в объятиях, стало теплее, но не ногам, — я никогда не изменял жене... Никогда.

— Я тоже, — призналась женщина. Не изменяла, хотя сны были, сны, в которых она видела над собой синие глаза.

— Мы убежим, — бубнил Эйвон, — убежим... далеко... Мы будем вместе до конца времен...

— Убежим, — пообещала Луиза задыхающемуся влюбленному, — но вы сбросите бороду.

— Сброю, — в свою очередь пообещал тот. Точно так же он поклялся бы умереть или достать с неба парочку звезд.

Глава 3. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ). АРДОРА 400 год К. С. 3–4-й день Зимних Скал

— Что ты знаешь о разбойниках? — безнадежно спросил Ричард красноносого толстого повара.

Повар знал то же, что и все, а именно ничего, и это «ничего» растянулось на добрых полчаса.

— Хорошо, — вздохнул наконец Дикон. — Тебя заперли вместе с остальными слугами, и ты ничего не видел. Что ты можешь сказать о пропавшем Гильермо? Как он себя вел? С кем разговаривал? Кто к нему приходил?

Повар пошевелил губами и сообщил то, что цивильный комендант знал и так.

Сбежавшего мерзавца звали Гильермо Паччи, и он приходился племянником удалившемуся от дел истопнику, который его и привел.

Паччи-старший объявил, что получил в наследство постоянный двор, распрощался и уехал. Где получил? Где-то в Рафиано. Добраться до новоявленного трактирщика было не легче, чем до племянника.

— Гильермо был хорошим истопником? — подал голос сидевший у двери Нокс.

— Ох, сударь, — колыхнул пузом кухонный владыка, — откуда ж мне знать? У него один огонь, у меня другой.

— Хорошо, — велел Ричард, — можешь идти.

Повар убрался. Дикон с тоской глянул на безнадежно пустой бумажный лист. От слуг не было никакого толка. Все, что удалось узнать, юноша услышал от Марианны и первого же допрошенного лакея. Остальные талдычили все то же самое.

Что делать дальше, Ричард не представлял. Уцелевшая прислуга подозрений не вызывала, спасшая Робера баронесса — тем более. Оставалось повесить пойманных разбойников, объявить награду за головы сбежавших и успокоиться, но этого-то юноша и не мог. Покушение на Эпинэ слишком напоминало охоту за ним самим. Кому-то очень хотелось, чтобы в Талигойе не осталось Повелителей, и его следовало найти. Легко сказать!

Дикон с отвращением допил остывший шадди. Четвертая чашка за утро, а спать все равно хочется. Ричард неуверенно глянул на молчащего Нокса: полковник был подтянут и непроницаем. Ему не пришлось задыхаться в Доре, а потом два дня кряду вместе с сюзереном принимать посольские соболезнования.

— Полковник, я не понял вашего последнего вопроса.

— Простите, монсеньор. Мне подумалось, что этот Паччи был не истопником, а «висельником». Иметь своего человека в доме очень удобно.

— Я тоже так считаю, — кивнул Дикон.

Все верно. Гильермо улучил подходящий момент, дал знать сообщникам и сам же их впустил. Вместе они заперли слуг, ворвались через потайную дверь в будуар. Все сходится! Только кто за всем этим стоит?

— Я не помешаю? — Мягкие шаги, аромат духов. Марианна так и не легла! И не ляжет, пока они не закончат.

— Сударыня, — как же она все-таки хороша, — скоро мы освободим вас от своего присутствия.

— Монсеньор, — баронесса уже взяла себя в руки, однако вздернутый подбородок и спокойный голос могли обмануть Нокса, но не Ричарда, — я всегда рада видеть вас в своем доме. Может быть, еще шадди?

— Благодарю, сударыня. — Еще одна чашка — и тошнотворная, горько-сладкая жидкость хлынет из ушей. — Это было бы прекрасно.

— Я сейчас распоряжусь.

Шуршащие шелка, запах роз, тихий стук потайной дверцы... В Янтарной спальне тоже пахнет розами, но сначала — дело.

— Джереми, сколько осталось?

— Трое, — с нескрываемым облегчением откликнулся северянин, — камеристка и конюхи.

— Сперва камеристку. — Сейчас он в шестнадцатый раз услышит про наследство в

Рафиано.

— Да, монсеньор. — Все, что случилось с Иноходцем, от выстрела в Эпинэ до нынешнего нападения, — звенья одной цепи. Нужно ускорить свадьбу. Повелителю Молний нужен наследник, и чем скорее, тем лучше.

— Камеристка, — невозмутимо доложил Джереми, — зовут Ваннина.

— Монсеньор. — Похожая на щуку шатенка сделала книксен. Прошлым летом она подавала им с Марианной шоколад. Прямо в постель.

— Во время нападения, — сухо уточнил Ричард, — ты была у родных?

— Да, монсеньор, — затараторила щука, — госпожа меня отпустила. Кабы я знала, что такое случится, ни за что бы не ушла, но кто мог подумать...

— Ваннина, — прервал словесный поток Дикон, — пропал истопник. Что ты о нем можешь сказать?

— Он крался как кот, — глаза Ваннины стали злыми, — как кот-вор. Он все вынюхивал, везде шнырял. Его дело — камины, затопил и спи, так ведь нет! Везде норовил пролезть, то дымит у него, то растопки мало...

— Все? — Эта злюка сейчас навспоминает, утонешь. — Больше ничего не заметила?

— Невежа он был, — отрезала камеристка, — грубиян. Обхождения деликатного не понимал. Дориан, камердинер господина барона, он сейчас в отлучке, говорил, что обтешется, да деревенщина деревенщиной и подохнет. Уж вы меня, монсеньор, простите, только нечего проходимцев всяких подбирать. Толковала ведь я Дориану, что нечего истопнику в парадных залах толкаться, а тот заладил, что не моего ума это дело. А у господина барона сердце доброе, а понятий об жизни, словно у егойных воробьев. Ну и кто прав?

— По всей вероятности, ты, — подал голос Нокс, и лучше б он этого не делал.

— Я гаденышей за хорну чую. — Ваннина сделала книксен полковнику. — Вот хоть господина Са-лигана взять... Вроде маркиз, а об обхождении никакого понятия! Ни одеться тебе, ни помыться. Какой он кавалер, когда ровно из хлева вылез, а туда же, на госпожу глаз положил, только госпожа баронесса грязи не любят, госпожа к чистоте привыкли. Уж если они кавалера привечают, то у него все на месте — и обхождение, и личико, и одет как положено, да монсеньор и сами знают...

Служанка многозначительно улыбнулась, это было неприятно. Кому еще она наболтала? И ведь не уймешь...

— Ваш шадди. — Старичок с подносом появился удивительно вовремя.

— Передайте мою благодарность баронессе. — Дикон поднес невесомую, расписанную бабочками чашечку к губам. Навязчивый горький запах вызывал тошноту, а ведь некоторые этим пойлом восторгаются. Юноша поставил шадди прямо на пустой лист. Пора было заканчивать.

— Итак, ты Гильермо не доверяла и говорила об этом камердинеру господина Капуль-Гизайля, а он внимания не обратил. Это все?

Это было не все. Далеко не все.

— Господин Дориан много о себе полагает. — Баронский камердинер явно не давал Ваннине покоя. — Еще был бы он камердинером монсеньора... Или господина Эпинэ, или господина Марсея, а он кто? Да никто, а носом сейчас луну сшибет... А все с того, что госпожа баронесса совсем барона разбаловали. И птички ему, и черепки. Оно понятно, деток нет, деньги есть, чего не побаловать, только лучше б они в строгости дом держали.

Господин Салиган, тот тоже хорош! Пакость всякую таскает, а тот и платит. И чего не заплатить, денежки-то не его. Муженек-то к нам голодранец голодранцем подкатился, только добра и было, что клетка с воробьем этим желтым. Правда, человек он добрый, свое место знает, только лучше б он...

Вошла Марианна, тихо села рядом с Ноксом. Нокс покосился на баронессу и неожиданно поправил воротник.

— Сударыня, — полковник наиучтивейше наклонил голову, — мы почти закончили. К

сожалению, ничего важного узнать не удалось, но монсеньор не теряет надежды.

— У вас есть более важные дела, — просто сказала Марианна, — но когда выдастся свободная минутка, вспомните, что в этом доме вам рады. К вам, господин Нокс, это тоже относится.

— Благодарю. — Служака растерялся, и Дику впервые за последние три дня стало смешно.

— Полковник Нокс, — объявил Повелитель Скал, — отныне лично отвечает не только за мою безопасность, но и за вашу.

— Будет исполнено, — отчеканил северянин. — Сударыня, вы под защитой Скал.

— Я тронута, — женщина благодарно улыбнулась, — но это, поверьте, излишне. Вряд ли разбойники вернутся, а у вас столько дел.

— Служить вам — наш долг, — не согласился Нокс. — Ваша камеристка утверждает, что пропавший истопник вел себя подозрительно. Она говорила о нем с камердинером вашего супруга, но тот не обратил на это внимания.

— Глупости, — улыбнулась Марианна, — у Ваннины очень живое воображение, и она никогда не ладила с Дорианом. Теперь, когда Гильермо исчез, она найдет, что вспомнить, когда же он был в доме, Ваннина находила его общество весьма приятным.

Если так, неудивительно, что истопник сбежал. Ричард поймал бархатный взгляд и улыбнулся в ответ. Как же она перепугалась в эту ночь и как держится. Удивительная женщина, просто удивительная!

— В таком случае не смею долее мешать вашему отдыху. Благодарю за объяснение и за... шадди.

— Что вы, — как мало слов и как много сказано, — это я ваша должница. Ваннина, ты свободна.

Лицо служанки стало упрямым.

— А монсеньор меня не отпускал. Монсеньор еще не знает, что Гильермо сговаривался с господином Салиганом. Вот так-то, сударыня! Я-то думала, они о плошках бароновых шепчутся, а они на вас нацелились. Уволочь хотели, только господин Эпинэ помешали...

2

Удачу нужно обмывать, а то иссохнет, как жаба в жару. Нельзя возвращаться на корабль со всеми деньгами, море скаредов не терпит: не поделишься с трактирщиком, отдашь все крабьей теще.

— Еще можжевелевой. — Юхан Ключкатор с достоинством стукнул о дубовый стол пустым стаканом. — Нам с другом Леффером!

— Бу'сделано, — проорал сквозь грохот бубна подавальщик. — А закусить?

— Мясо? — повернулся Добряк к лейтенанту, подтвердившему трагическую гибель груза и сопровождавшего его интенданта.

— Свинину! — постановил Леффер. — На углях!

— Питер, а тебе чего? — Племянничек взгромоздил на колени первую в своей жизни девку и ни устрицы не соображал, но спросить-то надо. Родная кровь, как-никак.

— Тинты, — булькнул Питер, — для Нэлл... И леденцов!

— Тащи им тинту и ключик от спаленки, — заржал Юхан, подавальщик кивнул и скрылся в сизом чаду.

«Одноухий боцман» был полон — зимние праздники задержали в порту десятка три купцов. Известное дело, Излом не уважить — до другого не доплыть!

— Здесь хорошо кормят? — осведомился Леффер, притопывая в такт музыке: в центре зала дюжина матросов, обняв друг друга за плечи, лихо от плясывала «крабиху», остальные хлопали, стучали кружками и стаканами, раскачивались в такт разухабистому мотиву. Все ходило ходуном, только в нишах у окон было чуть потише, здесь можно было разговаривать.

— Уж получше, чем кесарь. — Добряк подпер щеку рукой и растроганно шмыгнул

носом. — Люблю Ардору... И «Боцмана» люблю. Душевное местечко... Сплясать, что ли?

Свистели флейты, бил бубен, заходилась в плаче алатская скрипка. Трактирные подружки в красных чулках трясли юбками, хохотали, просили тинты. Им наливали, целовали в накрашенные губы, смачно шлепали пониже спины.

— *Кто ни разу не был пьян,* — ревели таверна, — *того проклял Адриан,*

Кто глядит в чужой стакан, того проклял Иоанн...

— А в чужой карман? — Юхан подмигнул Лефферу. — Что будет с теми, кто залез в карман Его Величества Готфрида?

— Это преступники! — твердо сказал Леффер. — Их надлежит казнить на Большой королевской площади. Вот так! Ваше здоровье, шкипер!

— Ваше здоровье! — Лейтенанту и его солдатам пришлось отвалить треть выручки, и все равно вышел хороший фрахт. Они не просто сохранили и головы, и лоханку, они заработали, а кто еще может похвастаться заработками на службе Его Величества Готфрида? Может быть, молодой Браунбард? Или дурень с «Серебряной розы» со своим генералом? Ну и где они все? Крабов радуют, и «Селезень» бы радовал, возьми выскочившие из дыма фрошеры левее.

— Стой! — Юхан ухватил за фартук красномордого подавальщика. — Тинты музыкантам... «Найерелла-ла-ла»... Плачу! За тех, кто ушел и не вернулся!

— Сейчас, шкипер. — Красномордый сгреб талл. — Как же ушедших не помянуть, обязательно помянем!

— Это только морской обычай? — осведомился Леффер. — Или в нем могут принять участие и солдаты?

— Могут. — Добряк вытащил флягу с рыбodeвами. Стаканы стаканами, а хвостатые подружки где только с ним не побывали!

— *Парус поднять и плыть, найерелла,* — затянул высокий страдальческий голос.

— *Нам плыть далеко,* — откликнулось трое или четверо. — *Неси, красотка, вино,*

Найерелла-лерела,
Нам плыть далеко...

Еще бы не далеко! От Хёксберг до Ардоры против сорвавшегося с цепи швана... Они крались вдоль берега, прятались, лавировали и ведь дошли, господа селедки! Дошли и пьют, а свернувшие на север — на дне!

Кружку поднять и пить, найерелла,
Нам пить до утра, пока отлив не настал,
Найерелла-лерела,
Нам пить до утра!..

— Это вы Юхан Ключкатер? — Незнакомый человек в простом темно-зеленом платье уселся на служащий стулом бочонок.

— Ну я, — буркнул Добряк, досадуя на гостя за испорченную песню, — дальше что?

— Дальше, — странный гость махнул подавальщику, — кэналлийского, милейший... Красного. Начальник таможни полагает вас человеком умным и деловым. Он посоветовал мне вас разыскать.

— С чем вас и поздравляю. — Если по делу, сам скажет, на шею кидаться не станем.

— Благодарю. — Незнакомец и не подумал обидеться. — Я хочу услышать о сражении.

— А чего о нем говорить? — Юхан пожал плечами и убрал рыбodeв от греха подальше. — Все без меня разболтали. Шкипер еще по таможням прыгает, а команда уже по кабакам языками чешет...

— Моряки — люди душевные, — согласился чужак, — чем больше пьют, тем больше вспоминают. Ваши матросы вторую неделю клянутся, что разглядели герцога Алва на борту талигойского корабля. Это правда?

— Правда. — Еще б не правда! Под Ворона хоть армию списывай, хоть эскадру, хоть интенданта с солониной и полотном. — Вот лейтенант соврать не даст, он со мной был, когда на мою посудину их зверюга выскочила. Трехпалубная, пушек десятков восемь, не меньше, а на юте — Ворон. Без плаща, без шляпы, в руке — шпага, волосы дыбом... Как сейчас перед глазами стоит.

— Как же вы спаслись?

— Свезло. Фрошеры пушки перезаряжали, только верхними разок саданули, и все. Потом подвернулась посудина покрупнее, на нее они и насели, а нас Создатель укрыл и спас. Только груз за борт покидать пришлось, мели в бухте, сами знаете...

— Я не знаю. — Гость ловко ополовинил стакан. — Но мой друг из таможни говорит, что берега у Хёксберг и в самом деле дурные. А где были дриксенские адмиралы, когда на вас напал Алва?

— Дрались где-то. — Нашли дурака болтать про Бермессера, проше на бочку с порохом взгромоздиться и запал поджечь. — Дыму было много.

— Герцога Алва вы разглядели даже в дыму.

— Разглядел, — огрызнулся Добряк Юхан, отворачиваясь от надоеды. — Попробуй такого не разгляди!

— В самом деле.

Подвыпивший здоровяк налетел на подавальщика, тот пошатнулся, кувшин с тинтой грохнулся на пол, разлетелся вдребезги, по доскам растеклась роскошная темно-красная лужа. Дурная примета, теперь пьянчугу до Весеннего Излома не возьмут ни на один корабль...

— Шкипер, — голос гостя стал ласковым, словно у монаха, — расскажите, что вы видели на самом деле. Поверьте, говорить правду выгодно. Даже выгодней, чем торговать воинскими припасами.

Зеленый рукав метнулся к поясу, Добряк напрягся, но гость вытащил всего-навсего кошелек и дернул тесемки. На сукно, звеня, посыпались таллы. Зрелище было, прямо сказать, красивым, но Юхан был Добряком, а не дураком. Откажешься от своих слов, а потом куда? Сидеть в Ардоре и трястись при виде дриксенского флага?

— Нет, — отрезал шкипер, почти без сожаления глядя на золотую россыпь, — не возьму греха на душу. Что видел, то видел, а видел я Ворона, а не Бермессера. Вот этими вот глазами видел, чтоб мне крабьей теще достаться!

— Господин Ключкатор, — нахмурился незнакомец, — вы меня обижаете. Если вас едва не утопил Кэналлийский Ворон, так и говорите. Чем больше, тем лучше. Считайте, что я взял во фрахт ваш язык и языки ваших матросов. Вы не видели Бермессера, вы видели Алву и чудом уцелели, потеряв груз...

— Именно, — пробормотал Юхан, и гость исчез, оставив золото, кошелек и онемевших собеседников.

Добряк чихнул и потер виски. Вокруг по-прежнему гуляли. Между сдвинутых столов двое моряков изображали что-то гайифское. Один, с бумажной розой в зубах, мелко перебирая кривоватыми ногами, нарезал круги вокруг здорового матроса. Тот под гогот зрителей отворачивался, жеманно отставляя похожие на коленки локти. На голове его был имперский колпак.

— Я бы на вашем месте убрал выручку, — пришел в себя Леффер, — она привлекает внимание.

— Отсчитайте треть, вы в доле. — Кто был этот зеленый? А, не все ли равно! Добряк сгреб свою часть со стола и крикнул подавальщика, но подошел хозяин. Надо же, как у них тут шустро.

— Нстойки? — Ноздри Одноухого раздувались в предвкушении выручки. — Тинты?

— Касеры! — Юхан бросил на стол два золотых. — Для всех. И «Найереллу». Четыре раза!

Не зря же его, в конце концов, прозвали Добряком, а такую удачу нужно полоскать долго, тщательно и не в одиночку. Ну а дурак-интендант пусть кормит крабих, так ему и надо, нечего было спорить! Нечего лезть в море, если ты такой слабый и такой верноподданный!

— *Обо всем забудь и пей, найерелла*, — потребовала скрипка. — *Все позабудь и пей*.

— *Завтра на дно пойдешь*, — заорал не отличавшийся слухом Добряк, обхватывая одной лапой Леффера, а другой — вынырнувшего из чада племянника. — *Найерелла-ла, найерелла-ла, поскорее забудь и пей...*

3

Замурзанный особняк в конце Горчичного тупика был предпоследним домом в Ракане, куда Ричард явился бы по доброй воле, но выбирать не приходилось. Единственный след, каким бы ненадежным он ни казался, вел к Салигану.

Марианна в подслушанный разговор не верила, Дикон был согласен, что разобиженная служанка врет. Ваннина ничего не слышала, но видеть, как Салиган шепчется с истопником, могла. Разумеется, речь шла не о похищении. Никто бы не стал нападать на баронессу, когда у нее гость, тем более такой, как Эпинэ. Ошибка исключалась, разбойники целили в Робера, и за ними кто-то стоял. Для убийства Окделла Манрики выбрали северянина, для устранения Эпинэ годился ординар из Ариго, только совести у неряхи-маркиза оказалось меньше, чем у капрала. Ричард приподнялся в стремянах, рассматривая голубиную стаю на крыше. Разговор предстоял неприятный, и откладывать его не следовало.

— Джереми, стучите.

Слуга молча слез с седла. Солдат до мозга костей, он исполнял свои обязанности так, словно утреннего признания не было. Каким бы ординаром мог стать Джереми, но сюзерен решение принял: новых дворян в Талигойе не будет. Что ж, Джереми Бич не станет бароном, но до полковника дослужится. До полковника и пожизненного коменданта Надорского замка!

— Господина Салигана нет дома, — объявил будущий комендант, — он с вечера уехал. Не ночевал дома. Это могло что-то значить, а могло быть совпадением.

— Когда маркиз вернется?

— Привратник говорит, что не знает. — Джереми лишь слегка выделил слово «говорит», но Ричард понял: Бич привратнику не верит.

— Думаешь, врет?

— Да, монсеньор.

— Мы осмотрим дом. Полковник Нокс, капитан Криц, держитесь за мной.

Нокс кивнул, прихваченный в последнюю минуту капитан гражданских ничего не понимал и ничего не спрашивал.

— Господина нет, — слуга Салигана походил на маркиза больше хозяина, — господин уехали...

— Я слышал, — бросил Дикон, чувствуя за собой дыхание солдат. — Капитан Криц, ваше дело, чтоб никто не вошел и не вышел. Где комнаты маркиза?

— На втором этаже, но господин не велели...

— Показывай дорогу!

— Слушаюсь, монсеньор. — Привратник больше не спорил, но Дик на всякий случай кивнул Джереми: пусть присмотрит.

Лестница была широкой, но запущенной до предела — ни ковров, ни светильников, только мутный зимний свет, пробивающийся в заляпанные окна. На площадке между этажами мраморная девица страстно обнимала кого-то змеехвостого, рядом ежилось давным-давно высохшее деревце в кадке, из которой торчали горлышки бутылок.

— Криц, оставьте здесь двоих, — велел Ричард, — мы займемся личными комнатами, а вы соберете слуг там, где я смогу их расспросить. Джереми вам поможет.

Цивильник согласно кивнул. Он казался смышленным и расторопным, но его выбирал Айнсmeler.

На втором этаже в ряд выстроились аж четыре кадки с ветвистыми скелетиками, на одном еще держалась пара овальных листочков.

— Налево, монсеньор, — сообщил слуга и замялся: — Прошу простить... Мне было приказано...

— Что тебе было приказано? — не выдержал Дик.

— Никого не пускать, — отрезал выплывший из коридора Салиган и зевнул. — Терпеть не могу гостей.

— Сожалею, — бросил Ричард, — у меня к вам неотложное дело.

— К вашему сведению, молодой человек, — маркиз зевнул еще раз, — я вообще не принимаю, это слишком хлопотно. Если вам захотелось скоротать вечер в моем обществе, поедemте к Марианне.

Ничего не знает? Или знает все и ломает комедию? Нокс и дюжина надорцов за спиной гостя к светской болтовне не располагают. Честный человек сразу спросил бы, в чем дело, а Салиган вертится ужом. Мокрым.

— Я был у Капуль-Гизайлей. — Дик внимательно посмотрел в припухшие глаза. — После чего поехал к вам.

— Оставив баронессу? — удивился хозяин. — Кто же вас спугнул? Граф Гонт, помнится, занят, граф Савиньяк за тридевять земель, а виконт Валме и того дальше.

— Вам многое известно, — Дикон постарался улыбнуться, — откуда?

— Эти тайны известны даже котам, — усмехнулся картежник. Он выглядел еще более неопрятным и сонным, чем всегда, возможно из-за украшенного винными пятнами халата. — Хотите сыграть, возвращайтесь к Капуль-Гизайлям, а я к вам присоединюсь.

— Я не играю, — отрезал Ричард, с трудом сдерживая отвращение.

— Удивительно. — Маркиз поплотнее запахнул халат. — Тогда я тем более не представляю, зачем вы явились, да еще с таким эскортом.

— Вам известно, что произошло ночью? — резко бросил Дик прямо в опухшую физиономию.

— Произошло? — Маркиз подавил очередной зевок. — Где именно? Мир велик.

— В доме Капуль-Гизайлей.

— Значит, я ошибся, и вы ушли от баронессы в надлежащее время. — Салиган поклонился. — Примите мои извинения. И поздравления.

— Меня вызвали ранним утром. — И как Марианна терпит этого шута в своем доме?! — Очень ранним.

— И вы пошли? — восхитился Салиган. — Я на подобную галантность не способен... Так мы отправляемся к Марианне? Если да, я намерен переодеться.

— Монсеньор! — Криц. Надо полагать, они с Джереми собрали слуг. Очень кстати.

— Слушаю, капитан.

— Монсеньор, — негромко произнес цивильник, — мы кое-что нашли. Мне кажется, вам нужно это видеть.

4

Скрученные гобелены, раскрытые сундуки и ящики. С посудой, кубками, подсвечниками. Алатский сервиз с леопардами. Еще один с несущимися во весь опор всадниками. Хрусталь, фарфор, бронза, серебро, эмали, седоземельские меха, гайифские шкатулки с гербами: Килеаны, Ариго, Манрики, Колиньяры, Штанцлеры, Фукиано...

— Эти сервизы, — Криц указал на идущих по алому леопардов, — были вывезены из особняка Ариго перед погромом. Их искала вся городская стража и таможенники.

Салиган связан с Ариго? Это он написал письмо, едва не погубившее Катари?!

— Откуда вы знаете про сервисы? — Ги и Иорам не стоили ни своего имени, ни своей сестры, но пусть их тайны останутся тайнами.

— Я начинал на таможне, — равнодушно пояснил цивильник. — Мы искали тайно провезенные товары, но иногда приходилось заниматься другими делами...

— Мы поговорим об этом. Итак, сервисы Ариго хранились здесь?

— Нет. — Криц был доволен, как загнавшая дичь дайта. — Их нашли в доме некоего Капотты. Он долгое время служил в Гайярэ ментором. Найденное таможня передала на хранение в тессорию.³ Когда сбежали Манрики, исчезло много ценностей. Считалось, что их вывезли в Придду.

Какая мерзость! Одни сражаются, другие шарят по опустевшим домам в поисках поживы. Дикон, не зная зачем, тронул алое блюдо. Теперь оно принадлежало графу Жермону, но он в Торке, а в Ракане слишком много мародеров. Придется взять наследство Ариго на хранение, благо места хватает...

— ... картины кисти Альбрехта Рихтера принадлежали маркизу Фукиано. — Криц добросовестно перечислял найденные сокровища: — Украшенный бирюзой кинжал украден из особняка Залей прошлой весной, серебро Килеанов... Тоже было передано в тессорию...

— Стойте! — Узкий серебряный футляр с гравировкой. Гроздь глицинии и сплетенные буквы «К» и «А». Ричард сам не понял, как вещь оказалась у него в руках. Нежно тенькнул замочек, на черном бархате знакомо и зло сверкнула звезда.

— Алая роя. — Какой грубый у таможенника голос, грубый и навязчивый. — Числится в описи вещей, исчезнувших из дворца после пленения Оллара.

— Он обокрал королеву. — Ричард смотрел на кровавую каплю и не верил собственным глазам. — Королеву?!

— Всего лишь жену узурпатора. — Оказавшийся за спиной Салиган захлопнул один из сундуков и уселся сверху, закинув ногу за ногу. — Давайте остановимся на этом, в противном случае вы проснетесь со мной в одной постели. В Багерлее.

— Маркиз Салиган, — мерзавца нужно вздернуть в Занхе, как «висельника», — у вас обнаружены не принадлежащие вам вещи!

— Допустим. — Отвратительное лицо расплылось в улыбке. — А сколько не принадлежащих вам вещей будет обнаружено у вас? Хотя что это я говорю? Какое там «у вас»... Своего дома у Окделлов в столице нет уже лет пятьдесят.

— Замолчите, или я за себя не ручаюсь! — Если б не цивильники, он бы знал, как говорить с этой мразью, не цивильники и не должность!

— Разрубленный Змей! Вы всерьез вообразили, что у вас больше прав на вино и побрякушки Ворона, чем у меня на тарелки Ариго? Увы, мой юный друг, пред Создателем все мародеры равны, хотя ваши заслуги больше моих. Я за Ариго перчатки не таскал!

— Государь освободил нас от ложных клятв. — Святой Алан, сколько его будут попрекать Вороном?! — Сюзерен ценит настоящую верность, тебе этого не понять, слышишь, ты, вор?!

— Вор? — осклабился Салиган. — Только после вас. Вам скормили дом Алвы. Вы проглотили. Сейчас я возьму ночную вазу Колиньяров и преподнесу вам. Или вашему полковнику.

— Не смей равнять себя с государем! — заорал Ричард. — Еще одно слово, и...

— Монсеньор, — Нокс непостижимым образом оказался между Диком и Салиганом, — монсеньор, разрешите мне задать этому человеку несколько вопросов.

Полковнику легче, для него Салиган просто вор, которого подозревают в убийстве. Нокс может быть беспристрастным, Окделл — нет.

— Задавайте. — Дикон рванул воротник, чувствуя, что сейчас задохнется. — А потом

³ В казну, ведомство тессория.

— в Багерлее! За оскорбление Его Величества и мародерство.

— Да, монсеньор. — Ричард Салигана не видел, только две прямые, черные спины — Нокса и вставшего с ним рядом Джереми. — Салиган, ваше участие в грабежах доказано, но вы уличены еще в одном преступлении. Камеристка баронессы Капуль-Гизайль слышала ваш разговор с истопником Гильермо. Речь шла о покушении на жизнь герцога Эпинэ.

— Ваннина врет. — Какой гадкий голос, словно железом по стеклу. — Может, я и сказал истопнику пару слов. У Марианны всегда слишком жарко, все остальное — бабьи выдумки...

— Было бы выдумками, не случись нападения. Герцога Эпинэ спасло лишь мастерство фехтовальщика. Двое разбойников в наших руках. Они признались, что в дом их впустил Гильермо, он же показал потайную дверь в будуар баронессы, о которой не подозревала даже она.

— Марианна никогда не знала, что творится у нее в доме, — каркнул Салиган. — Удивительная беспечность...

— Зато дом Капуль-Гизайлей знаете вы, — все тем же ровным голосом продолжал Нокс. — Показания Ваннины, захваченных разбойников и герцога Эпинэ полностью вас изобличают.

— В таком случае не я злоумышляю против Эпинэ, а он против меня, — огрызнулся маркиз. — Надеюсь, у Иноходца достанет смелости не прятаться за чужие спины.

— Повелитель Молний ранен. — Ричард отстранил Нокса и вышел вперед. — Ваше мерзкое общество ему повредит.

— Тем не менее, — торопливо произнес Нокс, — Первый маршал Талигойи засвидетельствовал, что его спасла баронесса Капуль-Гизайль. Это полностью снимает подозрение с хозяев дома, зато ваш разговор с истопником приобретает решающее значение.

— Марианна всегда предпочитала герцогов. — Глаза Салигана уперлись в Дика. — Вполне понятное желание для дочери птичницы. Но, выбирая из парочки Повелителей, баронесса предпочтет живущего в собственном доме, учтите это.

Убить нельзя. Придется молчать, стиснуть зубы и молчать, пусть говорит Нокс, он не даст увести себя в сторону.

— Господин Салиган, — отчеканил словно подслушавший мысли Ричарда полковник, — вам остается либо признаться, что может облегчить вашу участь, либо отправиться на виселицу как вору и убийце. Почему вы преследовали герцога Эпинэ?

— Преследовал? — Кажется, до наглеца дошло, что он попался. — О нет. Я всего лишь оказал услугу одному господину, которому Эпинэ мешал.

— Кому? — рывкнул Ричард. — И за сколько?

— Представьте себе, даром, — выпятил губу Салиган. — Я всегда играл честно, а фамильных драгоценностей и лошадей при честной игре не напасешься. Герцог Окделл должен меня понять.

— Это не имеет отношения к делу!

— Имеет, — у Салигана хватило наглости подмигнуть, — причем самое непосредственное. Упомянутый господин разузнал, из каких средств я плачу долги чести. Он попросил меня об услуге, и я ее оказал. А что мне оставалось? Господин был слишком настойчив, а я не сомневался, что мой способ играть честно не найдет одобрения ни у Его Величества, ни у господина Эпинэ, ни у вас. И я не ошибся.

— Нет, — задыхаясь от отвращения, подтвердил Дик, — не ошиблись.

— Видите, как все сходится. — Неряха снова подмигнул. — Сначала от меня требовались сущие мелочи. Ввести в дом Капуль-Гизайлей нескольких кавалеров. Разумеется, я это сделал. Барон с баронессой были рады. Марианне нужно кормить левретку и мужа, а мужу — кормить птичек. Тем более вы, Ричард, не спешили возобновить столь очаровательное знакомство. Видимо, стали более рачительны. Одно дело, когда за любовь платит эр, совсем другое — расставаться с побрякушками, которые вы считаете своими...

— Маркиз Салиган, — Нокс тоже не был каменным, — вы испытываете наше терпение.

Потрудитесь не отвлекаться.

— Как вам угодно. — Салиган встал с сундука и издевательски поклонился. — Меня обещали оставить в покое, если я помогу отправить Иноходца к его братьям. Выбора у меня, как вы понимаете, не было, и я обратился к Гильермо, с которым был знаком и раньше. За сорок таллов старик Паччи согласился стать дядей. Воспитатель морискилл с ходу склевал нашу выдумку, а Марианна до истопников не снисходит... Все было готово, но Эпинэ в гости не спешил. Вчера, насколько я понимаю, он явился, но убить себя не позволил.

Похоже на правду, очень похоже. Убийцы нашли подходящее орудие, но оплошали с жертвой. Повелитель Молний оказался Олларам не по зубам.

— Вы удовлетворены? — осведомился Салиган, вновь устраиваясь на сундуке. — Или желаете что-нибудь еще?

— Вы все еще не назвали имени вашего знакомого, — напомнил Нокс.

— В самом деле? — почесал щеку маркиз. — Это потому, что я не знаю, как правильней его называть, Удо Борн или Удо Гонт?

Удо? Святой Алан, Удо!

— Ты врешь! — Неужели можно ненавидеть еще сильнее, чем минуту назад. — Врешь! Это не он!

— Проверьте. — Щека мерзавца дернулась. — Вранья служанки вам хватило, чтобы вломиться в дом маркиза. Надеюсь, показаний маркиза достанет, чтобы вломиться к графу. Или господин цивильный комендант отпустит убийцу друга?

— Ваши показания будут проверены, — деревянным голосом отозвался Ричард, — и пеняйте на себя, когда мы докажем вашу ложь.

5

— Господин замещающий капитана гвардии у себя, — отчеканил порученец.

— У него кто-нибудь есть? — Рыться в вещах Удо при посторонних он не станет. До утра ничего не случится, но какое же пакостное дело! И ведь не повернешься, не уйдешь! Ричард Окделл может отступить, Повелитель Скал и цивильный комендант Раканы — нет.

— Граф Гонт один. — Порученец ничего не подозревал. Еще бы, такое и в дурном сне не приснится.

— Мы доложим о себе сами, — распорядился Ричард, открывая дверь. — Скажите, чтобы нас не беспокоили. Полковник Нокс, виконт Мевен, идемте со мной. Остальные ждут в приемной.

Гвардеец отступил, красиво щелкнув каблуками, пропуская старого друга к старому другу, цивильного коменданта к командующему гвардией.

Удо сидел за столом у окна и что-то писал. Стук заставил его поднять голову.

— Я же просил... А, это ты. Что-то случилось?

Поднявшийся сквозняк пригнул язычки свечей, и Мевен торопливо прикрыл дверь. Слишком торопливо.

— Нет... Не совсем. — Святой Алан, как объявить человеку, что его обвиняют в покушении на друга? — Удо... Граф Борн... Граф Гонт, маркиз Салиган утверждает, что вы принудили его... нанять «висельников», чтоб убить герцога Эпинэ. Я понимаю, это не так, но, понимаешь... Цивильный комендант должен расследовать... Робер — Первый маршал, а Салиган... Мой долг...

— Ты, главное, не волнуйся. — Удо отложил перо и присыпал песком документ. — Так почему, говоришь, я хотел убить Иноходца?

— Ты хотел стать Первым маршалом. И еще из-за Марианны. — Лишь произнеся обвинения вслух, Дик осознал всю их нелепость. Удо внимательно выслушал и поправил воротник:

— Если достаточно моего слова — вот оно. Я не имею никакого отношения к нападению на Робера. Если нет, ничем не могу тебе помочь. Или лучше говорить «вам»?

Обиделся. А ты бы сам не обиделся, ввались к тебе Спрут с обвинениями в покушении на Альдо? Проклятая должность, а некоторые еще ей завидуют!

— Удо, — начал было Дик и замолчал, вспомнив, что они не одни. Гимнет-капитан и полковник стояли так тихо, что юноша про них позабыл. — Граф Гонт... — Слов не находилось, но Удо понял и так.

— Хорошо, — бросил он, поднимаясь, — не собираюсь тебе мешать. Ты осмотришь только кабинет или сразу пошлешь людей ко мне домой? Я могу написать дворецкому.

— Не нужно. — Дик еще никогда не чувствовал себя так мерзко. — Довольно кабинета.

— Не довольно. — Удо прошел к камину и пошевелил угли. — Осмотреть дворцовые апартаменты и не осмотреть дом — не осмотреть ничего. Если не хочешь сплетен уже на свой счет, придется заехать в гости.

— Ты должен поехать с нами.

— Если Мевен будет настолько любезен, что объяснит Темплтону, почему я его не дождался, — холодно бросил Удо. — Мне не нужны слухи.

А кому нужны? На месте Удо может оказаться кто угодно: Мевен, Дуглас, Эпинэ, он сам. Ричард представил, как роятся в его бюро, перетряхивают книги, заглядывают в сундуки и гардеробы. И все из-за вконец обнаглевшего вора!

Надо сегодня же разобрать бумаги и сжечь ненужное, особенно стихи. Они все равно никуда не годятся...

— Монсеньор, — напомнил Нокс, — прикажете осмотреть комнату?

— Нет! — отрезал Ричард. — Мы уходим. Слова Гонта мне довольно.

То ли от разгоревшегося камина, то ли от ненависти к Салигану стало жарко. Ричард бросился к окну и рванул раму на себя, впуская ночной холод. Воспрянувший сквозняк плеснул занавесками, сорвал пламя с ближайшей из шести свечей, сбросил со стола недописанную бумагу, и Дикон едва успел ее подхватить...

Глава 4. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 4-й день Зимних Скал**

1

Секретарь Левия походил на секретаря Адриана, как морискилла на коршуна. Брат Козимо вышагивал как капрал, белобрысенький Пьетро косился перепуганной левреткой.

— Я не слишком быстро иду? — прошелестел монашек, тряся четками. — Если Ее Высочество...

— Не слишком, — отмахнулась Матильда, взбираясь по скользкой от мокрого снега лестнице. Вообще-то старухе с юга при виде губок бантиком и голубых глазок полагалось рассиропиться, а было противно и стыдно. За себя, семнадцатилетнюю, влюбившуюся в слезливого принца. И за белокурого внука, на второй день царствования угробившего прорву народа.

— Осторожней, здесь порог.

— Вижу. — С Левием следовало говорить раньше. Если кто и мог удержать внука, так это кардинал, да и то до коронации, а теперь вино прокисло, остался уксус. Хочешь — пей, хочешь — лей...

— Ее Высочество к Его Высокопреосвященству!

— Спасибо, Пьетро, вы свободны.

Перед кардиналом следовало преклонить колени, но колени болели, да и пришла она не к духовнику, а к другу Адриана.

— Мы можем пройти в исповедальню. — Кардинал выглядел хуже некуда, одно слово — Дора. — А можем выпить шадди. Или моя принцесса желает чего-нибудь покрепче?

— Покрепче, — не стала ломаться Матильда, — и побольше.

Левий усмехнулся, отпер бюро, вытащил внушительный четырехгранный графин.

— Настойка на зеленых орехах, — объявил он, — помогает при болезни сердца. Или печени, или еще чего-нибудь. Главное, помогает, но шадди я все равно сварю. Для себя — вы можете не пить.

— Совсем не ложились? — Запах шадди, дыма и свечей, такой знакомый и спокойный. Прикроешь глаза — молодость, откроешь — старость.

— Ложился, — заверил кардинал, разливая настойку в знакомые до одури серебряные стопки. — Генерал Карваль закончил свои... благие дела еще вчера, в городе спокойно, Эпинэ придет в себя завтра или послезавтра. И почему мне было не лечь?

— Выспавшиеся люди выглядят иначе, — уперлась Матильда, принимая стопку.

— Лежать не значит спать. — Левий пошевелил лопаткой темный песок. — Когда и думать, если не ночью?

Адриан тоже ночи напролет думал и пил шадди. И жаровня у него была такой же, со спящими львами.

— Юнний шадди не пьет. — Кардинал то ли проследил взгляд гостыи, то ли просто догадался. — И не шадди тоже. Преосвященный Оноре отдал мне жаровню Адриана и кое-что из его вещей. Из его личных вещей, их было немного. Так что вас беспокоит?

Матильда допила настойку и поставила стопку на стол черного дерева. Напиток был крепким, почти тюрэгвизэ, только вместо перечного огня — вяжущая горечь.

— Я ничего не могу сделать, — призналась принцесса то ли себе, то ли Левию, то ли умершему Адриану, — ничего...

— Церковь дарит утешение многим, но не нам с вами, — мягко произнес кардинал. — То, что произошло, уже произошло. Вы можете что-то изменить? Я — нет! Значит, надо жить дальше. Вам сейчас плохо, но разве это первый раз?

— Не первый. — Матильда потянулась за графином, но Левий ее опередил. Булькнула, полилась в серебряное наследство коричневая с прозеленью струя. Вот бы напиться до потери если не сознания, то памяти.

— Что вас напугало? — Его Высокопреосвященство вытащил свою посудину из жаровни и, сощурившись, переливал шадди в чашки. — Армии на границах? Дора? Айнсмеллер?

— Этот мерзавец получил свое! — Зачем она кричит? Все уже случилось, как сказал Левий. Кровавые лоскутья засыпали песком и вместе с ним вывезли. Можно было не смотреть, но она смотрела.

— Айнсмеллер заслуживал казни, — кардинал задумчиво смотрел в пустую жаровню, — но он был не казнен, а убит. В святом монастыре, но это не приблизит к Рассвету ни убийц, ни убитого, ни свидетелей. Вы будете шадди?

Матильда кивнула и выпила настойки. В юности она видела, как убивали конокрадов, а однажды около Сакаци схватили вдову, свалившую в одну могилу убитого с убийцей. На закате ведьму сожгли в собственном доме, это было правильно, это защищало живых...

Что-то мягко и тяжело шлепнуло об пол. Кошка! Соскочила откуда-то сверху, пошла к окну.

— Ее зовут Альбина. — Кардинал смотрел на гостью и улыбался уголком рта. Вдовствующая принцесса поджала и без того скрытый тряпками живот:

— Ваше Высокопреосвященство, — сейчас она напьется и назовет кардинала Левием, да он и есть Левий, — вам не тошно в вашем балахоне?

— Не тошней, чем вам в парике, — улыбнулся клирик. — Увы, основатели Церкви попали в незавидное положение. Абвениаты расхватили все цвета, хотя, если исходить из того, что наш мир создали их боги, все права за ними.

— Адриан любил красный. — Матильда словно вживую увидела алого льва на сером бархате и кардинальское кольцо с рубином.

— В нашем ордене... то есть в ордене Славы, равнодушны к алому. — Левий

отставил шадди и скрестил руки на животе. — Так повелось с Чезаре Марикьяре. Он так и не расстался с Молнией, и не он один. Льву присягали многие Эпинэ.

— А Руций? — Кладбище Семи Свечей, львиное надгробие, каменные лапы, обернувшиеся руками, рыцарь, похожий на постаревшего Иноходца, — было это или приснилось?

— Руций? — переспросил кардинал. — Который из двух?

— Тот, что похоронен в Агарисе. Мне показали его могилу на кладбище Семи Свечей.

— Они оба там. — Левий казался удивленным. — Руций Первый был сыном ординара из Придды, Руций Второй — подкидышем. Ходили слухи, что он сын Шарля Эпинэ от какой-то мещанки. Его Святейшество их не опровергал, но и не подтверждал. А в чем дело?

— Я видела на его могиле оллариянца. — Спросить, что ли, считается ли соитие с ожившей статуей грехом или нет? — Сумасшедшего.

— Где? — не понял Его Высокопреосвященство. — В Агарисе?

— Именно. — Настойка делала свое гнусное дело. — Разгуливал по кладбищу и нес всякую чушь. Вы знаете, что такое фокэа?

— Женщина, вышедшая замуж в дом Волны. Теперь так не говорят. А кого так называли?

— Меня, — не стала юлить Матильда. — Оллариянец назвал, а еще он сказал, что я не проклята. Болван!

— Вы не можете быть прокляты, — сверкнул глазами Левий, — как не может заржаветь золото.

— Я не золото, — не поддалась на лесть вдова. — И что вся эта пакость, как не проклятье?! Альдо никакой король, но балбес жив, пока сидит на троне... И он должен жить!

— Ваш внук верит в свое предназначение, — вздохнул Левий, — а удача к нему и впрямь благосклонна. Он еще не отыскал меч?

— Нет.

— Когда отыщет, я отдам ему жезл, — кардинал подтянул к себе чашку, наверняка остывшую, — и тогда он обретет древнюю Силу. Или, что вернее, не обретет, но с ним станет можно разговаривать. Пока это бесполезно. Единственное, что нам остается, это хватать Его Величество за руки и искать меч... Вы представляете, где он может быть?

— Вы бываете в Багерлее... Альдо от этого чуть ножки у стульев не грызет. Спросите Ворона.

— Увы, — улыбнулся Левий, — этот человек не из тех, кто отвечает на вопросы. Если б вы его видели, вы бы поняли, но я не стал бы вас к нему пускать. Нет, не стал бы.

Ох уж этот мужской взгляд! Она помнит его лет с пятнадцати. Так смотрел юный Ферек, так глядит Лаци. Левий понял, что она заметила, и нахмурился. Сейчас вспомнит о чем-нибудь неотложном. Адриан, тот вечно о донесениях из Эйрехта вспоминал.

— Я навещаю не столько Ворона, сколько его тюремщиков, — значительно произнес Его Высокопреосвященство. — Не хотелось бы, чтоб они вновь не поняли Его Величество или, напротив, поняли слишком хорошо.

Вот мы и вернулись, откуда пришли. К внуку, которого надо унять. Твою кавалерию, ну почему Оллар подарил Ворону меч Раканов, а не другую железяку?!

— Я был другом Его Святейшества, — рука кардинала накрыла ладонь принцессы, — а теперь, смею надеяться, я друг великолепной Матильды. И я уже говорил, что предпочитаю не обманывать чужого доверия...

— Я, кажется, еще ничего вам не доверяла, — громче, чем нужно, заявила принцесса. — И я больше не стану пить.

— Не вы. — Левий усмехнулся и поставил графин на стол. — Я обещал Адриану позаботиться о вас, вашем внуке и вашей... воспитаннице. Это одна из причин, по которой я оказался в Талиге. Есть и другая, куда менее приятная... В чем дело, Пьетро?...

— В чем дело, Пьетро? Я занят!

— Я так и сказал, — заморгал секретарь, — но прибывший... Он спрашивает не вас, а

Ее Высочество. Срочно.

Кого это принесло? Альдо затеял очередной совет, на нем бабка не нужна, Лаци к кардиналу за гицей не полезет, Робер болен, да и нет у них общих дел. К сожалению.

— Гость себя назвал? — тоном не голубя, но льва осведомился Его Высокопреосвященство.

— Его имя Дуглас Темп... — мемекнул агнец. — Темплон.

— Темплтон, — поправила вдовствующая принцесса. — Ваше Высокопреосвященство, пустите его.

— Разумеется. — Кардинал тронул орденский знак. — Пьетро, пригласи Дугласа Темплтона, я его приму.

— Да, Ваше Высокопреосвященство. — Монах опустил глазки долу и убрался. Суслик щипаный!

— Позвольте. — Кардинал с достоинством убрал настойку и стопки в бюро, но чашки оставил. — В Агарисе был этот Темплтон или другой? Отец того, помнится, участвовал в восстании Борна.

— Участвовал. — Вдовица хлебнула остывшей горечи. Шадди, как всегда, напомнил о шаде, пистолетах, издохшей молодости. — А сам он — в восстании Эгмонта. Славный щеночек, не то что всякие обтрепки...

— Его Святейшество полностью разделял ваше мнение об окружении его высочества Анэсти, — кротчайшим голосом произнес Левий. Разделял? Как вежливо сказано!

— Адриан называл их тараканником, — объявила Матильда, — а они оказались клопами. Чего доброго, до пиявок разрастутся.

— Не успеют. — В глазах кардинала мелькнуло нечто, заставившее остывший шадди стать горячим. Муженек так никогда не смотрел, а вот Адриан... Любопытно, пускают в Рассвет не согрешивших по дурости?

— Ваше Высокопреосвященство, — вот только обменять доезжачего на кардинала не хватало, — как бы я хотела, чтоб вы оказались правы...

— А я хотел бы пройти путем Его Святейшества, — шепнул Левий, — и в сиянии свечей, и в тени кипарисов.

— Здесь нет кипарисов. — Все одно, как Лаци с Левием ни тасуй, Адриана не получится.

— Сударыня! — Влетевший в приемную Темплтон походил то ли на утопленника, то ли на удушенника. — Сударыня...

— Твою кавалерию, — растерялась Матильда, забыв, где она и с кем, — что с тобой? Ну?!

— Мевен сказал, — дернул небритой щекой Дуглас, — другому б не поверил... Робер без сознания... Я заезжал к нему, куда там...

— Молодой человек, — прикрикнул кардинал, — потрудитесь сесть, выпить и рассказать по порядку.

Темплтон послушно свалился на стул. Левий извлек убранный было графин, плеснул в чашку настойки, сунул чуть ли не под нос.

— В чем дело, сын мой?

Дуглас покосился на мявшегося на пороге Пьетро и покачал головой.

— Выйди, — велел Его Высокопреосвященство секретарю. Монашек убрался, кошка Альбина на всякий случай запрыгнула на бюро.

— Ваше Высокопреосвященство, — собрался с силами виконт, — Удо Борн... то есть граф Гонт, взят под стражу по обвинению в государственной измене и нападении на Робера... то есть маршала Эпинэ.

— Удо? — не поняла Матильда. — Почему?

— Мевен не знает. — Темплтон глубоко вздохнул. — Удо взяли люди Окделла, на него показал Салиган...

Этот неряха?! Кто сегодня с утра пьет, она или Мевен?!

— Я помню маркиза Салигана, — пальцы кардинала ласкали белого эмалевого голубка, — неприятный человек. И, боюсь, ненадежный. Что бы он ни показал, слово и репутация графа Гонта стоят дороже.

— Я спрашивал Ричарда, — Дуглас отодвинул чашку, — он ничего не скажет. Нокс тоже молчит, а Удо... Как вспомню Айнсмеллера... И Робер, как назло, меня от своей тетки не отличит.

Тетки у Робера не было. Матильда одернула проклятую оборку и встала.

— Глупости, нашел с кем сравнивать... Я поговорю с Альдо, все утрясется.

— Мы поговорим, — поправил Левий. — Святой Адриан учит, что верящий наветам нечист помыслами, а заподозривший друга сам готов к предательству.

— Ваше Высокопреосвященство...

— Следует поторопиться. — В голосе клирика не было и следа недавнего жара, но оно и к лучшему. Матильда подобрала многочисленные юбки.

— Едем! Дуглас, выше голову, Удо мы не отдадим.

2

Офицер в лиловых полуденных тряпках торопливо преклонил колено. Гальтарские туники, дриксенские клинки и золото, золото, золото...

— Полуденные гимнеты припадают к стопам Ее Высочества, гимнет-тенъент Кавиот...

— Доложите Его Величеству, кто пришел. — Левий предпочел не дожидаться, когда припадут и к его стопам.

— Его Величество на Высоком Совете, — отчеканил расшитый пальметтами и меандрами петух.

— Я, — маленький клирик смерил взглядом высокого офицера, — Левий, кардинал Талигойский и Бергмарский, желаю говорить с Альдо Раканом. И буду говорить. Если король не выйдет, мы войдем и скажем всем то, что предназначалось лишь для ушей Его Величества.

— Повиновение... кардиналу. — Драться с клириком и королевской бабкой Кавиот не собирался. Левий усмехнулся и в сотый раз поправил своего голубка.

— Виконт Темплтон, будет лучше, если вы уйдете.

— Ступай ко мне, пусть Лаци тебя накормит.

— Хорошо. — У Дугласа хватило смекалки по всем правилам чмокнуть кардинальскую руку. Твою кавалерию, когда все они успели изовратиться, когда из родичей и друзей превратились в подданных?!

— Ваше Высочество, — мягко произнес Левий, — могу я попросить вернуться в свои покои и вас?

— Не можете. — Не хватает спрятаться под кардинальскую мантию. — Дуглас пришел ко мне, и, в конце концов...

— Любопытная фреска, — все так же мягко заметил клирик, — вернее, не сама фреска, а сюжет.

Матильда с готовностью взглянула на стену, где легковооруженный всадник мчался навстречу закованному в броню рыцарю.

— Насколько я понимаю, это первая встреча Франциска Оллара и Рамиро Алвы. — Кардинал едва не ткнулся носом в картину. — Святой Адриан записал зависть в грехи. Я, грешник, всегда завидовал высокому росту и хорошему зрению.

— Вы плохо видите? — За сближающимися всадниками высились городские стены, небо над ними было синим и веселым.

— В детстве мне запрещали читать, — лицо Левия стало задумчивым, — но я читал. По ночам, с копилкой, которую сделал сам. Я узнал много нового, но глаза испортил, поэтому так и не выучился стрелять. Вы помните, каким стрелком был Его Святейшество?

— Помню. — Адриан как-то признался в любви к оружию. Почему он стал

церковником? Кем он вообще был?

— Умный художник, — Левий никак не мог оторваться от фрески, — не унизил своего короля ни поражением, ни ложью. Замечательная вещь, жаль будет, если сотрут.

— До сих пор не стерли, и дальше не тронут. — А Удо тронули. Салиганова вранья оказалось достаточно, чтоб взять под стражу друга.

— Слава королю! — Стоявшие у двери олухи раздвинули алебарды, пропуская Его Величество.

— Нам доложили о вашем визите. — Королевская физиономия не сулила ничего хорошего, кардинальская была не лучше. — Мы удивлены.

— Мы тоже, — кивнул Левий, — мы были очень удивлены, узнав об аресте графа Гонта.

— Кто вам донес? — рыкнул Альдо. — Темплтон?

— Слуге Создателя не доносят, но доверяют, — отрезал кардинал. — Я говорил с Дугласом Темплтоном, и не он сказал мне, но я ему. Темплтон не знает, почему граф Гонт взят под стражу, более того, для него эта новость стала громом среди ясного неба, и теперь я спрашиваю тебя, сын мой.

— Королей не спрашивают, — набычился внучек, — и короли не отвечают.

— Короли и угольщики равно ценны в глазах Создателя, и я именем Его требую ответа. — Альдо был выше собеседника на две головы и младше лет на тридцать, при желании он мог поднять кардинала одной рукой. Не поднял.

— Граф Гонт — предатель, — изрек внук, теребя толстую, впору волкодаву, цепь. — Он покушался на жизнь герцога Эпинэ.

Этого Матильда вынести не смогла. Мевен знал Удо без году неделю, он мог повторять чужие глупости, Мевен, но не Альдо.

— Сбесился? — Если б не гимнеты у двери, вдовица схватила бы внука за шкуру. — Айнсmeler — кошки с ним, но друзьями не швыряются!

— Удо не друг, — Альдо, надо отдать ему справедливость, говорил спокойно, — и никогда им не был. Он, к твоему сведению, еще и Суза-Муза. Это он нас выставил Леворукий знает кем.

— Сам ты себя выставил, Суза-Муза тебе только зеркало под нос сунул. Любуйся, голубчик! — Только бы не заорать! Только бы не заорать в голос. — И молодец, что сунул, иначе тебя не пропрешь. Глухарь на токовище и то больше соображает!

— Ваше Высокопреосвященство, — глухо бросил Альдо, — мы сказали, вы слышали. Гимнеты вас проводят, а нас ждет Совет.

— Никуда ты не уйдешь, — возвестила Матильда, заступая дорогу. Проклятые юбки пришлось как нельзя кстати, обойти заповоленную проход копно было невозможно.

— Ее Высочество права, — наклонил голову Левий, заходя во фланг. — Разговор не кончен. Вы обвиняете графа Гонта в покушении на жизнь герцога Эпинэ и в том, что он использовал имя Сузы-Музы, но обвинения не есть доказательства. Я настаиваю на разговоре с обвиняемым.

— Нет, — огрызнулся внук. — Это наше дело.

— Да, — вздернул подбородок Его Высокопреосвященство, — власть духовная превышает власти светской, отрицающий это — есть еретик, подлежащий отлучению от церкви. Слуги Создателя возносят ввысь верных и праведных, и они же низвергают возгордившихся. Твоей власти, Альдо Ракан, нет и декады, она слаба и слепа, как новорожденный щенок. И ты слеп и слаб.

— Это вы слепы, — сжал кулаки Альдо. — Раканы вернулись навсегда по праву крови. Я рожден анаксом, мне не нужны ваши советы.

— Что ж, — не стал спорить Левий, — в таком случае я покидаю этот город. Непогрешим лишь Эсператор, а я всего лишь кардинал. Я ошибся, возложив корону на голову еретика и безумца, и готов нести ответ за свою ошибку.

— Хватит дурить! — прошипела Матильда, напрочь позабыв, где она и кто перед ней.

Как ни странно, это помогло — внук глубоко вздохнул и улыбнулся. Виновато, как в детстве.

— Ваше Высокопреосвященство, простите меня. Когда человеку веришь как себе, а он предает... Я слишком верил Удо, мы все верили... Его бы никогда не поймали, если б не случайность. Борна застигли за составлением очередного письма Сузы-Музы.

Левий провел большим пальцем по эмалевым крылышкам:

— Я не вижу связи между нападением на Эпинэ и играми графа Медузы.

— Она есть, — скривился Альдо. — Удо сговорился с «висельниками», Робера спасло только чудо и умение. Он — лучший из известных мне фехтовальщиков.

— Хватит зубы заговаривать, — пошла вперед Матильда. — Может, Удо дурака и валял, но Робера он не трогал!

— Пойдите, Ваше Высочество. — Левий просил, как приказывал. — Я хочу знать, на чем держится обвинение.

— Да ни на чем оно не держится, — отмахнулась Матильда, — вранье и есть вранье.

— Ваше Высокопреосвященство. — Глаза Альдо сверкали, но он сдерживался. — Ричард пришел к Гонту не просто так. У него были причины.

— Нашли кого послать, — буркнула принцесса. — Щенка безмозглого!

— Ты не веришь, потому что не хочешь. — Теперь Альдо говорил с ней и только с ней. — Я тебе завидую, ты это можешь, я нет.

— Я не верю, я знаю. Удо на подлость не способен.

— Хорошо. — Рука Альдо сжала ее пальцы. — Но постарайся представить, что отравить нас пытался Удо. Ты готова простить и это?

— Готова. — До разоренных могил, Айнсмеллера, Доры не простила бы, а сейчас... Если б их с Альдо угробили еще в Агарисе, сколько б жизнью уцелело.

— Будь по-твоему, — вздохнул внук, — ничего твоему Удо не будет, но в моей стране ему делать нечего. Лошадь, деньги и провожатых до границы он получит, и до свиданья. Вернется — пусть пеняет на себя.

Глава 5. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 4-й день Зимних Скал**

1

Ликтор ловко сворачивал бумаги и по одной передавал Мевену. Гимнет-капитан складывал подписанные королем свитки в окованный бронзой сундук, которому предстояло быть запечатанным обоими гимнет-капитанами, геренцием и гражданским комендантом. После поимки Медузы Дик полагал предосторожности излишними, но Альдо был обеспокоен больше, чем хотел показать. История с Удо и Салиганом показала, что ни дворец, ни посольская палата не являются безопасным местом.

— Печать наложена, — доложил Мевен.

— Печать наложена. — На Дэвида Рокслея смотреть было страшно, но от отпуска он отказался. Дик графа понимал: служба отвлекала от мыслей о погибшем брате и собственном бессилии.

— Печать наложена. — Геренций Врогг напоминал подслеповатого хомяка, но сюзерен был им доволен. В чем, в чем, а в документах барсинский ординар разбирался.

Врогг обеими руками поднял книгу-реестр и водрузил на подставку. Пора! Дик поднялся, стараясь не глядеть по сторонам. Он еще не привык, что в его честь ударяют в пол древками алебард, хоть это и было приятно. «Золото, меч, закон и этикет суть четыре камня, на которых стоит государство». Так писал Теотан Уэртский, над трудами которого сюзерен дневал и ночевал.

Врогг раскрыл свой фолиант на нужной странице и с поклоном отступил. Еще вчера Дикон не глядя приложил бы печать, но Медуза-Борн научил не доверять никому, кроме

сюзерена и себя. Ричард пробежал глазами опись разобранных дел — все было в порядке. Перо легко скользнуло по бумаге, оставив черно-синий след. Затем пришла очередь сундука.

— Печать наложена. — Юноша отнял перстень, оставив на белом королевском воске надорского вепря. — Да исполнится воля государя!

— Совет окончен, — устало объявил Альдо. — Мы отпускаем геренция и ординаров.

Врогг поклонился и захлопнул книгу, двое гимнетов подхватили вместилище документов за бронзовые ручки, еще двое распахнули двери. Геренций и ликторы вышли следом, за ними потянулись ординары во главе с косым Краклом. Скамьи стремительно пустели — как же мало осталось в Талиге древней крови! Его Величество сжал подлокотники:

— Эории Талига, мы должны сообщить вам весть, которая изрядно нас огорчила. Граф Гонт оказался недостойн своего титула и своих предков. Он был застигнут на месте преступления, его вина полностью доказана.

Преступник подлежит суду и казни, однако мы не можем забыть о былой верности Гонтов и о том, что Удо Борн оказал нам и Талигойе неоценимую услугу, разыскав раненного в бою с войсками узурпатора герцога Окделла. Учитывая ходатайство Его Высокопреосвященства Левия и Ее Высочества Матильды Алатской, мы оставляем Удо Борну жизнь и приговариваем его к пожизненному изгнанию с лишением титула и дарованной нами собственности.

Удо Борн сегодня же навсегда покинет Талигойю, и ни он сам, ни его потомство не пересекут границу под страхом немедленной смерти. Мы же во имя чести зориев велим по возможности избегать разговоров о его преступлении. Герб Гонтов мы передадим ближайшему из потомков казненного узурпаторами Рутгерта Гонта.

И пусть наша мягкость в отношении Удо Борна не станет соблазном для прочих. Тот, кто оскорбит своего короля и поднимет руку на наших верных вассалов, умрет, какими бы ни были его предыдущие заслуги и кто бы за него ни просил. Да будет так, а теперь все, кроме герцога Окделла, свободны.

2

— Гица. — Лаци тщательно подкрутил смоляные усы, сейчас гадость скажет. — Куда ж теперь гици Удо подастся?

— Я ему не бабка, — огрызнулась Матильда, предвкушая хорошую ссору. — Куда захочет, туда и поедет.

— А чего б ему в Сакаци не поехать? — закинул удочку доезжачий. — Да и нам заодно?

Домой хочет. Можно подумать, Оллария, тьфу ты, Ракана поперек горла одному Ласло Надю. Принцесса мотнула стриженной головой не хуже Бочки и уткнулась в присланные внуком побрякушки. Роскошные камни оправили заново, и это было противно. Лучше б тащил как есть: грабеж честнее кражи, недаром о разбойниках песни поют, а ворье на виселицу волокут, никто и не чихнет.

— Гица, — не унимался Ласло, — чего нам тут ловить? На гици Робера напали, гици Удо отъезжает, а мы чего?

— А того, — попыталась объяснить принцесса, — что Альдо не до конца сдурел. Может, одумается еще. Сотвори он с Удо что-то пакостное, уехала б...

— Ой ли, — свел брови доезжачий. Вот ведь зараза, вроде и злится, а глаза, что у коты на крыше.

— Чтоб меня Охотнички стоптали, уехала бы!

Альдо, паршивец, это понял, потому и сдал назад. И снова сдаст. Бабка ему нужна, значит, сидеть ей в Талиге и хватать за хвост одной рукой внука, другой — Робера.

— Чтоб друга за подначку прикончить, — не унимался доезжачий, — не сдуреть надо, а взбеситься. Друзьями на Изломе только дурной швыряется.

— А он и есть дурной, — топнула ногой Матильда, — только внук он мне, понял? Сама такое вырастила, сама с ним и сдохну! А ты и вправду отправляйся, надоел!

— Ох, гица шутить мастерица, — в черных глазах вспыхнули искры, — только я от гицы никуда.

— А никуда — терпи! — велела Матильда. Любовник в ответ только головой покачал: терпел, дескать, и буду терпеть. Жаль, ночь далеко. Ее Высочество усмехнулась и высыпала дареное барахло из шкатулки с очередным Зверем. В блестящей кучке сверкнула живая искра. Ройя! Не хуже, чем у братца Альберта. Принцесса взяла холодную звезду двумя пальцами, поднесла к глазам. Краденый камень лип к рукам, к глазам, к сердцу, не отцепишься. Хозяина предал, а к ней пристал! Матильда швырнула ройю в шкатулку и встала.

— Надо дурня этого проводить, а то дороги не будет.

— Проводим, гица, — поддержал Лаци. — Только впятером дорога короче вчетверо. Сама гица, я при гице, да трое гици — Удо с Дугласом да Эпинэ. Крысюк-то его истосковался весь, как бы не окошел...

— Отстань! — Доезжачий сверкнул белыми зубами и отстал. Ну и пусть, она тоже отворачиваться умеет. Ее Высочество почесала щеку и уставилась в камин. Надо было в юности удрать с Фереком, а не с Фереком, так с Пиштой или с Шани. В Алати красавцев пруд пруди, но ей белокурый голубок понадобился. Вот и огребла на старости лет!

Что-то скрипнуло, потом еще раз. Лаци ходит легко, даже в сапогах, это паркет разохся, даром что дворцовый.

— Куда собрался? — Как пляшет огонь... Ему все равно, где гореть. Были б дрова, и ладно.

— На конюшню. — Морда волчья, стал и смотрит, аж затылок горит. — Коней промять.

— Собрался, так иди. — А вот не обернется она. Не обернется, и все!

Лаци улыбнулся, подошел к камину, присел, поворошил угли. Уходить мерзавец не собирался, а вот дверь запирать придется, чует ее сердце. Кочерга еще раз ткнула поленья.

— Хорошо горят, гица. Жарко.

— Жарко, — согласилась Матильда. Сосна, одно слово... Тьфу ты!

Двери надо запирать вовремя, особенно во дворцах. Не запер, сам виноват. Ее Высочество обернулась на стук со всей возможной царственностью. Лаци уже стоял у окна: руки сложены на груди, волосы приглажены, вот ведь прохвост!

— Ваше Высочество, прошу меня простить. — Гимнет-капитан Мевен торопливо преклонил колени. Белая туника с рукавами и лиловым поясом превращала беднягу в какого-то мукомола. — Воля его Величества.

— Что случилось? — Принцесса не укусила визитера исключительно из личного расположения. Мевен был первым талигойцем, понравившимся принцессе без всяких оговорок. Вторым стал Джеймс Рокслей, бедняга...

— Его Величество требует к себе капитана Надя, — сообщил Мевен, — незамедлительно.

— Это еще зачем? — вскинулась Матильда. — А кто меня охранять будет?

Внук может лопнуть на своем троне, от Лаци она не откажется. И от поездок в Ноху тоже.

— Из Дайта прибыли щенки, — понизил голос виконт. — Но я вам ничего не говорил.

— А я не слышала. — Подарок или взятка? Взятка бабке от внука, гаже не придумаешь. — И капитан Надя не слышал. Так ведь?

— Не слышал, — заверил доезжачий. — Только зря осенний помет взяли.

— Много мы с Мупой охотились. — Дайтский щенок... Очень много лап и ушей, и еще нос. Любопытный, мокрый нос. Уши падают на глаза, лапы путаются, передние браво маршируют, задние тянутся за передними, не успевают...

— Если подходящая сучка будет, — предложил Лаци, — можно Мупой назвать.

Мупа... Изгрызенное одеяло, загубленные ковры. Ноги то и дело на что-то налетают, что-то жалобно визжит... И ведь знаешь, что у тебя один щенок, а кажется, четыре. Круглое пятно на спине, вечно виляющий обрубок, девять лет жизни и «сонный камень». Со смерти дайты все и началось, со смерти дайты и избрания Эсперадора, но что же у нее в голове второй день крутится? Что-то, связанное с Левием...

— Кобеля возьму, — отрезала Матильда, отгоняя память о теплом, мягком и неживом на смятой постели, — второй Мупы не будет.

Второго не бывает ничего и никого. Все случается только раз, а теряется навсегда. Потеряла с Эсперадором, с кардиналом не найдешь.

— Его Величество просил поторопиться, — на помнил гимнет. — Нужно успеть к приему.

Если б не Мупа, их бы с внуком не было, а те, кого растоптали в Доре, остались бы живы. Вот тебе и собачья смерть.

— Лаци, — скучным голосом напомнила принцесса, — не забудь промять Бочку.

— Я помню, гица, — заверил доезжачий. — Перековать бы его к зиме!

— Надо — делай. — Уберутся они или нет?!

Ее Высочество сунула кочергу в рыжие огненные вихры. Пятый день празднеств, сколько можно... Хорошо, большие приемы отменили, хотя что это она несет?! Хорошо, что погиб Джеймс, солдаты, музыканты, пришедшие за подарками горожане? Уж лучше б все жили, а Берхайма с «Каглионом» она бы вытерпела, не привыкать!

— Ваше Высочество, — сухопарая гофмейстерина пахла лавандой и усердием, — прибыло платье к Приему Молний. Швеям нужно два часа...

— Не сейчас!

— Ваше Высочество, прием начнется в восемь пополудни. Хозяйка Дома Раканов появляется в цветах чествуемого Дома, а швеи...

— Твою кавалерию, я занята! — взревела Матильда. — Мы заняты! Сейчас мы будем писать брату!

Принцесса подхватила бархатную юбку и выплыла из будуара в приемную. С десяток разноцветных куриц с квохтаньем взлетели с насестов. Пистолет бы сюда, заряженный. Или не заряженный, все равно разбегутся.

Шадов подарок остался в спальне, но отступать было некуда: вернешься, набегут портнихи с булавками. Матильда вздернула подбородок и с деловым видом проследовала в кабинет, где не ждало ничего хорошего, кроме остатков тюрэгвизэ.

Графин с танцующими журавлями был полон до краев. Жаль, полное имеет обыкновение становиться пустым. Оглянуться не успеешь, покажется дно, а что останется? Бочка да Ласло, но один лягается, а второй лезет с тем, о чем не спрашивают.

Матильда плюхнулась в здоровенное, обитое кожей кресло, передвинула стопку бумаги, тронула не знавшее чернил перо, глянула на графин, но устояла. Часы с крылатыми девицами отстукивали минуты, приближая обед, в окно лезло зимнее солнце, письмо не писалось, а рядом тосковала тюрэгвизэ, и не думать о ней становилось все труднее.

3

— Исповедь Эрнани не должна всплыть до суда. — Глаза Альдо были усталыми и злыми. — А я не могу отказать кардиналу в посещении Багерлее. Да уж, удружил нам Агарис с Левием! Голубь Создателев, как же! Явился на Совет, грозил отлучением... Не голубок, а гадюка крылатая. В чем я на стороне Франсиска, так в том, что он поставил святош на место.

Дикон говорил с кардиналом только раз. После Доры. Левий выпрашивал, как все было, а потом встал и вышел, бросив с порога несколько злых, несправедливых слов. Позже Ричард узнал, что кардинал отправился к Придду — слов Повелителя Скал ему было мало.

— Альдо, — нерешительно произнес юноша, — нужно поймать доносчика. Того, кто

сказал Левию про Удо.

— Попробуй, — выпятил губу Его Величество, — только, грохнув кувшин с медом посреди двора, не удивляйся, что мухи узнали. Салигана ты допрашивал при всех, как уводили Борна, видело полгвардии. Кто-то помчался в Ноху, а враг это или просто дурак, только кошки знают.

— Я понимаю. — Если б сюзерен обвинял, было бы легче. — Я не проследил за слугами, а Удо нужно было вывести через балкон.

— Двух глупостей ты все же не сделал, — сюзерен неожиданно подмигнул, — ты проверил слова Салигана и, главное, никому не показал медузью писанину. Остальное мы переживем.

Черновик манифеста, уведомлявшего, что законным королем Талига является Ворон, регентом — Суза-Муза, а Альдо — Та-Раканом, которому граф жалует право копошения до весны, не видел даже Мевен. Другое дело, что Дик спрятал найденную ветром мерзость из-за оскорблений, а сюзерен прочел в пасквиле много больше. Удо Борн знал про исповедь Эрнани и потому был опасен и при этом неуязвим. Судить — нельзя, а в Багерлее повадился Левий. Остается изгнание...

— Его Высокопреосвященство про исповедь не знает, — выдал желаемое за действительное Дикон, — для него Удо — Суза-Муза.

— Нос в это дело он уже сунул. — Альдо с силой ткнул перо в чернильницу, где и оставил. — Дикон, мы не можем рисковать, Борна нужно убрать из столицы. Немедленно. И сделать это придется тебе.

— Конечно, — пообещал Ричард, понимая, что на похороны Рокслея ему не успеть. Долг есть долг, но Катари он снова не увидит.

— Проводишь мерзавца до Барсины, и назад. Сразу же! Ты мне нужен. Леворукий, хотел бы я послать кого-нибудь другого, да некого.

— Я понимаю, — вздохнул Ричард. — Иноходец ранен, у Дэвида похороны...

— Не в этом дело. — Сюзерен вытащил перо и одни росчерком изобразил летящую птицу. Орлана?! — Ты знаешь про исповедь и остаешься со мной. Тебе откровения Борна не страшны, а другим?

— Иноходец не предаст, — зачем-то сказал Ричард.

— Безусловно. — Альдо оттолкнул рисунок. — Но лишние печали ему не нужны. Или ты думаешь, он поверит Салигану?

— Нет! — мотнул головой Ричард. — Я тоже не верил, но ведь Нокс нашел и яд, и печати.

— Для Робера это не доводы. — Сюзерен закусил губу. — Признаться, и для меня тоже. Закатные твари, хотел бы я понять, откуда Удо знает то, чего не знает Робер. Понимаешь, о чем я?

— Нет, — честно признался Ричард. Тащиться на ночь в Барсину не хотелось и еще меньше хотелось видеть бывшего друга.

— А ты подумай, — посоветовал сюзерен, заштриховывая распростертые в полете крылья. — Что, если игры Алисы начались с исповеди Эрнани? Чужеземка собралась построить Талигойю без Раканов, и за ней пошли. Штанцлер говорит, Анри-Гийом влюбился в королеву. Чушь! Ты видел ее портрет? До Катарини и то далеко!

Разгляди сюзерен в Катари лучшую из женщин, они могли бы оказаться соперниками, и все равно стало больно. Больно, что Альдо не разбирается в истинной красоте. Вот Марианна его бы наверняка потрясла. После возвращения из Барсины надо зайти к Капуль-Гизайлям. Рассказать новости, предупредить, что не нужно говорить о Борне.

— Догадался? — Мысли сюзерена были далеки от женских прелестей. — Или подсказать?

— Алиса что-то обещала? — брякнул Дик первое, что пришло в голову. Альдо рассмеялся.

— Эпинэ и так имели все. А теперь представь, если б все узнали, кто на самом деле

убил Эрнани? Алиса загнала Гийома в угол. И не его одного. Выбор был прост: или она, или кэналлийцы.

— Исповедь была у Алисы? — не очень уверенно спросил Дик. — Эр Август об этом ничего не знает...

— Или не говорит. Если ты выяснишь, как Удо узнал про эту пакость и где она сейчас, тебе цены не будет. Думаю, ему сказал брат перед восстанием. Тебе тогда было пять лет.

— Шесть...

— *В таком случае, прочтите вот это.* — Вальтер Придд достал и положил на стол какую-то бумагу, над которой склонились четыре головы. Дикон не видел, что на ней написано, но он видел лицо отца.

— Альдо, — прошептал Дик, чувствуя, что у него в груди все обрывается, — я видел исповедь Эрнани! Вальтер Придд показал ее отцу.

— Ваше Величество, — виконт Мевен в сопровождении четырех лиловых гимнетов замер у двери, — посол Гайифской империи ждет уже полчаса.

— Пригласите, — бросил сюзерен. — Нет, стойте. Пока мы принимаем посла, лично отведите Борна к Ее Высочеству... Дикон, не забудь потом досказать про Придда.

4

Шпаги у Борна не было; без оружия и белого гвардейского мундира Удо казался удивительно домашним — впору за ухом почесать.

— Ваше Высочество, — злоумышленник преклонил колено, — счастлив вас видеть.

— А уж как я счастлива, — буркнула Матильда. Желание дать дурню подзатыльник боролось с желанием разреветься. — Явился, значит?

— Явился, — подтвердил Удо, — хоть и под конвоем, зато на целых полчаса.

— А потом? — не поняла Матильда.

— Вон из Великой Талигойи, — ухмыльнулся Суза-Муза, — и горе мне и моим потомкам, если нога наша ступит в пределы.

— А рука? — натужно хохотнул Темплтон. Проводы хуже похорон, на похоронах хотя бы шутить не пытаются.

— Сколько у тебя денег? — пресекла баранью болтовню Матильда. — Не вздумай врать!

— Меня обыскали, — развел руками паршивец. — Корона о моих денежных обстоятельствах осведомлена лучше меня.

Денег нет, это и Бочке ясно. Дать? Удо возьмет. Из вежливости, а потом бросит в первую же канаву и поедет дальше в свое никуда. И Лаци, как назло, нет, чтоб тайком в седельную сумку сунуть.

— Мне нужно обойти посты, — выпалил Мевен. — Дуглас, я преступника на тебя оставляю?

— Оставляй, — кивнул Темплтон, — мы с Ее Высочеством его не выпустим.

— Упустишь, — напомнил Дугласу гимнет-капитан, — не забудь в Багерлее карты захватить, хоть делом займемся.

— Забудете, пришлю, — пообещала закрывшейся двери Матильда, — и карты, и вино.

— Леворукий, — выдохнул Темплтон, проводя рукой по лицу, — выпутались!

— Не ожидал, что отпустят? — повернулся к другу Удо. — Я тоже не ожидал.

— У меня есть тюрэгвизэ, — торопливо сказала Матильда. — Мы сейчас ее прикончим.

— Тюрэгвизэ? — присвистнул Суза-Муза. — Моя свобода этого не стоит, хватит вина.

— А тебя не спрашивают. — Ее Высочество лично разлила величайшую из драгоценностей по серебряным стаканам. — Ну, — потребовала она, — рассказывай.

— О чем? — отозвался Удо, глядя в стену между камином и торчащими в углу часами.

— Твою кавалерию, да обо всем, что ты натворил!

— Мне поклясться, что я не трогал Робера? — Будь у Борна на загривке шерсть, она бы

встала дыбом. — Извольте, клянусь. Хоть честью, хоть жизнью, хоть Создателем, хоть кошками. Я, Удо из дома Борнов дома Волны, не умышлял против Робера Эпинэ, и не знать мне покоя, если лгу!

— Кончай дурить, — Матильда грохнула початый стакан на стол, — а то пристрелю, ты меня знаешь!

— Знаю. — Лицо Удо окаменело, Придд, да и только. — Потому и ответил. Остальные обойдутся!

— С чего ты взял, что я про Робера спросила? — Вот так смотришь на человека двенадцать лет и не видишь, а он на тебя все это время глядит и тоже ни кошки не понимает.

— Не про Робера? — Удо на мгновение прикрыл глаза. — Тогда про что?

— Как про что? — удивилась Матильда, разглядывая бузотера поверх серебра. — Про Медузу.

— Но это же просто. — Сквозь лед стремительно пробивалась травка. С желтыми цветочками. — Если б Сузой-Музой не стал я, им бы стал кто-нибудь другой. Дик про медузы выходки кому только не рассказывал, грех было упустить.

— И когда же тебя осенило? — буркнула принцесса.

— В усыпальнице, — лицо Удо вновь стало жестким, — когда решетку кувалдами разносили, а она кричала.

— Ты тоже слышал?! — вскинулся Дуглас. — Я думал, только я с ума схожу, значит, тогда ты...

— Понял я раньше, — уставился в свой стакан Удо, — то есть понял Рихард...

— Так вот вы о чем у Святой Мартины шептались, — начал Темплтон и оборвал сам себя. — Я еду с тобой. Вместе влипли, вместе и вылипать станем.

— Нет. — Удо и раньше походил на брата, сейчас он стал его отражением, только родинки на щеке не хватало. — Ты останешься. Пока остаются Ее Высочество и Робер. Я бы тоже...

— Куда ты поедешь? — перебила Матильда. — Дуглас, разливай, не копить же.

— Куда? — переспросил Борн. — Для начала в Придду. Альдо не считает север великой Талигойей, значит, я могу туда изгнаться.

— Собрался сдать Волку? — не очень уверенно спросил Дуглас. — Ты до него не доберешься.

— Захочу, доберусь, — заверил Суза-Муза. — Ноймар не Бергмарк, а Рудольф не дурак.

— А ты хочешь? — Тюрэгвизэ привычно горчила, последняя память о настоящем доме. — Может, в Сакаци?

— Нет. — Когда смотрят такими глазами, уговаривать бесполезно. — До гробницы Октавии я бы просто сбежал, а сейчас поздно под корягу лезть.

— Ты недоговариваешь. — Темплтон казался обиженным. У Дугласа всегда что на уме, то и на языке, или это было раньше?

— Недоговариваю. — Удо устало улыбнулся. — Все даже Эсператору на морском берегу вслух не скажешь.

— Адриановы комментарии, — блеснула знаниями Матильда, — их только олларрианцы признают.

— Я тоже признаю. — Щека Удо дернулась. — Я после Рихарда много чего признал.

— Ты собирался рассказать про Медузу. — Матильда сунула в руку Темплтону стакан. — И вообще, мы пьем или нет?

— Ваше здоровье, Ваше Высочество, — провозгласил Удо. — Будьте счастливы.

— Обязательно буду, — согласилась вдова. — Удо, можешь без оговорок. Ты заговорил с Альдо по-медузы, потому что по-человечески он не понимает. Так?

— Он обалдел от короны, — тихо сказал Борн, — я решил вылить на него ведро воды, пока этого не сделали Савиньяки с фок Варзов. Все сложилось один к одному: моя должность, малые обеды, рассказы Дика... Самым трудным было оставить вне подозрений

Придда.

— Вассал Дома Волн защищает сюзерена, — буркнул Темплтон, — ну и на кой? Случись что, Спрут тебе поможет, как его папенька Карлу и Эгмонту.

— Это его дело, — отмахнулся Суза-Муза, — я за других прятаться не намерен. Будь хоть какая-то возможность, Дикон обвинил бы Валентина. Окделлу могли поверить.

— Ну и кошки с ним, — скривился Дуглас, — нашел для кого стараться.

— Тебе Салиган нравится? — Удо одним глотком ополовинил стакан. — Нет? А он, между прочим, так же рассудил. Дескать, кошки со мной, зато сам вывернется.

— Сравнил, — не очень уверенно произнес Темплтон, — ты и этот ызарг.

— Спрячешься я за Придда, стал бы ызаргом не хуже. — Борн поставил стакан на стол. — Но в уме этой твари не откажешь. Ловко он меня разгрыз.

— Салиган? — выдохнул Дуглас. — Откуда?

— Видел, как перед приемом я возле кагета прогуливался, вот и сложил два и два, а может, и заметил что-то. Картежники многое замечают.

— И решил свалить на Сузу-Музу Робера?

— Решил. — Удо взял графин и ловко разлил остатки. — И удачно, как видите. Взяли меня с поличным, оскорбление величества у меня на носу написано, получается слово изменника против слова вора. Кому верить? Альдо предпочел вора, тем паче у меня еще и яд нашли.

В приемной что-то грохнуло. Опрокинули стул?

— Прошу меня извинить. — Мевен с неподдельным участием смотрел на них с порога. — Господину Борну пора.

— Я понял, — кивнул Удо, поднимая стакан. — Прощайте, Ваше Высочество. Я ваш должник до смерти и дальше.

Она тоже не забудет. Не брата неизвестного ей Карла и сгинувшего в дурацкой схватке Рихарда, а усталого светлоглазого человека, что был рядом, а теперь уходит. Не в Закат и не в Рассвет, а в края, где алатской старухе не место.

— Мевен, — окликнул Дуглас, — четверо — хорошая примета. Выпьете с нами на дорогу?

— Охотно, — поклонился гимнет-капитан. — Но через десять минут мы должны быть на крыльце.

— Будете, — заверил Дуглас, отливая из своего стакана в чистый. — Подумаешь, коридор и пара лестниц.

— Твою кавалерию, — заорала Матильда, — осторожней, это последняя!

— Тогда, — предложил Мевен, — счастливой дороги, и пусть нас никогда не сведет во время боя.

— Напротив, — откликнулся Борн, — пусть сведет. И пусть мы друг друга узнаем. И пойдем. Потому что, кроме нас самих, у нас ничего не осталось.

5

— Мы бы не советовали гимнет-капитану пить с государственным преступником. — Альдо, хоть и был вне себя, старался говорить спокойно. — И мы бы не советовали гимнет-капитану пить, когда он на службе.

— Гимнет-капитан пьет с хозяйкой дома Раканов. — Ее Высочество вышла вперед. — И по ее настоянию.

— Мы видим. — Сюзерен был холодней зимней воды. — Мевен, мы понимаем, у вас не было выбора. Поставьте стакан и отправляйтесь исполнять свои обязанности, у вас их достаточно.

— Поставь, — кивнула принцесса, — потом допьешь. Твоя тюрегвизз тебя дождется.

Для принцессы Удо оставался заигравшимся шутником, она не верила, что Борн хотел убить Робера. Дику в это тоже не верилось.

Мевен щелкнул каблуками и вышел. Ричард мог бедняге только посочувствовать: отказать Матильде было так же невозможно, как не отказать.

— Темплтон, — теперь Альдо смотрел только на Дугласа, — сейчас у тебя есть выбор, через пять минут его не будет. Либо ты отправляешься с Борном к Леворукому, либо остаешься со мной, но измен я не прощаю.

— Я остаюсь. — Темплтон казался пьянее Матильды. — Но Удо мой друг. Друг и все.

— Ты тоже мне друг, Дуглас, — усмехнулся Борн, — им и останешься, куда б тебя ни занесло, но спасать меня не нужно. А вот за остающихся не поручусь.

— Это угроза? — Рука Альдо сжала локоть Дика: кого сдерживает сюзерен, себя или вассала?

— Скорей предсказание. — У Борна хватило наглости смотреть в лицо человеку, которого он предал. — Ты много говоришь о гальтарских обычаях, Альдо, но древние не мстили покойникам и статуям и держали слово. А знаешь почему? Они боялись. Их боги не одобряли подлости.

— Ты... — Ричард рванулся вперед, нащупывая шпагу, но сюзерен его удержал:

— Окделл, это не ваше дело. Ваши люди готовы выступить?

— Да.

— Отправляйтесь немедленно. — Альдо шагнул к Удо. — Я тебя предупреждаю, Борн, Талигойи для тебя не существует. Езжай, куда хочешь. Я не стану брать с тебя клятвы не поднимать против меня оружие, клятвы для тебя ничто, как и совесть, и честь... Но на моем пути не попадайся.

— Не стану мечтать о встрече. — Удо слегка поклонился. — Но менять свой путь по чужой прихоти не по мне. Окделл, я в вашем распоряжении. До Барсины.

Что-то буркнула Матильда, хлопнула дверь, под ногами заструились пестрые алатские ковры. Сухо и зло скрипел паркет, топали полуденные гимнеты, мужчины и дамы кланялись и приседали. Дик кивал в ответ, пытаясь не думать о предателе, которому он имел глупость задолжать целую жизнь. Если б Удо не нашел его в лесу Святой Мартины, если б сам он не стал цивилильным комендантом, все бы решила шпага.

— Вы рискуете заблудиться.

— Не ваша забота!

Какие у Триумфальной лестницы светлые ступени, раньше он не замечал. Древние воины с мечами выступали из своих ниш, на стенах блестели трофеи Двадцатилетней войны...

— Я забыл спросить у Альдо, когда он избавится от олларского тряпья. — Удо махнул в сторону гайифских знамен. — Может, знаешь?

— Как ты мог? — С пленными и узниками не дерутся, но можно скрестить клинки в Барсине. — Ведь ты был одним из нас...

— Как я мог? — переспросил Борн. — А как ТЫ можешь?

Говорить было не о чем, но Ричард все же спросил:

— Почему ты назвал Альдо незаконным королем?

— А он законный? — сощурился Борн. — Поклянись.

Лестница кончилась, а вместе с ней и разговор. Полковник Нокс хмуро доложил, что все готово.

— Удо Борн поедет со мной в четвертом ряду.

— Понятно, монсеньор. Джереми привел Сону.

— Хорошо. — Лиарцы для дальней дороги не годятся, особенно купленный второпях соловый. Если б не смекалка Джереми, коня пришлось бы бросить, иначе дорога растянулась бы на неделю.

— Монсеньор, мои люди переданы в ваше распоряжение.

— Капитан Криц? — Если Удо вздумает откровенничать при цивилильнике, неприятностей не оберешься. — Рад вас видеть. Вы знаете дорогу на Барсину?

— Да, монсеньор.

Три десятка человек, чтобы выдворить одного мерзавца! Ричард хмуро разобрал поводья и вскочил в седло. Вечером прием в честь дома Молний, но Робера не будет, как и Катари. Завтра в склеп под храмом Святого Алана опустят Джеймса Рокслея. Из Повелителей его проводит только Валентин. Знает ли Придд тайну Эрнани? Старый Спрут знал, но где же сама бумага? Лежит в каком-нибудь тайнике или ее нашли Манрики? А если исповедь у Валентина? В Лаик Придд был тихоней, а сейчас всплыл на чужой волне, как тварь с его герба.

— Монсеньор, — Джереми осадил гнедую рядом с Соной, — прошу меня простить.

— В чем дело?

— В Ослином проезде серые... то есть церковники, и на Фабиановой площади тоже. Проповедуют.

— Едем вдоль Данара. Возьми троих, проверишь дорогу.

Идти против Левия рано, пустить его к Удо нельзя, а кого караулят клирики, если не Борна? Ричард покосился на соседа: Суза-Муза как ни в чем не бывало покачивался в седле. Глаза полузакрыты, на лице ничего, кроме сонного равнодушия. И это потомок Рутгерта, брат Карла и Рихарда?! Он же дрался у Святой Мартины, по-настоящему дрался, а потом предал сюзерена, братьев, себя... Или тогда он не знал про исповедь, а узнав, принял сторону трусившего короля и кэналлийского выскочки? Может, и так, но на Робера он руку не поднимал.

— Монсеньор, на Паромной проповедник и двое служек.

С Данара несло сыростью, солнце медленно уходило за высокие каштаны. Направо будет «Золотая шпора», знакомые места... Можно свернуть на Лебяжью, но где три мухи, там и четвертая. Левий стережет выезды, но по ночам спят даже монахи. По ночам проповедовать некому — правом жечь светильники и выходить на улицу обладают лишь дворяне и лекари. Ричард поправил перчатки.

— Путешествовать удобней ночью. Сейчас едем ко мне. Борн, вы меня слышите?

— В последнее время мне не удавалось выспаться. — Удо потянулся и нарочито широко зевнул, прикрыв рот ладонью. — Окделл, у вас не будет со мной никаких хлопот.

Глава 6. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)

400 год К. С. Ночь с 4-го на 5-й день Зимних Скал

1

Какой урод придумал пихать в рот пороссятам и прочим щукам бумажные цветы, особенно желтые?! Матильда с отвращением отвернулась от мерзкого вида хризантемы, росшей из пасти заливного чудовища, и угодила из огня да в полымя: прямо в лицо принцессе явился зажаренный целиком кабан, разумеется, жующий поддельную розу. Для разнообразия малиновую. Принцесса с трудом сдержала рвущиеся из сердечных глубин слова и ухватила за бокал. Ночной пир был в разгаре: августейший внук встречал Зимний Излом по-гальтарски — ни ночи без попойки. Сегодняшняя, четвертая по счету, принадлежала Молниям. Изукрашенный алыми тряпками Гербовый зал галдел, как птичник во время кормежки. Сходство усугублялось тем, что помост для августейших особ возвышался над толпой, как насест.

— Восславим же Дом Раканов, — потребовал сменивший придавленного в Доре Берхайма Карлион. — Восславим же дом Эпинэ, наивернейших вассалов владык Талигойи!

— Мы пьем здоровье нашего Первого маршала. — Внук поднял перламутровый в золоте кубок. Не выручи Эпинэ грабители, сидеть бы бедняге возле рыбьей хризантемы.

— Здоровье Робера Эпинэ, — буркнула принцесса, глотая пахнущий имбирем сиропчик. «Гальтарский нектар», как же! Тинта тинтой, только без касеры!

Имбирь Матильда ненавидела с детства, а теперь им провоняло все вокруг. Это от

победы... У всего свой запах — дурная удача пахнет имбирем, подлость — тухлой рыбой, скука — уксусом, а разлука — дымом...

— Его Величество и Ее Высочество пьют здоровье Повелителя Молний, — кукарекнул Карлион. Можно подумать, они с Альдо залезли под стол и их никто, кроме церемониймейстера, не видит. А Карлион счастлив! Еще бы, получил должность и избавился от «годича»... Небось воссияешь. «Каглион» — невелика потеря, а вот Рокслея жаль...

На хорах что-то взвизгнуло. Музыканты. Сейчас начнут дудеть. В Агарисе никто над ухом не пиликал, а гнусные морды можно было запить. Ее Высочество воровато глянула на внука. Внук милостиво озирает подданных, подданные жрали. Матильда торопливо кивнула слуге в алой тунике:

— Настойки! — Тюрэгвизэ они прикончили, а касеры на королевский стол не подают. — На зеленых орехах!

— Желание Ее Высочества! — Слуга завопил так, что Альдо обернулся. Теперь начнется. И почему на нее никто не нападает, кроме собственного внука? Пристал на ночь глядя со своим пиром, хочешь не хочешь, влезай в золоченые тряпки и ползи. Если б не Удо, видели бы ее здесь, но Альдо Сузу-Музу отпустил, теперь ее черед уступать.

— «Марш Молний», — возгласил Карлион, — во славу Молнии!

Грохнули литавры, раскатилась барабанная дробь, сквозь которую прорвался бравый мотив. Марш был хорош, покойный Алессандри сочинять умел еще лучше, чем лизать задницы.

— Ореховая настойка для Ее Высочества, — сквозь победную медь объявил давешний слуга. Принес-таки!

Золотисто-коричневая нить потянулась в серебряный стакан, напоминая о Левин, Адриане и о чем-то назойливо-неприятном. Ее Высочество смотрела на возжеленное питье, а пить не тянуло. Такое с ней уже бывало, и не раз. Высунется какая-то гадость из памяти, как клоп из щели, укусит, и назад, а ты думай, из-за чего зудит.

— Ты б еще касеру потребовала. — Внук, наплевав на этикет, занял место, услужливо оставленное покойному деду. Пустых кресел на королевском помосте было пруд пруди. Для великого Эгмонта, для доблестного Борна, для благородных Рокслеев. Не стол, а старушечья пасть, зуб за зубом со свечкой гоняется!

— Оглохла? — не отставал желторотый венценосец. — Или злишься?

— Злюсь. — Матильда отодвинула незадачливый стакан. — Без настойки обойдусь, но имбирь твой лакать не стану. Пусть кэналлийское несут.

— Только поешь сперва. — Заботливый внучек огляделся и рявкнул: — Ее Высочество желает сома!

Значит, сом? Тогда где его усы? У сома должны быть усы, у козла — борода, а у ызарга — хвост!

— Не хотим сома, — закапризничала принцесса. — Желаем молочных ызаргов. В красном вине!

Рожи слуг вытянулись и позеленели, огурцы с глазами, да и только. Альдо прыснул со смеху, но тотчас же нахмурился.

— Ее Высочество шутит. Сом!

— С хризантемой, — не могла уняться Матильда. — Я ее кому-нибудь брошу. С галереи.

— С хризантемой, — распорядился внук, глаза его поблескивали, как в Агарисе, когда они, дурачась и хохоча, проедали очередную побрякушку.

— Эх, — пригорюнилась принцесса, — где-то сейчас мой Хогберд?

— Ему только хризантемы не хватает, и хоть сейчас вместо кабана на блюдо, — подмигнул Альдо — видно, тоже вспомнил агарисские деньки. — Ты окажешь мне честь? Покажем подданным, как танцуют анаксы!

В этом платье и с бочкой тинты в брюхе? Как танцуют каракатицы, она показать может, но для этого нужен другой кавалер.

— Я пара не тебе, а какой-нибудь медузе. — Матильда под укоризненным взглядом внука осушила бокал. — Только Сузу-Музу ты выгнал, а Придд со мной плясать не станет.

— Скоро вернется Окделл, — предложил внук, — он тебя устроит?

— Зачем кабану каракатица? — удивилась принцесса. — И вообще хочешь танцевать — пусти сюда дам.

— Нельзя, — вздохнул внук. — На гальтарских пирах присутствовала только хозяйка Дома. Или двух Домов, если один Дом чествовал другой.

— Ты же корону напялил, — напомнила Матильда, — так отмени эту дурь. Хотя чего отменять? Про нее никто не помнит.

— Я заставлю вспомнить, — обрадовал Альдо. — В моей анаксии все будет как в Гальтаре.

— Если не станешь пускать на пиры женщин, — зевнула Ее Высочество, — в твоей анаксии будет как в Гайифе. И очень скоро.

— Ты не понимаешь, — пустил в ход семейный довод Его Величество и поднялся, — и никогда не поймешь. Это дело Раканов.

— Куда мне, — буркнула Матильда удаляющемуся коронованному заду.

Кровь Раканов была сильна. Что дед, что внук, мать разная, а навоз одинаковый. Тявкнул «тебе не понять» и гордо удерут, а чего тут понимать? Ее Высочество придвинула отвергнутый было стакан. И чего она взъелась на эту настойку? Хорошая настойка, очень хорошая!

2

Дикон подавил зевок и перевернул страницу. Живший при Лорио Первом монах Иреней старательно записывал все, что видел, и как же это было скучно! Ричард пробежал одним глазом рассказ о въезде в тогда еще Кабитэлу варитского посольства. Если б не проклятый Павсаний, живший на пятьсот лет раньше, сюзерен был бы в восторге, но кабитэлская эпоха в сравнении с гальтарской — что гранаты в сравнении с роями.

В Золотой Империи не было места древним Силам. Эрнани Святой, которого следовало бы называть Эрнани-Отступником, сделал все, чтоб забыть истинных богов. Страшно подумать, сколько всего уничтожено, раскрадено, пропало по недомыслию... Сюзерен вынужден собирать древние знания по каплям, по осколкам, по теням, а судьба словно в насмешку отбирает то небольшое, что дошло из глубин веков. Меч Раканов, карас, старые книги, где они сейчас?

Дик захлопнул Иреней с его императорами и эсперадорами — пора было собираться. Клирики убрались с улиц на закате, но для надежности Ричард решил выехать после полуночи. Цивильного коменданта пропустят в любое время, а курьеру, даже если это курьер кардинала, придется подождать до утра. Смешно, но Левий со своими шпионами невольно помог, дав всем время на размышление. Днем они бы с Удо наверняка друг друга не поняли, а теперь можно попробовать.

Борн должен оценить благородство Альдо, а если ему напомнить о Рихарде и пообещать отыскать тех, кто покушался на Робера, он одумается. Главное, чтобы Удо именем брата пообещал молчать об исповеди. Такую клятву Борн никогда не нарушит.

Разговор следовало оставить в тайне, и звонить слугам Дикон не стал. Юноша одернул камзол и вышел на лестницу. Золотистый шелк таинственно мерцал, горящие свечи превращали законную тьму в вороненую сталь, и Ричард невольно залюбовался горячими отблесками. Этот дом и эта лестница больше не были чужими, они не пугали, не насмешничали, а улыбались усталому хозяину ласково и ободряюще.

— Монсеньор недоволен? — Вынырнувший из теней Джереми попытался проследить взгляд Дика. — Что-то не так?

Ричард усмехнулся:

— Все так, капрал Бич, через два часа выезжаем. Предупреди Крица и распорядись

подать солдатам горячего вина.

— Да, монсеньор.

— Ноксу и Крицу на выбор. Через час я к ним присоединюсь. Мне подашь «Вдовью слезу». Двдцатилетнюю.

— Будет сделано. — Джереми слегка замялся. — Монсеньор идет к господину Борну?

— Иду. — Тревога капрала умиляла и смешила. — Я в своем доме, и я при шпаге. Занимайся своим делом, а я займусь своим.

Одна из свечей замерцала, пламя блеснуло тусклой зеленью и выровнялось, внизу раздались голоса. Ричард сосчитал до шестнадцати и быстро прошел по отделанной черным деревом галерее к бывшему кабинету Рокэ. Дверь тоже была черной со странными завитками... Зачем он стучит, ведь ключ у него? Это Удо заперт в комнате с кабаньими головами, а Ворона здесь нет и не будет.

Суза-Муза на стук не ответил, то ли спал, то ли притворялся. Громко щелкнул замок, резные вихри ушли в темноту, лисьей рыжиной блеснул догорающий камин, — совсем как тогда...

«Память — отвратительная вещь, — насмешливо произнес ленивый голос. — Мы помним то, что хотим забыть...»

— Эр Рокэ! — Дик крикнул раньше, чем успел подумать.

«Не стоит показывать другим, что у тебя на сердце», — посоветовало прошлое и погасло вместе с огарком на пустом — ни единой бумаги — столе.

Ричард обернулся к дивану и понял, что понятия не имеет, как окликнуть спящего. Раньше было просто, раньше Удо Борн назывался графом Гонтом, братом Рихарда, соратником, другом, а кто он теперь?

Красными глазами мерцали уголья, за окном холодный торский ветер раскачивал ветви, перекрученные тени метались по кабинету черной сетью, захватывая то кабанью голову, то ардорскую бронзу. Пляска тьмы и света завораживала, тянула в закатные глубины, туда, где ждала неизвестно чего увенчанная мертвым солнцем башня.

— Удо, — позвал Ричард, разрывая призрачную сеть, — вставай!

Спящий раскинул руки и улыбнулся. А говорят, нечистая совесть мешает спать, хотя вряд ли Удо спит. Щелкнувший замок, стук двери, дурацкий крик не разбудили бы только глухого, но Сузе-Музе нравится шутить, сейчас он откроет глаза и спросит про «эра Рокэ». И пусть спрашивает. Ричард Окделл верен государю и Талигойе, и он не поднимал руку на друга.

Дикон пригладил волосы и отчеканил:

— Удо Борн, соизвольте проснуться.

Не соизволил. Досадливо отмахнулся, дернул ногой и ткнулся лицом в подушку. Вставать он не собирался.

— Нам нужно поговорить, — открыл карты Ричард, но Суза-Муза и не думал отвечать, шуточки продолжались. Юноша зачем-то оглянулся, встретив стеклянный кабаньих взгляд. Темная полоса скользнула от стола к камину, раньше там блестели черные шкуры и синеглазый человек глядел в огонь. Ночь ковырялась в памяти, как хирург в ране, это становилось невыносимым.

— Разрубленный Змей! — заорал Дикон. — Удо Борн, поднимайся, слышишь?! Хватит врать, я же вижу, ты не спишь!

— Уходи, — пробормотал в подушку Борн, — надоел...

Этого Ричард не вынес. Бросившись вперед, он схватил Сузу-Музу за плечи и потрянул, Удо рванулся куда-то вбок, руки юноши разжались, Дик с трудом удержался на ногах, а граф Медуза мешком свалился на разворошенную постель и замер, неловко вывернув руку. Стало тихо. Совсем.

И когда это Ричард успел не только вернуться, но и напиться? Или он уже явился пьяным? Очень может быть, провожать бывшего друга — не кошку гнать, без касеры не обойдешься. Когда проспится, нужно спросить, как Удо.

Принцесса с трудом отлепила взгляд от клюющего носом Повелителя Скал и оглянулась в поисках лакея, но прислуга разбрелась и правильно сделала. Без суетящихся дурней в алых туниках было спокойней, и принцесса собственноручно вылила в стакан остатки настойки. Неужели она выпила все? А голова совсем ясная. Проверять, может ли она встать, Матильда не рискнула. Скоро все расплзутся или уснут, вот тогда она и отправится под крылышко к Лаци, пусть он решает, шарахаться от такой красоты или нет.

Вокруг не было ничего хорошего: сплошные гости, и Ее Высочество уставилась в окно, за которым зеленел лунный кусок. Омерзительный донельзя.

Бледный свет шарил по залу, превращая вельмож и послов в ядовитых подвальных лягушек, бледных, с затянутыми пленкой глазами и розовыми лапками. В Агарисе эти твари только что в тарелки не прыгали, Матильда их терпеть не могла, хотя честных сакацких квакушек запросто брала в руки. Лягушки, они как люди, одних перецеловать хочется, от других тошнит, а они копошатся, копошатся, копошатся...

— Восславим же Дом Раканов! — прохрипел вконец сорванный от восторга голос. — Восславим же государя нашего, его великие дела и благие замыслы!

Лунная лапа пробежалась по разоренному столу, вцепилась в увядающие гирлянды, мазнула по испятнанной фресками стене, послышались шаги — тяжелые, медленные. Четырежды ударил церемониальный жезл, отвратительно трезвый внук поднял кубок:

— Мы пьем здоровье Повелителя Круга! Значит, скоро конец, но как бы Повелителя не пришлось тащить из-за стола на руках. Матильда глотнула настойки, ощутила вкус имбиря, сплюнула прямо в растекшееся по тарелке желе. Чествуемый не проснулся. Рядом с посапывающим Ричардом сидел дворянин с грустным напряженным лицом, как две капли воды похожий на Дикона лет через двадцать. Перед чужаком стоял бокал, но вместо вина в нем была свеча. Зеленая, как гнилушка на болоте.

Дэвид Рокслей тоже спал, рядом с братом сжимал лунное стекло Джеймс в расстегнутом маршальском мундире. Кресло Эпинэ заняла грустная черноглазая дама, за ее спиной стоял старик в алом, по надменному лицу плясали лунные блики. Придд исчез за спиной холеного вельможи, на руке гостя горел аметист, губы были плотно сжаты. Откуда он взялся? Откуда они все взялись?

— Ваше Высочество, — прошелестело сзади. — Ваш внук и ваши подданные ждут слова хозяйки.

— Здоровье хозяев Круга! — Вдовствующая принцесса схватилась за стакан: в нем тлел зеленый огарок.

— Его Величество и Ее Высочество пьют здоровье Повелителей Круга, — прохрипел Арчибальд Берхайм. Надо же, а болтали, что его задавило. Ну и хорошо, что все живы, жаль, Робер расстроится из-за Кавендиша. Зато обрадуется из-за Рокслея, и радости будет больше.

Язычок пламени взвился вверх и погас, визгливо запиликали скрипки, с потолка посыпалась труха. Похожий на Дика дворянин встал и поклонился. Твою кавалерию, у него меч!

— Его нет! — Визгливый детский голос перекрыл шуршанье и шипенье. — А я хочу! Дай!

Девчонка. Толстенькая, щербатая, с изуродованной мордашкой. Лет шесть, не больше, а с ней бледнорожий толстяк в черно-белом.

— Мое! — Малявка топнула босой ножонкой. — Хочу! Сейчас хочу!

Толстяк подмел пол белыми перьями и водрузил шляпу на большую голову.

— Просим простить наше вторжение!

Старик в красном свел все еще черные брови, Джеймс поморщился, спящие не проснулись.

— Где он? — запищала девчонка. — Дай! Черно-белый ухватил поганку за коленки и

высоко поднял. Свечи погасли, но темней не стало.

— Не хочу! — Длинный бледный язык облизал губы. — Этих не хочу! Здесь все противные!

— Не хочешь, — зевнул толстяк, — не надо. Пошли домой!

— Нет! — Пухлая ручонка тыкала в зеленый свет. — Неси дальше! Туда!

Пришелец, тяжело ступая, пересек зал и водрузил свою ношу на стол. Малявка хихикнула, небрежно, словно танцовщица в ночной таверне, подобрала юбочку и, вихляя бедрами, пошла меж блюд и кувшинов. Пухлые ножки расшвыривали бутылки, вилки, соусники, веером разлетались брызги и объедки, звенели и лопались сброшенные на мозаичный пол тарелки, но спящие спали, а их соседи пялились на свои свечки.

Толстяк снова поклонился.

— Я вернусь, — пообещал он. — Вернусь и останусь.

Альдо приподнял кубок, взметнувшееся в нем пламя облизало лицо внука, камни на короне стали зелеными и тусклыми, словно их облепило мыло.

— Иди-иди, — обернулась топтавшаяся в залидном гадючка. — Бу-бу-бу!

Заиграла музыка. Внук встал, подал руку улыбающемуся Айнсмеллеру и спустился в танцевальный зал. В волосах цивильного коменданта желтела бумажная хризантема. Матильда глянула на стол — цветок из пасти данарского сома исчез.

— Буду-буду-буду-буду, — бубнила девчонка в такт тяжелым удаляющимся шагом. — Удо-Удо-Удо- Удо...

Омерзительно запахло гниющей рыбой и застоявшимися благовониями. Танцующие сменили партнеров, они двигались медленно и плавно, как утопленники в канале, а музыка частила, спотыкалась, путалась. Скрипки вырывались из общего лада, взвизгивая придавленными поросятами, глухо, как в животе, урчали трубы, не к месту бил барабан, и вновь пьяно хихикали смычки.

Буду-буду-буду-буду... Удо-Удо-Удо-Удо...

Айнсмеллер облизнулся не хуже поганки на столе. В ответ полуголая толстушка взросло и жеманно хихикнула, еще выше задрала юбку, прошла по хребту ритуального кабана, отбросила с дороги чашу с винным соусом, вступила левой ножкой в грибы, послала воздушный поцелуй танцующим, наклонилась и вырвала из пасти молочного поросенка малиновую бумажную розу.

Худо-худо-худо-худо... Буду-буду-буду-буду...

— Доброй ночи, фокэа. — Место Анэсти занял черный оллариянец. Тот самый, из Агариса. — Вы опять там, где вас быть не должно.

— Как и вас! — огрызнулась Матильда. — Я думала, вы гуляете только по кладбищам.

— Полагаете, существует разница? — улыбнулся клирик, кивая на клубящийся зал и спящий стол. — Я — нет.

— Вам виднее, — пожала плечами принцесса. Монах был не худшим бредом, причем именно бредом. Раз он тут, значит, она допила до закатных кошек и все остальное тоже бред. Пьяный!

— Вот вам! — Девчонка на столе сбила на пол бокал Рокслея, задрала заляпанную жиром коленку и изо всей силы топнула по блюду с голубями. — Вот!

Пары вновь сменились. Маленькая дрянь облизнула розу и швырнула в танцующих. Альдо, не глядя, ее поймал.

— Отдай! — завопила малявка. — Дурак! Я тебя не хочу! Фу! Иди вон!

— Фокэа, — монах встал, — вам лучше покинуть это сборище. На всякий случай. Я провожу вас.

— Благодарю, — буркнула Матильда, косясь на хохочущую девчонку. — Кто это?

— Идемте. — Оллариянец бесцеремонно ухватил принцессу за локоть. Похабно взвыла труба, сидящий рядом с Ричардом дворянин, не открывая глаз, приподнял догоревший бокал и вновь поставил на стол.

— Дурак, — орала девчонка. — Отдай! Не твое!

— Молчите, — прикрикнул клирик, волоча королевскую бабку к позеленевшей, облупленной двери.

— *Буду-буду-буду-буду*, — подхватил оркестр. — *Удо-Удо-Удо-Удо...*

Айнсмеллер, обхватив за талию Берхайма, пронесся в каком-то локте от странного монаха, за цивильным комендантом, дразня малиновым цветком, летел обнимавший Окделла внук, третью пару Матильда не разглядела: Удо Борн в гвардейском мундире рывком распахнул дверь, черный спутник выпихнул принцессу за порог, в лицо плеснуло холодом и гарью, рыбно-имбирная вонь развеялась, за спиной досадливо чавкнуло гнилое дерево.

— Прошу меня простить, — поклонился оллариянец, — следовало увести вас раньше.

— Ничего страшного, — соврала Матильда, — это не самый мерзкий прием в моей жизни.

— Это не ваш прием, фокза, — покачал головой клирик, волоча добычу в глубь зеркальной галереи, — и это не ваш дом.

А то она не знает, что не ее, только куда ей деваться от единственного внука, разве что в Закат!

Вдовствующая принцесса на ходу стянула провонявший праздником парик, принялась и швырнула на пол. Жаль, заодно нельзя выскочить из платья. Матильда затрясла слипшимися лохмами, соображая, спит она или уже нет. Зеркала отражали друг друга, в темных глубинах бесчисленными армиями вставали древние доспехи, меж которыми плыли две темные фигуры.

— Святой отец, — пропыхтела принцесса, проклиная шлейф, — у вас касеры нет? Или хотя бы идите потише.

Оллариянец не ответил, в зеркалах возникли огни — золотые, теплые, живые, кто-то шел навстречу и смеялся, вернее, хохотал. Монах тоже улыбнулся: по галерее в обнимку шли два жеребца — черный и белый. То есть не жеребца, а кавалера в маскарадных костюмах, но ржали они точно как кони.

— Доброй ночи, сударыня, — поклонился белый, — вам не страшно здесь в такую ночь?

— Теперь нет, — с достоинством произнесла Матильда, прикидывая, кто бы это мог быть. Ростом и статью черный напоминал Робера, в белом, несмотря на конское обличье, чудилось что-то кошачье или, если угодно, львиное.

— Фокза ошибается, — клирик пригладил темные волосы, — страх не ушел, он приходит.

— Не страх, — поправил белый, — бой.

— Ваш бой, — подтвердил черный, — только ваш. Вы одни...

— Я? — не поняла Матильда, оглядываясь на спутника, но его не было. Только тускло мерцали, отражая друг друга, наливающиеся пламенем зеркала да светила сквозь стеклянную крышу древняя лиловая звезда.

— Круг замыкается, сударыня. — Голос белого казался знакомым. — Год и четыре месяца не будет ничего. Только в Весенний Излом Первого года кони Анэма сорвутся в галоп и подует Ветер. Если подует...

— Должен подуть, — топнул ногой черный. — Слышите, сударыня? Должен!

— Значит, так и будет, — заявила принцесса в настоящую конскую морду. Она уже ничего не понимала: пьяный бред мешался со сном, сон перетекал в явь, где-то пировали, пили, плясали, где-то плакали, ненавидели, молились, а она шла по расколовшей закат молнии меж двух жеребцов, и был один из них черным, а другой — белым.

Глава 7. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 5-й день Зимних Скал**

Полотенца. Горячие и мокрые. Что может быть гаже? Только пиявки! Прибить этих лекарей, лезут куда не просят! А того, кто их впустил, замариновать и всунуть, будем учтивы, в пасть бумажный розан. Чтобы знал!

Увы. Незамаринованный внук был недосыгаем, а сырая, жаркая пакость льнула к лицу, рукам, спине, не сдерешь — сдохнешь и скажешь, что так и было. Ее Высочество Матильда судорожно вздохнула и кое-как разлепила веки. Никаких полотенец не было, как и лекарей, зато поясница прямо-таки разламывалась, а все остальное — голова, руки, ноги — согласно ныло и жаловалось на горькую долю. Комнате тоже было худо, иначе с чего бы ей вздумалось качаться и кружиться. Особенно подло вел себя потолок, пузырившийся, как подгорающая каша. Пузыри вспухали и с хлопаньем лопались, выпуская облачка пахнущего имбирем дыма.

Пришлось повернуться, но стены вели себя не лучше: мало того что они тоже пузырились и чавкали, по ним ползли зеленые муравьи. Мельтешащие полчища двигались кругами и восьмерками, обтекая портреты, с которых лыбились отвратительные рожи. Рожи дергали носами, подмигивали, облизывались, чмокали. Рожам было хорошо, Матильде — плохо. Очень.

Принцесса схватилась за разламывающуюся голову и села. Муравьи ускорили свой марш. Теперь они вытянулись в строгие шеренги. От муравьиного топота содрогался пол, каждый шаг отдавался в висках тупой болью. Имбирные волдыри зачавкали громче, обдавая страдальцу ненавистным ароматом, и все из-за сома.

Сомы вообще зло, заливное вонючее зло, и едят его злодеи. Или злоеды? Надо попросить Левия, пусть проклянет сомов и прочих карпов. А что, очень даже просто. Рыбу жрут кошки, кошки — спутники Леворукого, значит, любой рыбадец — адепт Врага! Вот бы все от такого эдикта забегали, только не выйдет... Левий держит Альбину, Альбина ест рыбу, значит, рыбу кардинал не проклянет. А может, он имбирь запретит? Имбирь и парики.

Матильда принялась: вонь шла на убыль, пузыри измельчали, муравьи тоже убрались, оставив на память топот. Ее Высочество потеряла виски, расползавшиеся червяками мысли потихоньку складывались в день, без сомнения, вчерашний. Последними из загаженной тинтой памяти всплыли провонявшая сомом хризантема и Удо Борн у двери. Дальше шел бред с черным олларянцем и обнимавшимися жеребцами. Жеребцы вылезли из зеркала, когда она упиалась вдрызг, но что было до того?

Муравьиный топот мешал соображать, в горле пересохло, но принцесса мужественно продиралась из разгульной ночи в вечер, а из вечера — в день. Они сидели на насесте. Играл оркестр. На столе лежал сом. Робера не было. Она пила ореховую настойку, потому что Альдо чествовал Эпинэ. Ричард вернулся вместе с Удо? После всего?! Невозможно.

Удо был таким же бредом, как оживший Берхайм и взгромоздившаяся на стол малолетка.

За спиной послышалось шипенье, словно комнату наводнили ызарги. Шипенье перешло в медный грохот, Матильда хрипло ойкнула и схватилась за голову. Грохот повторился. Ее Высочество повернула многострадальную башку, желая встретить смерть лицом к лицу, но это были часы.

Муравьи ни в чем не виноваты, они и не думали топтать, это тикали часы. Сперва тикали, а потом принялись бить. Золоченые часы с крылатыми безобразниками, знакомые, блестящие, противные. Кабинет! Ее угораздило свалиться не в спальне, не в будуаре и даже не за столом, а в кабинете.

Матильда встала, пол тоже встал. Дыбом. Пришлось плюхнуться назад, а все потому, что тюрэгвизэ нельзя мешать ни с чем. Тюрэгвизэ, настойка и вино по отдельности не зло, а вместе хуже Берхайма под имбирным соусом. Альдо объявил имбирную тинту гальтарским нектаром, а тюрэгвизэ кончилась, вот и пришлось пить настойку, но Робера Удо не трогал, покусение устроила какая-то свинья. А теперь Борна прогнали, убийца остался, тюрэгвизэ кончилась... Не вся! Полстакана осталось! Альдо выгнал Мевена до того, как тот выпил!

Они с Дугласом обещали сберечь долю гимнет-капитана, только вряд ли Мевен вспомнит... Тюрэгвизэ она сейчас допьет, а виконта угостит настойкой. Выпросит у Левия и угостит, кардиналу Создатель велел делиться.

Мечта о тюрэгвизэ пересилила страх перед брыкливым полом, и Матильда, кряхтя, поднялась. Пол наподдал как мог, но Ее Высочество на ногах устояла. Пол мотнул затканным папоротниками ковром и замер, настал черед спины. Спать в кресле можно в двадцать лет, а в шестьдесят без кроватей и прочих подушек проклянешь все на свете.

Колени дрожали, по стенам вновь побежали волосатые муравьи, но принцесса до стола все же доковыляла. Вожделенный стакан был пуст, надо полагать, она же его и выдула. Захотелось запить гальтарскую пакость, вот она и потащилась в кабинет. Выпила и узрела клирика с жеребцами, а могла бы и мармалюцу!

На всякий случай Матильда разыскала графин. Мерзавец не только опустел, он еще и высох. Больше в кабинете не нашлось ничего полезного, не считая белых императорских гвоздик. Гвоздики были свежими, значит, стояли в воде. Ее Высочество без жалости вытащила букет и от души хлебнула. Вода была кислой — служанка плеснула в цветы уксуса, чтоб дольше стояли. Ничего, от уксуса еще никто не сдох.

Вылакав пол вазы, Матильда намочила портьеру, обтерла лицо, шею и руки. Зеркала в кабинете не было, но Ее Высочество и так знала, что от нее сейчас даже Бочка шарахнется. Ничего, посидеть с полчаса вверх башкой, отеки спадут, можно будет переползти в приемную и добраться до будуара, а там гребни, укропная вода и... фляжка.

2

Больше всего Ричарду хотелось оказаться в другом месте. На войне, в Надоре, в Багерлее, наконец, но Повелители Скал не бегают.

— Доложите Его Величеству, — властно произнес юноша. — Герцог Окделл просит о незамедлительной аудиенции.

— Да, монсеньор. — Полуденный гимнет щелкнул каблуками, напомнив о Спруте. Гимнеты хоть и носили цвета Домов, подчинялись лишь государю и своим офицерам. Ричард это помнил, но видеть лиловое было еще неприятней, чем синее. Синий... Цвет смерти — проклятый цвет!

Ночные хлопоты и последующая скачка вытеснили на время и вину, и страх, теперь спешить было некуда и делать нечего. Только ждать, когда сюзерен примет не справившегося с поручением вассала. Дик твердо решил, что не солжет ни единым словом, но говорить правду будет тяжело и страшно. После Доры и то было проще: рванувшую к подачкам толпу не унял бы сам Ворон. Джеймс Рокслей по праву числился отменным генералом, а его затоптали вместе со всеми. Остановить давку не проще, чем унять сель, но довести Борна до Барсины казалось несложным...

— Монсеньор, Его Величество ждет.

Дик для храбрости тронул орденскую цепь и шагнул за порог. Как просто умереть за своего короля и как тяжело не оправдать его доверия!

— Ваше Величество. — Кавалер Найери должен называть сюзерена по имени, но сейчас это невозможно. — Мой долг доложить...

— Погодите. — Альдо взгляделся в лицо юноши и хлопнул ладонью по столу. — Теньент, проследите, чтоб нас не беспокоили.

— Повиновение королю! — Лиловая туника исчезла за расписными створками, сюзерен закрыл книгу и подпер рукой подбородок. — Ты вернулся рано. Слишком рано. Только не говори, что вы дрались и Удо отправился в Закат. Мне это не понравится. И я в это не поверю.

— Удо отправился в Закат, — пробормотал Ричард, — но... Дуэли не было!

— Не могу сказать, что я сожалею, — нахмурился Альдо, — но обвинения в убийстве не нужны ни мне, ни тебе.

— Его не убивали... — Ну как расскажешь, как ты стоял над спящим, а тот обнимал подушку, бормотал, лягался, не хотел просыпаться. А потом дернулся и умер.

— У него глаза стали синими, — выдохнул юноша, — совсем... Как стекло.

— Что?! — не понял сюзерен. — Синими?! Когда это было? Где?

— У меня, — отвечать проще, чем рассказывать, — в кабинете Ворона. Я его там запер. Альдо, я его будил, а он умер... Упал на подушку, и все... Я не понял, а он мертвый...

— За какими кошками ты его поволок домой? — бесцветным голосом спросил король. — Вы должны были ночевать в Креша, если не во Фрамбуа.

— Монахи. Мы пытались их объехать, они были везде. Я решил ехать ночью, чтобы люди кардинала не добрались до Удо.

— Значит, монахи? — Сюзерен попробовал улыбнуться, и юноша почувствовал себя еще хуже. — Дикон, вчера Левию было не до Борна. Он служил до полуночи, а монахи вышли на улицу в память об Эдикте.⁴ Истинные боги, с каким же наслаждением я подпишу свой эдикт. Об отмене этой подлости...

— Значит, — переспросил юноша, — они не нас ждали?

— Кто-то наверняка шпионил, но остановить гражданского коменданта столицы может только король. Итак, ты спрятался от монахов. Что дальше? Удо что-нибудь ел? Пил?

— Нет, он спать хотел. Я его отвел в кабинет эра... То есть в бывший кабинет герцога Алва. Там никто не живет, и там есть диван. Дверь я запер, ключ остался у меня. Туда никто не входил, клянусь честью!

— Чем ты занялся, когда запер дверь?

— Ничем... Поужинал, почитал Иренея. Думал найти у него о Гальтаре.

— Нашел? — устало спросил Альдо. — Что?

— Очень мало. Он же был из ордена Домашнего Очага и жил позже...

— Жаль, но все равно пришли, прогляжу. И долго ты читал?

— Почти до полуночи, потом пошел к Удо... Перед глазами вновь блеснул золотистый шелк, а под ногой закрипела ступенька. Он поднялся северной лестницей, свернул на галерею и уперся в дверь с проклятыми завитками. А вдруг все дело в комнате? Бывают дома, в которых живут кошмары. Повелитель Скал выдержал встречу с мертвым Симоном и сумел проснуться, а Борн? Что видел Борн?!

— Ты что-то вспомнил! — прикрикнул Альдо. — Говори!

— Свой бред, — потупился Ричард. — После дуэли я спал в той комнате. Мне снились очень... плохие... кошмары. Я даже ходил во сне. Не помню, как я выбрался на лестницу, меня нашли внизу без сознания.

Он спасся, а Удо не мог. Он был заперт, он и сейчас заперт. Лежит на черном диване с кожаной подушкой на лице.

— Где он сейчас? — Имени сюзерен не назвал, это было не нужно.

— В кабинете... Я его не трогал, только лицо закрыл. — Святой Алан, запер он дверь или нет?! Если внутри кто-то заглянет, он решит, что Удо задушили подушкой, но это не так... Взгляд залитых нечеловеческой синью глаз не выдержал бы никто. Даже эр!

— Альдо, — лучше сказать правду, как бы дико она ни звучала, — Удо умер от того, что уснул в комнате Ворона. Я бы тоже умер, если б там остался.

Дверь закрыта, он должен был ее закрыть и запереть, а в комнаты эра никто по доброй воле не войдет. Слуги боятся, и не зря!

— Борн умер по другой причине, — тихо сказал сюзерен, — и я знаю по какой. Мы еще поговорим об этом. Позже. Сейчас главное не смерть, а ее последствия. Ты говорил кому-нибудь, что случилось?

— Джереми. Ему можно верить.

⁴ Имеется в виду эдикт Эрнани Святого об уравнивании в правах эсператизма и абвениатства, подписанный в 4-й день Зимних Скал круга Волн.

— А слуги и цивильники? Они не догадаются?

— Я не... Альдо, я понял, что нас могут обвинить. Кардинал может. Мы придумали вот что... Джереми надел плащ, шляпу и сапоги Удо, они одного роста. Я велел потушить свет на лестнице и во дворе. Вроде чтоб сохранить отъезд в тайне. Мы спустились вниз, серый... конь Удо забеспокоился, но Джереми справился, он хороший наездник.

У ворот Лилий я отпустил цивильников, а мы поехали дальше, до Креша. Там мы расстались, я вернулся в город, а Джереми свернул на Барсинский тракт. Он остановится в какой-нибудь харчевне потише, назовется Борном, переночует, а завтра вернется через другие ворота под своим именем и в своей одежде. Как будто ездил по моему поручению...

— Хитрецы. — Альдо невесело усмехнулся. — Как бы ты сам себя не перехитрил, но что сделано, то сделано. Надеюсь, твой Джереми не сбежит и нас не продаст.

Джереми?! После всего, что он сделал? Это невозможно. Джереми доказал свою честность и свою преданность, когда за спасение Повелителя Скал ждала не награда, а месть всемогущего тессория. Пусть Удо Борн изменил, это не повод подозревать всех.

— Ваше Величество, — твердо произнес Ричард, — я доверяю Джереми Бичу как самому себе. Он никогда не изменит.

3

Станным было не то, что она заперлась изнутри, кто б на ее месте не заперся, а то, что не потерялся ключ. Вот было б весело, окажись она под замком. В другой раз Матильда не отказалась бы подразнить приставленный к ней птичник, но сейчас было не до смеху. Принцесса облизала успевшие пересохнуть губы и явила себя придворным дамам.

При виде проспавшейся королевской бабки высокородные дамы разинули клювы. Принцесса, задрав нос и подобрав живот, проплыла мимо перьев, крыльев и гребешков, бросив на ходу какой-то дуре:

— Проследите, чтоб в цветы доливали воду.

Дура сделала реверанс, Матильда кивнула и юркнула в будуар, но недостаточно проворно.

— Ваше Высочество, — просочившаяся за Ее Высочеством синяя мармалюца горела рвением и дымила любопытством, — вам помочь?

— Пошла вон, — отчетливо произнесла принцесса, мечтая о запрятанной в подушках фляге, — и дверь закрой!

Мармалюца исчезла, и Матильда рванулась к тайнику. Извлеченная из-под расшитых подушечек фляга подмигнула вделанными в крышку гранатами, принцесса поднесла горлышко к губам и сплюнула: касера провоняла имбирем, а на ковре злорадно вздувался свеженький волдырь. Ее Высочество саданула по нему каблуком, нога прошла сквозь пушистый прыщ, как сквозь клуб пара, на его месте образовалась дыра. Матильда затрясла головой и обнаружила, что куда-то задевала парадный парик и серьги с подвесками. Заодно исчезло рубиновое кольцо.

На столе в кабинете драгоценности не валялись, а на полу? Пойти поискать? Ее Высочество зевнула и глянула на пол: тот лежал смирно. Женщина подошла к трюмо, стараясь не глядеть в здоровенное стекло, и схватила флакон с укропной водой. Леворукий бы побрал эти шнуровки, не будь их, она б разделась сама. Увы, вылезти в одиночку из опротивевшего платья было невозможно. Матильда с ненавистью дернула рукав и в очередной раз едва не свалилась: вечерний бархат непостижимым образом сменился утренним атласом.

Потрясение пересилило страх перед зеркалом. Посеребренное стекло равнодушно отразило всклоченное чудовище в оранжевом платье с отложным воротником и единственной юбкой. Это совсем уж никуда не годилось! Парик мог потеряться, драгоценности — завалиться в щель, но как она выпуталась из парадных тряпок, где откопала утренний туалет и кто его зашнуровал? Говорящие жеребцы?

С испугу Матильда вновь схватилась за касеру, но имбирь продолжал свое гнусное дело, пришлось сунуть флягу на старое место. Конечно, в будуаре тоже были цветы... Принцесса с сомнением глянула на розовые торские фиалки, вспоминая, ядовитые они или нет. Вроде бы нет, но уксуса хотелось не больше, чем имбиря. Ее Высочество вернулась к трюмо, двумя взмахами гребня уняла жесткие, пора мыть, волосы, обтерла лицо салфеткой, стиснула зубы и позвонила. Раздался лязг и топот: камеристки ворвались в будуар, как во вражескую крепость.

— Его Величество справлялся о здоровье Ее Высочества, — возблеяла синяя коза.

— Дважды, — добавила пестрая курица.

— Его Величество так огорчен, так огорчен, — мемекнула синяя.

— Чем это? — с подозрением спросила принцесса, поднимая руки и поворачиваясь боком. — Снимите эту дрянь.

— Недомоганием Вашего Высочества, — подсказала коза. — Как жаль, что Ее Высочество пропустили прием Молний!

— Его Величество запретил беспокоить Ее Высочество, — поддакнула курица. — Его Величество был озабочен.

Так! Приехали! А кому совали в нос сома? Леворукому?

— Где мой парик? — от растерянности рывкнула Матильда. — Большой. И рубиновый гарнитур?

— В гардеробной, — возвестила курица, испытывавшая к гайифской шерсти нездоровую приязнь. — Ваше Высочество желает надеть?

— Позже. — Матильда растоптала надежду камеристки, как ростки зеленого лука. — Я спрашиваю про рубины.

— Гарнитур Вашего Высочества. — Синяя держала в руках знакомую шкатулку. — Ваше Высочество желает открыть?

— Желаю! — Камни гаденько поблескивали из своих ниш. Кто бы их ни убирал, это была не она: Матильда пихала побрякушки как придется, а не раскладывала по карманам и карманчикам. — Дайте попить чего-нибудь. И окно откройте.

— Осмелюсь напомнить Вашему Высочеству, на улице холодно, — вступила еще одна курица, доселе молчавшая. — Данар покрылся льдом.

— Лучше льдом покрыться, чем имбирем, — отрезала принцесса. — Вы что, не чувствуете?

— Осмелюсь... Ваше Высочество уверены, что пахнет имбирем?

Матильда потянула носом: мерзкий запах стал слабее, но никуда не делся. Кто прав? Чужие носы или свой?

— Какое платье прикажет Ваше Высочество?

— Домашнее. — Напиться до беспамятства можно. Можно забыть, где был, что говорил, ел и пил, потерять серьги, запереться изнутри, оставив ключ на видном месте, уснуть, проснуться с больной головой, но как быть со шнуровками?

— Где капитан Надь?

— Капитан Надь не возвращался.

— Говорите, Его Величество справлялся о моем здоровье?

— Да. Дважды.

— Уберите этот балахон, — велела принцесса, — подайте визитное. И парик. Гайифский.

4

— В приемной Ее Высочество, — доложил Мевен. Гимнет-капитан говорил суше, чем всегда, а может, это только казалось.

— Пусть войдет. — Альдо сунул Дику зеленый том. — Ты изучаешь Теотана, а я очень занят. Кстати, ты Павсания не нашел?

— Нет, — вздохнул Ричард, перерывший все оставшиеся в доме книги. Павсаний исчез, но в том, что он был, юноша не сомневался. Дик смутно припоминал тисненый переплет и сломанную застежку. В свое время юноша собирался пролистать книгу, но нарвался на историю Беатрисы, и все остальное ушло в тень.

— Не хотелось бы одалживаться у Спрута. — Альдо рассеянно перевернул страницу, — но быть невеждой хочется еще меньше. Украсть эту книгу, что ли? А что? Прощу Салигана, пускай добывает: убийцы из его дружков никакие, а вор он толковый.

— Салиган — мразь, — не выдержал Дикон, хотя неряха-маркиз в сравнении с Приддом и впрямь выигрывал.

— Мразь, — подтвердил Альдо, — и место ему в Занхе, но мне нужны свидетели, а у Салигана отменная память, и он не только смотрит, но и видит. А вот и Матильда. Читай и молчи, я сейчас тебя выставлю. Об Удо ни слова!

Дикон кивнул и уткнулся в желтоватую страницу с миниатюрой, на которой распятому на козлах человеку с огромным животом что-то вливали в рот через воронку. Ричард вгляделся в старинные буквы с завитушками и разобрал, что это допрос бывшего конюшего погибшего на турнире графа Гайярэ. Обвиняемый не выдержал пытки водой и сознался в любовной связи с графиней и в том, что он — отец ее новорожденного сына. Младенец был лишен графского титула и отдан на воспитание Церкви, герб Гайярэ разбит, а владения перешли к Линарди Ариго, ближайшему родичу Гайярэ по мужской линии.

— Проходи, — голос Альдо звучал весело и бодро, очень бодро, — Дикона я сейчас выставлю, и мы поболтаем.

— Вот еще, — буркнула Ее Высочество, — пусть сидит. Захочешь посекретничать, место найдешь. Где моя даита и где мой доезжачий?

— На охотничьем дворе, только что прибыли. — Сбоку зашуршало и скрипнуло: сюзерен сел, а значит, и Матильда тоже. — Задержались, с кем не бывает. Ты помнишь про вечер?

— Помню, — принцесса дышала часто и громко, — опять сомы с хризантемами будут?

— Какие сомы? — удивился Альдо.

— Вчерашние. Данарские.

— Нет в Данаре никаких сомов, где ты их взяла?

— На пиру в честь Эпинэ. — Снова заскрипело, Матильда устраивалась в кресле. — Ты не мог на место Алессандри кого-то попристойней найти?

— Я вообще никого не искал, — в голосе Альдо послышалось удивление, — у нас же месячный траур. Твой кардинал постарался, так что никаких оркестров. Подняли пару чаш за Дом Молний и здоровье Робера, благо оно ему пригодится, и разошлись.

— Ричард, — окликнула Матильда, — ты тоже сомов не видел?

— Я? — Дикон вздрогнул и поднял глаза. Альдо сидел за столом, принцесса — в высоком резном кресле, и выглядела она ужасно. — Я только что вернулся...

— Дикона, как ты понимаешь, на приеме не было — Альдо переложил бумаги с левого края стола на правый. — И быть не могло. Он провожал Борна.

— Тогда что он тут делает? — не поняла принцесса. — До Барсины ехать и ехать.

— Я не поехал в Барсину, — торопливо сказал Дик. — Мы... Я отпустил Удо за Креша.

— То есть — уточнила Ее Высочество, — ночью на пиру спал не ты?

— Матильда, — устало повторил Альдо, — ночью на пиру не было не только Дика, но и тебя.

— Ты не танцевал с Айнсмеллером, — удовлетворенно кивнув головой принцесса, — а Берхайм не воскрес. Что ж, мертвым его терпеть можно. А Дуглас где?

— Темплтона я отправил по делу — зевнул сюзерен, — к вечеру вернется.

— Вот и хорошо, — кивнула принцесса, — он мне нужен, но сначала я должна тебе кое-что сказать... Мне твоя столица надоела.

— Понимаю, — устало сказал Альдо, — на Сакаци она и впрямь не похожа.

— Именно — Матильда что-то стряхнула с плеча. — Щенок — это хорошо, но к нему

нужен охотничий замок. Гор поблизости днем с огнем не сыщешь, но леса есть, хоть и плохонькие.

— Ты решила пожить за городом? — Альдо еще раз переложил бумаги. — Что ж, я тебя понимаю.

— А раз понимаешь, отдай мне Тарнику. Там, говорят, неплохая охота, а выходцев я не боюсь. Да и не полезут они ко мне, я их не убивала.

— Хорошо. — Альдо провел ладонью по столу. — Тарнику я тебе подарю.

— Дари, — подалась вперед принцесса. — Бери перо, чего тянуть.

— Вижу, ты спешишь. — Альдо улыбнулся и придвинул бумажный лист.

— Спешу. — Принцесса тоже улыбалась, но губы у нее были бледные и лицо тоже. — Дайту привезли, чего ждать? Давай, пиши, ты это умеешь, Дикону особняк подарил, а мне замок нужен.

— Изволь. — Альдо взялся за перо. — Надеюсь, тебе там понравится.

— Твою кавалерию! — зачем-то выругалась принцесса и откинулась на спинку стула, прикрыв глаза. Под глазами были мешки, такие же, как у графини Ларак.

Смотреть на одетую в багряный бархат Матильду было неудобно, и юноша повернулся к сюзерену. Альдо торопливо писал, тикали часы, горели свечи, а дома лежал покойник. Его нужно вынести, но как? Ведь для всех Удо уехал. Остается дожидаться Джереми и сделать это вдвоем.

— Готово. — Альдо посыпал дарственную песком. — Тарника твоя. Довольна?

— Спасибо. — Матильда глубоко вздохнула и раскрыла глаза. — Завтра я туда съезжу. С капитаном Надем.

— Поезжай, — быстро сказал Альдо, — только щенка не застуди.

— Щенок останется в заложниках. — Принцесса странным жестом поправила волосы, хотя это же парик, наверное, с ним так и надо. — Ты же любишь брать заложников.

— Не люблю, — огрызнулся сюзерен, — но приходится. Быть королем непросто.

— Ну и оставался бы принцем, — тихо сказала Матильда и поднялась. — На приеме я буду. Я даже на сома согласна, Тарника стоит жертв.

— Сомов не будет, — рассмеялся Альдо, и принцесса ушла. Альдо зевнул и потер переносицу. — Хорошо, что она уедет. Есть вещи, которые женщинам не понять, тем более чужеземкам.

— Альдо, — неуверенно начал Дик, — его надо похоронить. В доме тепло и вообще...

— Конечно, надо. — Сюзерен забарабанил пальцами по столу. — Твой Джереми из вояк?

— Капрал... Он был ординарцем Симона...

— Тогда справится. Тело придется разрубить и вынести в мешках по частям.

Разрубить? Взять и разрубить, как коровью тушу? А потом что? Сжечь? Бросить в Данар? Закопать?

— Альдо! — Сюзерен обернулся, его взгляд не предвещал ничего хорошего, но Дик все-таки сказал: — У человека должна быть могила, и потом... Удо — брат Рихарда... Ты сам говорил, эориев мало. Лучше мы с Джереми его вынесем в подвал. Там холодно, а со слугами что-нибудь придумаем.

— Помолчи, — прикрикнул сюзерен, меряя шагами ковер, — я еще не все сказал. В Агарисе меня пытались отравить. Меня и Матильду. Погибла собака. Та самая Мупа, про которую ты столько слышал, а у Борна нашли яд.

— Ты думаешь, это Удо? — Ричард с ужасом взглянул в спокойное невеселое лицо. — Он хотел вас убить?

— Не он, а его. — Альдо прекратил ходить и остановился, засунув руки за пояс. — И не хотели, а убили. Чтобы молчал. Я сделал ошибку, послушав Матильду и Левия; в Багерлее Удо был бы жив.

Удо отравили?! В доме Окделла? Ноги подогнулись, и Ричард, ничего не соображая, плюхнулся на королевский стул.

— Вот-вот, — махнул рукой Альдо, — только и остается, что упасть...

Дик смотрел перед собой, но ничего не видел, вернее, видел осеннюю Эпинэ, дождь, мчащегося рядом Удо, его крик: «Держись, Окделл! За мной!» Они врубились в грязные шеренги, все смешалось, потом из холодного месива вновь вынырнул Удо. Он искал Дика, и это было спасением...

— Убийца, кто бы он ни был, боялся признаний Борна. — Ровный голос сюзерена прервал воспоминания. — Бедняга так и не сказал, как докатился до измены. Чем больше я думаю, тем больше склоняюсь к мысли, что Удо пошел против нас не своей волей.

Конечно! Борн не мог продать, но его могли запутать, обмануть, запугать, наконец. Не смертью, нет, есть вещи пострашнее, но великодушные Альдо могло развязать Удо язык. Наверняка бы развязало, и Сузу-Музу заставили замолчать.

— Ваше Величество, — твердо сказал Ричард, — Удо Борн умер под моей крышей, и я обязан его похоронить.

— И похоронишь, — столь же твердо ответил сюзерен. — Представишь, что его разорвало ядром, и похоронишь. Дикон, никто не должен знать, что случилось с Удо. Это наш шанс схватить убийцу за руку. Мерзавец наверняка примется расспрашивать, в том числе и тебя, так что будь настороже. Суза-Муза, нападение на Робера, убийство Борна — звенья одной цепи. Поймаем отравителя, распутаем весь клубок.

— Конечно, — рука сама собой сжалась на цепи Найери, — конечно, Альдо. Мы его найдем.

— Ты уже начал игру, — рука сюзерена легла на плечо вассала, — нам остается только продолжать... Джереми придется расчленить тело, поверь, другого выхода нет. Я мог бы тебе приказать, но хочу, чтоб ты понял: иначе нельзя. Мы не можем терпеть во дворце отравителя.

— Во дворце? — задохнулся Ричард. — Во дворце!

— Другого ответа нет. — Альдо присел на краешек стола, глядя в расписной потолок. — У тебя Борн ничего не ел, с тобой все в порядке. Значит, его отравили здесь. Убийца понял, что другой возможности не будет, и всыпал отраву в алатское пойло. Хорошо, его было мало, мне не хватило.

— Ты же не стал пить с Борном, — пролепетал юноша, — и Мевену запретил.

— С Борном не стал, — король по-прежнему глядел куда-то вдаль, — но с Матильдой, когда вы ушли, выпил бы, если б осталось. А так мы просто болтали, вернее, ссорились, а потом она уснула. Прямо в кресле. Как это ни смешно, ее опять спасла даита. У меня в голове крутились щенки, я вспомнил про Мупу и про то, что сказал лекарь о сонном камне. Этот яд усыпляет, Дикон. Просто усыпляет. Дашь человеку выспаться, и с ним ничего не будет, но если разбудить... Хотя чего тебе рассказывать, ты видел.

— Значит, ты понял... что это яд?

— Тогда нет. Матильда не молоденькая, встала рано, пила эту свою дрянь... Она могла просто уснуть, но пуганая ворона куста боится. Я запер дверь и помчался за Дугласом, но он уже уехал. Я вернулся к Матильде, запретил камеристкам к ней лезть, пока не позовет, и потащился на прием. Мне было не очень-то весело, Дикон, особенно когда я думал о тебе.

— Ты думал, меня тоже отравят?

— Нет. — Сюзерен подошел к часам и потянул гири. — Я и представить не мог, что ты потащишь Борна к себе. По моим расчетам, вы должны были подъезжать к Мерции. Я послал вдогонку гимнета, он вернулся ни с чем. Потом явился Дуглас, с ним было все в порядке, к утру я уверил себя, что шарахнулся от тени...

Сюзерен мог умереть. И Темплтон, и Матильда, и Мевен. Дикон облизал пересохшие губы:

— Я прикажу Джереми разрубить тело. — Святой Алан, какие страшные слова, но иначе нельзя. Эта война не знает ни милосердия, ни благородства.

— Что ж, решили, и хватит об этом. — Альдо топнул ногой, словно стряхивая с сапога налипшую грязь. — Сегодня последний день Излома, проводим его по-человечески. И...

Дикон, четвертую чашу мы с тобой поднимем в память Борна. Он так долго был нашим другом, а врагом — всего несколько дней...

Глава 8. ХЕРБСТЕ. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)

400 год К. С. Ночь с 5-го на 6-й день Зимних Скал

1

Небо затянули тучи — низкие, тяжелые, полные снега, только на западе в мохнатой облачной шкуре зияла прожженная солнцем дыра. Юго-восточный ветерок пересыпал снежную пыль, над дальними тополями кружило невесть откуда взявшееся воронье.

— Мы должны смотреть, как солнце уходит в землю до половины. — Командор Райнштайнер говорил о предстоящем ритуале, как об арьергардном сражении. — Потом мы возьмем снег, по которому прошла кошка, и пойдем в дом зажигать огонь. Свечи должны загореться во время заката. Они будут долго гореть, и в это время нельзя говорить и покидать свое место. Если ты еще не сделал все необходимое для долгого ожидания, я советую сделать это незамедлительно. Времени осталось мало.

— Я готов, — откликнулся Жермон, глядя на розоватый вечерний снег.

— Хорошо, — кивнул бергер, вытаскивая из-за пазухи беспородную пятнистую кошку, приبلудившуюся к кашеварам арьергарда. — Я вынужден просить прощения у бедной малышки, но придется ей сделать лапы и хвост мокрыми и холодными.

Киска протестующе замыкала, широко раскрывая розовый рот, но барон Райнштайнер был не из тех, кто считается с чужим мнением.

— Оставь свой след первой на этом снегу, — велел бергер извивавшейся кошке и решительно швырнул ее в сугроб. Мелькнули черно-белые пятна, раздался жалобный мям.

— Это было необходимо, — объяснил бергер то ли графу Ариго, то ли своей жертве, с воплями пробивавшейся сквозь снежную целину домой, к кухням.

— Как же мне надоели эти праздники, — невпопад буркнул Жермон, глядя на застывшие тополя. — Если б не они, все было бы ясно.

— Ты имеешь в виду намерения фельдмаршала Бруно? — откликнулся Ойген, провожая глазами барахтающуюся в снегу киску. — Мы можем предугадать его действия с большой вероятностью. Кавалерия дриков очень старательно занимается разведкой. Я не буду удивлен, если Бруно уже имеет сведения о нас.

— Если так, — сощурился Ариго, — нам остается оставить заслоны и отойти к Шафгазе.

— Разумно, — согласился Райнштайнер. — Фельдмаршал слишком осторожен, чтобы зимой продолжать наступление, игнорируя армию фок Варзов, но что он сделает: атакует фок Варзов, укрепит на Хербсте или отойдет?

— Выбор небогат, — протянул Жермон, щурясь на повисший над острыми верхушками алый диск. — Всерьез воевать или зимовать в открытом поле одинаково противно, а до Аконы им не добраться. Бруно это, надо полагать, видит. Думаю, он вернется к границе и будет ждать весны.

— Это очень похоже на правду, — по физиономии бергера плясали закатные блики, изображая румянец, — но так ли это на самом деле — покажут ближайшие дни. Тебе, мой друг, нужно быть готовым ко всему, и ты готов, о чем я с удовольствием доложу регенту.

Будь на месте Райнштайнера кто-то другой, Жермон бы отгрызнулся, но бергер не льстил и не заигрывал. Он пришел к выводу, что генерал Ариго содержит вверенные ему войска в порядке, о чем и собирается сообщить Рудольфу, при особе которого состоит. Очень просто.

— Спасибо, Ойген, — усмехнулся граф Ариго. — Передай герцогу, что мы неплохо устроились.

— Непременно, — пообещал барон. — Я очень рад, что ты не успел уехать в столицу. Ты удачно сочетаешь северный холод и южную дерзость. Это очень хорошо для войны.

— А уж как я рад, что остался, — подкрутил усы Жермон. — Но Олларию нам не миновать, разве что старший Савиньяк поторопится.

— Это было бы весьма уместно, — показал крупные зубы бергер. — Наша армия будет очень серьезно занята, но надолго оставлять столицу в руках Ракана нежелательно. Известия, которые получает регент, настораживают. Казни, грабежи, осквернение могил и храмов не могут привести ни к чему хорошему.

— Да уж, — буркнул Ариго, вспоминая льющуюся воду и позеленевший мрамор. Перед отъездом в Торку его занесло в Старый Парк. Лишенный имени и наследства олук просидел до ночи на краю бассейна, на прощанье высыпав в прозрачную воду все, что было в кошельке. На счастье. — За святого Фабиана и храм Октавии голову отвернуть мало!

— Человек, подобным образом навязывающий себя миру, рискует разбудить очень большие неприятности, — назидательно произнес барон. — Франциск сделал очень много нового, но он не оскорблял старое. Ракан думает, что он лев, но он собака, лающая в горах. Лай может сдвинуть лавину, но пес слишком глуп, чтобы это понимать. Это будет трудный Излом, Герман. Я очень рад, что не имею никого в этом мире и могу исполнять свой долг, не оглядываясь на свое гнездо.

— Разделяю твою радость, — пробормотал Жермон то ли Ойгену, то ли крепчавшему ветру.

Солнце уже насадило себя на древесные пики и теперь сползало по ним все ниже и ниже, кошачьи жалобы смолкли, только пушистый розовый ковер рассекла синеватая борозда. Зима в Придде не походила ни на зиму в Торке, ни на зиму в Эпинэ, хотя какая в Эпинэ зима? Тающий на лету снег, злые серые дожди да неистовство вырвавшихся из Мон-Нуар ветров. Очумевшие облачные стада задевают верхушки каштанов, ледяные струи шипят закатными тварями, свиваются в водяные вихри, пляшут по раскисшим склонам.

Буря проносится, и вновь тишина и солнце. Яркое, разрывающее свинцовую муть. Несколько дней слепящей синевы — и новая буря мешает рыхлое небо с раскисшей землей. Доберется он когда-нибудь до Эпинэ или так и умрет на севере, как жил?

— Ты не знаешь, из дома что-нибудь слышно? — Жермон зарекся спрашивать давным-давно, но закат и бергерские откровения сломали старые печати.

— Из дома? — Если б Ойген умел удивляться, можно было подумать, что он удивился. — Мой друг, я не понял.

— Я про Эпинэ, — буркнул Жермон, старательно глядя вдаль. — В конце концов, вся эта заваруха началась именно там.

— Я понимаю, что тебе эта земля небезразлична, — назвал кошку кошкой барон. — О том, что большая часть мятежных дворян ушла за герцогом Эпинэ в Олларию, а губернатор Сабве бежал, ты знаешь. Во главе лояльных Олларам графств, как ты можешь догадаться, стоят граф Валмон и графиня Савиньяк. Дворянство юга начинает шевелиться, весной с мятежом будет покончено. Сейчас все ждут, что сделают кэналлийцы... О, зегнершафферен!⁵

... Изумрудная волна неслась через облачный прорыв от берега к берегу, смывая и золото, и кровь. Достигшее земли солнце стало прозрачно-алым, словно маки на горных склонах, а небо вокруг расцвело нежной весенней зеленью. Тот же манящий, нездешний свет лежал на дальних холмах, на спящей Хербсте, на тучах, что нависли над готовыми к прыжку армиями.

— Оно уходит, — резко бросил Ойген, разбивая весенний сон, — мы должны спешить. Берем снег!

Бергер, встав слева от кошачьего следа, быстрыми точными движениями сгребал

⁵ Дословно: «Ушедшие в мир иной Создатели!» — бергерское восклицание.

зеленый снег в кожаный горский мешок. Жермон сорвал перчатки и бросился направо. Изумрудный холод обвивал руки, мешок наполнялся, а солнце стремительно уплывало за хрустальный горизонт.

— Хватит, — решил Ойген, и они кинулись в дом лодочника, приютившего генерала. Все было готово, оставалось высыпать снег в медную миску на привезенные Ойгеном разноцветные камешки, резануть друг друга по запястью и зажечь четыре свечи.

... Они успели, последний огонек вспыхнул за мгновение до того, как алый солнечный осколок окончательно ушел в землю.

2

Башня казалась древней, как само море, из волн которого ее подняла ныне угасшая сила. Сооружение доживало если не последние дни, то последние годы. Некогда несокрушимое, оно обветшало: по стенам змеились трещины, зубцы раскрошились и осыпались. Башню было жаль, как жаль живое существо, чей срок близится. Так было и с Эгмонтом, и с комендантом Барсовых Врат, имя которого Повелитель Молний запомнил, и с Жозиной...

Привычно заныло запястье, и Робер принялся растирать больную руку, отгоняя надоедливую боль. Он был совсем один на залитой закатным пламенем верхней площадке. Черно-красные плиты истерлись и растрескались, в бесчисленных выбоинах что-то дрожало — то ли вода, то ли вино, то ли кровь. Эпинэ нагнулся пощупать и отдернул руку. Глаза лгали: камни были сухими и горячими, такими горячими, что занесенный ветром ржавый лист вспыхнул и рассыпался легким пеплом. Раскаленная башня, несущий гарь ветер... Лэе Астрапэ, отчего же так зябко?

Повелитель Молний огляделся в поисках плаща — ничего, только обветшавшие зубцы и обман. Эпинэ потер многострадальную руку и побрел вдоль осыпающихся бойниц, вглядываясь в полыхающий горизонт, над которым повисли четыре солнца. Это не пугало и даже не удивляло, как не удивлял рвущийся сквозь грохот прибоя конский топот и отдаленный струнный звон. Эпинэ помнил эту песню — недобрую и очень старую. Песня была ровесницей башни, но те, о ком шла речь, родились раньше.

Мимо пустых городов, к южному морю,
Ехало четверо конных днем, полным горя,
Ехало четверо конных, горбясь устало,
Ай-яй-яй-яй, к южному морю...

Четыре молнии вырвались из клубящихся облаков и ушли в красное море, зло и беспомощно закричала невидимая птица, волны с четырех сторон грохнули в стены, разбились о блестящий камень, алыми роями вспыхнули брызги...

Ай-яй-яй-яй, в вечерних звездах...

Далеко за морем, у исхлестанных ветрами гор заржала лошадь, разбудила серую осыпь. Камни, раздраженно шурша, поползли, покатались, полетели вниз, облака пыли окутали синий перевал, но Они не оглянулись.

Мимо обрушенных стен, цепью предгорий,
Ехало четверо конных в вечерних звездах,
Ехало четверо конных, ночь наступала,
Ай-яй-яй-яй, в вечерних звездах...

Рушились скалы, ветры взметали тучи пепла, море вскипало гривастыми волнами, раз

за разом били в иссохшую землю молнии, а Они ехали вперед. Не оглядываясь, не сожалея, не прощая, и небо за ними было багровым и пустым — ни солнца, ни луны, ни облачка, только пять незнакомых звезд. Одна вздрогнула, покатила вниз, и все погасло. Нет, это погасла свеча у изголовья...

Эпинэ приподнялся на локте и понял, что лежит в постели. Собственной. Ничего страшного, бывают сны и похуже.

— Монсеньор! Монсеньор, вы очнулись?

Сэц-Ариж! Только его здесь не хватало!

— Жильбер? Что ты тут делаешь?!

— На Монсеньора напали...

Нападение и трупы на полу он помнил, как убивал — нет.

— Раз уж ты тут, дай воды.

— Монсеньор...

Робер схватил стакан, в нем была вода. Холодная, чистая, настоящая. Жажда ему не приснилась, а остальное?

— Монсеньор, вам что-нибудь еще надо?

— Надо. Уйди!

Убрался. Наконец-то все убрались и он свободен до утра. Свободен, как не бывал давно, а может, и никогда.

Прошлое погасло, будущее не возило, осталось несколько часов на краю Заката. Слишком мало, чтоб добраться до поросших гранатами склонов, но жизнь везде жизнь. Даже здесь...

Облетившие каштаны, а за ними — дом. В окне на втором этаже мерцают свечи, кто их зажег? Он? Она? Она и Он? Маленькая загадка, которая может развлечь. Найдись в этой дыре гитара, он не стал бы искать общества. Дикий виноград на стене... Как кстати!

Приподняться в седле, ухватиться за лозу, подтянуться, опереться о выступ. Можно загадать на того, кто не спит, а можно не загадывать. Рука тянется к прутьям решетки, внизу звякают удила, над головой скалится сводница-луна. Вот и окно, а за ним — женщина. Лет тридцати, сидит у стола, смотрит в стену. Чья-то жена? Вдова? Девица? Последнее было бы досадно... Темные волосы, недурной профиль, вышитая сорочка.

Топнул о подмерзшую землю конь, стряхнул с неба чью-то звезду, предвещая завтрашнюю кровь... Одиночество вечно жжёт ночами свечи. Одиночество, страх, болезнь и любовь, но только одиночество смотрит в стену, как в зеркало.

Пудобней ухватиться за решетку, стукнуть в стекло раз, другой, третий... Повернула голову. Ей больше тридцати, но не слишком. Закричит, бросится вон из комнаты, откроет окно? Открывает. Одиночество гостеприимно.

— Кто вы?!

— Это так важно?

— Чего вы хотите?

— Ничего, а сейчас вас. И еще завести во двор коня.

Скрип, шорохи, тяжелое дыхание, дальний конский топот и еще что-то на пороге слуха. Какой-то звон.

— Сударь, сколько воды он выпил? Постарайтесь вспомнить.

— Полный стакан. Он опять потерял сознание...

— Кто потерял? — открыл глаза Робер. — Сэц-Ариж, я велел вам уйти, а не тащить ко мне лекарей или кто это тут с вами?

— Вы пришли в себя?! — Сейчас пустится в пляс. С топотом. — Монсеньор!..

— Какой сегодня день? — Спать не дадут, это очевидно. — И что слышно нового?

— Пятый день Скал... То есть уже шестой...

Три дня без сознания. Весело. Боль раздирала запястье, словно кошка. Эпинэ поднес руку к глазам, она была туго забинтована.

— У монсеньора открылась старая рана, — зачастил заспанный лекарь, — кровотечение было сильным, кровохранилища пустели.

— Где браслет? — Росчерк молнии на золоте уже был бредом или еще нет? — Вы его сняли?

— Мы были вынуждены, — проямлил врач, — кровотечение... следовало остановить...

— К Леворукому! Что с Моро?! Если его никто...

— Монсеньор. — Сэц-Ариж блохой выскочил из-за лекарской спины. — Все в порядке... Карваль к нему сразу пошел, и ничего. Вчера даже в паддок⁶ выпускали...

— Хорошо. — Значит, Никола опять рисковал ради своего «монсеньора». — Верните браслет и проваливайте.

— Я хотел бы коснуться лба монсеньора, — затянул свое врач. — Весьма вероятно, у монсеньора жар.

— Обойдетесь. Вы слышите звон или мне кажется?

Не звон — рокот. Глухой, рваный, тревожный...

Крик гитары и дальний стук копыт. Ночью кони несут на себе тревогу, черные кони, идущие шагом.

Мимо расщелин и скал вниз, с перевала,
Ехало четверо конных, ночь умирала,
Ехало четверо конных к южному морю,
Ай-яй-яй-яй, вниз с перевала...

— Монсеньор, все тихо.

Тихо... Это называется «тихо»? Но тишина тоже звенит, поет, кричит ночной птицей, бьет в полуденный колокол. Нет ничего звучней тишины.

— У монсеньора от жара сгустилась кровь. Это может вызвать головную боль и бред. Науке известно...

— Где браслет?

— Вот он.

— Дай.

На старом золоте знакомый зигзаг. Молния! Молнии, рвущие небо, молния, расколовшая герб. Он клеймен молнией, как Дракко, а дальние струны все звенят, только тише. Неужели они замолкнут совсем?

Ай-яй-яй-яй, вниз с перевала...

Женщина спала, обняв подушку. Сон и утро ее не красили, но за утром приходит вечер, а потом вернется ночь. Ночью женщины красивы, как кошки, а цветы пахнут сильнее... Хорошо, что спит, прощанье и слезы не нужны никому. И она не нужна.

Вино на столе очередным соблазном или напоминанием о запретах, смешным напоминанием, мелким... Он не пил вечером, не пил ночью, не станет пить и утром. Есть вещи, которые пьянят сильнее. Например, жизнь. Ты думал, что заткнул дыру, что не твои это желания и не твои слова, а судьба тебя обыграла. И поделом — не говори, если тебя не слышат. Не говори, если не знаешь...

Синие звезды на скатерти, как непривычно они выглядят на беленом полотне. Пусть остаются. Рядом с кошельком. Брошенный кошелек, ненужные драгоценности, невыпитое вино, уставшая женщина... Аллегория тщеты и упущенных радостей, как сказал бы

⁶ Выгульный двор (выгул, левада, варок, паддок) — огороженный участок вблизи животноводческого помещения или непосредственно примыкающий к нему, предназначенный для пребывания животных на открытом воздухе.

Сильвестр, а сегодня нужны сталь, свинец и немного удачи. Куда меньше, чем обычно. Как звали того храбреца, что не убоился ни изначальной твари, ни полчища варитов и умер на месте, получив за шиворот лягушку? Твоя лягушка тебя ждет, одна радость, сегодня все закончится. Совсем! Это не только твой конец, это конец ловушки, больше в нее никто не попадет. Больше никому.

Скрип двери, утренний холод... День будет ясным и холодным, еще не зима, уже не осень, очень подходящий день. Жаль, не выйдет глянуть на цветущие гранаты или хотя бы на сирень. Старые площади в лиловой и белой пене, они еще будут, и это правильно, потому что они, если угодно, и есть Вечность... Если нет боли, смерть делает нас сентиментальными. Нет ничего глупей предсмертных писем, это ли не доказательство того, что смерть глупа?

Моро тянет морду, тихо, радостно ржёт, а вот это зря. Помолчи, не надо! Нехорошо тебя впутывать в сегодняшнюю смерть, но иначе не выйдет. То, что можешь ты, не сможет никто, тут мы парочка хоть куда...

Любопытно, что будет дальше. Обидно смахнуть карты со стола и не увидеть, как их подберут, но как же красиво ты влип! Под такую притчу старик Рафиано четыре договора подпишет, один золотей другого. И подпишет! Но сначала будет война, жаль, уже не твоя.

Отодвинуть засов, отворить ворота, вскочить в седло и не оглядываться. Сзади — туман, впереди — дым, в котором прячется пламя. Дым от пороха белый и мертвый, дерево живое, и горит оно черным...

Черный и белый — два дыма и флаг, которому ты задолжал, а дом, из которого ты ушел, уже далеко. Забавный такой дом... Шесть окон, облетевший виноград, скрипучие ворота, измятая скатерть, женищина без имени — ничего этого больше нет, осталась только дорога, ей по тебе и плакать, а еще лучше — смеяться.

Пыль глушит звон подков, пляшет, закидывает голову, предвещая рассвет, звездный Конь, алой ройей блеснит косящий глаз-Каррах, Синил-копыто пробивает зеленый небесный лед...

Мимо убитых озер в звездах усталых
Ехало четверо конных, утро вставало,
Ехало четверо конных, таяли зори,
Ай-яй-яй-яй, в звездах усталых...

3

Снег давно растаял, вода была красной от крови, в красном зеркале четырьмя звездами дрожали огоньки свечей. Странно, свечи казались одинаковыми, а горели по-разному. От той, что стояла перед Ойгеном, осталась половина, а стоящая справа почти сгорела...

Жермон покосился на запястье — порез все еще кровоточил. К рассвету граф Ариго окончательно станет бергером и получит талисман для себя и своих потомков, если он ими когда-нибудь обзаведется, что вряд ли. Война не лучшее время для свадеб, чего хорошего, когда тебе смотрят вслед, просят вернуться, плачут...

Черноволосый человек потрепал по шее коня и поднял голову — небо сияло чистой, невероятной синевой, только вдали маячило облако, странное и одинокое, похожее на птицу с четырьмя головами, да сияли назло солнцу четыре разноцветных звезды.

Черноволосый изогнулся, что-то поймал над самой землей, вскочил на коня и выехал из рощицы. Мориск шел медленно, словно нехотя, а по небу плыла четырехглавая птица. Всадник не оглядывался, он знал, что его ждет, и Жермон Ариго тоже знал. Его там не было, и он был. Солнечным лучом, рассветной звездой, алым листом, подхваченным над самой землей горячими пальцами, ветром, поднявшим пронизанную светом пыль, летящей в

никуда пылинкой.

Темный силуэт медленно исчезал в золотом сиянии, клубились пылинки, их становилось все больше, уходящего затягивало дымом, заматало то ли пылью, то ли снегом...

Сухой треск, словно кто-то переломил палку, чернота за тусклыми стеклами, человек напротив. Лицо Ойгена, а глаза чужака, глядящего сквозь тебя, сквозь стену, сквозь ночь. Древние, усталые, обреченные.

Кто придумал этот обычай? Бергеры привезли его с собой или переняли в Золотых землях от тех, кто позабыл сам себя? Зеркало, снег, огонь, камни и кровь. Снег становится водой, кровь людская мешается с кровью земли, а зеркало отдает долги звездам. Как только Ойген все это запомнил? Хотя барон помнит все.

Фитилек зашипел и погас, с неба покати́лась желтая звезда, рассыпалась снежной пылью, волосы уходящего стали седыми.

— Стой! — крикнул Ариго. — Да стой же!

Полный дыма ветер подхватил крик, понес над замерзающей землей. Всадник не оглянулся. Черный конь все так же мерно шел вперед. Уже не по земле, по облачным клубам. В редких прорывах мелькали серые птичьи крылья, а под ними, становясь все меньше, все игрушечней, плыли крыши, леса, реки...

Жермон снова закричал, ответа не было. Еще две звезды задохнулись в дыму, но солнце светило упрямо и отчаянно. Если бы вспомнить имя всадника, вспомнить и позвать, но лицо, сердце, память резали острые льдинки, дым валил все гуще, из белого становился серым, из серого — иссиня-черным.

— Стой! — Перед глазами метнулась птица, по зрачкам резанул серебряный луч, свой камень он оправит в серебро. — Стой!

Из четырех свечей осталась одна, та, что была ближе всех. Небо за окном отливало синим, синей стала и вода, словно кровь ушла в зеркало, разделившее ветер и камни, миг и вечность.

Догорала свеча, глухо стучало сердце, рвался в дом поднявшийся ветер. Кто-то уходил, чтобы они остались. Они оставались, потому что кто-то уходил.

Конские ноги вязли в тяжелых черных тучах, как в снегу, небо начинало алеть, но солнце и не думало садиться. Оно плыло по небу красным огромным сердцем, с которого капала кровь, а дымные облака превращались в тяжелые, медленные волны...

— Стой, раздери тебя кошки! Назад! Аэдате маэ лэри!

Всадник все-таки оглянулся. Он был далеко и совсем рядом. Жермон разглядел сжатые темные губы, прилипи́ую ко лбу прядь, бешеные синие глаза. У смерти синий взгляд, а какой взгляд у жизни?

— Надо брать свой камень левой рукой и вынимать из воды. — Ойген уже не сидел, а стоял, широко расставив ноги. — Этот камень будет нести в себе эту ночь четыреста лет.

Ариго послушно поднялся и одновременно с бергером сунул окровавленную руку в показавшуюся кипятком воду. Пальцы сами сомкнулись на чем-то твердом и круглом. Жермон раскрыл ладонь и увидел полупрозрачный камешек, темно-синий, с чем-то светлым и зубчатым внутри.

— Ты поймал утреннюю звезду, — удовлетворенно объявил Ойген, показывая что-то иссиня-зеленое, — а я — морской лед. Это очень удачно.

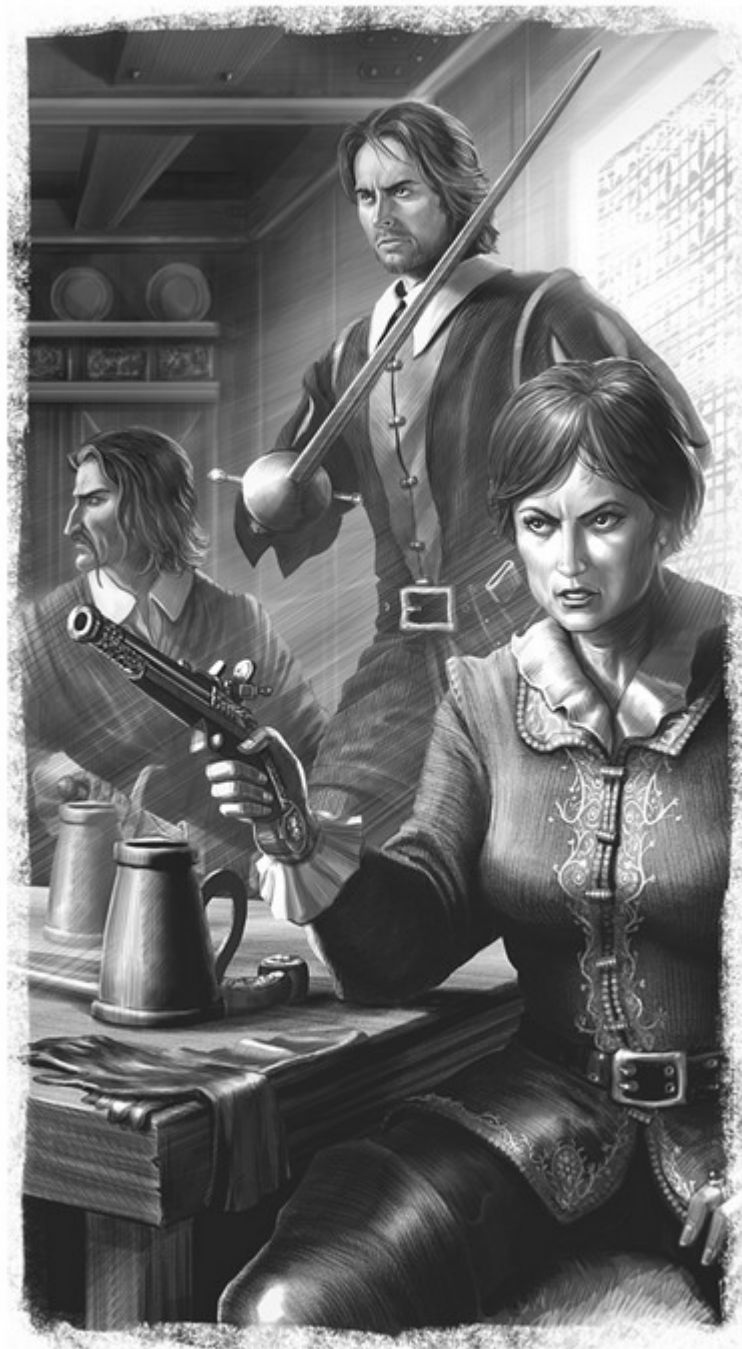
... Над последним огарком вилась тоненькая дымная струйка. Сквозь выгоревшие занавески светило солнце.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «ШУТ»⁷

⁷ Высший аркан Таро «Шут» (Le Fou). Наиболее сложная карта, символ «святой простоты», слепого движения навстречу своей судьбе, блуждания в потемках. Одновременно с этим начало новых дел. Сочетает в

Как раз те люди, которые во что бы то ни стало хотят всегда быть правыми, чаще всего бывают неправы.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)
400 год К. С. 6-й день Зимних Скал

себе ум и глупость, добро и зло, правду и ложь, угрызения совести после каждого проступка, неизбежность искупления, неумение просчитывать последствия. Символ наивности, неискренности, но также и большого потенциала. Означает начало нового цикла жизни, когда можно избрать любое направление, необходимость быстрого принятия решений, незапланированные обстоятельства. **ПК:** Завершение цикла, достижение цели. Кроме того, может предупреждать, что поступки необдуманны, трата сил напрасна, выбор неверен, а решение может оказаться роковым. См. «Красное на красном», часть третья.

Врач зудел обнаглевшим шмелем, закатывал глаза и путался под ногами, но Робер все равно дошел до окна и тут же рухнул в кстатн подвернувшееся кресло, потому что спальне вздумалось выписывать круги и петли.

— Монсеньору следует лечь, — воспрял духом лекарь. — Я немедленно пришлю монсеньору тинктуру, составленную из...

— Что мне следует, я как-нибудь разберусь! — рявкнул Иноходец. Медик делал свое дело и делал неплохо, но благородный пациент испытывал жгучее желание запустить в беднягу чем-нибудь потяжелее. Сдерживаясь из последних сил, Робер отвернулся от милосердно-укоризненной рожи и тут же наварлся на собачий взгляд Сэц-Арижа.

— Жильбер, найди мне капитана, тьфу ты, генерала Карваля. — Эпинэ прикрыл глаза ладонями, за что и поплатился: врач ринулся вперед не хуже унюхавшего падаль ызарга.

— Это очень дурной симптом, — торжествующе возвестил он. — Очень! Необоримое желание укрыться от света вкупе с нарушениями сна и слуховыми галлюцинациями могут означать...

— Они означают одно, — огрызнулся Эпинэ, — нежелание вас видеть. Я благодарен за помощь, но больше в вас не нуждаюсь. Сэц-Ариж вам заплатит.

— Моя совесть не позволяет вас покинуть, — уперся лекарь, — вы нездоровы. Вы очень нездоровы.

— Генерал Карваль, — крикнули из-за двери, — явился справиться о здоровье Монсеньора.

И этот туда же! Здоровье... Какое к Леворукому здоровье, когда все летит в Закат!

— Входите, Никола. Жильбер, ты заплатил лекарю?

— Еще нет, Монсеньор.

— Заплати, и чтоб духу его здесь не было. И проследи, чтоб к нам никто не лез.

— Да, Монсеньор. — Сэц-Ариж попытался подмигнуть Карвалю, но коротышка был то ли слишком непонятлив, то ли, наоборот, понимал все.

— Капитан Сэц-Ариж, вы свободны!

— Да, Монсеньор.

Спина Жильбера выглядела обиженной. Ничего, переживет. Робер пристроил больную руку на подлокотнике и взглянул на военного коменданта.

— Если вы спросите, как я себя чувствую, я вас убью.

— Я не стану спрашивать, — шутить Карваль так и не выучился, — но я очень рад, что вы пришли в себя.

— Я рад еще больше, — заверил Иноходец.

— Что в городе?

— Тихо, — утешил маленький генерал, — но это плохая тишина. Хуже, чем в Старой Эпинэ накануне вашего возвращения. Есть довольно много новостей.

— Давайте. — Комната больше не отплясывала, но затылок ныл зверски, а запястье горело, словно рану натерли перцем.

— Альмейда у Хёксберг наголову разбил дриксенский флот. — Никола привык начинать с самого дальнего. — В порт... простите, Монсеньор, все время забываю дриксенские названия... вернулся единственный корабль, на котором находился один из адмиралов.

— Ему будет трудно жить, — посочувствовал неведомому дриксенцу Робер. — Откуда, кстатн, это известно?

Левый не на кошке скачет. Насколько его прознатчики обогнали прочих? Самое малое на неделю. Его Высокопреосвященство молодец, надо к нему сходить, возблагодарить Создателя за чудесное спасение и выпить шадди.

— Третьего дня по городу поползли слухи, — наморщил нос коротышка, — потом посол кесарии все подтвердил. Готфрид объявил четырехдневный траур. По словам посла,

причиной поражения стал небывалый шторм.

— А причиной поражений в Фельпе, надо полагать, был штиль. — Эпинэ незаметно передвинул руку, лучше не стало.

— Монсеньор, — Карваль все еще был в Хёксберг, — мне думается, кесарь отложит военную кампанию против фок Варзов.

— Если не дурак, — уточнил Робер, не испытывая по поводу дриксенских неудач ни малейшего сожаления.

— Победа Альмейды была принята обывателями с воодушевлением. — Никола значительно сдвинул брови. — Горожане не сомневаются, что верные Олларам войска разобьют неприятеля и повернут на столицу.

Именно это они и сделают, и Лионель должен опередить фок Варзов. Робер облизнул сухие губы:

— В любом случае они подойдут не раньше весны, а настроения, о которых вы говорите, меня не удивляют. Мы принесли людям мало хорошего.

— Не мы, — взвился Карваль, — а Ракан и его отребье.

Неделю назад Никола сказал бы «северяне», но Дора примирила маленького генерала со «спрутами». С одной стороны, это было хорошо, с другой — очень плохо. В Доре лиловые стрелки пришлось более чем кстати, но в аванюре с Савиньяком они — помеха. Придды слишком много задолжали Олларам, а Валентин не из тех, кто забывает.

— Граф Гонт уже вступил в командование гвардией?

— Нет, Монсеньор. — Глаза Карваля как-то странно мигнули. — Я должен вам сообщить, что Медузой оказался Удо Борн.

— Удо? — не понял Иноходец. — Чушь какая! А почему не Темплтон, не Мевен, не ты, наконец?

— Борна застали за составлением очередного манифеста. — Карваль прямо-таки сочился неодобрением. — Он не запер дверь... Ему следовало быть осторожней.

Осторожность осторожности рознь. Если ты — Суза-Муза и пишешь гадости про Его Величество, следует запирается, но, запираясь, ты привлечешь внимание. Удо понадеялся на судьбу, а та повернулась задом и лягнула.

— Он арестован?

— Был. — Маленький генерал нахмурился еще больше. — Ракан лишил Борна привилегий и выслал за пределы Великой Талигойи. Я послал Курше вдогонку, предположив, что Борн захочет передать что-то вам или Темплтону.

— Вы поступили совершенно правильно. — Значит, Удо... Сдержанный, спокойный, унимавший рвущегося с привязи Темплтона. Жаль, они не поняли друг друга. — Где письмо?

— Сожалею, Монсеньор. Догнать Борна не удалось. Герцог Окделл вывез его поздней ночью под охраной. Клод не счел разумным вступить в разговор. В Барсине Борна отпустят, Курше послал туда Форестье. Если они разминутся, напишем в Ло.

У Карваля на Эпинэ свет клином сошелся, а Борну на юге делать нечего, он поедет или к брату, или все к тому же Лионелю.

— Монсеньор. — Сэц-Ариж вновь торчал на пороге, правда, без лекаря.

— Жильбер, я же просил...

— Монсеньор, тенъент Грейндж просит об аудиенции.

Грейндж? Ах да, офицер, который помешал сговориться с разбойниками. У бедняги талант являться невовремя, но прогонять его неразумно. Во всех отношениях.

— Пусть войдет.

Грейндж был одет по-походному и выбрит до синевы. Куда это он наладился?

— Господин Первый маршал, — отчеканил визитер, — я счастлив видеть вас в добром здравии. Я имел смелость просить об аудиенции, потому что не удовлетворен тем, как ведется дело о нападении на вас.

И хорошо, что не удовлетворен. Марианна должна остаться вне подозрений, по

крайней мере, до разговора начистоту.

— Вы куда-то собираетесь, тенъент? — Надо его выпроводить, прежде чем Карваль почует след. — Куда?

— По приказу Его Величества я переведен в Марипоз вторым комендантом. Отбываю немедленно.

— Тенъент Грейндж, — вылез Сэц-Ариж, — дважды в день справлялся о здоровье Монсеньора.

Сговор! Сговор возомнивших себя ищейками щенков, один из которых смышленей, чем хотелось.

— Разбойники по части цивильников, — отмахнулся Робер. — Пусть раз в жизни делом займутся.

— У меня есть серьезные опасения, — насупился Грейндж. — Прошу меня простить еще раз, но я не поверил тому, что рассказал камердинер герцога Окделла.

— Джереми? — насторожился Иноходец, не терпевший пригретых Диконом приспешников Люра. — Он имеет какое-то отношение к нападению?

— Не думаю, но один из разбойников узнал в нем человека, два года назад нанявшего во Дворе Висельников убийц. Жертвой должен был стать герцог Окделл. Слуга признался, что деньги некому Выдре он действительно заплатил и при этом по поручению генерала Люра сорвал покушение. Прошу меня простить, монсеньор, я ему не верю.

А вот это прекрасно, это просто великолепно! Камердинер отвлечет Никола от Марианны, да и Дикону сплошная польза.

— В следующий раз, когда кому-то не поверите, можете не извиняться. Джереми займется генерал Карваль. Что-то еще?

— Да. Я взял на себя смелость повторно допросить служанку баронессы Капуль-Гизайль. Она утверждает, что пропавший истопник обсуждал с графом Салиганом похищение баронессы. Женщина настаивает на своих словах, но это ложь!

— Почему вы так решили? — Салиган собрался похитить Марианну?! Такое даже спяну не придумашь.

Про Салигана служанка врет, Клементу ясно, но почему? Покрывает госпожу или мстит неряхе-маркизу?

— Эта Ваннина ведет себя в точности как моя кормилица. — На этот раз Грейндж обошелся без извинения. — А Мари — отъявленная лгунья, к тому же ревнивая и мстительная.

— Ерунда, — отмахнулся Эпинэ. — Отправляйтесь в Марипоз и ни о чем не волнуйтесь. Или нет, постойте. Жильбер, угостите тенъента на дорогу, а я напишу ему рекомендательное письмо. Не помешает.

Парочка скрылась за дверью, Эпинэ прикрыл глаза:

— Никола, мне нужно поговорить с этим «спасителем», но так, чтоб об этом никто не знал и в первую очередь Окделл.

— Я хотел предложить то же самое. — Карваль был доволен, чтобы не сказать счастлив. — Герцог Окделл почти все время проводит с Раканом, камердинера он с собой не берет.

— Пошлите Дювье. — Иноходец привычно погладил руку и внезапно рассмеялся. — Мне сейчас станет плохо, а вы вернете лекаря. Пока вы не притащите ко мне Джереми, я буду болеть.

2

Привратник открыл ворота, но Сона заупрямилась. Мориска мотала головой, пятилась, фыркала, не желая делать и шага. Чует покойника? Но Сона на войне к ним привыкла! Дикон потрепал любимицу по взмокшей шее, Сона обернулась и коротко, умоляюще заржала.

— Это от краски, монсеньор, — пояснил привратник. — Вчера, как вы съехали, на

заднем дворе маронку⁸ для малого подвала заварили. Воняло — страсть, лошадки ночью чуть конюшню не разнесли. Сейчас повыветрилось уже...

В Надоре маронку на коровьих костях тоже заваривают. Лошади от нее и впрямь бесятся, и нечего Леворукий знает что воображать.

— Джереми не возвращался?

— Нет, монсеньор.

— Хорошо. — Юноша заставил-таки мориску войти во двор. Красить подвалы лучше весной, но проступившие на стенах пятна следовало замазать: резиденция Окделлов должна быть безупречна. Не хватало, чтоб какой-нибудь Придд принялся болтать о Повелителях плесени.

— Монсеньор, — Нокс качнул носатой головой, — я еще понадобится?

— У вас дела? — быстро переспросил Дик, гадавший, как избавиться от все замечавшего полковника. — Что ж, поезжайте, а я лягу спать.

Золоченые вепри на воротах казались сотканными из солнечных лучей, радостный дневной свет разогнал ночные тени, но не ужас перед тем, что предстояло.

— С разрешения монсеньора я навещу родных, — чопорно произнес северянин. — Мне не удалось нанести им визит в дни празднеств, и я хочу это сделать при первом удобном случае.

— Сожалею, — невпопад откликнулся Ричард. — Пошлите справиться о здоровье Эпинэ и можете быть свободны.

От Нокса он избавился, а больше к Повелителю Скал без доклада никто не войдет. Остается дожидаться Джереми, передать ему приказ и... И отправиться к Марианне, потому что сидеть и думать, что творится за стенкой, невыносимо.

— Монсеньор будет обедать?

— Да. — В висок вонзилась ледяная игла, солнечный свет позеленел, наперерез Соне метнулась кривая тень, напомнив о сумасшедшей под копытами Караса. Все началось с нее... Кровавая пена на голодных камнях, вопли Айнсмеллера, зеленая от злобы Дора, синий взгляд Удо, приказ сюзерена... Какое счастье, что он снимал синие тряпки, это и впрямь цвет смерти.

3

Дювье удалось перехватить Джереми на въезде в Олларию. Камердинер Окделла был один и подвоха не ожидал. Настойчивое приглашение посетить особняк Эпинэ его удивило, но мерзавец был отменно вышколен и уверен в себе. Бич попросил сообщить своему герцогу, что задерживается, и спокойно заворотил коня вслед за южанами.

— Ты ничего не заметил? — на всякий случай спросил сержанта Иноходец. С чего начинать допрос, он не представлял.

— Вроде ничего, — протянул Дювье, — разве что лошадь не та.

— То есть? — Джереми поймали по его приказу, но видеть мерзавца не хотелось до рвоты. Отдать Никола со всеми потрохами? Не годится. Сунул в рот, так глотай!

— Обычно Бич этот на гнедой ездит. — Дювье чихнул и покраснел. — Хорошая лошадка, видная, в пору офицеру. А тут на мерине появился. Рыжем, жирном, хоть сейчас муку вези.

Лошадь не доказательство. Лошадь можно сменить по десятку причин, и все же почему камердинер Повелителя Скал взгромоздился на крестьянскую клячу?

— Давай его сюда. Никола, начнете вы, я послушаю.

Карваль уперся ладонями в колени и выпрямился. Хочет казаться выше? Визгливо скрипнули дверные петли, покачнулись огоньки свечей.

⁸ Темно-коричневая водостойкая краска, обычно используется для сырых нежилых помещений.

— Монсеньор! — Джереми вытянулся по-военному, от чего стало еще тошней. Когда змея ползает и шипит, все в порядке, если гадина пытается ржать, это мерзко.

— Входи, — взялся за дело Никола, — можешь сесть, у нас долгий разговор. Расскажи о покушении на герцога Окделла. О том, что было позапрошлой весной.

— Господин генерал, — несмотря на приглашение, Джереми остался стоять, — я уже все рассказал.

— Не нам. — В голосе коротышки звучала сталь. — Начни с самого начала. Поручение тебе дал генерал Люра?

— Тогда он был полковником. — Джереми смотрел прямо, очень честно смотрел. — Господин Люра, помяни он нас в Рассвете, вызвал меня и сказал, что тессорий хочет, чтобы герцога Окделла убили разбойники. Я должен нанять убийц, но так, чтобы монсеньор остался жив. Еще господин Люра сказал, что если в Талиге творятся такие вещи, то с Талигом пора кончать.

Как же Люра доверял славному Джереми, и какой же он был совестливый. Святой Авксентий⁹ да и только.

— Как ты отыскал убийц?

— В нашем гарнизоне служил капрал, его звали Грегуар Мель. Он погиб у леса Святой Мартины. Мель проговорился, что его брат пошел по дурной дорожке. Я приехал в Олларию, разыскал этого брата, и тот меня свел с одним человеком. Настоящего имени не знаю, он называл себя Выдра. Мы договорились, что Выдра с приятелями станут следить за герцогом Окделлом и, когда представится случай, нападут, а я стал следить за ними.

Все вышло, когда монсеньор пришел в «Шпору». Я чуть домой не пошел, не думал, что герцог Окделл в одиночку возвращаться будет, но тут Выдра крикнул своим, что добыча близко. Все, что я мог, — затаиться и вмешаться, если дело будет плохо. Сначала монсеньор отбивался любо-дорого, но потом его окружили. Разбойников собралось больше, чем я думал. Я выстрелил, перезаряжать пистолеты времени не было. Я вытащил шпагу, побежал на помощь, но тут в конце улицы показались люди, и убийцы удрали. Вот и все.

— Больше ты Выдру не видел?

— Видел. Он отказался от работы и возвратил залог, а я вернулся к моему полковнику.

— А Манрик что?

— Разозлился, — покачал головой Джереми. — Господин полковник говорил, орал тессорий на него как резаный.

— Как же вышло, что Люра стал генералом? — хмуро спросил Карваль. — Монсеньор, я разбирал бумаги в военной канцелярии. Симон Люра получил чин после покушения.

— Откуда мне знать. — Джереми и не подумал смутиться. — Может, рыжий боялся, что донесут на него, только полковник отродясь в доносчиках не ходил.

Правильно. Люра ходил не в доносчиках, а в убийцах и предателях, надо думать, по себе и ординарцев подбирал.

— Значит, — спросил Робер, чтобы хоть что-то спросить, — герцог Окделл хорошо дрался?

— Да. — Глаза Джереми блеснули. — Монсеньор очень ловко фехтовал. Ранил двоих, остальных на клинке держал, не подберешься.

— Сколько их было?

— Пятеро.

— Как же ты все разглядел, ведь было темно?

— Не очень. Луна была полной, а я оказался не так уж и далеко.

— Как именно недалеко? — буркнул Карваль. — Десять шагов или сто?

— Двадцать, двадцать пять, не больше...

⁹ Святой Авксентий — адепт ордена Чистоты. Собирал подаяние для храма, простудился и умер, так как не воспользовался собранными деньгами, чтобы купить горячее питье и заплатить лекарю. Причислен к лику святых после того, как на его могиле исцелился смертельно больной.

И впрямь близко, не промахнешься... Надо было продолжать допрос, но в голове не осталось ни единой мысли — только боль. Эпинэ с ненавистью взглянул на Джереми. Продолжать допрос было бессмысленно, по крайней мере сейчас... Может быть, завтра он что-нибудь и придумает, но завтра будет поздно. Заняться лошадью? Спросить, почему слуга Повелителя Скал взобрался на крестьянскую клячу, и услышать в ответ о потерянной подкове или кроличьей норе?

— Монсеньор, — голос Никола саданул по вискам чугунной гирей, — позвольте мне на несколько минут отлучиться и взять с собой капрала Бича.

— Хорошо, — кивнул Эпинэ, — а в чем дело?

— Нужно кое-что уточнить.

— Идемте. — Робер с трудом поднялся.

— Но, Монсеньор...

— Идемте!

Карваль что-то почувствовал, но что? Бич может врать, а может говорить правду, в любом случае его слова не расходятся со словами Дикона.

— Монсеньору помочь? — проявил рвение Джереми.

— Нет. — О другое плечо Робер бы оперся, но не об это.

— Вам помочь? — Это уже Дювье, но слово уже сказано.

Лестница вытянулась раз в шестнадцать, но Робер спустился, ни разу не споткнувшись. В прихожей кто-то из южан набросил сюзерену на плечи плащ. Карваль вышел в одном мундире, только шляпу прихватил.

— Тератье, Дювье, Гашон, за мной. Дювье, возьми шляпу.

Двор был холоден и пуст, только раскачивался, споря с лунной половинкой, фонарь, да плясала по стене тень старого клена. Карваль снял шляпу и сунул руку за пояс, вытаскивая пистолет.

— Дювье, повесь мою шляпу на сук, а рядом — свою. Джереми Бич! Если ты собьешь двумя выстрелами обе, я тебе поверю. До определенной степени. Нет, пеняй на себя.

4

«... *сим остаюсь преданный Ваш сын Ричард*» . Дикон присыпал письмо песком и бросил на стол. Утром оно отправится в Надор, а через две недели матушка прочтет ни к чему не обязывающие строки о погоде и почтении. Вежливость требовала написать и сестрам, но при мысли об Айрис перо делалось тяжелым, словно гайка. Юноша все же вытащил чистый листок и пододвинул подсвечник, затем поправил покосившуюся свечу, поднялся, прошелся до камина, тронул замершего на мраморной полке бронзового вепря.

Зверя нашли в дворцовой кладовой, он был грязно-зеленым, грубым, невероятно тяжелым, но на клейме стояло «296 год Круга Молний». Этот вепрь помнил Алана Святого! Фигуру отчистили до блеска и водрузили в кабинете. Дикон твердо решил увезти ее в Надор, матушка будет в восторге, а на камин можно поставить что-нибудь поприятней. Хотя бы танцующую астеру. Тоненькую, игривую, откинувшую в танце изящную головку...

Рука соскользнула с неровной поверхности, не зажившая до конца рана откликнулась болью. Святой Алан, ну сколько можно ждать! Письма, встречи, поездки, подсвечники, вепри — все это вранье, а правда лежит за черной дверью и ждет слугу с топором.

Дикон сам не понял, как выскочил из кабинета. На лестничной площадке горели лампы, у колокольчика сидел дежурный слуга.

— Завтра утром мне потребуется курьер.

— Да, монсеньор.

— Джереми не возвращался?

— Нет, монсеньор.

Лакей был отвратительно спокоен. Еще бы, откуда ему знать, что в доме труп. Что задержало Джереми? Случайная встреча, расковавшаяся лошадь, бутылка?

Дикон взялся рукой за натертые воском перила, ключ в кармане обжигал даже сквозь сукно. Утром заявится Нокс. Довериться ему? Полковник казался преданным и смышленным, но этого было мало. Тот, кто исполнит приказ Альдо, должен быть молчаливее скал. Джереми доказал, что он на это способен, Нокс еще нет.

— Который час?

— Около восьми. Монсеньор желает обедать?

— К Леворукому обед!

Дикон рванул надраенную дверную ручку. Его встретили камин, кресла, письменный стол... Писать письма, а в доме покойник! Обедать, а в доме покойник! Спать, а в доме покойник! Дышать, а в доме покойник! Ричард хрипло вздохнул и бросился вон. Лестничная площадка, галерея, заполнивший все вокруг бой часов...

Вот и дверь. По черному дереву пляшут злые черные завитки, дверь он заменит на что-нибудь светлое. На розовое дерево или марагонскую березу с бронзовыми накладками, а эту сожжет. Юноша оглянулся и выхватил ключ, он только посмотрит... Посмотрит, уберет подушку, зажжет свечи, а ночью перетащит Удо в дальний подвал, там холодно... Через месяц все уляжется, можно будет подумать о настоящих похоронах. Жаль, погиб преосвященный Оноре, он бы не отказался проводить Удо.

Нокса нет, все спокойно... Хорошо, что Джереми не вернулся, иначе непоправимое уже бы делалось. Сюзерену можно сказать, что Джереми задержался и он все сделал сам. Придется съездить к Данару и что-то туда бросить, какие-нибудь мешки.

Юноша прислушался. Тихо. Слуги, кроме дежурного лакея, сидят на кухне и сплетничают, и, в конце концов, он — хозяин. Куда хочет, туда и заходит.

Дикон повернул ключ, тот не поддался. Ричард надавил, замок холодно щелкнул, и по спине отчего-то побежали мурашки. Не сметь бояться, это не первая смерть на твоём пути!

Дверь распахнулась сама. Свет с галереи желтым языком протянулся в темный провал: наборный паркет, ножка кресла, разбросанные подушки... Ударивший в виски ужас тянул назад, но Дикон с ним справился, ему даже удалось зажечь свечу. В выставшем за два дня и ночь кабинете ничего не изменилось, только на диване никто не лежал. Удо в комнате не было. Ни мертвого, ни живого.

5

Одна пуля вошла в стену, вторая оцарапала толстенный сук. Обе шляпы остались на месте. Джереми стрелял неплохо, очень неплохо, но уложить в ночной драке двоих убийц, не зацепив жертву... Для этого нужно иметь другую руку и другой глаз или... целить отнюдь не в разбойников и промахнуться.

— Вот так, — сказал кому-то невидимому Карваль.

Ветер раскачивал ветки, шляпы и их тени качались и плясали, словно кто-то и в самом деле затеял драку.

— Вернемся в дом, — бросил Робер. И как он сам не догадался проверить слова Джереми таким образом?

— Идемте, Монсеньор, — согласился маленький генерал. — Дювье, свяжи этого человека.

— Будет сделано, — обрадовался сержант. Новоявленных «надорцев» Дювье не переваривал, и Робер его понимал. Дикон видел в вояках Люра солдат, вставших за дело Раканов, а для южан они были ублюдками и мародерами. Может, хоть сейчас до мальчишки дойдет, хотя Эгмонт был таким же. Для него Кавендиши были соратниками, а кэналлийцы — врагами...

— Монсеньор, вы не устали?

— Устал, — признался Эпинэ, падая в кресло. — Ничего не соображаю. Как вы додумались? Я о выстрелах...

— О! — Маленький генерал заметно смутился. — У меня возникли некоторые

сомнения, и я осмотрел место предполагаемой засады. Дважды попасть в цель с указанной этим капралом позиции мог только великий стрелок. Лично я не стал бы рисковать. Разумеется, если бы хотел спасти герцога Окделла. Я бы ввязался в драку, но стрелял — только в упор.

Поставить себя на место другого и понять, что тот врет... Как просто! Леворукий бы побрал эту голову, не только болит, но и соображать не хочет.

— Я должен был догадаться, — поморщился Иноходец, — и не только об этом.

— Монсеньор, вы слишком хорошо стреляете, — буркнул Карваль, — и вы судите о других по себе, иначе вы бы не имели дело с Раканом.

— Джереми хотел убить, а не спасти, — не позволил увести себя в сторону Робер. — Сядьте, мне тяжело смотреть вверх.

— Если Джереми Бич стрелял, он хотел убить. — Из всех кресел и стульев Карваль выбрал самое неудобное. — Но почему мы уверены, что он вообще там был? Потому что он так сказал герцогу Окделлу? Это не доказательство.

А в самом деле, почему? Джереми заплатил «висельникам», в чем его и уличили, все остальное известно с его слов. Убийца попытался выставить себя спасителем, и ему это почти удалось. Бич мог стрелять в Дикона, а мог сидеть в какой-нибудь харчевне и ждать вестей от наемников.

— Ненавижу копать в чужом вранье, — признался Иноходец, — и не умею.

— Монсеньор, если вам неприятно продолжать вопрос, — предложил Карваль, — я возьму его на себя.

Искушение свалить на маленького генерала еще одну навозную кучу было велико, но Эпинэ покачал головой. Он и так слишком часто выезжает на чужих спинах, и чаще всего на Карвале.

— Пусть его приведут, — Робер завозился в кресле, поудобнее пристраивая руку и голову, — и покончим с этим.

— Да, Монсеньор.

Дик расстроится, но это лучше, чем держать при себе двурушника и убийцу. Жаль, Альдо полагает иначе: сюзерен бы в Джереми вцепился. Еще бы, не подручный, а клад — убьет, соврет и не покраснеет!

Виски ныли все сильнее: то ли погода менялась, то ли голове не хотелось думать, и она топила мысли в боли. Боль, она как дым, сквозь нее ничего не разглядеть. Эпинэ потер лоб, потом затылок, стало легче, но ненадолго. Вызвать лекаря и потребовать настойку? Приказать сварить шадди, благо Левий прислал отменные зерна? Или просто лечь и уснуть?

Самое простое и самое надежное. Так он и поступит, но сначала — Джереми Бич.

— Ты расскажешь правду, — объявил сквозь горячий шум Карваль. — И упаси тебя Леворукий соврать.

— Зачем мне говорить? — угрюмо откликнулся Джереми. — Говори, не говори...

— Не хочешь — не надо, и так все ясно. — Голова болела все сильнее, Эпинэ снова поморщился, мерзавец это воспринял по-своему.

— Я выполнил приказ моего полковника. — Глаза камердинера бегали, как кагетские тараканы. — Я всегда выполнял приказы.

— И что тебе было приказано? — На щеке Джереми — ссадина. Свежая. Дювье постарался.

— Явиться в распоряжение тессория, сделать, что он хочет, и убраться из столицы.

— Когда ты приехал в Олларию?

Таракан остановился, шевельнул усом, запомнил. При случае донесет, что Первый маршал Талигойи называет Ракану Олларией, только случая не будет.

— В начале Весенних Ветров. — Перед Робером вновь торчал туповатый служака. — Управляющий Манрика обо мне знал, сразу провел меня к тессорию.

— Очень хорошо. — Карваль вытащил пистолет и положил рядом с собой. Точно так же, как это сделал в Багерлее Робер. — Что тебе велел этот гоган?

— Сговориться с «висельниками». Я так и сделал.

— А когда у них все пошло наыворот, стал стрелять? — рявкнул Никола. — Ты сам решил прикончить Окделла, так ведь?

— Я не стрелял, — затряс головой Джереми, — стрелял не я... Я не знаю, кто стрелял. Он из-за стены вылез, я его не видел. Показались люди, пришлось уходить...

— Это все?

— Все, — буркнул Джереми, — чтоб меня выходцы прибрали, все!

— Что ж, — согласился Карваль, — все так все. Чтобы тебя вздернуть за покушение на герцога Окделла и пособничество Манрикам, хватит. Монсеньор, это человек вам еще нужен?

— Нет, — Робер с трудом повернул голову, — но мерзавец — камердинер Окделла, так что приказ лучше подписать мне. Пришлите утром бумаги...

— Отведите меня к моему герцогу! — вдруг завопил Бич. — Я исполнял его приказ! Секретный! Я обязан доложить...

— Закатным кошкам доложишь, — буркнул Карваль. — Монсеньор, я пришлю бумаги к десяти.

— Монсеньор! — Теперь Джереми напоминал загнанного в угол, нет, не крыса, Кавендиша. — Монсеньор! Я выполнял приказ... Я сказал не все!

— Допустим. — Подлая игра, но доиграть придется. — Но Окделлу камердинеры-убийцы не нужны, а я устал.

— Монсеньор, — Карваль прислонился к стене, — уделите этому делу еще несколько минут, ведь потом вернуться к нему будет нельзя.

— Хорошо. — Эпинэ прикрыл глаза. Он не врал, боль и впрямь становилась нестерпимой, одна радость, рука отвлекала от головы, а голова от руки. — Пусть расскажет еще раз. Последний.

— Понял? — Никола похож на медвежью гончую: верный, настырный, и пасть как капкан. — Сначала и подробно.

— Манрику не только Окделл мешал, — заторопился Джереми. — Лараки тоже. Фердинанд отдавал Эпинэ Маранам, значит, Надор достался бы Ларакам, иначе всякие Валмоны могли обидеться. Вот тессорий и решил свалить смерть Окделла на родичей. Он сына Ларака в казначейство взял, чтоб под рукой был. Я, когда Выдру нанимал, потому толстяком и прикинулся.

Бедный Реджинальд, знал бы он, что из него лепили убийцу. Манрики лезли в Надор, как Колиньяры в Эпинэ. Вряд ли их отпугнула одна неудача.

— После Выдры ты взялся за дело сам? Так?

— Я ничего не делал! — засучил усиками таракан. — Я только следил за Окделлом, мне было приказано.

— Не делал? — переспросил Карваль. — Что-то не верится...

— За Окделлом следили, — забормотал Джереми. — Окделл думал, он один. Как же... Кэналлийские ублюдки за ним хвостом таскались. Меня б сразу поймали.

Тайна, как и большинство тайн, была отвратительной, но была у нее и обратная сторона. Дикон не дожил бы до своего комендантства, если б его не стерегли. И так ли уж важно, почему Ворон это делал?

— В Выдру стрелял кэналлийец?

— Не знаю... Я его не видел, только тень... Быстрая такая... Я не стал за ним гнаться.

Еще бы, гоняться за такими себе дороже.

— Ты доложил тессорию про кэналлийцев?

— Да. — Глаза бывшего капрала бегали точно так же, как глаза ныне покойного Морена.

— И вы взялись за дело с другого конца. — Карваль усмехнулся и заложил ногу за ногу. Он сказал наугад, но Бич уже сдался.

— Монсеньор... — Сейчас бухнется на колени и начнет целовать сапоги. —

Монсеньор!..

— Я слушаю. — На всякий случай Иноходец подобрал ноги. — К Окделлу ты не вернешься. Что велел Манрик?

— Велел подобраться к Окделлу через его родича. Я заставил помощника аптекаря подменить настойку от прыщей. Ее Ларак заказал... У толстяка с мордой все в порядке, ясно было, для кого старался.

— Настойка не подействовала. — Робер провел пальцем по браслету, пламя делало червонное золото алым. — Что ты делал дальше?

— Дальше не я, — затряс башкой Джереми. — Я только узнал, что они в «Солнце Кагеты», а потом все младший Колинъяр... Ему не сказали, что за Окделлом шпионят... То есть думаю, что не сказали.

— Возможно, ты прав. — Омерзение мешалось с желанием узнать все до конца. — Продолжай.

— Манрики перехватили нарочного из Надора. Он вез письмо от старухи. Она болела, хотела видеть сына... Убить герцога в Надоре никто бы не взялся, а Ворон шел на войну... Я прикинулся нарочным и отвез кэналлицу другое письмо. Его тессорий подделывал, не я... Окделл отправился на войну. Мы думали, он не вернется, такая горячая голова.

— А он вернулся, — жестко сказал Карваль. — Что ж, похоже, теперь на самом деле все. Ты остался в Олларии или вернулся к Люра?

— Меня отпустили. Я вернулся к моему полковнику. Отвез приказ о его производстве в генералы.

Белый конь, алая перевязь, свист сабли... Справедливость есть, и имя ей «перевязь Люра».

— Что тебе сказал твой генерал?

— Что я сделал все что мог и что дальше пусть Манрики сами возьмется.

— А еще?

— Ну, — Джереми переступил с ноги на ногу, — он был доволен, как получилось с Колинъяром.

— Что ж, — решил Эпинэ, — с Окделлом ты, похоже, не врал. Теперь поговорим о Люра. Когда он решил... нам помочь? У Манриков карты были лучше наших. Дювье? Что такое?

— Вот... — Сержант бросил на стол два тугих кошелька. На первом красовалась монограмма Матильды, на втором — герб Темплтонов. — В седельных сумках отыскиались.

Глава 2. ТАРНИКА. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)

400 год К. С. 7-й день Зимних Скал

1

»...

Сударыня, я решился на это письмо, зная, что оно Вас огорчит, но скрывать смерть друга я не вправе. В ночь с 4-го на 5-й день Зимних Скал умер Удо Борн. Произошло это в доме Ричарда Окделла. Никаких сомнений, увы, нет и быть не может. О несчастье я узнал от Джереми Бича, камердинера Дикона и большого мерзавца, по приказу хозяина выдававшего себя за Удо. Ричард пытается сохранить случившееся в тайне, но я не сомневаюсь, что Альдо уже знает обо всем.

Причина смерти неизвестна, однако я почти уверен, что это — яд. В доме Ричарда Удо ничего не ел и не пил, значит, он либо отравился сам, во что я не верю, либо был отравлен ранее. Джереми, снимавший с умершего камзол и сапоги, говорит, что глаза Удо стали неестественно синими и что Ричард был этим совершенно потрясен.

Сударыня, я вырос в убеждении, что долг мужчин — оберегать женщин, но мы

знакомы не первый год. Я бы никогда не сказал правды матери или кузине Катари, но для Вас боль — меньшее зло в сравнении с туманом. Альдо, узнав о том, что я открыл Вам правду, будет вне себя, но я не прошу о лжи. Если Вы сочтете нужным потребовать объяснений, можете сослаться на меня и показать это письмо. Я намерен хранить свою осведомленность в тайне, по крайней мере до получения Вашего ответа.

Р. С. Возвращаю Вам и Дугласу кошельки, обнаруженные в седельных сумках Бича, и благодарю Вас и капитана Надя за беспокойство о моем здоровье. Буду счастлив навестить Вас в Тарнике, но пока дорога мне не по силам.

Припадаю к Вашей руке и остаюсь Вашим преданнейшим слугой. Герцог Эпинэ».

Серый бумажный лист, серый день и смерть. Подлая, несправедливая и не удивившая.

В стекло застучали. Часто-часто. Синица. Просит хлеба или чего там они лопают. В Тарнике любили кормить птиц, и те обнаглели. Синицам все равно, кто живет в доме, лишь бы не держал кошек и бросал крошки. Среди людей синиц тоже хватает, ты хоть плачь, хоть вешайся, они будут долбить в окна и требовать кусок. Мозги птичьи, совесть тоже.

Пташка небесная снова тюкнула в стекло. Злость и безнадежность вскипели не хуже шадди, и Матильда от души вломила по раме кулаком.

«... умер... долг мужчин — оберегать женщин... вашим преданнейшим слугой... можете сослаться на меня...»

Внук письма не увидит, его никто не увидит, разве что Леворукий. Говорят, Враг читает горящие письма и смеется. Что ж, пусть прочтет, ей терять нечего, все и так потеряно. Принцесса метнулась к камину, ухватила кочергу, подвинула обвитую огнем чурку, сунула письмо в оранжевое гнездо. Пламя высунуло рыжий язык, на черном сморщившемся листке проступили закатные буквы *«глаза... стали синими...»*

Удо умер, когда открыл ей дверь из кошмара. Она ушла, а он остался с мертвецами и убийцей. Альдо никогда не признается, но это он. Сначала Мупа, потом — Удо... Один яд, одна ложь, и уже не понять, когда началось.

Сорок лет назад мир уже разбивался вдребезги, тогда и следовало сдохнуть, так ведь нет! Молоденькая жена Анэсти Ракана, поняв, что великая любовь околела, а прекрасный принц обернулся голодным слизняком, всего-навсего напилась и родила Эрнани. Сына называли ястребом, он нашел себе голубку, а бабке остался стервятник. За что?! И что теперь? Не видеть, не слышать, не думать, не говорить? Пить касеру, миловаться с Лаци и возиться с дайтой? Или взять шадов подарок, прийти к внуку и одну пулю в него, вторую — в себя?

Не выйдет, рука не поднимется, в кого б Альдо ни превратился. Это старые господарки всаживали нож в негодящих сыновей, а она не сумеет.

— Гица, — сунул голову в дверь Лаци, — ответ будет? А то ехать далеко, лучше по свету.

Пламя обнимало сосновые поленья, трясло рыжими растрепанными лохмами, смеялось, подмигивало. Огонь везде огонь, и в камине, и в костре, это люди во дворцах одни, в лачугах — другие. На первый взгляд, а на второй — удача меняет лишь мерзавцев. Внука победа изуродовала, Иноходца и Темплтона — нет.

— Гица, что сказать-то?

— Скажи, пусть ждет.

— Да, гица.

Дуглас не должен узнать про Удо. Не ради Альдо: внуку нужны не друзья, а вассалы, но Темплтон придет к королю, потребует ответа, и король ответит. Сонным камнем или кинжалом. Она не должна пустить Дугласа к Альдо, не должна и не пустит.

— Я сейчас, — заверила Ее Высочество огненную пасть, — я сейчас встану.

глупости ждали все, начиная с Карваля и кончая сюзереном. Разумеется, Эпинэ поехал, хотя клацанье подков отдавалось в висках кузнечными молотами, а по мостовой стелился ядовито-зеленый туман. Дракко брел в нем по колено, точно в болотной траве.

— Жильбер, — не выдержал наконец Иноходец, — глянь вниз, ты ничего не видишь?

— Внизу? — Сэц-Ариж честно уставился на мокрые камни. — Ничего, монсеньор.

Так он и думал. Что ж, значит, Марианна огрела его сильнее, чем показалось.

— Монсеньор, — доложил гимнет внешней стражи, — прошу вас к Полуденному подъезду. В Рассветном вестибюле меняют статуи, он закрыт.

— К Полуденному?

— Бывшему Алатскому.

Альдо продолжает чудить с именами, только Алатский подъезд следовало оставить. Ради Матильды. Эпинэ переложил поводья в правую руку, расправил воротник. Увитые облетевшим виноградом дворцовые стены казались осиротевшими.

— Скоро что-то пойдет, — объявил Робер перекрученным лозам, отгоняя сосущую пустоту, — дождь или снег.

— Наверное, снег. — Жильбер торопливо соскочил наземь и ухватил Дракко под уздцы. Жеребец оскалится. Не сожми Эпинэ золотистые бока, услужливому дураку досталось бы за проявленную вольность копытом.

— Не нужно его трогать. — На землю Робер спрыгнул довольно уверенно. Зеленая муть облепила сапоги, заколыхалась, запахла мертвыми лилиями и исчезла. Камни стали камнями, а неподвижный воздух вновь пропитался печным дымом, только пустота никуда не делась. Словно из души что-то выпало, как выпадает камень из кольца.

— Вам не следовало приезжать.

Дэвид Рокслей. Бледный, аж серый, глаза провалились, а виски совсем побелели. Шикарная они, должно быть, пара, у одного виски седые, у другого — прядь надо лбом.

— Это вам не следовало приезжать. — С чего он вообразил, что, когда перестанут стучать копыта, голова пройдет? — Мевен бы справился.

— Я устал сидеть в склепе. — Дэвид с ненавистью дернул графскую цепь. — Хотя пора привыкать.

— Я тоже не вдруг понял, что стал герцогом. — Эпинэ взял Рокслея под руку. — Меня, как и вас, к титулу не готовили.

— Я не о титуле. — Рот графа по-стариковски кривился. — Просто я следующий. Дядюшка Генри с Джеймсом уже в Закате, остался я. Знали б вы, как это мерзко, ждать и не знать, когда и откуда.

— Это меня ударили по голове, а не вас, — попытался нагрубить Робер. — А что вам нужно, так это кружка касеры и десять часов сна.

— Не хочу умереть во сне. — Плечи Дэвида странно дернулись. — Как угодно, но не во сне!

— Закатные твари, нашли, о чем говорить, — поморщился Робер. — Ну почему, скажите на милость, вы должны умереть?

— Потому что это расплата, — очень спокойно ответил Дэвид. — Предатели всегда плохо кончают, особенно на Изломе. На Рамиро нашелся Окделл, на дядюшку Генри — Давенпорт.

— Ну, — напомнил Иноходец, — Рамиро Второго никто не тронул.

— Он не предавал, — мертвым голосом сказал Дэвид. — Как присягнул отчиму и брату, так и служил, а мы с Джеймсом всё знали, так что весны мне не видать...

— Прекрати. — От растерянности Эпинэ крикнул громче, чем следовало, стоящие у окна бездельники удивленно обернулись. — Пойдем отсюда, и кончай молоть чепуху.

— Как скажете. — Дэвид равнодушно кивнул. — Слышали про Удо?

— Карваль рассказал. — И не только Карваль, но с Дэвида смертей хватит. — Никогда бы не подумал.

— Глупо все вышло... Зато теперь он свободен. Добрый день, сударь.

— Вы уже встали, герцог? — Какой же у Кракла бабий голос. Сам высокий, жилистый, а питит, как маркитантка. — Зря, вам следовало отдохнуть.

— Дела не ждут, — отрезал Эпинэ, обходя косого барона с фланга. — Я должен видеть Его Величество.

3

Письменный стол был воистину королевским. Эдакая ореховая, изукрашенная резьбой и бронзовыми накладками махина. Еще летом за ним сидел Оллар, обмакивал перо в чернильницу-колодец, подписывал указы и манифесты. Стол не тронули, уцелела и чернильница, а человека скоро убьют.

Матильда провела рукой по светлому дереву и попробовала открыть колодец: куда там, крышка словно прилипла. Ее Высочество с трудом приподняла упрямую штуковину, внутри булькнуло: чернильница была полна, но сдаваться не собиралась. Принцесса подперла подбородок кулаком и уставилась на неуступчивую вещицу: мастер, судя по всему агар, изобразил деревенский крытый колодец на нефритовой подставке. Возле сруба лежала колода, из нее пили гуси, на них таял лопухий щенок. Матильда ощупала фигурки в поисках пружины — без толку, от гусей ничего не зависело, от собачонки тоже. Принцесса зачем-то развернула игрушку так, чтоб главный гусь заслонил пса, и обнаружила за колодой лягушонка. Маленького, с булавочную головку. Матильда тронула паршивца пальцем, и крышка с похожим на кваканье звуком отскочила.

Чернильница была полна, и чернила были ярко-синими.

Влажно блеснувший глаз заставил вздрогнуть и отшатнуться. Матильда замотала головой, прогоняя то, что не прогоняется.

— Гица, долго еще? — напомнил не столько о деле, сколько о себе Лаци. — Темнеет уже.

— Сейчас.

В самом деле, сколько можно паяться в синеву? Это ничего не изменит. Удо уже умер, они с Дугласом тоже бы сдохли, но добрый внук решил иначе. Впору прослезиться от умиления! Матильда не прослезилась, а торопливо ткнула пером в пустой, блестящий глаз, полетели брызги. Чернила были обычными, черными, смертная синь плескалась у нее в голове.

— Тварь закатная! — крикнула принцесса розовой пастушке над камином, та глупо улыбнулась. Матильда швырнула об пол золоченый подсвечник и выдернула из бювара с оленятами белый лист: пора было кончать. С письмами, имбирной одурью, ложью, бессилием.

«... Я не получала твоего письма, а ты — моего. Ты благодарил меня за беспокойство, я справлялась о твоём здоровье. Храни тебя хоть Создатель, хоть Леворукий, только живи. Матильда».

Записка вышла короткой и, при всем своем вранье, правдивой до последней строчки. Добавить было нечего, разве что назвать Роберу убийцу Удо, но этого она не могла. Альдо — подлец, но пусть с ним рядом останется хоть кто-то. Иноходец друга не предаст, а вот друг о бабкином письме спросит. Нужна вторая записка, та, которую можно показать.

«... Милый Робер, я счастлива, что ты пришел в себя. Буду рада видеть тебя в Тарнике, но не раньше, чем лекари...»

Нет, такое она никогда не напишет, разве что какому-нибудь Хогберду.

«... Мой дорогой Эпинэ, благодарю тебя за чудесную записку...»

«... Сударь, вы были так милы...»

Твою кавалерию, надо забыть о синей смерти и писать так, словно все в порядке. Улик внук не оставил, а ночной кошмар и лживый голос не доводы...

«... Твою кавалерию, сколько можно валяться?! А ну поднимайся и живо ко мне, в Тарнику, касеру пить, лентяй эдакий. У меня новая даита, вылитая Мупа, но пока без имени.

Жду. М»

Два письма были готовы, и Матильда взялась за третье. Оно вышло подлиннее.

«... Ваше Высокопреосвященство, я обращаюсь к вам не как к лицу духовному, а как к другу моего друга. Мы больше не увидимся, и я не стану говорить вам, куда направляюсь. Вы все поймете сами, но я не найду себе покоя, зная, где оставляю дорогих мне людей. Герцог Эпинэ слишком благороден, чтобы уцелеть, а Ричард Окделл доверчив и неопытен. Я прошу вас о них позаботиться.

Матильда Алати».

Они больше не встретятся, незачем. Эпинэ останется с сюзереном, а она будет спаивать крысу и надеяться на Левия. Знал бы Робер, кем он был для нее на самом деле, был и остался, несмотря на всех доезжачих и кардиналов... И всего-то одна ночь, а не забыть.

«Р. S. Моя последняя просьба касается моего внука. Я посылаю вам алую ройю. Пусть орден Славы примет ее как вклад за спасение души Альдо Ракана. Это все, чем я могу ему помочь».

Чернильница закрылась без вывертов, звонко и весело щелкнув крышкой. Красивая игрушка на красивом столе. Кедровые гирлянды, улыбающиеся лица, пчелки, бабочки, оленята... Тот, кто заказал краснодеревщикам все это великолепие, кусаться и царапаться не любил и не умел, за что и поплатился. Хотела бы она, чтоб Альдо вырос травоядным? Чего она вообще хотела?

В приемной пахло касерой и чесноком. Дуглас развалился в малиновом кресле, Лаци и сержант-южанин стояли у окна, смотрели в зимний парк. Снег так и не пошел, на серых ветках бурыми шишками торчали птицы.

— Тебя зовут Дювье?

— Да, Ваше Высочество. — Какая славная физиономия, немного похож на Ферека, только старше.

— Это письмо отдашь Роберу, и вот еще что...

— Да, Ваше Высочество?

— Ты обедал?

— Обедал.

— Тогда отправляйся, а то в самом деле стемнеет.

— Будьте здоровы, Ваше Высочество.

— Буду. — Камень и письмо Левию остались в руке. Смеркалось, на замерзшие яблони напоздали полные снега тучи. Почему она отказалась от помощи единственного друга? Да потому что дура старая!

— Дуглас, я должна тебе сказать одну вещь. Лаци, ты куда? Тебя это тоже касается!

— Что-то случилось? — Темплтон вскочил и замер, словно сделавшая стойку даята. — С Робером?!

— Эпинэ пришел в себя, с ним все в порядке. — Какая серая зима, все как пеплом засыпано. — Лаци, я решила. Утром мы возвращаемся в Сакаци. Дуглас, ты нас проводишь?

4

— Ты не рано встал с постели? — задал сакраментальный вопрос сюзерен. — Выглядишь, прямо скажем, не блестяще. Садись. Да не туда, в мое кресло, оно глубже.

— Я не рано встал, а поздно. — Лучше кресла сейчас только кровать. — Я про Удо...

— Мерзкая история, — нахмурился Альдо, — от начала до конца. Мы с Диконом успели за упокой выпить, а он, оказывается, просто удрал.

— Как удрал? — Кабинет Его Величества начал медленно раскачиваться. — Кто?

— Да Удо же! — Альдо досадливо махнул рукой. — Хотя ты же ничего не знаешь!

— Я знаю, что он оказался Сузой-Музой...

— Именно. И я, дурак такой, решил, что он поразвлечься решил. Это Борн-то! Ты есть хочешь?

— Скорее, выпить, — признался Робер. — Шадди у тебя варят?

— Сварят, куда денутся. — Альдо звонить не стал, а рывком распахнул белую с золотом дверь. — Шадди и горячего вина! Обед через час в Полуденной столовой... Так вот, Робер, я был зол, как все закатные кошки. Мало мне олларовской дряни, так друг, с которым сорок пар сапог истоптал, из тебя шута делает. Как я Сузу-Музу не придушил, сам не знаю...

— Он признался?

— В шутках — да, в том, что хотел тебя убить, — нет.

— Он не хотел. — Потолок опустился и теперь медленно кружился над самой головой. — Салиган врет!

— Ты знаешь про Салигана? — переспросил сюзерен. — Откуда?

— У меня был Карваль. — И выставленный из столицы тенъент Грейндж, но про него промолчим. — А разве это тайна?

— От тебя — нет. Постой...

Закатные гимнеты в алых туниках внесли вино. Разве анаксам прислуживали воины? Хотя не все ли равно.

— Пей, — Альдо подал своему маршалу дымящийся кубок, — а шадди подождешь, его в буфетной не держат. Я эту отраву в рот не беру, не мориск.

— Я тоже, — в первый раз после Сакаци Робер с Альдо был полностью откровенен, — но от него голова меньше болит.

— Понятно. Из Салигана мы вытрясем все, что он знает, если знает. Он не эорий, если что, отправится к палачу... С Удо сложнее, его кто-то вынудил сыграть в Сузу-Музу. Чем, не знаю, но заставил, и бедняга играл...

— Что он говорил? — Это вино, обычное вино, а кажется, в темном стекле горит свеча. — Прости, голова кружится.

— Сейчас вызову гимнетов и отправлю тебя домой.

— Не нужно. В чем признался Борн?

— В том, что розыгрыши — его рук дело. Дескать, он хотел меня остановить, а так я бы слушать не стал...

— Он прав. — Робер отставил наполовину заполненный огнем кубок. — Ты слушаешь только себя.

— И потому мы сейчас в Ракане, а не в Сакаци. — Альдо весело подмигнул и вновь нахмурился. — Хотя в чем-то ты прав. С Борном я наделал дел, но уж больно он меня взбесил, а тут еще Матильда с Левием явились. Короче, прогнал я Сузу-Музу с глаз долой, а Дику за какими-то кошками велел взять солдат и проводить его до Барсины. Потом представил, какую рожу скорчит Матильда, и решил дать им попрощаться, тут все и началось...

Сюзерен замолчал. Он ждал вопроса, и Робер спросил:

— Что началось?

— Если б я знал. — Альдо взял вино и тотчас поставил на стол, словно обжегся. — Похоже, я становлюсь трусом, всюду отравы чудится.

— Дай мне, — протянул руку Робер, — я попробую.

— Обойдешься, — отрезал Альдо. — Ты мне нужен, и ты мой друг. Отравишься, с кем я останусь? С Диконом? Так он щенок щенком, только ушами не трясет.

— А зачем было его цивильным комендантом ставить?

— На всех должностях, — голос Альдо зазвенел, — слышишь, на всех важнейших должностях у меня будут зории. Дикон вырастет, а пока пускай Нокс отдувается. Кстати, давно хотел сказать. Запиши мне песню, которую пел на коронации.

— Попробую, — вопрос застал Робера врасплох, — но... Сам не пойму, как вспомнилось, день такой был, особенный...

— Да, — просветлел лицом Его Величество, — день был великий. Придет время, и новую эпоху, Вторую эпоху Раканов, станут отсчитывать с 24-го дня Осенних Молний 399 года Круга Скал. Мне очень нужна эта песня, Робер. В ней могли спрятать ключ к Силе...

— Может, ее знает Придд? — попытался спихнуть высочайшую просьбу Робер. — У него есть этот, как его, Павсаний.

— Спрута я спрошу, — кивнул сюзерен, — но после того, как ты напишешь все, что помнишь.

— Ты отвлекся, — напомнил Эпинэ. — Мы говорили про Удо.

— Говорили... Ты меня устыдил, была не была! — Альдо подвинул к себе кубок и сделал два больших глотка. — Помру, значит, судьба. Так вот, кто-то, кто знает меня лучше меня самого, догадался, что я отпущу Борна к Матильде, и сыпанул ей отравы.

Они все пили, Робер, все! Матильда, Удо, Дуглас... Еще б немного, и я напился бы с ними, да злость помешала. Потом Дикон увез Борна, но недалеко. Наш юный комендант решил, что ехать лучше ночью, и затащил Сузу-Музу к себе. Тот засыпал на ходу, но Ричард ничего не понял, да и кто бы понял? Дикон запер гостя и отправился к себе.

Вернулся за ним, когда стемнело. Удо спал, Дикон попытался его растолкать, и тот, по утверждению Ричарда, умер. Я не могу ему не верить, Дикон, конечно, не ума палата, но мертвых он повидал.

— А Матильда? — почти заорал Эпинэ. — Матильда и Дуглас?!

— Обошлось. — Альдо посмотрел на кубок в своей руке и снова отпил. — И я очень хотел бы знать почему... Этот яд... Тот самый, от которого сдохла Мупа. Помнишь, я тебе рассказывал?

— Не очень. То есть я помню, что ее отравили... Вернее, что она отравилась вместо вас...

— Я бы тоже забыл, если б только слышал, — на скулах Альдо заходили желваки, — но я видел! Видел... Я тебе говорил, что выписал щенков?

— Да.

— Их как раз привезли, так что я Мупу целый день вспоминал. Зашел к Матильде, а она у меня на глазах заснула. Я... Нет, не испугался, но мыслишка закралась. Я бабку запер, бросился за Дугласом, а тот уехал, куда, не сказал. Я послал гимнета за Борном, только кто ж знал, что они к Дикону свернут?! Дуглас, впрочем, утром объявился, ничего с ним не случилось, спал и спал. Я ему поверил и решил, что взбесился со страху, а тут — Дикон... Смотреть на дурня и то страшно было... Представляешь, вместо того чтоб людей позвать, он целую комедию разыграл. Камердинера впутал, заставил изображать Борна. Если этого Джереми поймут, нас с Окделлом точно в убийцы запишут, разве что Удо объявится.

— Альдо, — выдохнул Робер, — так Удо жив?

— Не знаю, — огрызнулся сюзерен. — Дикон клянется, что запер дверь и ключ все время был у него. Вчера он решил... подготовить тело к похоронам, зашел, а там — пусто! Да не смотри ты на меня так, не знаю я ничего, клянусь всеми богами и Матильдой в придачу... Хотя, когда Дикон мне про Борна выложил, у меня морда не лучше твоей была.

Глава 3. НАДОР

400 год К. С. Утро 8-го дня Зимних Скал

1

Хуже всего в Надоре был утренний холод, даже хуже Мирабеллы: святая вдова, по крайней мере, не лезла за шиворот и считала ниже своего достоинства шляться по чужим спальням.

Вечером покорившиеся судьбе и юной герцогине слуги сжигали в чудовищных каминах целые рощи, превращая комнаты Айрис и ее свиты в преддверие Заката, за ночь древний камень выстывал напроць. Будущей Повелительнице Молний и ее дамам приходилось влезать в холодные, отсыревшие платья и плескаться в ледяной воде.

Маменька утверждала, что последнее полезно для увядающей кожи, но Аглая Кредон

не зимовала в Надоре, а жаль. Луиза не отказалась бы взглянуть на схватку двух змей — серой и голубенькой в кружевах и бантиках. Почтительная дочь поставила бы на родительницу, не только обвившую, но и удержавшую настоящего графа... Увы, необходимости вставать сия уверенность не отменяла. Госпожа Арамона зевнула и выбралась из-под груды предусмотрительно захваченных в Олларии одеял, еще не павших жертвой местной моли. Холод не замедлил вцепиться в плечи и спину, Луиза торопливо сбросила спальное одеянье и вытащила взятое на ночь в постель белье. Сырые юбки она еще могла вытерпеть, но рубашку и чулки — извините!

Женщина облачилась в нижнее платье, набросила на плечи одно из одеял и взялась за волосы: пара дней, и придется затевать очередную головомойку. А может, послать надорские купальни к кошкам и помыться в трактире? Все лучше, чем жуткие котлы, в которых только отравителей заживо варить. Луиза привычно заколола косы и потянула похожий на облысевший хвост шнур, вызывая прислугу.

В Кошоне госпожа Арамона одевалась сама, и ничего, корона с головы не падала! Капитанша могла носить корсажи со шнуровкой спереди, но высокочтимых дам одевают слуги или любовники. Любопытно, справится Эйвон с платьем или встанет на колени и заплачет?

Из полумглы одна за другой выплыли четыре серые точки. Моль! Ах ты, пакость эдакая! Луиза отшвырнула одеяло и, извернувшись, прихлопнула одну за другой пару серых дряней. Уцелевшие неторопливо и нагло взмыли вверх. Госпожа Арамона с шипеньем ухватила шитый зелеными шелками шарф, подскочила, сбила еще одну бабочку и расхохоталась, уперев руки в костлявые бока. В последнее время ей часто становилось смешно. То ли от страха, то ли от Эйвона.

— Сударыня, — длиннолицая служанка старательно присела, — чего изволите?

Джоан! Как удачно! Проныра наладилась в Эпинэ и старалась угодить одной герцогине за счет другой. Капитанша давно собиралась расспросить услужливую сороку, но рядом постоянно крутились старые вороны. То ли гостье не доверяли, то ли Джоан.

— Поддай мне платье. — Луиза с трудом подавила неподобающее знатной особе желание самолично поднять с пола одеяло. — Черное!

— Сейчас, моя эрэа, — засуетилась камеристка, жадно тиская алатский бархат. — У нас все говорят, эрэа в красном — роза, а в черном — королева.

Зато в зеленом — гусеница, а будь потолще, сошла бы за капусту. В детстве и юности Луиза была, прямо скажем, толстовата, но после родов, к вящему неудовольствию Арнольда, усохла. Увы, brave капитан предпочитал спать на перинах, а не на стиральных досках. Именно это ублюдок и выложил заставшей его с кухаркой супруге. Потом, правда, одумался.

На жену Арнольду было начхать, но терять место в Лаик не хотелось, а Луизе не хотелось радовать маменьку своими бедами, вот оба и молчали: и она, и муженек...

Перед самым носом, пользуясь беспомощным состоянием капитанши, проплыла очередная моль.

— Вот ведь пакость, — не выдержала «королева». — Вы бы хоть лаванду по сундукам разложили.

— Хозяйка не купит, — пробурчала служанка, едва не подавившись взятыми в рот булавками. — Денег у нее нет на лаванду...

— Так дороже ж выходит, — не поняла Луиза. — Сколько трава стоит, а сколько — одежда.

— А ей чем хуже, тем лучше. — Джоан покончила с корсажем и взялась за рукава. — Как есть коза припадочная! Ходит в тряпье, сама ни кожи ни рожи, а уж гонору... И было б с чего, а то ведь покойник перестарка взял. Добро бы с деньгами, так ведь нет, приданого восемь кошек да четыре огурца. Моей эрэа не туго?

— Не туго. — Луиза Кредон тоже была ни кожи ни рожи, только с приданым, и достался ей не герцог, а краснорожий солдафон. Госпожа Арамона давно забыла, когда они с Арнольдом возненавидели друг друга — до брачной ночи или после, а как было у

Повелителей Скал?

— Эрза Эдит хотела платье надеть, что эрза Айрис привезла, — донесла Джоан, — так хозяйка его в камин кинула.

— И что платье? — Если Эдит не сбежит из дома вслед за сестрой, то Луиза Арамона и впрямь — роза. — Сгорело?

— Лиф прогорел, а юбки ничего... Эрза Эдит вытащила, как мать ушла, только руку обожгла.

Айрис не стала бы ждать, пока герцогиня выйдет, но она девица с норовом, а Эдит с Дейдри совсем мышата.

— Руку под холодную воду надо! — буркнула Луиза, — а потом касерой облить и маслом смазать.

— Мазали, — кивнула служанка, — я и мазала, только пузыри все равно пошли. Эрза Эдит боится выходить, герцогиня заметит, сразу поймет, что платье из камина вытаскивала.

Нет, Мирабелла даже не мармалюка... Ослица однокопытная чужих детей морит, а герцогиня — своих. Луиза подставила Джоан второй рукав.

— У меня была подруга, — болтуны средних лет всегда говорят о подругах и соседках, — она после смерти мужа умом тронулась. Говорили — с горя, а я думаю — сдуру. Завела б любовника, как все делают, и полегчало бы. Вот и ваша герцогиня...

— Заведет такая, — в сердцах бросила служанка, возясь со шнуровкой, — как же! Она и при муже коряга корягой была. Герцог, он не зря к Дженни, лесничихе здешней, ездил. Мы-то знали да молчали, не старый еще, как не погулять от такой немочи бледной? Ума не приложу, как она прознала, не иначе кто со злостибрякнул.

Со злости. Или от зависти. Или сдуру. Было б про чтобрякнуть, а желающие найдутся. Кто ж ей насплетничал про Арнольда и вдову бакалейщика? Жоржетта? Или все-таки Тессина?

— Ну и что было потом? — с веселым любопытством осведомилась капитанша.

— Ничего, — фыркнула Джоан. — Поерепенилась маленько, а потом, глядь, опять жена с пузом, а муж — в кустах. Так и жили, пока дурь эта не заварилась. Ох, доложу вам, и натерпелись мы, когда на наши головы солдат накликали...

«Так и жили, пока дурь не заварилась...» Бедная Мирабелла, чужая и в замке, и в постели мужа. Была бы бедной, если б не пилила все, что дышит. Мало ли, где болит, дети не виноваты.

— Готово, эрза! — Камеристка от восторга аж глаза закатила. — Красота! Чистая герцогиня, не то что эта...

Вот она уже и герцогиня, да еще и чистая, хотя голову мыть все равно пора.

— Спасибо, — поблагодарила госпожа Арамона, — руки у тебя шелковые. Нечего с такими в Надоре сидеть. Хочешь в столицу?

— Как же не хотеть? — Сплетница расцвела не хуже анемона. — С эрза хоть в Закат... Только пусть эрза пока не говорит, а то съедят меня на кухне... А Хетер с Мэри первые.

— Не скажу, — пообещала эрза Арамона. — А теперь ступай к молодой герцогине.

— Бегу, эрза!.. Нет, все же красота какая! Эр Эйвон упадет, точно говорю...

Джоан растворилась в сырой полутьме. Из-за кроватного полога вылетела неразумная моль и нашла бесславный конец. Луиза стерла с ладони серо-бурую пыльцу, вернулась к зеркалу и провела пальцами по бровям. Перекошенное чудище в мутном стекле услужливо повторило кокетливый жест.

Нужно обладать отвагой Айрис, чтобы, глядясь в надорские зеркала, вообразить себя невестой знатного красавца. Луиза не воображала себя никем, но Ларак взирал на гостью как на святую Октавию. Смешно, но приятно. И тянет доиграть до конца. Лучше дурить голову Эйвону, чем смотреть в окно на присыпанный сажей снег и думать о Герарде, кэналлийце, маменьке, господине графе, Жюле, Амалии... Нужно занять мозги хоть чем-то и взяться наконец за влюбленного Рауля. Жаль, Селина здесь не помощница.

Луиза расправила поясные ленты и покинула спальню, предвкушая мерзкий завтрак и

прогулку в апартаменты Повелителей Скал. От Святого Алана Луизу тошнило не меньше, чем от дубины Эгмонта, но Эйвону пора решать, мужчина он или тьюфак.

2

Обитель великого Эгмонта оказалась в точности такой, какой Луиза ее и представляла. Одиночество вперемешку со старьем. Рассохшаяся мебель, грубые витражи, облезлые шкуры, иконы, оружие, мошь и пыль.

Эйвон с утра озаботился открыть ставни и протопить кабинет и библиотеку, но света не хватало, что герцогским апартаментам шло только на пользу.

— Кто это? — с должным почтением спросила Луиза, глядя на портрет мужчины, проглотившего алебарду и запившего оную уксусом.

— Герцог Эдвард Окделл. — Граф Ларак повыше поднял свечу, чтобы прекрасная дама смогла насладиться выпученными глазами и поджатыми губами. — Отец Эгмонта, супруг моей сестры Симоны... Его первая жена умерла родами, она была родом из Торки. В Надоре этот союз приняли без одобрения.

Надо полагать. Здешние герцоги привыкли вариться в собственном соку, потому у них и с желудками худо.

— А вот это единственный прижизненный портрет Алана Святого, — сообщил Эйвон, — он написан за два года до гибели герцога.

Луиза честно уставилась на потемневшее полотно. Алан был недурен и походил на своих потомков. Древний художник со всем тщанием выписал нагрудник, наручи, цепи, перстни и витраж с ведром, а вот лицо ему не удалось. Нет, нос, глаза, уши были на месте, а человек не получился. Так, кукла, на которую нацепили доспехи и поставили у окна.

— Эйвон, — как же хорошо, что Герард делится всем, что читает, — а как получилось, что Окделлы снова стали герцогами?

— Окделлы всегда оставались Повелителями Скал, — отчеканил Ларак, в котором хрюкнули родственные чувства, но Луизу это только раззадорило.

— Франциск отдал Надор вашему предку, а Окделлы его вернули. Как?

— У Женевьев Окделл от Гвидо Ларака было пятеро дочерей и два сына. — Святая Октавия, да он же покраснел!

— Маршал Гвидо погиб под Агарисом, — вспомнила Луиза, — кажется, в 30-м году Круга Скал.

— Сударыня, я поражен вашими знаниями! — Эйвона разрывали желание бухнуться на колени и фамильная ответственность перед предками. Предки пересилили. Пока. — Женевьев Окделл пережила второго супруга на восемь лет. Если кузина узнает, что я вам говорю, она... очень огорчится, но Женевьев, умирая, взяла со всех своих детей клятву, что они и их дети будут поддерживать друг друга. Люсьен Ларак хотел отречься от титула в пользу единоутробного старшего брата, которого боготворил, но маршал Ричард, он ведь стал маршалом, отказался. Ричард Окделл умер графом Гориком.

— Ваша кузина это не одобрила, — не удержалась от шпильки капитанша, но Ларак, как и положено Лараку, ничего не понял.

— У меня нет в этом сомнений, — заверил он. — Мирабелла преклоняется перед Святым Аланом. Она мечтала назвать сына в его честь, но первенец Повелителей Скал получает имя прадеда.

А второго сына у Мирабеллы не вышло, хотя лучше б Айрис родилась Аланом, всем было бы проще. Госпожа Арамона оглянулась: пока еще не святой герцог Эгмонт уныло глядел со своего портрета.

— Эйвон, — страшным шепотом осведомилась Луиза, — а кто такая лесничиха Дженни?

— Сударыня, — выдохнул несчастный Ларак, — кто вам сказал? Кто?!

— Неважно. — Луиза улыбнулась и ненароком задела графа рукавом. Герцогский

кабинет был бы всем хорош, если б не моль, напрочь сожравшая шкуры у камина. Поваляешься на таких в черном бархате, не отскребешься.

— Эгмонт в юности имел несчастье глубоко и страстно полюбить, — с прискорбием сообщил Ларак величайшую новость.

— Кого? — Женское любопытство временно взяло верх над нечестивыми помыслами.

— Ее звали Айрис Хейл, — покорно сообщил Эйвон. — Они встретились весной 378 года и полюбили друг друга, но должны были скрывать свои чувства. Хейлы были богаты, но свое баронство получили в Двдцатилетнюю войну, а мать Айрис приходится родственницей Манрикам.

— Ну и что? — не поняла побочная дочь графа Креденьи. — Деньги еще никому не мешали. Или Хейлы искали для дочки жениха побогаче?

— Они ничего не знали. — Теперь рукой взмахнул Эйвон, слегка задев плечо возлюбленной. Случайно или чему-то научился? — О любви Эйвона знал только я, мы уезжали из дома вместе, и я его ждал у озера.

— Где растут незабудки? — деловито уточнила Луиза.

— Да, — простодушно подтвердил граф, — там много незабудок... Они были так счастливы, и тут вдовствующую герцогиню разбил удар.

— Удар? — не поверила своим ушам Луиза, глядя на бледного, худосочного графа. — Как такое могло выйти с вашей сестрой?

— Я говорю об эрза Эдит, матушке Эдварда Окделла. — Ларак взмахнул рукой, еще разок тронув собеседницу. — Надежд не оставалось, и умирающая потребовала, чтобы внук немедленно вступил в брак с достойной его девицей. Кузен подчинился.

— Почему? — Луиза коснулась пальцев Эйвона, и те неуверенно сжались. — Герцогиню удар уже хватил, так что можно было и поспорить.

— Эгмонт был почтительным внуком. — Пальцы Эйвона сжались сильнее. — Кузен исполнил волю бабушки, но не предал своей любви. Из всех достойных его девиц он выбрал баронессу Карлион. В детстве Мирабелла была помолвлена с наследником графа Пуэна, но тот запятнал себя связью с куртизанкой, и кузина разорвала помолвку.

Пуэну сказочно повезло, хотя Леворукий знает, какой была Мирабелла в шестнадцать лет. Если ей когда-то было шестнадцать...

— Прежде чем попросить руки Мирабеллы Карлион, — провозгласил Эйвон, — Эгмонт открыл ей правду.

— Святая Октавия, — охнула Луиза, — зачем?!

— Эгмонт Окделл был честен во всем. Он сказал, что может предложить супруге лишь имя и руку, но сердце его навеки отдано другой. Кузен поставил невесте условие: старшая дочь будет носить имя Айрис. Мирабелла согласилась.

Еще бы не согласиться! Куда ей было деваться, но Эгмонт был не просто дураком, он был дураком жестоким...

— А что благородный Окделл сказал юной Айрис? — не сдержалась капитанша. — Тоже правду?

— Конечно, — удивился Ларак. — Он объяснил, что долг перед семьей превыше всего, но сердце его разбито. Эгмонт мог взять в жены юную красавицу, но остановил выбор на Мирабелле Карлион. Айрис могла быть уверена, что супруга не вытеснит ее в сердце любимого.

Будь на месте Айрис Хейл Луиза Кредон, придурок бы расцарапанной физиономией не отделался. Святая Октавия, что ты делаешь с людьми?! Мало ей бояться за Катарину, теперь еще и Мирабеллу жалеть придется. Тьфу ты, пропасть...

— Девица Хейл оценила благородство вашего кузена, — нехорошим голосом осведомилась госпожа Арамона, — или оказалась его недостойна?

— Сударыня, вы ясновидящая, — захлопал глазами Ларак. — Не прошло и года, как Айрис вышла замуж за марикьяре. Эгмонт был безутешен.

— И стал ездить к Дженни? — не выдержала капитанша, сожалея, что не может

пририсовать благородному страдальцу свиное рыло. — Воистину его муки не знали границ.
— Дженни — молочная сестра Эгмонта, — пробормотал Эйвон, — он не любил ее...
— Разумеется, не любил, — дернула невидимым хвостом Луиза, — он с ней просто грешил, потому что супруга не годилась даже для этого.
— Сударыня, — простонал Эйвон, — не говорите так... Это ужасно.
— Я не желаю больше видеть вашего родственника, — отрезала госпожа Арамона. — Надеюсь, в спальне Святого Алана его портретов нет?

3

Засов. Последний рубеж обороны герцогов Окделл на пути герцогинь. Луиза толкнула на удивление щедро смазанный железный брус, отрезая пути к отступлению, но кому? Себе или графу?

— Это ложе Алана, — указал Эйвон на что-то безобразно узкое, но на первый взгляд прочное, — последним на нем спал Эгмонт... Простите...

Поместиться можно, но одеяло придется снять, волчья шерсть еще заметней медвежьей.

— Я сейчас зажгу свечи, — предложил Ларак.

— Не надо. — Любовь Эйвона велика, но ноги лучше не показывать, да и сам граф не из тех, кого тянет раздеть на солнышке. — Света хватает, или вы собрались читать мне «Эсператию»?

— Я? — испугался Ларак. — Нет...

Худое лицо было несчастным и встревоженным, то ли за кузена-племянника обиделся, то ли не знает, как за дело взяться. Луиза улыбнулась, граф тяжело вздохнул и уставился в пол. Дубина.

— Вы показали уже все, что хотели?

— Осталась библиотека, — пробормотал влюбленный, — личная библиотека, но там пусто. Книги вывезли после восстания... Сударыня. Мне так много нужно вам сказать.

Да вроде уже все сказано, надо к делу переходить, хотя на кой ей сдался этот мерин! Просто чтобы был?

— Говорите. — Отодвинуть засов и идти? Или остаться послушать? Все лучше, чем розы вышивать.

— Мы так давно не виделись, — пролепетал своим сапогам Ларак. — То есть не виделись наедине. То, что было на утесе, я не забуду... Это были счастливейшие... наисчастливейшие минуты в моей несчастной жизни... Сударыня, вы... свет ваших глаз... я боготворю вас. Я счастлив целовать вашу тень... Я никогда не думал, что мою судьбу озарит...

И чего бы Лараку-старшему было не жениться на южанке, а то на окделлских дровах даже супа не сварить. А, была не была!

— Граф Ларак, — если он решится то и она тоже, а нет, никто не сдохнет, — или мы сейчас же спускаемся и вы никогда, вы слышите, никогда не говорите со мной ни о чем, кроме погоды, или извольте подтвердить свои слова. Немедленно.

— Сударыня, — залепетал соблазнявшийся граф, — сударыня...

— Эйвон, — отрезала Луиза, — вы говорите о любви. Или вы лжете, или трусите. И то, и другое недостойно дворянина.

— Я не лгу! — О, мы даже кричать умеем. — Я люблю вас!

— Любите? — Луиза положила руки на ветхий камзол. — Так любите.

Поцелуй получился лучше, чем на утесе. Эйвон старательно тискал бархатный лиф, затем бухнулся на колени и замер. Юбки Луиза подняла и раздвинула сама, улучив подходящее мгновение. Не хватало оборвать оборки, пришивай потом!

Руки Ларака оказались ледяными, еще бы, в такой-то холодине! Граф с остервенением гладил лодыжки капитанши, не рискуя двигаться дальше. Если так пойдет, до обеда точно не

управиться. Луиза наклонилась, ухватила костлявое запястье и потянула вверх к колену.

— Сударь, — прошептала женщина, — снимите одеяло...

— Луиза! — Изящно подняться у Ларака не получилось, подвела больная спина, растереть потом, что ли?

— Ну же!..

— Моя Луиза. — Разогнувшийся граф сграбастал волчьи останки и прижал к груди.

— На пол, — велела капитанша, — ничего с ним не случится.

Любовников у Луизы не было, но стаскивать сапоги и штаны с пьяного супруга приходилось. Арнольд мычал и лягался, Эйвон молчал, но дышал так, словно только что затащил на Надорский утес маменькин комод.

Капитанша тоненько хихикнула и притянула кавалера к себе. Граф потихоньку разгорался, даже руки потеплели. Луиза отвечала на поцелуи, потом откинулась на спину, но неудачно, прижав спиной рассыпавшиеся косы. Ларак неловко навалился на даму, его глаза стали блестящими и дикими. Борода и усы ощутимо царапали шею, Эйвон дышал все громче, он больше не боялся и не стеснялся, ну и слава Леворукому!

Над головой проплыла очередная моль, без сомнения, святая. Госпожа Арамона опустила ресницы: трещины на потолке, пыльные бабочки, чужое лицо — зачем на это смотреть?

Плохо ей не было, с Арнольдом бывало хуже. Эйвон что-то бормотал, подавался вперед и назад, дергался, но прижатые волосы держали крепко. Попытаться увидеть над собой другое лицо? Безбородое, загорелое, с прилипшими ко лбу черными прядями? Нет, это стало бы оскорблением для всех троих, и женщина просто ждала, когда все закончится. И дождалась.

Кровать пережила кошунство, даже не скрипнув. Видимо, в старину властители Надора были потолще и поживее. Утратившая добродетель вдова собрала выпавшие шпильки и взялась за многострадальную косу. На ее волосы заглядывался даже Арнольд, а Эйвон за отвагу заслужил подарок.

— Луиза... — Руки графа дрожали. Выпить бы ему, но в этом склепе воды и той нет. В следующий раз нужно разжиться в трактире вином.

Госпожа Арамона чмокнула любовника в щеку. Эйвон был счастлив, и его было жалко. Даже больше, чем себя.

— Мы уедем в Алат, — глаза графа все еще были шалыми, как у весеннего кота, — нас никто не найдет...

— После свадьбы Айрис, — не моргнув глазом соврала госпожа Арамона. — Мы поедем в Эпинэ вместе со всеми, а ночью исчезнем.

— Луиза... Любовь моя, — простонал ставший неверным муж, — как же ты права! Эгмонт был глупцом и преступником... Как он мог пожертвовать любовью? Это безбожно!

— Тот, кто прячется от любви, — дурак, — припечатала Луиза, сидя на ложе святых и мучеников. — Помогите мне затянуть пояс.

— Луиза... — Она просила затянуть пояс, а не целовать его концы, но почему бы не подождать? От платья не убудет, от нее подавно.

Граф Эйвон Ларак отнял от губ черные ленты:

— Любимая... Мне кажется, я раньше не жил...

Любимая... Да уж, докатилась она. Теперь, хочешь не хочешь, до отъезда придется грешить, не бросать же его такого, еще утопитя.

Глава 4. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 9-й день Зимних Скал**

Урготское посольство занимало приземистый особняк у Гусиного моста сразу за аббатством Святой Октавии. Летом дом прятался в темной зелени, но зима содрала листву с вековых платанов; глядевшее сквозь мокрые перекрученные ветви здание казалось могучим и равнодушным, как гора. Даже странно, что внутри, под слоем негостеприимного камня, прятались люди: топили печи, открывали окна, спали, ели, говорили.

— Мевен! — Альдо резко дернул повод, и белоснежный, до невозможности похожий на Бьянко, линарец послушно остановился, лебедем выгнув шею. — Шевельните это болото.

— Да, Ваше Величество. — Гимнет-капитан отъехал, и тотчас к воистину крепостным воротам направился широкоплечий сержант.

— Каков хитрец, — Альдо кивком указал на зелено-коричневый флаг, прихваченный в двух местах витым серым шнуром,¹⁰ — но мы поверим. Мы прибыли лично узнать о состоянии здоровья дуайена Посольской палаты.

— Вускерд говорил, — вспомнил Дик, — что Фома слишком много о себе полагает.

— Экстерриора господин Габайру не принял, — Альдо улыбался, но глаза смотрели жестко, — но королю урготы откроют.

— Конечно, — согласился Дикон, — это же не кэналлийцы.

— А кэналлийцы б не открыли?

— Они слушают только собрано, — неохотно объяснил юноша, вспомнив угрюмую физиономию и черные завитки на двери. Хуан! Мог ли работороговец тайком пробраться в дом и вытащить Удо? Замки на внутренних дверях не меняли, только на внешних...

— Дурацкий обычай, — Альдо брезгливо выпятил губу, — и очень неприятный народ. Что ж, лишний довод в пользу того, что от Кэналлоа нужно избавиться. Пускай убираются к шадам. О, вот и наши торгоши!

Ворота торжественно распахнулись, раздался барабанный бой — застигнутые врасплох урготы приветствовали августейшего гостя со всем тщанием.

— Вперед! — велел Альдо. — Шагом!

— Вперед, — повторил Мевен.

Процессия двинулась с места, неспешно втягиваясь в украшенные золотыми ласточками¹¹ створки: сначала знаменосец с королевским штандартом, за ним Мевен в лиловом полуденном плаще, трубачи, барабанщики, гимнеты... Эскорт придавал уверенности, но входить в дом все равно не хотелось. Подданные Фомы славились хитростью, лживостью и корыстолюбием, двуличней были разве что гоганы, но они, слава Создателю, до Талигойи не добрались.

Конь Альдо вступил в вымощенный золотистыми восьмиугольными плитками двор, и Дикон слегка придержал Караса: от ворот к крыльцу двумя рядами выстроились слуги, мрачные, высокие и плечистые, словно порожденные угрюмым домом. Сам же особняк вблизи казался еще тяжеловесней, а слуховые окна были прямо-таки созданы для стрелков.

Высокий, еще не старый ургот неспешно спустился с крыльца. Дуайеном он быть не мог при всем желании, но вел себя, словно сам Фома.

— Придется быть вежливыми, — бормотнул Альдо не столько Окделлу, сколько себе самому.

— Ваше Величество, — оказавшийся вторым советником посольства графом Жанду высокий церемонно поклонился, — посольство великого герцогства Урготского счастливо принимать венценосного гостя. К нашему глубокому сожалению, маркиз Габайру тяжело болен и не покидает спальни.

— Я слышал. — Альдо легко и красиво спрыгнул на рассерженные камни. — Мы решили навестить заболевшего друга. Мы надеемся, маркиз в сознании?

¹⁰ Подвязанное серым шнуром знамя означает, что хозяин болен и не принимает.

¹¹ На гербе Ургота золотая ласточка на коричневом поле и примулы.

— О да, — закивал ургот, — в полном сознании, но говорить ему тяжело.

— Мы желаем видеть маркиза Габайру.

— Он будет счастлив, однако лекарь не исключает, что его болезнь заразна.

— Нам осенние простуды не опасны. — Сюзерен спокойно направился к крыльцу, и граф Жанду был вынужден пойти рядом. Проход между ливрейными слугами для троих был слишком узок, и Ричард отстал на пару шагов. Стало вовсе неудобно.

Массивные двери неторопливо распахнулись. Обитые медью створки были толще надорских, а кованый узор над головой весьма походил на подъемную решетку. Войти в урготскую резиденцию без ведома хозяев было трудно, выйти, похоже, еще труднее.

— Ваше Величество, прошу вас... — Ургот был почти так же высок, как Альдо, но много уже в плечах. Одно слово, посольский жук.

— Благодарю. — Сюзерен шагнул через массивный порог, пахло теплом и лекарственными травами. Вестибюль оказался под стать дому — темные панели, тяжелые светильники, огромные картины. У парадной лестницы замерло четверо офицеров с розовыми и голубыми лентами через плечо. Цвета принцесс, одна из которых станет талигойской королевой.

— Монсеньор, — слуга с бычьей шеей угодливо улыбался и тянул лапы, — прошу вас, монсеньор.

Юноша сглотнул и расстался с плащом и шляпой. Отчаянно захотелось сбежать или хотя бы сказать пару слов Мевену, но гимнет-капитана окружил десяток коричневых.

Святой Алан, следовало прихватить пистолеты. Ну и что, что они в доме дуайена Посольской палаты? Герцог Окделл — цивильный комендант столицы, он в ответе за жизнь сюзерена и может не расставаться с любым оружием.

— Ваше Величество, маркиз Габайру не встает с постели.

— Вы уже говорили, — кивнул Альдо, направляясь к лестнице, — а мы заверили, что не боимся заразы. Как здоровье Его Величества Фомы?

— Полагаю, у него разыгралась подагра, — вздохнул дипломат, — так всегда бывает к концу осени. К несчастью, это время года в Урготелле отличается сыростью. В талигойской столице климат более здоровый. Прощу вас направо...

— Да, — рассеянно кивнул Альдо, — несущие морскую влагу ветры налетают на Алатский хребет и проливаются дождями... Урготелла стоит в не слишком удачном месте.

— Вы совершенно правы, Ваше Величество, наши предки не приняли в расчет ветер. — Ургот казался удивленным, и Дик невольно улыбнулся: о причинах осенних дождей сюзерен узнал по дороге в посольство от него.

— Прекрасный портрет, — громко произнес Альдо, задержавшись у огромного, в полстены, полотна. — Его Величество Фома может гордиться красотой своих дочерей.

— Этот портрет написан весной прошлого года, — сообщил граф Жанду. — Работа Теотелакта Агарина.

Представить Альдо рядом с урготскими куклами было оскорблением. Неужели сюзерен, не испытав настоящей любви, навсегда свяжет себя с чужеземкой?

— Чувствуется рука мастера. — Альдо сделал шаг в сторону, и Ричард увидел Фому с принцессами. Герцог в бархате цвета спелой сливы и кудрявом парике напоминал барона Капуль-Гизайля, девица в розовом нюхала цветок, девица в голубом кормила голубков. Дик вгляделся в смазливые, обрамленные локонами мордашки. Голубая была потолще, у розовой в лице было что-то кроличье. Сестрам было далеко даже до Марианны, а до Катари и вовсе как до звезды, но портрет в Талигойе появился неспроста. Эр Август предупреждал, что Сильвестр решил избавиться от Ее Величества и женить Оллара на урготской купчихе. Кто бы мог предвидеть, что картина послужит законному королю...

— Талигойские художники не уступают урготским. — Сюзерен говорил весело, но Дик чувствовал в его голосе безнадежность. — Мы собираемся в скором времени сделать достойный подарок Их Высочествам, а сейчас проводите нас к маркизу Габайру.

Дуайен в подбитом белкой халате возлежал в кресле, больше похожем на короткую кровать. В комнате было нечем дышать, но посольские ноги были тщательно укутаны меховым одеялом.

— Какая честь для больного старика, — прокашлял Жоан Габайру, то ли собираясь подняться, то ли делая вид. — Какая неслыханная честь!

— Сидите, сударь, — махнул рукой Альдо. — Как вы себя чувствуете?

— Так же, как неделю назад, — хрипло произнес ургот. — В мои годы трудно уповать на быстрое выздоровление. Лекарь полагает, что я застудил верхнюю треть легких, а это весьма неприятно и исключает даже кратковременное пребывание на морозном воздухе.

Слова больного не расходились с делами. Запертые окна и тщательно задернутые портьеры зеленого бархата надежно защищали не только от мороза, но и от дневного света. Спальня освещалась камином и свечами, горящими на письменном столе и низеньком, заставленном склянками столике под рукой больного.

— Нам не хватает вашего общества. — Сюзерен опустил в одно из четырех кресел и кивнул Дику. — Садитесь, Окделл. Маркиз, полагаю, вы знаете нашего спутника?

— Разумеется. — Старческие глаза, бурые, как разведенный молоком шадди, уставились на юношу. — Я впервые обратил внимание на этого достойного молодого человека, когда он приносил присягу оруженосца, и с тех пор стараюсь не терять его из виду. Властитель Надора проделал большой путь, весьма большой и весьма примечательный...

— Окделлы верны своему государю. — Святой Алан, ну зачем Габайру понадобилось вспоминать Фабианов день? Конечно, он не имел в виду ничего плохого, и все-таки...

— Верность — замечательное качество, — сухая, похожая на причудливый корень рука поднесла ко рту большой платок, — и весьма редко встречающаяся. Наши времена склоняются к здравому смыслу, а не к бессмысленному самопожертвованию, как бы красиво оно ни выглядело. Большинство, как это ни печально, предпочитает чистой совести и посмертной славе бречное существование.

— Повелители Скал всегда принадлежали к меньшинству, — улыбнулся сюзерен. — О готовности Ричарда отдать свою жизнь за жизнь сюзерена говорит цепь Найери. Маркиз, мы не хотим утомлять вас и потому будем кратки. Получил ли Его Величество Фома наше письмо? Кроме того, мы готовы принять ваши верительные грамоты, что избавит вас от поездки к экстерриору.

— Я очень сожалею, — закашлялся посол, — но последнее письмо Его Величества, достигшее этого дома, подписано 14-м днем Осенних Ветров. Я четырежды отправлял в Урготеллу курьеров, но у меня нет уверенности, что они достигали цели.

— Отправьте еще раз, — предложил сюзерен. — Мы обеспечим вашему курьеру надлежащий эскорт.

— Дорога через южные графства стала весьма опасной. — Габайру снова закашлялся, тщательно прикрывая темные губы платком. — Весьма...

— Этому скоро придет конец, — пообещал Альдо. Лоб сюзерена блестел от пота, волосы слиплись. Дик тоже чувствовал себя вытасенной из воды рыбой.

— Безопасные дороги весьма облегчат жизнь моему преемнику. — Старикашка без дурацкого «весьма» прямо-таки жить не мог. — Участь посла, не получающего писем, плачевна.

— Вы рано заговорили о преемнике, — нахмурился Альдо, — мы не сомневаемся, что вы поправитесь. Вы ведь провели в Ракане более тридцати лет?

— Я провел в этом городе тридцать девять лет, — с достоинством уточнил Габайру, — но всему приходит конец. Я дважды просил моего герцога об отставке. Первый раз мне было отказано, ответа на второе прошение я пока не получал.

— Кто же вас сменит? — любопытствовал сюзерен. — Граф Жанду?

— Никоим образом. Первый советник посольства, если он себя проявит достойным

образом, рано или поздно станет послом, но в другой стране. Граф Жанду знает, что ему предстоит уехать в Эйрехт. В свободное от своих обязанностей время он учит язык и читает дриксенские хроники. Это весьма полезное занятие, куда более полезное, чем написание доносов.

— Нам не кажется это разумным. — Альдо не выдержал и утер лицо. — Граф Жанду хорошо знает Талигойю, но не Дриксен. Разумнее оставить его здесь.

Старикашка улыбнулся, показав молодые острые зубки:

— Люди слабы, по крайней мере, так учит церковь. Если второй советник будет думать о том, как стать первым, а первый — пойдет ли ему посольская лента, об интересах государства можно забыть.

Каждый промах старшего будет вредить короне, но приближать младшего к возжеленной должности. Стоит ли в таком случае исправлять ошибки? Трое из четырех решат, что не стоит, а у дипломатии свои правила. Тот, кто хорошо играет в тонто в Паоне, и в Липпе не проиграет. То же можно сказать и о политике. Не сомневаюсь, новый посол быстро поймет, что происходит в этом городе. Прошу меня простить, я должен выпить свой отвар.

— Разумеется. — Государь кивнул, но не встал, как надеялся задыхавшийся Дикон. Обитое бархатом кресло, в котором сидел юноша, превратилось в горящий камин, в горле пересохло, хотелось лишь одного — выскочить из раскаленной комнаты, но Альдо терпел, а место Ричарда было рядом с ним.

— Еще раз прошу меня извинить. — Темная лапа потянулась к столу. Дикон поправил цепь Найери, стараясь не слушать, как посол с бульканьем глотает темную жижу. Если б не тиканье часов, можно было подумать, что время остановилось, остались только жара и навязчивый сладковатый запах.

— Болезнь сродни любви, — хриплый голос ургота был отвратительным, — она завладевает человеком целиком и оканчивается либо выздоровлением, либо смертью.

— Мы от всей души желаем вам первого. — Альдо тоже слегка охрип. — Однако наш визит преследует еще одну цель. Мы хотим передать Его Величеству Фоме наши предложения.

3

— Я весь внимание. — Высохшие пальцы расправили одеяло. Ургот не врал, он и в самом деле подхватил лихорадку. Только больной в состоянии сидеть на сковородке и кутаться в меха.

— Мы хотим видеть талигойской королевой одну из дочерей Его Величества Фомы, — четко произнес Альдо. — Мы осведомлены о том, что переговоры о возможном союзе двух стран велись и ранее. Мы полагаем уместным завершить их должным образом. Мы готовы назвать своей супругой любую из принцесс.

Слово было сказано, мосты сожжены. Потомок богов свяжет себя на всю жизнь с дочерью торговца. Слишком дорогая цена, но Альдо думает не о себе, а о победе.

Посол пожевал темными губами и хрипло вздохнул:

— Так вышло, что моя молодость и мое сердце принадлежат этому городу и этой стране. Я был бы счастлив увидеть мою принцессу, въезжающую в Ворота Роз, но обстоятельства этому противятся.

Я позволю себе неподобающую дипломату откровенность. Ургот весьма богат, но, увы, невелик.

Пока существовал Золотой Договор, а сила Талига уравнивалась силой Гайифы и Дриксен, мы были спокойны, так как противоречия сильных хранят слабого. Один из сильных пал. Кто помешает оставшемуся проглотить все, до чего он дотянется? Только союз с теми, кто даст отпор Паоне.

— И кто же это? — сдержанно спросил Альдо.

— Малый или же большой Южный союз. — Ургот в очередной раз закашлялся. — Весы не могут иметь лишь одну чашу, иначе это не весы. Объединение Ургота, Фельпа, южных талигойских графств, Улаппа и Ардоры неизбежно, а в Золотых землях привыкли скреплять политические союзы браком. У Его Величества Фомы две дочери, а граф Савиньяк не женат.

Что этот старикашка несет?! Фома не захочет отдавать своих крольчих королю Ракану?!

— Я правильно понимаю, — Альдо погладил королевскую цепь, — что вы не считаете возможным вернуться к переговорам об урготско-талигойском союзе?

— Увы, — маркиз Габайру закашлялся, — я всего лишь мечтающий об отставке старик, потому и осмелился сказать то, о чем послы обычно молчат. Разумеется, я напишу моему герцогу о столь лестном предложении, но, когда дому грозит пожар, хозяин отдаст дочь водовозу, а не ювелиру. Урготу нужны армии Савиньяков и флот Альмейды.

— Если принцессы урготские предпочитают кипарису сосну,¹² — холодно произнес сюзерен, — они весьма отличаются от прочих девиц.

— Аэций Старший писал, что воображение юных дев поражают не добродетели, а пороки, — развел морщинистыми руками посол. — Если же пороки сочетаются с красотой и победами, оспаривать у них добычу безнадежно. Братья Савиньяк — люди выдающиеся во всех отношениях. Не обязательно быть уроженцем Гайифской империи или юной дамой, чтоб оценить их привлекательность. Я знаю лишь один союз, который в глазах моего герцога и, подозреваю, моих принцесс предпочтительней союза с домом Савиньяк. Это союз с Кэналлоа и Багрянными землями.

— Мы благодарны вам за откровенность. — Альдо неторопливо поднялся. Сейчас они уйдут, сейчас они наконец уйдут!

— Это всего лишь предположения, — завозился в своем кресле старикашка. — Я долго не получал писем из Урготеллы, а горячка развязывает язык сильнее, чем вино.

Сюзерен кивнул:

— Мы желаем вам скорейшего выздоровления. Когда вам понадобится эскорт для сопровождения курьера?

— Я возьмусь за перо сразу же после ухода врача. — Ургот оперся лапками о подлокотники. — Нет никаких сомнений в том, что Его Величество отнесется к полученному предложению с должным вниманием. Могу ли я написать моему герцогу, где сейчас находится герцог Алва?

— Разумеется, — пожал плечами сюзерен. — Это знают все. Алва дожидается своей участи в Багерлее.

— Я могу сослаться на источник полученных мною сведений? — озабоченно произнес маркиз Габайру. — И на то, что сведения эти предназначены в том числе и моему герцогу?

— Что означают ваши вопросы? — Альдо скрестил руки на груди. — У вас есть сомнения?

— Сомнений в том, что герцог Алва пробился к эшафоту и спас жизнь Фердинанду Оллари и заложникам, у меня нет. Я не присутствовал при этом знаменательном событии, но «перевязь Люра» известна всем Золотым землям. — Посол глубоко вздохнул и закашлялся. — Прошу простить... Старость живет надеждой дожить до весны...

— Тогда к чему расспросы?

— Герцог Алва знаменит отрицанием невозможного. Его не ждали в Ренквахе, его не ждали в Сагранне; на Октавианские праздники он неожиданно вернулся в столицу и столь же неожиданно оказался в Фельпе. Явление кэналлийца у эшафота поражает воображение. Естественно, молва не допускает и мысли о том, что Кэналлийский Ворон все еще в Багерлее.

¹² Намек на королевский и графский гербы.

— Тем не менее он там. — Сюзерен сдерживал раздражение из последних сил, но ургот этого не понимал. — Слово Ракана.

— Кто я, чтоб не верить слову Чести? — Габайру вновь откинулся на подушки. — Но вырвавшийся из ловушки дриксенский адмирал утверждает, что ему противостоял Ворон собственной персоной, а то, что известно о хёксбергской бойне, слишком напоминает фельпский разгром.

— Дриксенец лжет, — отрезал Альдо, — или ошибается.

— Без сомнения, — кивнул ургот. — Проигравшим свойственно преувеличивать силы и неуязвимость победителя, а проиграть непобедимому не столь зазорно, как равному. Но вести приходят не только из Дриксен. Кое-кто из участников сражения догадался свернуть на юг, что их и спасло. Моряки утверждают, что видели Ворона, управлявшего с палубы талигойского флагмана не только сражением, но и ветрами.

— Моряцкие байки!

— Я тоже так полагаю, — ургот прижал ко рту платок, — именно поэтому я написал в Ардору двоюродному племяннику. Он там исполняет обязанности торгового представителя, им весьма довольны... Я просил разыскать очевидцев и узнать, видели ли они Ворона лично. К концу месяца я надеюсь получить исчерпывающие сведения и буду счастлив ими поделиться.

— Вам не придется ждать так долго, — голос сюзерена нехорошо зазвенел, — через неделю герцог Алва предстанет перед судом. Его увидит столько людей, сколько вместит большой зал Гальтарского дворца. Разумеется, послы Золотых земель будут приглашены.

— Боюсь, здоровье не позволит мне присутствовать при сем знаменательном событии, — прокашлял Габайру, — но граф Жанду расскажет мне все в подробностях. Открытый суд над Рокэ Алва обещает стать выдающимся событием, но это большой риск, очень большой...

— Что вы имеете в виду? — Святой Алан, почему сюзерен не пошлет зарвавшегося ургота к кошкам? Неужели брак с розовой или голубой дурочкой необходим до такой степени?!

Жоан Габайру потянулся к очередной склянке:

— Если Кэналлийский Ворон проявит смирение, — заявил он, — талигойцы предпочтут поверить дриксенским морякам, а если останется самим собой — не завидую обвинителям. Господин Рафиано не преминул бы вспомнить притчу об ызаргах, вздумавших судить барса. Это очень нелепая история... Ызаргов спасло лишь то, что барсы питаются чистым мясом.

— Кого вы считаете ызаргом? — не выдержал Дикон. — Не думаете ли вы...

— Ричард, — сверкнул глазами сюзерен, — ты не в Надоре. Что вы имели в виду, маркиз?

— О, я всего лишь вспомнил один из забавных рассказов. Рафиано притчами добивался больше, чем бумагами, но я хочу понять, чем мои слова задела герцога Окделла?

— Ничем, — пробормотал Дикон под взглядом Альдо, — ровным счетом ничем.

— Долг дипломата не замечать пролитого вина и неосторожного слова, — усмехнулся старикашка, — но дипломатов меньше, чем людей, лишенных такта. Герцог Алва обладает весьма своеобразным чувством юмора, а людям свойственно повторять чужие шутки.

Я искренне сочувствую послу Кагеты. Еще месяц назад доблестный казарон гордился несокрушимым здоровьем. После прискорбного случая с верительными грамотами несчастный слег и не покидает своей резиденции, но погубивший репутацию блистательного Бурраза шутник по сравнению с Алвой не более чем дитя. Я бы не советовал подвергать кэналлийца суду. Поверьте старому дипломату, слухи о хёксбергских победах Ворона безопасней его самого.

— Герцог Алва предстанет перед судом, — рука Альдо легла на эфес, — и он ответит за все свои преступления по законам Эрнани Святого.

Глава 5. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) 400 год К. С. Ночь с 9-го на 10-й день Зимних Скал

1

Солдат притащил ужин, Эпинэ лениво ковырнул наперченную свинину и устыдился того, что не голоден. Хлеб дорожал не по дням, а по часам, что до приличного вина, то оно уверенно становилось редкостью. Скоро придется грабить окрестные деревни, хотя их и так грабят. До весны «Великая Талигойя» сожрет себя самое, а дальше что? А ничего, со всем нужно покончить раньше.

Иноходец отправил в рот пару оливок и запил вином, прикидывая, что напишет «невесте» и Реджинальду. Если он рассчитал верно, известий от Лионеля следует ждать не позже, чем к концу месяца, а если — нет? Когда он уговаривал Айрис, главным были впутавшиеся в мятеж друзья и вассалы, теперь все заслонила Оллария. Карваль тоже это чувствует, да и остальные южане больше не хотят уходить. Дора что-то перевернула во всех, словно дошедшие до кровавого фонтана принесли еще одну присягу. Главную и единственную...

Робер жевал оливку за оливкой, глядя, как жаркое покрывается слоем застывающего жира. После Сагранны смерть казалась выходом, теперь стала предательством, да и Матильда велела ему жить. Спасибо, не приписала «долго».

Из Тарники вестей не было, но Иноходец не сомневался: принцесса решилась на разрыв. Что ее доконало? Смерть Удо, которая еще может оказаться ложной, или все сразу, от зимы до Айнсмеллера? Джереми клянется, что раздевал труп, а Дикон не помнит, запер он двери или нет. Может, и не запер, только вряд ли Борн без сапог и камзола незамеченным выбрался из чужого дома и исчез. Да и куда бы он пошел? Только к Дугласу, а Дуглас бросится к Матильде... Если так, понятно, почему принцесса засела в Тарнике, но почему они молчат?! Не верят?

Внизу что-то зашуршало, вцепилось в ногу, полезло вверх. Робер рванулся вскочить, но серый хвостатый клубок уже добрался до груди. Клемент! Клемент в Олларии?!

— Это ты? — Повелитель Молний очумело потряс головой, дивное виденье никуда не делось. Только чихнуло и решительно поползло к лицу. — А ну покажись!

Прятаться гость не собирался, скорее наоборот. Иноходец отодрал невесть откуда взявшегося приятеля от камзола и осмотрел со всех сторон. Крыс заверещал и дрыгнул задними лапами. Выглядел он отменно, блестели глазки-ягодки, воинственно топорщились усы, весело розовел хвост, только шкурка стала совсем светлой. Поседел. От старости или от ночной скачки?

— Ты откуда? — спросил Эпинэ, водружая Его Крысейшество на стол.

Клемент дернул носом. Он любил хозяина, но пожрать любил еще больше, а вокруг пахло едой. Нос дернулся еще раз, Клемент лихо развернулся и издал требовательный писк. Оголодал! Рука Робера сама отломила кусок хлеба, обмакнула в соус и положила на тарелку. Крыс почесал за ухом и рванул к угощению с явным намереньем подкрепиться.

— Обжора, — укоризненно произнес герцог. Клемент не ответил — он был занят. Добравшись до корки, крыс вцепился в нее передними лапками, раздалось знакомое чавканье. Эпинэ на всякий случай прикрыл глаза ладонями, досчитал до шестнадцати, убрал руки: Его Крысейшество сидели на столе и старательно угощались.

— А Матильда в Тарнике. — Иноходец подлил себе вина и поднял бокал. — Вот она обрадуется. Ну, давай за встречу, что ли.

Клемент и ухом не повел. Эпинэ брызнул красным вином на изогнувшийся змеей хвост. Хвост недовольно дернулся, и Робер торопливо закусил щеку. Не хватало разрыдаться над лопающим крысом. Не над матерью, не над жертвами Доры, а над выскочившей из прошлого живой и здоровой зверушкой.

— Посажу в ящик, — пригрозил обжоре Иноходец, — а то мало ли... Кошки, собаки, люди...

Корка стремительно кончалась, Робер допил бокал и потянулся к блюду: морить Его Крысейшество голодом было кошунством.

В приемной затопало и забормотало, Эпинэ бросил хлеб на скатерть и, не ожидая ничего хорошего, повернулся к двери. Видеть кого-либо не хотелось, но желания Повелителя Молний никого не волновали.

— Монсеньор, — Дювье казался смущенным, — тут... У черного хода двое, старик и мальчонка. В капюшонах. Кажется, смирные. Говорят, вы их ждете. Вроде как вестника посылали...

Вестник покончил с первой коркой и потянулся за добавкой. А он совсем рехнулся, если решил, что Клемент сам отыскал хозяина.

— Закатные твари! — выдохнул сержант. — Крыса!

— Познакомься, — велел Эпинэ, прижав пальцем многострадальный хвост, — это Клемент. А тех двоих давай сюда, это друзья. Да, вот еще что... Их никто не должен видеть.

2

Кони огнеглазого Флоха плясали среди золотых небесных стрел. Вороны — ночь, белые — день, каждый есть отражение каждого и каждый сам по себе, им нет числа, они мчатся из заката в рассвет и из рассвета в закат навстречу друг другу. Черные и белые встречаются на заре, когда небо становится страшным, как кровь, и прекрасным, как лепестки весенних роз.

— Монсеньор вас примет.

Мэллит вздрогнула и увидела воина высокого и усталого. Он смотрел на достославного из достославных, и глаза его были обведены синими кругами, а на шее и щеках пробивалась темная щетина.

— Идите за мной, — велел воин, и они пошли по увешанной железом и раскрашенным полотном лестнице. Мэллит переставляла ноги, не чувствуя ничего, кроме тяжести, ставшей в последние дни нестерпимой. Усталость выпила все чувства и запорошила память серым пеплом, даже боль стала сонной и далекой, словно принесенный ветрами плач. Гоганни помнила, что дорога началась с радости, но дальше клубилась пыль, заматавая все, кроме любви.

— Монсеньор очень устал, — попросил провожатый, — не задерживайте его.

— Мы будем кратки, как краток зимний день. — Достославный из достославных шагнул в белую дверь, на ней тоже плясали кони, а дальше были золото и тьма.

— Кто вы? — Худой человек стоял у стола, на его плече сидела серая крыса, а прядь надо лбом была белой. — Это вы привезли Клемента?

— Он был с нами, — подтвердил достославный. — Наша дорога была длинной, но мы успели.

— Я знаю вас, сударь? — Мэллит тоже его знает. Нареченный Робером, друг любимого и ее друг, поэтому она и шла... долго-долго. — Я совершенно точно вас видел, но не могу вспомнить где. Вы из Сакаци?

— Мы проделали долгий путь, но я вижу на руке золото...

— Да, я обручен и счастлив. — Худые пальцы тронули браслет, она знала и эту руку, и это лицо!

Друг добр и благороден, в его сердце нет грязи, только боль.

— Но чем я могу помочь вам? Вы выбрали не лучшее время для путешествий.

— Мы его не выбирали, — покачал головой достославный, — его выбрали вы.

— Простите, — нареченный Робером прикрыл глаза ладонями, закрывая душу от демонов, — я соображаю хуже, чем обычно. У меня была лихорадка... Собственно говоря, она еще не кончилась...

— Блистательный болен? — не выдержала Мэллит, и тут друг ее заметил.

— Мэллит! — Бледное лицо стало еще бледней, он покачнулся, ухватился за край стола. — Сначала Клемент, теперь ты... И опять оделась мальчишкой!

— Юная Мэллит пришла за помощью в дом достославного Тариоля, — выступил вперед достославный из достославных. — Сын моего отца отдыхал под кровом достославного, готовясь продолжить путь, и продолжил его вместе с названной Залогом. Время зажгло свечу, и горит она быстро, а мир наш — сухая солома и пыль летящая.

— Мэллит. — Темные глаза смотрели на нее, и в них танцевали золотые молнии, какие теплые глаза, какой яркий огонь. — Ты не должна была приезжать... Не должна! Здесь слишком опасно.

— Опасность названной Залогом грозит везде и нигде. — Достославный тоже устал, они все на исходе сил, а ладони невидимые давят на плечи. — И опасность эту несет в себе Первородный. Блистательный должен многое выслушать, а сын отца моего — рассказать.

Друг любимого вздрогнул, провел рукой по лицу.

— Достославный Енниоль, прошу меня простить. Я не думал увидеть вас здесь, в... талигойской одежде. Вы, наверное, устали. Отдохните, а потом я к вашим услугам.

— Юной Мэллит следует лечь. — Достославный из достославных подошел к камину и протянул руки к огню. — Десять дней назад она почувствовала себя дурно, а на четвертую ночь, считая от сегодняшней, открылась рана, но разговор о важном не может быть отложен.

— Нужен врач?! — Названный Робером снял серого зверька с плеча. — Сейчас он будет!

— Не рукам человеческим излечить эту слабость и закрыть эту рану. — Как же здесь, в доме многих коней, тепло и ясно. — И не жизни юной Мэллит грозит беда, а многим и многим... Подари сыну моего отца час ночи, и ты узнаешь все.

Темные брови сошлись в одну черту:

— Хорошо, я отведу Мэллит в спальню и вернусь. Вино, хлеб и оливки к вашим услугам. Приказать разогреть мясо?

— Гостеприимство блистательного бесценно, но недостойный нуждается в долгой беседе, а не в горячей пище.

— Что ж, — белая прядь надо лбом Робера казалась стружкой дыма, — ваше дело. Эжен, пошли. Ты ведь опять стала Эженом?

— Недостойная помнит это имя. — Так решили они с любимым, но царственная раскрыла их нехитрый обман, и из юноши Эжена она вновь стала женщиной. Меланией. Имя сменить можно, сердце нет.

— Я тебя понесу! — Луна становится ближе, сквозь пепел пробивается огонь, дождь смывает серую пыль, камень становится камнем, а дерево — деревом. Стучит дождь, стучат копыта, стучат сердца ее и блистательного, но его ноша слишком тяжела.

— Недостойная пойдет сама. — Как больно уходить в пепельные сумерки. — У дочери моего отца хватит сил пересечь порог.

Бронзовые кони встряхнули гривами, метнулся и погас алый отблеск, свечи закружились, сливаясь в лунный диск.

— Как скажешь. — Руки разжимаются, тепло остается. Как хорошо, что она дошла, что она здесь. — Ты опять стала гоганни, почему?

— Недостойная расскажет все... все, что не скажет достославный из достославных...

Три черных окна и между ними картины. Первородные в алом укрощают коней, на стенах спит и видит битвы оружие. Внуки Кабиоховы гордятся чужими смертями и не узнают свою.

— Дювье. — Так зовут усталого воина, она запомнит. — Эжен останется у нас. Не надо его беспокоить и не надо о нем рассказывать.

— Не будем, Монсеньор. — Названный Дювье улыбнулся. Он был готов умереть, чтобы Робер жил. — Господин Эжен ужинать будут?

— Сейчас узнаем. — Какой тревожный взгляд, а голос спокойный, как летние

облака. — Ты голоден?

— Да. — Она ответила прежде, чем подумала. Она была голодна и хотела спать, сердце ее болело, и она помнила все. Черных зверей, тянущих когтистые лапы из мертвой ары, неподвижное мертвое лицо, охапку золотых роз на полу, звезды над Сакаци и улыбку любимого.

3

Енниоль постарел и похудел. Без желтых одежд и бороды он казался то ли удалившимся от дел лекарем, то ли книжником, только глаза смотрели жестко и мудро, но врачи часто так смотрят. Робер передвинул кресла к камину и запер дверь. Не от врагов и не от слуг, а от себя.

— Прошу достославного, то есть пусть достославный Енниоль сядет. — Он будет говорить о делах, он должен говорить о делах. Гоган улыбнулся:

— Блистательный может называть сына моего отца Жеромом из Рафиано, лекарем и астрологом. Чем меньше наши беседы напомнят об оставленном в Агарисе, тем лучше для нас и хуже для подслушивающих и подглядывающих.

— Хорошо, — согласился Иноходец. — Я должен говорить «вы» и называть по имени, то есть по новому имени?

— Так лучше, — подтвердил Енниоль. — Правнуки Кабиоховы не вступают в земли внуков Его. Те, кто не любят меня, узнав о деле моем и о том, что надевал я подрубленные одежды и брил лицо, встанут между мной и народом моим. Сыну отца моего не так долго осталось глотать пыль дорог, и не страшна мне хула неразумных, но навис камень над домом нашим, и не время искать покоя.

— Достославный Жер...

— Нет достославных в пределах вотчины внуков Его. — Слова были злыми, а глаза усталыми. Как же они все устали!

— Простите... Господин Жером, хотите вина или плохого шадди?

— Зачем отказываться от того, что предложено? — Черно-седая бровь поползла вверх. — Вино — не пища, оно обостряет ум и располагает к откровенности. Жером из Рафиано с радостью примет чашу из рук герцога Эпинэ.

Енниоль продолжает верить. Трое у оврага тоже верили. И старший, с родимым пятном, так и не назвавший имени, и мальчишка с глазами Мэллит, и сама Мэллит... Лэе Астрапэ, ну зачем она здесь?!

— Послушайте, Енниоль, — рука сама легла на браслет, — я должен сказать... Должен признаться... Мы убили ваших гонцов.

— О чем говорит сын твоего отца? — Енниоль казался растерянным. — Слово мое слишком тайно, чтоб вложить его в чужие уста. Не было посланных к твоему порогу до этого часа.

Говорит правду? Лжет? Все знает и хочет спасти свою жизнь? Но тогда зачем он пришел к убийце? Зачем привел Мэллит?!

— Блистательный начал говорить. — Енниоль больше не пытался быть Жеромом из Рафиано. — А выпавший каштан нельзя вернуть в кожуру. Сын моего отца ждет правды, и пусть она режет, как нож, и жжет, как огонь.

Пусть жжет и режет и гори все закатным пламенем! Мэллит и впрямь Залог, залог правды, но что разбредило ее рану? Клятва Ракана или болезнь Эпинэ? Ара связала двоих мерзавцев и гоганскую девочку, впутав ее в самую подлую из земных игр.

— Блистательный сожалеет о сказанном?

О сделанном сожалеет, о сказанном — нет. Робер прикрыл глаза, собираясь с мыслями, Енниоль ждал.

Если б не достославный, они с Альдо до сих пор сидели бы в Агарисе или плыли через океан. Выходит, во всем виноваты гоганы? Если Альдо не повезет, он так и скажет. За

спиной зашуршало — Его Крысейшество. Эпинэ с готовностью подхватил обретенное сокровище. Смешно, но, чувствуя под ладонью живое тепло, говорить было легче.

— В Лэ к Альдо пришел один человек. Он сказал, что вы купили армию Симона Люра и гарнизоны на пути к столице, и потребовал Гальтару.

— Половина сказанного — правда, — желтоватые пальцы потянулись к несуществующей бороде, — половина отмечена ложью. На кого походил говоривший с Первородным? Чьи имена называл?

— В Эпинэ его знали как мэтра Вукрэ из Сабве, он торговал шерстью. Лет пятьдесят, темно-рыжий...

— Я знаю, кто это, — подтвердил Енниоль, — его имя Финахиоль, и смерть его выросла из предательства его. Сын твоего отца стал рукой Кабиоховой, что убирает из корзины гнилые плоды и бросает на дорогу.

— Финахиоля убил не я. — Пусть мэтр Вукрэ пытался обокрасть своих, дело не в нем, а в том, что натворили они с сюзереном. — С Вукрэ вышло случайно. Альдо его толкнул, он упал и разбил голову о камень. Мы не знали, что делать... Убийство посла означает войну, а Симон Люра служил вам. Мы не хотели, чтоб он узнал. С Вукрэ были слуги, мы... я заманил их в лес и велел убить.

— Носил ли один из мертвых отметину на лице? — Рука Енниоля коснулась щеки. — Вот здесь.

— Да, — твердо ответил Робер. — Его убил я, а перед этим спросил имя. Он не ответил.

— Его имя было Варимиоль, — лицо достославного совсем окаменело, — четвертый из сыновей моего отца. Ему доверили то, что не следовало доверять, он же сделал то, что не должен был делать. Финахиоль не более чем мул, везущий на спине кувшины, Варимиоль был погонщиком.

Блистательный снял с совести моей черный камень и возложил на душу светлый. Сын моего отца оплачет брата своего и возблагодарит Кабиоха за то, что не случилось непоправимого. Где остались пришедшие за чужим?

— В враге, — пробормотал Иноходец, — на краю леса Святой Мартины. Это в старой Эпинэ... Там все... Люди и мулы.

— Так заповедовано, — возвысил голос достославный, — требующий с должника уплаты раньше срока да не обретет места в родовой усыпальнице, а обманом вымогающий чужой долг да ляжет вместе с выючными животными в неприятном месте. Варимиоль был послан расчистить путь Первородных, но не требовать уплаты.

Так было еще хуже. Неизмеримо хуже, потому что гоганы играли честно, а их обманывали. С самого начала, с того самого разговора в Агарисе, когда сюзерен решил столкнуть достославных с «истинниками» и не платить никому.

— Теперь совесть блистательного спокойна, — Енниоль отвернулся к столу, — и мы можем поднять чаши за встречу и поговорить о главном.

Спокойна?! Понять, что убийство было бессмыслицей, что хватило бы слова «нет», и мальчишка с золотыми глазами остался бы жив? Как же проще жить, не думая, а веря. Для Енниоля убийство соплеменников — воля Кабиохова, возмездие за отступничество, только подлеца подлецом делают не чужие подлости, а свои.

— Вы не понимаете, — с отчаяньем произнес Робер, — вы ничего не понимаете. Альдо не станет исполнять клятву, он не собирался этого делать. Никогда не собирался!

Глава 6. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ). ДОРАК **400 год К. С. 10-й день Зимних Скал**

Первый нож вошел в дерево в паре ладоней от клинков Шеманталя, второй просвистел мимо ствола и свалился на подмерзшую землю. Котик с радостным лаем притащил опозорившемуся хозяину его собственность, Марсель потрепал пса по внушительному загривку, велел лечь, чихнул и швырнул в несчастное дерево очередную пару. Правый клинок угодил куда надо, левый, к вящей радости волкодава, снова шлепнулся в кусты.

— Не бывать мне Леворуким, — признался виконт, разглядывая истыканную липу.

Варастийская наука была сложной, но увлекательной, а делать все равно было нечего. «Полномочный представитель Фомы», везший ответ на лестное и щедрое предложение тараканьего Величества, «доберется» до здешних мест в лучшем случае через неделю. Ответ от родителя мог бы прийти и позавчера, но папенька с помощью не спешил, книг в «Красном баране» отродясь не водилось, а чернявая подавальщица, поразившая молодого Шеманталя в сердце и ниже, Марселя не вдохновляла, равно как и ее неразлучная подружка. От безделья виконт обучал ржущих адуанов изящным манерам и терзал старую липу, благо та молчала, а по вечерам писал в Фельп. Утром письма отправлялись в печку, а виконт в обществе Котика и адуанов — в придорожную рощу, махать клинком и метать ножи. Толстеть по здоровому размышлению Валме раздумал: Альдо, будь он хоть трижды Раканом, весной сгинет, а от воцарившегося пуза так просто не избавишься.

— Капитан! — завопили сзади. — До вас приехали! Спрашивают!

Котик гавкнул и завилал обрубок хвоста, Марсель оглянулся. На тропинке стоял капрал Жервез и размахивал руками, что твоя мельница.

— Кто приехал? — Виконт взял из собачьей пасти нож. — Откуда?

— Из Валмона, — сообщил капрал, — важные такие, большие, сами не ходят. В вашей спальне расположились, заказали обед. Вас требуют!

— Так я и дам себя съесть, — возмутился Марсель, хватая Котика за ошейник. Пес еще не знал, что за знакомство ему предстояло. Папенька. Собственной персоной. Получил письмо и приехал наставлять.

— Если он привез астры, — объявил Марсель адуану и собаке, — я скормлю их корове.

Капрал открыл рот и чихнул, в ответ пес радостно гавкнул. Еще бы, Котиков родитель интереса к многочисленному потомству не выказывал. Валме пригладил забывшие о куафере патлы и поправил шейный платок. Встречу с неизбежностью оттягивать глупо: неизбежность нужно побыстрее проглотить и зажевать чем-нибудь соленым.

— Вина ему подали? — осведомился виконт, прикидывая, брать собачку с собой или оставить на улице.

— Они с собой привезли, — благоговейно произнес Жервез, — и вино, и пулярок, и голубей в ящиках. И еще сыр в бочонке.

Точно папенька. Когда же старый греховодник последний раз выбирался из дому? Воистину грядет что-то жуткое. Марсель сунул Котика адуану:

— Придержи, а то как бы чувств не лишился.

— Сударь? — не понял капрал, но ошейник ухватил. — Как это?

— От благоговения, — пояснил Марсель, взлетая по лестнице сквозь ширящийся аромат мускатного ореха и майорана. Надо полагать, повар уже приступил к пулялкам.

— Вас ждут, — объявил батюшкин камердинер, распахивая дверь.

— Представьте себе, Дави, — шепнул на ходу Валме, — я так и предполагал.

Папенька возвышался за столом многозначительной горой. По правую руку графа лежал носовой платок размером с небольшую скатерть, к креслу была прислонена до боли знакомая трость с рукоятью в виде головы гончей. Внутри трости находился клинок, о чем знали лишь избранные и покойные.

— Я получил перехваченного вами кобеля, — возвестил родитель, — и остался весьма недоволен. Неудачная порода, мерзкая статья, отвратительное воспитание и дурные привычки. Вы были совершенно правы, отсылать подобное животное великому герцогу Ургота — верх неприличия.

— Счастлив вашим одобрением, — почтительно произнес Марсель, становясь на

колени и целуя похожую на подушку для булавок руку, — и еще больше счастлив видеть вас. Вы оставили собаку при себе?

— Я отослал ее на север, — сообщил граф, — бергеры неплохо управляют с самыми капризными псами. Встаньте, пройдите к порогу и повернитесь.

— Охотно, батюшка, — откликнулся почтительный сын, маршируя к двери, сквозь которую, предвещая грядущий обед, текла майорановая струя. Папенька обожал майоран и мускатный орех, маменька предпочитала кориандр и базилик, а сын пристрастился к чесноку.

— Странное зрелище, — задумчиво протянул граф, разглядывая сына и наследника, — если б не портрет Готье Шапри, можно было бы прийти к выводу, что ваша матушка не была столь добродетельна, как мне казалось. Несчастный Ив! Всю жизнь скрывать животы и на старости лет оказаться перед необходимостью противоположного.

— Вы привезли Ива? — не поверил своим ушам Марсель. — А кто же будет шить вам?

— Снимите камзол, — выпятил губу граф, — и повернитесь еще раз. Медленней.

— Буду счастлив, — провозгласил Марсель, вскидывая руки, словно кэналлийский танцор. «Эве рэ гуэрдэ сона эдэрьенте»... Какой дурью они тут маются. — Батюшка, у вас есть новости из Олларии?

— Вы нетерпеливы, сын мой, — огромное тело укоризненно колыхнулось, — крайне нетерпеливы. Я недоволен.

— Нетерпелив, — согласился Марсель. — Вы бы тоже стали нетерпеливы, окажись в Багерлее не Ворон, а Рафиано.

— Я не могу ваше утверждение опровергнуть, — покачал головой граф, — как и подтвердить, поскольку экстерриор покинул столицу и находится вне опасности, но терпение следует воспитывать. Я расскажу вам про Олларию, но сначала извольте выслушать про Хёксберг.

2

Катари, его любовь и его королева! Сейчас она выйдет... Вот из этой самой бледно-розовой двери.

— Не знаю, Дикон, — сюзерен задумчиво перебирал королевскую цепь, в последнее время это стало у него привычкой, — право не знаю, стоит ли брать тебя с собой... Катарина Оллар странная женщина, очень странная.

— Она не странная, — тихо сказал Ричард, — она святая.

— Весьма вероятно, — подмигнул Альдо, — но, согласись, святость в наши дни выглядит странно. Я мог освободить ее и засыпать драгоценностями, а она не хочет. Вернее, хочет, но сама себе не позволяет. Вбила в голову, что не может оставить мужа, пока он в Багерлее, а куда прикажете его девать? Алва связал нам руки, хотя это и к лучшему.

— К лучшему? — не поверил своим ушам Ричард.

— Именно. Алва должен умереть раньше Оллара, иначе по милости Эрнани Трусливого мы получим новую династию. Ладно, Дикон, иди, уговаривать даму признаться в супружеской неверности проще наедине.

— Катарину принуждали!

— Разумеется, — удивился сюзерен, — а что это ты так разволновался?

— Госпожа Оллар счастлива видеть Его Величество, — объявила необъятных размеров дама в кремовом платье. Хорошо, не та белобрысая дуэнья, что промывала ему щеку. Против самой женщины Дикон ничего не имел, но любое напоминание о выходке Айрис было невыносимо.

— Ваше Величество, герцог Окделл. — Катари замерла в дверном проеме, испуганно косясь на государя. Голубые глаза королевы стали еще больше, осунувшееся личико было снеговым. — Что-то случилось?

— О, ничего, уверяю вас. — Сюзерен подвел Катари к креслу. Это была обычная

вежливость, не более того, но сердце Дикона бешено застучало. — Умоляю, садитесь.

— Благодарю, — попыталась улыбнуться Катари. — Прошу меня простить, я видела дурной сон... И потом не могла уснуть.

— Это вы нас простите, — возразил Альдо, поднося к губам фарфоровые пальчики. Как же ей идет черный, даже больше, чем голубой! Для олларрианцев черный — знак траура, для Окделллов — один из фамильных цветов. Его можно носить и в счастье.

— Вам вернули все пропавшие драгоценности? — Сюзерен об этом прекрасно знал, но сложный разговор начинают издалека.

— Да, Ваше Величество, — тихо произнесла королева, — почти все. Я сожалею лишь об одном камне. Алая ройя как нельзя лучше пошла бы молодой герцогине Эпинэ.

— Не сожалейте, — улыбнулся сюзерен, — у невесты Повелителя Молний и сестры Повелителя Скал недостатка в драгоценностях не будет. Клянусь вам.

— Я не сомневаюсь в щедрости Вашего Величества. — Руки Катари комкали кружевной платок, а Ричард видел лето и ветку акации. — Но Айри дорога мне. Я хочу сделать ей подарок, чтобы она... помнила о нашей дружбе.

— Окделлы не забывают друзей. — Альдо подмигнул Дикону. — Не правда ли, герцог?

— Да! — выкрикнул Ричард и понял, что кричать не следовало. — Разумеется, Ваше Величество.

— Я многим обязана вашей сестре, Ричард. — Белое кружево в белых пальцах и ни одного кольца. — Самое главное, я обязана ей верой в верность. Айри меня научила очень многому. Мне очень грустно, что вы в ссоре, но вашему отцу было бы еще больнее.

Если б они были наедине, юноша нашел бы, что ответить, но сюзерен только начал разговор, и он был прав, до времени оставив ройю у себя, — Айрис такого подарка не заслуживала!..

— Никакой ссоры нет, — решительно объявил сюзерен, — все давным-давно забыто, так ведь?

— Конечно, — выдавил из себя Дикон, — я больше не сержусь на Айрис.

— Я попрошу вашу сестру ответить тем же, — наклонила голову Катари, — нас слишком мало для ненависти.

— Сударыня, — голос Альдо напряженно зазвенел, — я прошу вас оказать нам одну услугу... Не скрою, мы очень на вас рассчитываем.

Катари не ответила, только подняла глаза, голубые, как небо над старым аббатством.

— Сударыня, — повторил сюзерен, — не знаю, известно ли вам... Мы решили судить герцога Алва, и судить открыто. На совести этого человека множество преступлений, они не могут оставаться безнаказанными. Вы были свидетельницей многих его злодеяний, и вы уцелели. Мы просим вас стать на сторону обвинения.

— На сторону обвинения? — переспросила Катари, сжав платок. — Нет.

— Поймите, — сюзерен не удивился, он ждал этого, — то, что мы ждем от вас, не оскорбит честь эории. Я знаю, вы восхищаетесь Беатрисой Борраска, бросившей обвинение своему мучителю. Ваше мужество, да простится мне такое слово по отношению к прекрасной женщине, стало легендой. Не бойтесь, скажите правду, этого требует справедливость. Этого требует память Окделлов, Эпинэ, ваших братьев.

— Я не боюсь. — Катари отбросила свой платок и встала. Губы ее дрожали. — Я не боюсь. И я не стану говорить!

— Закатные твари, почему?! — Альдо тоже вскочил, теперь мужчина и женщина стояли лицом к лицу. Святой Алан, он же все еще сидит!

— Почему вы не хотите сделать то, что велят справедливость и честь? — глухо спросил сюзерен. — Неужели слухи о вашей любви к кэналлийцу правдивы? Простите, если я оскорбил вас.

Королева молча покачала головой, ее губы совсем побелели.

— Так почему же? — Сюзерен протянул руку, намереваясь усадить собеседницу в кресло, но Катари отступила.

— Потому что я знаю, что такое Багерлее, — просто сказала она, — а вы не знаете.

— При чем здесь это? — Альдо оглянулся, и Дик прочел во взгляде сюзерена недоумение. — Ричард, ты понимаешь, о чем речь?

— Нет. — Юноша и вправду не понимал. Катари не умеет лгать, и она не любит Ворона, не может любить!

— Видите, сударыня, — к Альдо вернулась его всегдашняя галантность, — герцог Окделл тоже не понимает. Мы умоляем объяснить нам ваше упорство.

Катарина судорожно вздохнула, тонкая рука метнулась к цепочке с эсперой.

— Меня должны были судить. — Голубые глаза смотрели мимо короля, то ли в окно, то ли в глаза Создателю. — Манрики приходили к тем, кто знал меня... Так же, как вы ко мне. Они хотели того же — суда.

Ваша сестра, герцог Окделл, сказала «нет». И госпожа Арамона с дочерью, и младшая Феншо... Как я могу сделать меньше их? Я не предаю человека, который спас моего супруга ценой своей свободы, а теперь я вижу; что и жизни.

— Катари. — Как она может ставить свою жизнь вровень с жизнью Фердинанда?! — Катари, вспомни, что ты говорила о Вороне! О том, что он делал с тобой... Как ты можешь его защищать? Он...

— Ричард Окделл, — она почти шептала, но это было громче всех криков Айрис, — стыдитесь! Ваше Величество, я была откровенна с сыном Эгмонта. Я говорила с ним как с другом, доверившись чести Повелителей Скал. Я была королевой, он — сыном мятежника. Сейчас все изменилось: Ричард Окделл — друг Вашего Величества и цивилиный комендант столицы... Я — жена узника Багерлее. Мне не место в столь блистательном обществе.

3

— Вы верите этим сказкам? — Марсель заставил себя пожать плечами и проглотить пару маслин. Завопи он от радости, папенька бы не понял, и потом, сплетня была слишком хороша, чтоб оказаться правдой. — Но если Ворон топил «гусей» в Хёксберг, кто рубил змея в Олларию?

Отец щедро полил острым маслом привезенный из Валмона мягкий сыр (другого он на памяти Марселя не ел).

— То, что произошло у эшафота, мог сделать только Алва, значит, это был он, но люди склонны принимать желаемое за действительное. Ракану придется доказывать, что Кэналлийский Ворон у него в руках. Уверяю вас, узурпатор покажет пленника, по крайней мере, послам. Надеюсь, вы знаете, кто является дуайеном Посольской палаты?

— Ургот. — Ворон в Багерлее, а не в Хёксберг, а ведь чуть было не поверилось. — Маркиз Габайру.

— Исключительно достойный человек, — кивнул Валмон, смакуя сыр. — Я встречался с ним в юности. Тогда вся Оллария лежала у ножек Клотильды Дюмэль, а мы с Габайру и тогда еще не Бонифацием предпочитали лежать не у ножек, а между... Увы, Бонифаций променял Кло на совершенно никчемное создание, за что и поплатился. Как вы его нашли?

— Он... — Марсель замялся, подыскивая слова, — внушительен, хоть и не так, как вы.

— Он младше на четырнадцать лет, — наставительно произнес папенька. — Я написал о вас маркизу Габайру.

— Вы желаете, чтобы я отвез письмо?

— Разумеется, нет. Ведь я лишил вас наследства за дезертирство и переход в урготское подданство.

— Значит, я дезертировал? — уточнил Марсель. — Что ж, я так и думал. Армия — пренеприятная вещь. Утренние вставания, отсутствие горячей воды, какие-то приказы... Я с трудом дотерпел до Урготеллы и понял, где мое место.

— Не пытайтесь обмануть собственного отца, скрывая истинную подоплеку своего отвратительного поступка, — строго произнес граф Валмон. — Вы, будучи пьяным,

разгласили интимную тайну герцога Алва, испугались его мести и бросились за спасением к Фоме.

— Какую тайну? — наострил уши виконт. — И кому именно я ее разгласил?

— Разумеется, урготам, — подивился отец, отодвигая опустошенную тарелку. — Если б вы разгласили тайну гайифцам, то стали бы подданным Гайифы.

— Не стал бы, — возразил Марсель, подворачивая манжеты, — мне не нравятся мистерии.

— Это у нас фамильное. — Батюшка поднял крышку и зажмурился, вдыхая запах пряного мяса. — Все Валмоны — бабники, но разговор о Гайифе беспредметен. Вы уже стали урготом, а я, получив письмо Шантэри, от вас отрекся. Вернуть титул вы можете только при помощи Ракана.

— Я добьюсь расположения Его Величества, — пообещал Марсель. — Братья знают о моем позоре?

— О нем знают все, кому нужно, — объявил папенька и вырвал пулярке ногу, — иначе какой же это позор? Кстати, чтобы вернуть наследство, вам предстоит раскрыть тайну Алвы еще и Ракану.

— Но что же я разгласил такого, — нахмурился лишенный наследства виконт, — чего не разгласили сам Ворон и господин Штанцлер?

— Ракан одержим гальтарской древностью, — все еще крепкие зубы впились в мясо, брызнул сок, — это даже... собаки знают. При этом он полный невежда, но никогда в этом не признается.

— Зато Фома не одержим ничем, кроме выгоды. — Марсель последовал родительскому примеру, лишив покойную птицу второй конечности. — Он за древнюю тайну меня не удочерит. Ургот спал и видел выдать дочь за Алву, очень надеюсь, что он не проснулся.

— И не проснется, — успокоил папенька, берясь за бокал. — Ракан не увидит ни принцессы, ни меча, но услышать может многое. В том числе и от вас.

— Постараюсь не обмануть ничьих ожиданий, — заверил Марсель и вгрызся в доставшуюся ему ногу, — ни ваших, ни Фомы, ни Ракана. Я сделаю всё, чего от меня ждут все.

— Нет, вы сделаете всё, чего от вас НЕ ЖДУТ. Между прочим, Бонифаций и Рафиано уведомили меня о ваших военных успехах, а граф Шантэри — о дипломатических. Видимо, я должен вами гордиться, — задумчиво произнес граф, — однако петть на палубе вражеского галеаса неразумно. Что именно вы пели?

— Романс о розах. — Виконт едва не бросил кость под стол, но вовремя вспомнил, что Котик внизу. — К сожалению, у меня нет при себе лютни, а петть без сопровождения я могу только в бою.

— Я бы не назвал вас хорошим певцом, — выпятил губу отец, — скорее, посредственным, а Валмоны если что-то делают, то делают лучше всех. Шантэри советует вам избрать дипломатическую карьеру, я склонен с ним согласиться.

— Мой долг, — нашелся виконт, — служить моему новому сюзерену там, где он сочтет нужным. И так, как сочту нужным я.

— Вы стали дерзки и самоуверенны, — отрезал отец, — а ваши письма были редкими и неполными, что усугубляет вашу вину, но вы отлучены от дома, и это больше не имеет значения. Кстати, запомните: заверенные копии моего завещания хранятся у графини Савиньяк, епископа Бонифация и экстерриора Рафиано; а теперь потрудитесь спуститься вниз и проверить, заложена ли карета.

— Жабу его соловей, — растерялся Марсель. — Вы не будете ужинать?

— Я не одобряю кровосмешения, тем более столь омерзительного. — Граф пожевал губами и хлебнул кипяченой воды, готовя язык для нового вина. — Потрудитесь впредь следить за срывающимися с вашего языка образами. Да, я еду прямо сейчас. Я не могу надолго покидать Валмон: астры и кэналлийцы требуют неусыпного внимания, кроме того, я взял слишком мало оливкового масла. Его хватит только до Савиньяка.

— Вы намерены навестить графиню?

— Разумеется. — Кустистые брови взмыли вверх. — Уж не думаете ли вы, что я выбрался из дома ради случайной встречи с запятнавшим мое имя отпрыском?

— Не думаю, — поспешил заверить запятнавший отпрыск. — В таком случае я не передаю свой поклон и свое восхищение госпоже Арлетте?

— Оставьте их при себе, — отрезал Валмон-старший, — вместе с сундуками, которые находятся в вашей комнате. Пяти тысяч таллов на первое время вам хватит, а дальше извольте жить за счет вашего нового короля. Не забудьте рассказать Жозефу и Титто, на что похож Фельп.

— Вы их привезли? — Воистину, родитель превзошел сам себя. — Должен ли я выплатить им жалованье за время своего отсутствия?

— Все ваши долги погашены, — пухлая рука поднесла бокал к самому нижнему из трех подбородков, — но их было подозрительно мало. Вы перестали играть?

— Не перестал, — выдержать с отвычки отцовский взгляд было непросто, — но я больше не играю на деньги.

— Я не возражаю против ваших новых игр. — Бертрам Валмон сделал маленький глоток, снова пожевал губами и, досадливо сморщившись, поставил бокал. — Еще не отдышалось... Какова ставка, таков и выигрыш, но, если вы проиграете, я буду вами очень недоволен. Очень. Запомните, у меня нет ни малейшего желания по вашей милости переписывать завещание.

Глава 7. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)

400 год К. С. 10-й день Зимних Скал

1

«Графиня Дженифер Рокслей, — читал Ричард из-за плеча сюзерена, — граф Август Штанцлер, советник Маркос Гамбрин, казарон Бурраз-ло-Ваухсар из рода Гурпотай, барон Глан, барон Вускерд, барон Капуль-Гизайль, тенъент Артюр Рюшен, капрал Джереми Бич, Фердинанд Оллар, Раймон Салиган...»

Будущие свидетели обвинения. Место Дикона было среди них, но Окделл, как и Придд, и Эпинэ, — судья и не может свидетельствовать. Юноша был рад этому обстоятельству, одно дело — признать преступника виновным и совсем другое — рассказывать о том, что ты видел и не смог изменить.

— Герцог Окделл, — негромко окликнул Альдо. — Бич еще не вернулся?

— Нет, Ваше Величество. — Камердинера ждали еще четвертого дня, но Джереми не появился, и в голову лезло самое худшее. Святой Алан, ну почему верные гибнут первыми?

— Может ли кто-то из ваших людей заменить Джереми Бича? — деловито осведомился барон Кракл.

— Эндрю Нокс, — с неохотой произнес Дикон, чувствуя себя могильщиком, — но Джереми к генералу Люра был ближе всех.

— Впишите Нокса, — распорядился сюзерен, — и сегодня же с ним переговорите.

— Да, Ваше Величество. — Старейшина Совета провинций аккуратно записал имя и поставил точку. — Госпожа Оллар не будет давать показания?

— Она дурно себя чувствует, — не солгал, но и не сказал всей правды Альдо. — Не забудьте послать в Тарнику за Темплтоном.

— Уже послано, — заверил Кракл, — я жду виконта к вечеру.

— Хорошо. — Альдо протянул руку за очередной бумагой. — Когда поговорите с Темплтоном, передайте ему приглашение герцога Окделла.

Дуглас до сих пор ничего и не знает. Ни о смерти Удо, ни об исчезновении тела. Сюзерен решил, что Борн пришел в себя и сбежал, но он не держал еще теплую руку и не

пытался слушать сердце. Удо умер, и его тело кто-то унес. Кто-то знающий дом и имевший ключи, скорее всего Хуан.

Сегодня замки заменяют, но думать следовало раньше. Успокаивало одно — никаких потайных проходов в особняк не существовало, иначе посланный за подмогой в Октавианскую ночь кэналлиец не выбирался бы через крыши. Не этой ли дорогой пришел ночной гость? Но тело через крышу не утащить. Спрятали в подвалах или в служебных постройках? Дальние конюшни стоят пустыми. Может быть, там?

Альдо дочитал документ до конца, поставил подпись, присыпал песком.

— Кракл, вы хорошо представляете ваши обязанности? — устало спросил он. — Вам досталось непростое дело.

— Ваше Величество, — с чувством произнес косой барон, — я понимаю всю меру возложенной на меня и графа Феншо ответственности.

— Нет, вы не понимаете, — король пододвинул Краклу бумаги, — и не можете понимать. Суд, на котором вы, согласно должности, председательствуете, войдет в историю. Нужно подвести черту под преступлениями Олларов и их пособников, главным из которых является герцог Алва, но все должно быть законно! Вы слышите меня? Даже Кэналлийский Ворон имеет право на справедливость. Кто согласился его защищать?

— Увы, Ваше Величество, — вздохнул супрем Кортней, — никто из судебных защитников не решился принять на себя эту миссию. Рискну предположить, что адвокаты боятся делать свое дело хорошо и не хотят делать плохо.

— Что ж, — нахмурился Альдо, — назначим защитника нашим указом, но по вашему выбору. Вы должны довести до его сведения, что следует бороться за обвиняемого, а не против. Найдите лучшего, нам не нужна игра в поддавки.

— Справедливость Вашего Величества вызывает восхищение, — негромко произнес старейшина.

— Значит, восхищайтесь, — пошутил Альдо, — но не здесь. До свидания, барон. Жду вас послезавтра с примерными показаниями.

Кракл с Кортнеем ушли, сюзерен зевнул и забарабанил пальцами по резному подлокотнику.

— Что ж, — заметил он, — будем надеяться, Штанцлер скажет то, что отказалась говорить госпожа Оллар, хотя ему поверят не все. Эпинэ не поверит.

— Робер злится на эра Августа, — объяснил Ричард. — Из-за истории с кольцом.

— Я бы тоже злился, — заметил сюзерен. — Ничего нет гаже обвинения в том, чего ты не делал, а у Робера упрямства не меньше, чем у его кузины. Кстати! Пусть он к ней съездит. Может, до святой Катарины дойдет, что другие скажут больше и хуже, чем она.

— Альдо. — Катарина перестала его понимать, но он ее не оставит и не предаст. — Не надо так шутить. Ее Ве... Катарина Ариго не может иначе.

— Я не шучу, — живо откликнулся Альдо. — Катарина — ослица, но святая. Не видел бы — не поверил. Там, на каминной полке, заметки твоего приятеля Придда, давай их сюда.

Ричард подал, хотя дорогая бумага казалась липкой. Ровные строки сами лезли в глаза:

«... Повиновение государю! Я восстановил по памяти слова известной песни, как ее записали в Доме Волн, но не могу поручиться за точность перевода с гальтарского. Кроме того...»

— Никак руки не доходили, — пожаловался сюзерен, проглядывая первый лист, — а ведь эта песенка, готов поклясться, важнее ерунды, которой мы занимаемся. Ты сколько куплетов знаешь?

— Два, — пробормотал Дикон. Песню он слышал от Ворона, но сказать об этом язык не поворачивался.

— Придд говорит, был двадцать один куплет, — задумчиво протянул Альдо, протягивая Дику прочитанные листы. — Глянь, ты эти знаешь или другие?

Зимний ветер бьет в лицо...

Первый раз он увидел этот почерк, когда Спрут передал письмо от Катари. Они еще не были врагами, но уже не стали друзьями.

Помни!
Замыкается кольцо,
Помни!
О проклятии отцов
Помни!

Дик торопливо пробежал одновременно знакомые и незнакомые строки, сквозь которые рвался сумасшедший гитарный бой. Робер никогда не пел — и вдруг вырвал у Дейерса лютню...

Звон столкнувшихся клинков
Помни,
Силу лжи и правду снов
Помни,
О проклятии веков
Помни...

Рокэ пел иначе, и Робер тоже; каждый из Повелителей знал свою часть загадки, но что пели в Доме Скал? Песня исчезнувшего Ветра звучит, а голос Скал затих, это несправедливо! Матушка гордится, что в Надоре все как при Алане Святом, но сохранить оружие и одежду не значит сберечь главное...

Зов погасших маяков
Помни,
Стон друзей и смех врагов
Помни,
О проклятии богов
Помни!

Неужели это голос создавших Кэртиану? Их воля и завещание, предназначенные последнему из Раканов? Четыре строфы Волн, четыре — Молнии и две, которые помнит Ворон... Остальные пропали. Нужно написать Налю, пусть обыщет Надор, хотя документы и книги отца вывезли. Значит, нужно искать в столице.

Пепла тьму и свет снегов
Помни,
Крик пылающих мостов
Помни...

— Проклятье! — Сюзерен с силой швырнул то, что читал, об пол, бумаги, разлетевшись веером, засыпали ковер. — Закат поберей эту тварь!

— Альдо! — Дик зачем-то схватился за кинжал. — Что с тобой?

— Читай, — король сунул в руки вассалу смятый лист, — только про себя!

Почерк казался знакомым, Дикон приблизил листок к глазам и немедленно перестал им верить.

«Сим уведомляю, — сообщалось в письме, — что Мы живы и здоровы, чего вам никоим образом не желаем, почитая своим долгом сделать существование ваше сначала неприятным, а в дальнейшем — невыносимым.»

Да будет вам известно, что все, предпринятое Нами в ближайшее время, будет направлено вам во вред, однако, следуя древним рыцарским традициям, даем вам на размышление и бегство четыре дня.

Если за истекшее время господин Та-Ракан со присными вернет украденную им корону законному владельцу, разорвет на себе одежды, посыплет голову пеплом и с громкими стенаниями уберется в Гайифу, Мы обещаем оставить его и его рожденных за пределами Талига потомков в покое. Если же господин Та-Ракан не внимлет голосу разума и Нашему ультиматуму, участь его будет ужасна, в чем и клянемся Молниями и Ветром, Волнами и Скалами. Так и будет.

Пребываем в величайшем к вам презрении и неприязни.

Искренне не ваши Суза-Муза Лаперуза граф Медуза из Путеллы.

Оллария. Королевский дворец.

7-й день Зимних Скал 400 года К.С.»

2

Серый голубь опустился на освещенное вечерним солнцем окно рядом с бурым, закружился на месте и заурчал. Эпинэ голубей не любил, но этого отчего-то стало жаль. Жаль было и черепичные крыши, и тех, кто под ними прятался. Почему виновные тянут за собой безвинных? Разве справедливо, что за гоганов и Адгемара расплатились казароны и прикованная старуха?

— Почему? — пробормотал вслух Эпинэ. — Закатные твари, почему?!

Голубь увивался вокруг голубки, за трубой, наблюдая за влюбленными, подергивал хвостом серый кот, то ли охотился, то ли развлекался, а внизу болтали солдаты и крутилась приبلудившаяся собачонка. Через шесть дней, если Альдо не исполнит клятву, им всем конец. По воле Кабиоховой вместе с клятвопреступником погибает и не отринувший его город. Так говорит Енниоль, а Мэллит молчит и смотрит в угол. Они не сомневаются в грядущей беде, но достойный верил и во всеисие ары, и в честность соплеменников, и в слово Первородных... Гоган ошибался раз за разом, ошибается и теперь. Люди веками отрекаются от клятв, а мир стоит, как стоял.

Сколько «первородных» присягало сначала Раканам, потом Олларам, лгало женщинам, не платило долги? Тысячи тысяч, и ничего не случилось ни с ними, ни с городами, в которых они лгали. Будь Енниоль прав, разве стоял бы на месте Агарис, да и Оллария провалилась бы еще при Франциске...

— На шестнадцатую ночь, считая от содеянного, — зачем-то пробормотал Робер, разглядывая крыши.

Кем бы ни были все эти флехи, если они вообще были, они не связали тысячи жизней с одной-единственной совестью. Это безумие! Олларию нужно спасти не от закатных бедствий, а от обычной резни. Енниоль зря боится... Зря, но когда Левий надел на Ракана корону, Мэллит потеряла сознание. Гоганы были в пути, они не могли знать, но Залог — это Залог. Девочка что-то почувствовала, понять бы еще — что? Триумф или предательство? А может, гоганская магия не выносит эсператизма?

— Блистательный не едет к Первородному Альдо. — Енниоль двигался тихо, как зверь, большой, мягкий, чужой. — Но время торопит.

Когда Мэллит вошла в дом, она словно спала на ходу, а теперь все в порядке, если не считать любви... Малышка бредит Первородным, но Альдо не думает об облетевших листьях.

— Я просил Альдо выслушать меня и моего спутника, он нас примет. Нужно ждать.

Все говорено-переговорено, оставалось предъявить счет сюзерену. Иноходец не сомневался в ответе, но Енниоль верил клятве. А еще гоган...

— Но найдет ли Первородный время для недостойных?

— Найдет. — Сюзерен одержим короной. Ради нее он швырнет в костер кого угодно,

но в остальном Альдо остался самим собой. Он не отмахнется от просьбы едва вставшего на ноги маршала, не такой он человек.

— Сын твоего отца помнит должные слова? — Как быстро они забыли, что решили быть талигойцами. — И так ли нужна нам ложь?

— Нужна. — Эпинэ повернулся спиной к окну. — По крайней мере, сначала, а дальше решать достославному. Если нужно, я готов назвать себя лжецом, ведь я и есть лжец.

— Часто ложь становится правдой, а правда — ложью, — утешил гоган. — Блистательный не обманывает себя и не лжет правнукам Кабиоховым, его сердце противится обману, но корабль должен оседлать ветер, а человек — коня и судьбу. Обман — руль для корабля и узда для коня...

— Я не спорю, только мерзко все это. — Иноходец вздохнул и попробовал сосредоточиться: после драки у Капуль-Гизайлей он чувствовал себя свечкой, из которой выдернули фитиль. У стен Доры Робер себя ненавидел, но знал, что поступает правильно. И Карваль знал, и солдаты, и даже Спрут, но теперь голова была пустой, а уверенность растеклась талым снегом. Эдакой жалкой лужицей: ни пожар залить, ни утопиться.

Душевные муки прекратил Клемент, нашедший выход из очередной безвыходной ситуации, на сей раз принявшей облик буфета. Вырвавшийся на волю крыс оседлал хозяина и пискнул, требуя любви и взятки.

— Сейчас. — Робер выудил из кармана припасенный сухарь. — Наслаждайся.

Крыс обнюхал подношение и пискнул еще раз. Недовольно. Пьяница эдакий! Эпинэ стряхнул приятеля на стол, плеснул на сухарь вином, сунул под нос любимцу. Любимец оценил, а на скатерти получилось пятно...

— Достославный, могу я спросить о Лауренсии? Мы встречались в ее доме.

— Зеленоглазая дева оставляет след в сердцах, — в черных глазах промелькнула невеселая смешинка, — но у нее свои дороги. Прекрасная Лауренсия покинула Агарис позже юной Мэллит и раньше сына моего отца, ее растения умерли, а дом стоит пустым.

— Она нашла меня в Сакаци, — признался Робер, — и она не была человеком...

— Мир Кабиохов полон творений Его. — Енниоль не казался удивленным. — Но уверен ли блистательный, что видел зеленоглазую Лауренсию, а не лицо ее?

Уверен ли он? Странная красавица приходила в снах, о которых никому не расскажешь.

— Не знаю. — Эпинэ привычно тронул браслет. — Я уехал из Сакаци на Осенний Излом и взял с собой Вицу — алатку из замка. В горах за нами погналась какая-то нечисть, Вица стала Лауренсией, а потом не знаю кем.

— Черная Алати полна прошлым, а прошлое хочет стать настоящим, — вздохнул достославный. — Ты думал о зеленоглазой, и она пришла. Если б ты думал о другой, она б тоже появилась, но Ночь Луны разбивает стекло обмана.

А конские копыта ломают лунный лед, и что остается? Пустота... Откуда взялось это подлое чувство? Совсем как на Саграннской дороге, но тогда он был болен, а теперь? Горная лихорадка не возвращается, не должна возвращаться...

— Сын моего отца слышит шум и топот, — голос Енниоля слегка дрогнул.

Эпинэ глянул в окно: в ворота неторопливо вливался королевский кортеж.

3

— У тебя укромное местечко найдется? — Альдо весело улыбался, но голос был раздраженным и озабоченным. — Я бы пригласил тебя на прогулку, но вряд ли твоей лихорадке это понравится.

— Я здоров, — ляпнул Робер и тут же поправился: — То есть почти здоров. Дня через три отправлюсь в Надор, если ты, разумеется, не возражаешь.

— Не терпится повесить на шею камень? — Альдо вне себя, и неважно почему. Пока Его Величество не остынет, о долгах и гоганах лучше не заикаться.

— Предпочитаю казнь без отсрочек, — повторил чью-то пошлость Робер, — говорю

тебе как королю.

— Главное, первую ночь пережить, — хмыкнул Альдо, — потом сплaviшь супругу в Эпинэ и езжай к своей баронессе, сколь душе и клинку угодно...

— Стой, — окликнул Робер, поворачивая ключ, — пришли.

— Куда? — не понял сюзерен. — Ты же вроде наверху угнезвился.

— Ты не баронесса, чтоб тащить тебя в спальню. А что, во дворце уединиться совсем не получается?

— Кошки его знают. — Сюзерен с любопытством оглядел «Маршальский кабинет» и поморщился: — Ты бы шпалеры сменил, что ли... Предки — это хорошо, но дрались они у тебя не под теми знаменами.

— Руки не доходят. — Эпинэ подвинул кресла так, чтоб реющий над головой Рене «Победитель Дракона» не лез в королевские глаза. — Да и не заходит сюда никто. Я или в жилых комнатах, или внизу с вояками.

— Я пришлю тебе парочку гальтарских шпалер, — Альдо бухнулся в кресло и протянул ноги к камину, — с птичками. Закатные твари, так бы и убил кого-нибудь...

— Ну и убей. — Сегодня разговора не выйдет, а через шесть дней он и не потребуется. — Кракла, к примеру, он косой. Вино будешь?

— Спрашиваешь. — Альдо провел рукой по лицу. — Я устал как собака. А Кракла ты не трогай, он мне нужен... Эх, попадись мне Суза-Муза!

— Так ведь попался уже. — Красное вино напомнило о «франимском виноторговце» и времени, когда они не убивали. — Или ты не об Удо?

— О Медузе, — огрызнулся Альдо. — Эта скотина прислала мне ультиматум! Сунула в бумаги, до которых руки не доходили, сегодня взялся — и на тебе! Теперь понимаешь, почему я к тебе подался? Леворукий его знает, как эта тварь входит и выходит.

— Подземный ход? — предположил Иноходец. — Во дворце должен быть подземный ход.

Альдо вытянул ноги, белые сапоги были в грязи. Значит, злился и гнал галопом.

— Я велел Мевену с Рокслеем простучать стены в Ночном крыле, — Его Величество потер щеку, — и потрясти архитекторов, а пока придется помалкивать.

— А не могло оно со времен Удо завалиться? — предположил Эпинэ. — Какой бокал на тебя смотрит?

— Дальний. Медуза сунул послание в письмо Спрута: я просил его прислать песню, которую ты на коронации орал. Придд прислал, это было после того, как Удо взяли. Робер, у меня голова кругом идет... Это не ты, не Дикон, не Придд, не Матильда со своим псарем и не Мевен. Все! Остальным не верю.

— Не веришь Дугласу и веришь Придду? — Зря он польстился на кэналлийское, кэналлийское будоражит память, но вина из Эпинэ еще горше.

— Удо тоже казался другом, а потом его на чем-то прихватили. — Сюзерен поморщился, словно «Змеиная кровь» оказалась кислой. — Анаксы не могут верить, только думать и знать. Ты был болен, Придд во дворец носа не кажет, а у Дикона ума не хватит. Ладно, кого ты ко мне притащить собрался?

— Давай сперва с Надором решим. — Только б достойный сидел там, где сидит. — Ты меня отпускаешь? Хочу до конца Ветров обернуться, а с гарнизоном Карваль управится.

— Коротышка у тебя толковый, — согласился Его Величество, — но поедешь ты не через три дня, а через десять.

— Я здоров.

— Врешь ты все, — припечатал Альдо. — Но дело не в лихорадке. Ты мне нужен в суде.

— В суде? — зачем-то переспросил Иноходец. — Ты не передумал?

Альдо Первый Ракан досадливо сморщился:

— Эта тварь в Багерлее вяжет меня по рукам и ногам, и потом, я дал слово Посольской палате.

— Ты начал обещать еще в Агарисе. — Пусть не столь громко, но более страшно. — Послам своей очереди ждать и ждать, а суд над Алвой нас не украсит.

— Робер, — сюзерен допил вино и теперь вертел в руках пустой бокал, — я много думал. Гораздо больше, чем ты можешь предположить. Все великие державы начинались с похорон.

Эрнани Святой закопал Золотую Анаксию. Золотую Империю зарыли Гайифа с Уэртой, а Талигойю — Оллар. Я хочу раз и навсегда похоронить Талиг, а для этого нужны суд и приговор. Без этого эсператоры и «павлины» решат, что я на троне по их милости. Сейчас они меня признали, но, когда я пошлю их к кошкам, а я пошлю, вспомнят про Золотой Договор и олларского щенка... Подлил бы, что ли!

— Сейчас. — А кого ты не пошлешь? Всем всё обещать и знать, что врешь, кто тебя этому научил? — Ты больше не рассчитываешь на силу Раканов?

— Сначала нужно добыть меч и жезл.

— Жезл Левий тебе отдаст.

— Шутишь? — Сюзерен так и замер с бокалом в руке.

— Ничуть, — какие уж тут шутки, — кардинал сам мне сказал. Жезл будет твоим, как только найдется меч.

— Уже легче, но до меча просто так не добраться. Закатные твари, Фома не верит, что Алва у меня! Ему нужен союз с Кэналлоа и Савиньяками!

— Если хочешь доказать Фоме, что Алва у тебя, покажи его послу, — Робер погладил золотую молнию, она была холодной, — а если тебе нужен суд, суди Фердинанда.

— Фердинанда? — неожиданно развеселился Альдо. — Ты настоящий маршал: в войне смыслишь, а в политике хвост от носа не отличишь. Я НЕ могу судить Фердинанда, потому что он отрекся и я его помиловал. И я не могу таскать в Багерлее всех, кто верит, что Алва в Хёксберг колошматит дриков. Кстати, ты когда был у кузины?

— Давно, — всякий раз, когда речь заходила о Катари, Робер чувствовал себя последней скотиной, — еще до коронации... Надо ее навестить.

— Надо, — кивнул сюзерен. — Если ты уговоришь ее выступить на суде, тебе цены не будет. Тьфу ты! Это еще откуда?

«Это» вылезло из-за выцветшей портьеры, просеменило к хозяину и бодро полезло по ноге вверх. Утаить Его Крысейшество было не легче, чем Ворона.

— Леворукий, — Альдо глядел на крыса, словно на выходца, — откуда он взялся?

Взяться Клемент мог только из Сакаци, и Робер так и сказал. Клемент сидел на плече и злобненько шипел, за что Эпинэ был хвостатому непоседе искренне благодарен. Крысиные возмущения давали время на размышление.

— Совсем озверел. — Альдо на всякий случай отодвинул кресло. — Кто его привез?

— Угадай, — попробовал улыбнуться Эпинэ. — Альдо, ты веришь в древние силы?

— Разумеется. — Если спросить Клемента, верит ли он в сухарики, у крыса будет такой же вид.

— Тогда расстанься с первородством, — Эпинэ прижал не унимавшегося приятеля рукой, — и с Гальтарой заодно.

— Это тебе крыс сказал?

— Если Первородный нарушит клятву, — Енниоля не спрячешь, да он и сам не хочет, — на шестнадцатый день с ним случится беда.

— Чушь, — передернул плечами сюзерен, — мы Вукрэ в Закат отправили еще осенью, и ничто нам на голову не свалилось.

— С Вукрэ ты ничего не нарушил. Ты не клялся не проливать кровь гоганов, ты клялся отдать первородство в день коронации.

— Это хорошо, что ты боишься, — Альдо удовлетворенно кивнул, — значит, поверил наконец. А я уж думал, тебя ничем не проймешь.

— Я сам думал, — достославный хотел встречи, он ее получит прямо сейчас, — но как услышал про шестнадцать дней, неуютно стало. Вукрэ свою клятву не сдержал, и чем

кончил?

— Боишься, что я поскользнусь? — Сюзерен подлил себе вина и подмигнул: — Не бойся! Мир принадлежит Раканам, а не гоганам. Вот отдай я рыжим силу и право, с меня бы точно спросилось.

— Эрнани Святой жил долго и счастливо.

— А вот этого мы не знаем. — Альдо взял пример с Клемента и окрысился. — Эрнани мог поплатиться за свое отступничество, только церковники это скрыли.

Поплатился или еще поплатится? Кто их знает, эти высшие силы. Кто-то мстит сразу, а кто-то ждет... У богов много времени. И у Осенних Охотников, и у жуткой девчонки на пегой лошади.

— Альдо, — тихо спросил Эпинэ, — ты не думаешь, что расплата Эрнани — это мы?

4

Любимый приближался, он не должен был приезжать, но приехал, и Мэллит знала почему. Ее из золотоцветного сна вырвала связавшая их сила, и она же вела Первородного к украшенным конями вратам. Белый от солнца и инея двор был пуст, но сердце билось, а шрам онемел, словно к нему приложили осколок льда. Такого еще не случалось, но все когда-то бывает впервые.

Гоганни вспрыгнула на низкий подоконник и вцепилась в раму. Она не помнила, сколько простояла, глядя в запертые ворота, и те наконец открылись. Любимый был не один, но это был он, прекрасный и сильный, в белых одеяниях и на белоснежном коне.

Первородного окружали воины в лиловом, и лишь один был в белом. Подпоясанный четырехцветным поясом, он вздымал знамя с исполненным мощи Зверем, тем, что собирает долги и разрушает мосты. Достославный из достославных думал о долге, ничтожная Мэллит — о любви и о мече, зависшем над головой Первородного.

Всадники пересекли двор и скрылись из глаз, но Мэллит чувствовала любимого сквозь скрывшие его стены. Вот он сходит с коня, вот поднимается на крыльцо, и перед ним распахиваются двери. Девушка прижала лицо к стеклу, не почувствовав холода, хотелось выбежать из комнаты, оттолкнуть воинов и хозяина и броситься к ногам Первородного. Ничтожная не может больше ждать, не может сдерживать бьющуюся в груди птицу, она должна увидеть глаза любимого, голубые, как утренняя звезда.

Мэллит закусил губу и бросилась вон из спальни. Пусть достославный из достославных придет в гнев, ставшая Залогом принадлежит не ему, а своей любви. Она сама защитит Первородного, сама расскажет ему о стражах клятвы, и он поверит, разве можно не верить любви!

— Господин Эжен! — Какой-то воин, высокий и сильный, заступает дорогу. — Стойте!.. Монсеньор не велел никому...

— Монсеньор приказал войти, когда он будет говорить с Первородным.

— С кем? — Да смилостивится над отступницей Луна, она забыла, где находится.

— Герцог Эпинэ хочет, чтоб я рассказал Его Величеству то, что видел. Это очень важно. Меня никому не показывали, чтоб не узнали... Чтоб не узнали злодеи... Они не хотели пускать меня к королю.

— Оно так, злодеюк тут хоть ложками греби. — Поверил, но разве она солгала в главном? — Ладно, беги.

Пустая комната, и еще одна; алый ковер, как закатная тропа, как струя крови в горном ручье... На закрытой двери скрещены мечи и молнии. Да исполнится воля Огнеглазого Флоха и да не оставит он милостью своей полюбившую!

— Я видела в окно... Я пришла...

— Ну и умница. — Любимое лицо совсем рядом, как же он светел и отважен, как же он ее любит. — Так вот кто моего маршала запугал... А ты тоже хорош, мог бы сразу обработать!

— Думал, сам догадаешься. — Голос блистательного дрожит, он недоволен. Достославный из достославных тоже будет недоволен.

— Как ты добралась?

Ей подсказали любовь и боль, но это поймут лишь опаленные лунным счастьем.

— Ты пришла одна?

— Одна! — Любимый не должен слушать достославного, она сама все расскажет, вместе они придумают, как быть. — Я пришла одна... Я оделась Эженом, взяла Клемента. Я ехала с купцами...

— Тебе повезло.

— Да, — хрипло бросил названный Робером, — они нарвались на отряд из Лэ. Купцы завернули, но Мэллит тенъент взял.

— Мэллицу, Робер. Малыш, забудь об Эжене, ты же у нас алатская дама. Переночуешь во дворце, а утром берем дайту и к Матильде.

— Завтра? — нахмурился блистательный. — Мэлли... ца устала и нездорова, ей лучше отдохнуть.

— Я готова идти четыре дня и не спать четыре ночи. — Завтра она увидит царственную и доброго Ласло, но сейчас она уйдет с любимым.

— Слышишь? — засмеялся Первородный. — Она сильнее тебя, а в Тарнику я так и так собирался. Матильда ты же знаешь какая, ее на хромой кошке объезжать нужно, а тут такой повод! Робер, ты бы завтра тоже родственницу осчастливил. Помнишь, о чем говорить?

— Помню, — по лицу блистательного пробежала тень, — я все помню...

Глава 8. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ). БАРТ-УИЗЕР (СЕВЕРНЫЙ НАДОР) **400 год К. С. 11-й день Зимних Скал**

1

— Ты пришел говорить о суде? — негромко спросила Катари. Они брели по нижнему саду — кузина решила прогуляться, а может быть, не хотела говорить там, где их могли слышать.

— Это повод. — Зачем врать больше, чем нужно. — Альдо просил с тобой поговорить, и до меня дошло, какой я мерзавец. Я совсем о тебе позабыл.

— Ты просто не привык, что у тебя есть хоть какая-то сестра. — Катари остановилась, глядя на серый, испятнанный черным ствол. — Белка... Раньше я любила кормить белок, и здесь, и в Гайярэ... Ты помнишь Гайярэ?

— Плохо, — признался Иноходец, — я редко к вам ездил. Мишель ваши рощи любил, я — нет.

— Любил, — повторила бывшая королева. — Мишель любил... Как он погиб?

— Я не видел. — Легкий зимний ветерок стал горячим и липким, запахло порохом и болотной гнилью. — Мы были с отцом, я и Мишель, потом Кавендиш удрал, и отец послал меня к Сержу, я там и остался. Мы держались, сколько могли, к полудню Серж велел отходить, но его убило. Отряд повел я, мы обходили трясину, одна кобыла, серая, с белой звездочкой на лбу, обезумела, бросилась в топь вместе с всадником... Это последнее, что я помню. Я пришел в себя на какой-то телеге, без сапог... Про отца и братьев я узнал в Агарисе... Нет, об их смерти говорили еще в дороге, но я надеялся, ведь среди мертвых называли и меня.

Матильда, то есть принцесса Ракан, сказала, что я остался один.

— Я тоже надеялась. — Катари слабо улыбнулась и пошла в глубь серо-черной аллеи. — Я надеялась... Говорили, кого-то из Эпинэ так и не нашли.

— Это был я, — зачем-то сказал Робер, — так получилось...

Бывшая королева снова остановилась.

— Почему мы должны платить за своих родителей? — Она в первый раз говорила громко, почти кричала. — Мы — заложники их ненависти, Робер. И не только мы, но и наши любимые, и наши дети. За нас решают, кого нам любить, кого ненавидеть, кому принадлежать... Нас не спрашивают, мы — вещи, только с именами и с душой. Мы не живем, нас продают, покупают, меняют, переставляют, пока мы не вырастаем в хозяев таких же вещей, уже наших... Прости, ты хотел говорить о суде.

— Я НЕ хочу говорить о суде. — Так вот почему Мишель так часто ездил в Гайярэ. — И уж тем более не хочу тебя принуждать. Как бы ни был Алва перед тобой виноват, это ваше дело. Или, если позволишь, еще и мое, но корона здесь ни при чем.

— Рокэ Алва передо мной не виноват. — Катарина закусила губу. — Это я виновата перед ним и перед Фердинандом. Я была дурочкой, из которой выросла трусливая дрянь.

Сперва мной крутила мать, потом братья и кансиллер, а я ненавидела не тех, кого надо. Не себя, не эра Августа, не Ги, а мужа, Ворона, Сильвестра. За свои грехи ненавидела, потому что сказано: «Не по словам, но по делам суди человека». Рокэ зол на словах, но не в делах... Его убьют?

— Нет, — хотел бы он сам в это верить, — герцог Алва слишком ценный заложник, просто ходят слухи, что Ворон на свободе. Альдо решил его показать, чтоб не болтали, только и всего.

— Ты можешь поклясться? — Губы Катарии дрожали.

— Разумеется. — Одной клятвой больше, одной меньше...

— Слава Создателю... Робер, ответь ты иначе, я бы пришла в суд и сказала правду. Не ту, что хочет услышать твой король.

Его король... Нет у него короля, зато есть долги перед югом, Олларией, его солдатами, перед кузиной, наконец.

— Ты не устала?

— Нет, — покачала головой Катарии, но на предложенную руку оперлась. — Пройдемся до беседки. Это мое любимое место...

— Конечно, пройдемся. — Мэллит с Альдо, так почему же ему не больно? Проклятая пустота высосала даже любовь, а может, это случилось раньше, но ему было некогда оглянуться. Говорят, несбывшаяся любовь оборачивается ненавистью, а ему просто жаль.

— Как он? — спросила кузина. — Вы ведь виделись... Он здоров?

— Да, — выдал желаемое за действительное Эпинэ, — то есть должен быть здоров. Левий его навещает, он может, а я был в Багерлее только раз... Тогда... тогда все было в порядке.

— Спасибо, — непонятно за что поблагодарила Катарии. — Я боялась... Алва никому не уступит, а твоему королю тем более.

— Он и не уступил. — Вспоминать об Альдо не хотелось мучительно, и Робер торопливо улыбнулся: — Я говорил, что Моро у меня? Представь себе, мы неплохо ладим...

— С этим зверем?! — Пальчики кузины судорожно сжались. — Умоляю тебя, будь осторожен... Моро — убийца!

— Мне он не страшен, — заверил Робер. — Рокэ сам дал мне в руки уздечку, Моро это помнит... Ты и представить не можешь, какой это умница. Пока я болел, он себе в конюхи моего капитана выбрал. Остальные в денник даже войти не могли.

— И все-таки он опасен, — неуверенно произнесла Катарина.

— Для других, без сомнения, — засмеялся Эпинэ, — но другие в здравом уме к нему не сунутся. Ну, успокоилась?

— Да. — Тонкий профиль Катарии казался хрустальным или ледяным. — Ты получаешь письма от Айрис? Что она пишет?

— Ничего. — Ступенька была совсем низкой, но кузина все-таки споткнулась. — Осторожней!

Женщина не ответила, ее лицо было бледным и отрешенным. У беседки дорожка сворачивала, обвивая колючие кусты, в которых пряталась крылатая кошка. Не Лауренсия,

но как же похожа!

«Скачи! На огонь... Во имя Астрана!..» Не в той ли скачке он сбросил с шеи любовь, сбросил и не заметил?

— Катари, ты знаешь, что это за статуя?

Бывшая королева повернула голову, возвращаясь из иных миров. В светлых глазах плеснулось удивление и узнавание.

— Мне страшно на тебя смотреть... Ты так похож на Мишеля, только эта прядь... Откуда она?

— Память, — пошутил Эпинэ, — о том, как меня не убили. Вернее, о том, как убили не меня. Маленьким девочкам лучше не знать.

— Я тебе соврала, — внезапно вскинула голову Катари, — мерзко соврала... Я не стала бы защищать Рокэ, я бы струсил.

— Не кори себя, — Робер обнял сестру за плечи, — не надо. Ты — женщина, а не драгун.

— Ты даже не представляешь, как ты прав. — Глаза Катарини стали отчаянными. — Беда именно в том, что я женщина. Я не принадлежу себе... У меня будет ребенок, кузен, он родится в конце весны.

— Как? — не понял Эпинэ. — У тебя? Сейчас?

— Дети не спрашивают когда. — Катари извернулась, высвобождаясь из объятий, лицо ее пылало. — Робер, я никому его не отдам, слышишь, никому! Он будет моим, единственный уцелевший, последний! Старших я не увижу, я это чувствую...

— Зачем ты так...

— Помолчи, иначе я опять струшу. Так просто сидеть в темноте и бояться, и так страшно выйти на свет... У меня отбирали детей при рождении, сразу, навсегда! Я их видела только на церемониях, в чужих руках. Я рожала три раза, три, но мне не оставили никого! Это ты понимаешь? Они живы и здоровы, они в Торке, но они меня не знают, а я их...

Другая бы спрятала лицо в платок или в ладони, Катари просто шла вперед, отпустив слезы на свободу. Женщина-кошка смотрела на брата и сестру белыми, без зрачков, глазами, неряшливо топорщились голые ветки, между ними темнел одинокий сгусток. Гнездо...

— Ты давно знаешь? — наконец спросил Робер.

— Теперь мне кажется, я почувствовала сразу... Хлопнула дверь, я осталась одна и вдруг поняла, что это не так, что нас уже двое... Мужчина этого не поймет.

— Еще бы. — За кем закрылась эта дверь? Вряд ли за Фердинандом. Значит, Рокэ... И неважно, что во дворце хозяйничали Рокслеи. Если Штанцлер вышел из часовни, Алва мог войти.

— Я не должен спрашивать, но твой ребенок... он ведь не Оллар?

Катарина стиснула руки, он навсегда запомнит ее перчатки, черные, без шитья и оторочки. Женщина вздернула подбородок:

— Мои старшие дети — Оллары, и пусть я умру без исповеди, если лгу! Пусть Карл получит трон, а Октавия и Анжелика — любовь, но младший только мой!

— Прости, — зачем он полез с расспросами, ей и так больно, — я не хотел тебя обижать.

— Это ты прости. — Она попыталась улыбнуться, жалкая попытка! — Я тебе верю, очень верю... Я не верю в то, что твой Ракан пришел надолго, и я не знаю, кто его сменит. Если б я была, нет, не служанкой, о таком счастье я не мечтаю, хотя бы графиней, я могла бы быть откровенной, но я королева. Для одних — бывшая, для других — нет, а мой ребенок — заложник.

Чтобы его спасти, я солгу и перед людьми, и перед Создателем, но солгать можно только раз, второй раз не поверят. Ты меня не предашь, я знаю, но ты плохой обманщик. Прости, но я буду молчать, пока меня не загонят в угол. Тогда я отвечу. Назову то имя, которое защитит меня и сына, а это будет сын! Я это чувствую...

— Хорошо. — Он и впрямь плохой лжец, хотя сюзерен ему почему-то верит. — Я могу

тебе помочь?

— Как? — Так глухо и безнадежно говорят об умерших и о старости. — Альдо Ракан не отпустит Катарину Оллар, тем более в тягости. Не знаю, сколько еще я смогу скрывать свое положение. Если б со мной была госпожа Арамона, но я совсем одна... Хуже, чем одна, я среди чужих.

— Ты права, — Робер снова обнял кузину, на этот раз она не отстранилась, наоборот, приникла к нему, — и ты ошибаешься. Альдо тебя не отпустит, это так, но и в Олларию можно найти помощь, и я знаю где.

2

Маршал Севера бросил бумаги в ящик стола, повернул ключ, вытащил его и сунул в карман. Чарльз Давенпорт не обиделся: Фердинанд ключей не прятал и комнат не запирает, а чем кончил? Скрывать, так уж от всех, тогда никто не будет в обиде.

— Садитесь, виконт. Вы уже отдохнули и еще не застоялись? — Это была шутка, но смеяться не хотелось.

— Я готов в любое время выехать в Бергмарк. — Не вызови Савиньяк тенъента Давенпорта сегодня, завтра Чарльз стал бы добиваться аудиенции по собственному почину.

— Кто-то в Бергмарк отправиться должен, — подтвердил маршал, — а вы или нет, сейчас решим. Я предлагаю вам должность офицера для особых поручений при моей персоне. Если вас это не устраивает, отправляйтесь в Торку и дальше, к отцу.

— Могу я спросить о причинах вашего предложения? — Следовало сказать «заманчивого» или «лестного», но Чарльз никогда не умел объясняться с начальством.

— Вы знаете Олларию и знаете правду, по крайней мере изрядный ее кусок. Это может оказаться полезным. — Маршал перевернул песочные часы, зевнул и взялся за толстую, потрепанную книгу. — Короче, думайте.

Можно было ответить сразу, но Лионель словно бы забыл о собеседнике, а напоминать о себе не хотелось. Оставаться при старшем Савиньяке хотелось еще меньше, но другой дороги в Олларию не было.

— На обеденном столе вино и бокалы, — маршал Севера с шумом захлопнул свою книгу, — а за что пьем, скажете вы.

Давенпорт взялся за кувшин. Лионель не сомневался, что тенъент останется, и он оставался. Не из-за должности и уж тем более не потому, что от Барт-Уизера, где зимовала Северная армия, до Давенпорта полдня пути. У Савиньяка больше шансов прогуляться к столице, это решает все. Виконт аккуратно разлил красную жидкость.

— Господин маршал, прошу вас.

— Благодарю. — Граф протянул руку, на лишенном браслета запястье белел шрам. В армии шутили, что Леворукому надоело путать братцев и он пометил любимчика. — Вы остаетесь?

— Да, — твердо произнес Чарльз. Лионель, в отличие от Эмиля, виконту не нравился, но симпатии не имели никакого значения. — В чем будут заключаться мои обязанности?

— В особых поручениях. — На гербе Савиньяков красовался олень, но когти у маршала были закатные. После каданской победы разговоры о том, что красавчик Лионель слишком рано получил алую перевязь, увяли сами собой.

— Могу я узнать, о поручениях какого рода идет речь?

— Открылись некоторые обстоятельства, весьма обнадеживающие, — объяснил Лионель. — Нам предстоит Ренкваха задом наперед.

— Вы решились выступить? — справиться с голосом Давенпорту не удалось, и маршал слегка улыбнулся.

— Удивлены? — Савиньяк отхлебнул вина. — Спасибо Бонифацию, если б не он, сидеть бы нам с торской кислятиной... Это хорошо, что вы удивлены, значит, другие удивятся еще больше.

— Неделю назад, — не выдержал Давенпорт, — вы придерживались другого мнения.

«Развалины и трупы захватить просто, — бросил тогда Лионель, — но можно ли их назвать Олларией? Нам нужен живой город...»

— Я всегда придерживался одного мнения, — сощурил черный глаз Лионель. — Чтобы занять город малой кровью, нужен мятеж, а еще лучше — переворот, и он у нас будет. Наведем порядок в Олларии, и к Весенним Волнам — назад. Эту весну гаунау не пропустят, не надейтесь.

— Я не для того просился в Торку. — Почему его при виде маршалов тянет на дерзости?

— Вы отказывались от повышения и просились в Торку, — холодно заметил Савиньяк, — из-за Октавианской ночи. Вы были обижены, вот и решили заняться «гусьями». Это было глупо, и я настоял на вашем переводе во дворец.

— Так это были вы, — пробормотал Чарльз, — вы...

Савиньяк что-то соскреб ногтем с книжного переплета:

— А вы полагали, вас задержали Рокслей?

— Я на это надеялся. — Пусть знает, хуже не будет. — Господин маршал, почему вы меня не предупредили?

— Некоторые действуют лучше всего, будучи предоставлены самим себе, — снизошел до объяснения Лионель. — У вас были пистолет и выбор. Вы решили, выстрелили и прыгнули в окно. Кстати, знаете ли вы, что прикончили не только Генри Рокслея — между нами говоря, прекрасный выбор, — но и еще человек двадцать?

Давенпорту показалось, что он ослышался. Савиньяк улыбнулся, напомнив довольного жизнью леопарда:

— Я получаю письма из Олларии. Большинство офицеров, открывших Альдо проход к столице, были приглашены в Тарнику. Туда же выехал и принц, но не доехал, потому что вы на него напали. Альдо был ранен и вернулся в Лаик, вы не стали его преследовать, а вместе с вашими приверженцами рванули в Тарнику, где и перебили приехавших за наградами предателей. Сомнений быть не может, вас описали с величайшей точностью.

— Это был не я, — глупо пробормотал Чарльз, — не я и не Ансел... Кто это был?

— Полагаю, наемники все того же Ракана, — жестко ухмыльнулся Лионель. — Благородный принц не желал платить по счетам, а может, ему было нечем, и он избавился от кредиторов. Весьма разумно.

— Это предательство. — Голова кружится, но от чего: от новостей или от вина? — Ракан предает даже своих. Вы не можете одобрять предательство!

— Одобрять не могу, но иногда без него не обойтись. — Лионель приподнял бокал. — Вас, к примеру, я предать могу, имейте это в виду. Вас, но не Талиг.

— А Первого маршала? — Зачем он спросил? Его дело — исполнять приказы, а не набиваться на разговоры.

— Алву? — Савиньяк усмехнулся. — Нет, Алву я не предаю, точно так же как он не предаст меня. В случае необходимости один пожертвует другим, только и всего.

— И чем это отличается от предательства? — Лионель был омерзительно прав, Чарльз понимал это и все равно спорил, не мог не спорить.

— Предательство для предаваемого всегда является неожиданностью и неприятностью, — маршал Севера больше не улыбался, — а мы знаем, чего ждать друг от друга. Если потребуются поджечь фитиль, ни меня, ни Алву не остановит то, что другой привязан к пороховой бочке.

Эти двое не жалеют никого и в первую очередь себя. Ворон имел право говорить так, как он говорил в Октавианскую ночь. Он доказал это у эшафота. Выстрелить в предателя и выскочить в окно... Прорубиться сквозь целый полк и положить шпагу...

— У вас странный взгляд, Давенпорт, о чем вы задумались?

— Вы напомнили мне о господине Первом маршале.

— Да, мы похожи, — подтвердил Лионель. — Только Алва первый, а я — второй. Если

будет нужно, я стану первым, но я этого не хочу. Там, где я положу пятерых солдат, Ворон обойдется тремя. Он нужнее.

3

У святого Адриана был вид заправского вояки и сердцеда. Такой мог сбежать с чужой женой и прорубиться сквозь полчища варваров, но податься в клирики? Что с ним случилось? Раскаялся? Увидел чудо и уверовал? Или Чезаре бросил очередной вызов судьбе и анаксу?

Темноглазый красавец с алым львом на груди второе тысячелетие хранил свою тайну. Адриан ворвался к Эсперадору с мечом и положил его к ногам святого отца. Раскаившийся распутник, он прожил без малого две сотни лет и исчез ясной осенней ночью, оставив россыпь серебряных звезд и неоконченный трактат, по слухам, едва не расколовший молодую церковь.

— Это не каноническое изображение. — Кардинал Левий закончил колдовать над очередной порцией шадди и с довольным видом разливал дело рук своих по чашкам. — Собственно говоря, это вообще не икона, а копия с прижизненного портрета. Диамни Коро изобразил Чезаре сразу после возвращения. Кстати, вы знаете, зачем он вернулся?

— Ему было видение, — шадди обещал ясную голову и бессонную ночь, — по крайней мере, так меня учили.

— Чезаре Марикьяре примчался в Гальтару и полез в катакомбы, потому что не верил в виновность своего друга Ринальди Ракана. — Тонкие ноздри Левия вбирали горьковатый аромат. — Слишком много корицы, прошу меня извинить...

— Ваше Высокопреосвященство, — кардинал не хочет отвечать, но Первому маршалу нужен ответ, причем немедленно, — вы поможете моей сестре или... мне придется рассчитывать на себя?

— Разумеется, Катарина Оллар получит убежище. — Левий казался несколько раздосадованным. — Но, между нами, ваша кузина могла обойтись без посредников.

— Она не видела вас в Багерлее, — напомнил Эпинэ. — И потом, как бы она до вас добралась?

— Не слишком крепко? — Левий обещал помочь, и Левий поможет, но говорить о Катари он не расположен. — Я забыл спросить вас о самочувствии.

— Все в порядке, — не стал вдаваться в подробности Робер, — я здоров.

— А выглядите неважно. Даже не знаю, огорчать вас или подождать, пока это сделают другие.

— Предпочту огорчение из ваших рук. — Эпинэ поставил чашку на стол. — Его, по крайней мере, можно запить шадди.

— Извольте. Да будет вам известно, что Ее Высочество нас покинула.

— В... в каком смысле покинула? — Он думал о Мэллит, об Удо, о Рокэ, о ком угодно, но не о Матильде.

— В обычном. — Голос клирика звучал ровно, но Левий был расстроен. — Села на любимого коня и исчезла. Вместе с доезжачим и виконтом Темплтоном.

Значит, уже уехала... *«Храни тебя хоть Создатель, хоть Леворукий, только живи. Матильда»*. Это тебя храни... Будь счастлива со своим Лаци, пей касеру, прыгай через огонь и забывай, забывай, забывай... Ты сможешь забыть, ты не убивала.

— Вы увидели призрак, — участливо осведомился кардинал, — или только собираетесь?

Если гоганы правы, Матильда и Дуглас уцелеют, им не придется платить по чужим счетам.

— Я получил от принцессы письмо, — выдал из себя Робер, — очень странное.

— Принцесса не могла писать открыто, — зло улыбнулся кардинал, — и у нее не было возможности прогуляться с вами по парку. Между прочим, Ее Высочество просила меня

позаботиться о вас, хотя вы сами о ком угодно позаботитесь, одна Дора чего стоит. Не ожидал от вас такой решительности.

— Я сам от себя не ожидал, — пробормотал Робер.

— Вот как? — Левий впервые за сегодняшний день поправил своего голубя. — Знаете ли вы, что гайифский посол никоим образом не был удивлен вашими действиями? Надо полагать, его вы поразили раньше.

— Посол мне льстит. — А ведь гайифец и впрямь держится иначе, чем в начале их знакомства. — Ваше Высокопреосвященство, как вы относитесь к нарушенным клятвам?

Кардинал поставил чашку:

— Вы собираетесь последовать примеру Ее Высочества?

— Нет, — покачал головой Эпинэ, — не сейчас... Я слышал, что есть клятвы, которые стережет не честь, а смерть.

— Есть народы, которые верят в подобное. — Плечи клирика обмякли, он ожидал разговора об измене, а не о суевериях. — Бергеры, гоганы, хол-тийцы... Вам, видимо, сказали о смертных клятвах в Сагранне?

— Адгемар погиб. — Эпинэ торопливо глотнул шадди, прячась за сладкую горечь и мертвого казара. Его Высокопреосвященство поправил сбившуюся скатерть.

— Я слышал о том, как вас оправдала пуля. Окажись пистолет в другой руке, я б задумался, но Рокэ Алва стреляет без промаха. Вы ему что-то обещали, не так ли?

Не тогда и не ему, а себе, но поклясться легче, чем сдержать клятву.

— Ваше Преосвященство, куда уехала Матильда?

— Домой, — медленно проговорил кардинал, — но Его Величеству знать об этом не обязательно.

Альдо догадается, но что он предпримет? Закроет глаза или пошлет погоню? И, во имя Астрада, что с Удо?!

— Я правильно понял, они уехали втроем?

— Вне всякого сомнения. — Левий не колебался ни секунды. Матильда была с кардиналом откровенна, но не настолько, чтоб сказать про Борна.

— Ее Высочество очень расстроило мое письмо?

— Скорее, оно послужило последней каплей, а вот это письмо, без сомнения, весьма расстроит Его Величество. — Кардинал поднял какой-то листок и протянул собеседнику. — Зло, но хлестко. Горожане будут в восторге. Хотите еще шадди?

— Да. — Каллиграфический почерк, роскошная бумага, знакомый, навязчивый ритм...

«Погляди вокруг, кругом
Тараканы.

Плохо, если лезут в дом

Тараканы.

Так прихлопни башмаком

Та-Ракана.

На столе и под столом

Тараканы.

Хлеб куснешь, а в нем комком

Тараканы.

Так прихлопни башмаком

Та-Ракана.

Зашуршат под помелом

Тараканы.

Захрустят под каблуком

Тараканы.

Так прихлопни башмаком

Та-Ракана.

Сия старинная песня переведена мною с гальтарского во имя общего блага. Древние полагали, она способствует изгнанию из жилища тараканов и прочих докучливых гостей, для чего надлежит ее исполнять четырежды в день, сопровождая пение решительными действиями.

Создатель, храни Талиг и его законного короля!

Суза-Муза-Лаперуза, граф Медуза из Путеллы.

400 год К. С. 10-й день 3. С.»

— Прочли? — Левий пошевелил свою посудину, утверждая ее в раскаленном песке. По лицу кардинала было трудно что-то понять, но Роберу показалось, что клирик доволен.

— Прочел. — Удо жив, на свободе и не собирается сдаваться, но тогда где он? Неужели у Левия? — Откуда оно?

— Из храма Создателя Милосердного, — охотно сообщил кардинал. — Было в ящике для просьб о поминовении. Не думаю, чтобы граф Медуза ограничился единственным посланием.

Можно ставить Моро против таракана, не ограничится. Кардинал помешал шадди:

— Адриан писал, что благородство мужчин измеряется подлостью и никчемностью навязавшихся им женщин. Полагаю, верно и обратное. Никчемность и подлость мужчин измеряется благородством оставивших их женщин. Я не встречал дамы благородней принцессы Матильды. Что до вашей кузины, то подобную добродетель легче найти в Эсператии, чем в жизни... Их выбор — весьма печальный знак для Его Величества.

Глава 9. НОВАЯ ЭПИНЭ

400 год К. С. 15-й день Зимних Скал

1

Утыканная растрепанными вишневыми метелками деревушка была паршивой, а постоянный двор с пьяным в стельку лисом на вывеске и того хуже, но куда деваться? Люди потерпят, а лошадям нужен отдых, иначе останешься на своих двоих.

— Что, гица? — Осунувшийся Лаци все равно усмехался. — Заедем или дальше?

Бочка решил заехать. Матильда с трудом удержала почувавшего жилье жеребца, Темплтон уже привычно молчал, его гнедой линарец печально втягивал ноздрями пропахший дымом ветер. Умей кони скулить, гнедой бы заскулил.

— Часа два, не больше, — решила Матильда.

— Как гица велит, — подкрутил ус доезжачий, заворачивая белоногого Витязя. Что конь, что хозяин были бодрей попутчиков, парочка хорн была бы им не в тягость, но в дороге решает слабейший.

— Рассиживаться не будем. — Рука принцессы привычно потянулась к пистолетам. Деревушка казалась безобидной, но кто их тут разберет.

— Кто рассиживается, гица? — хохотнул Лаци. — Мы? Да мы скачем, как борзые за зайцем.

— Скорей, как зайцы от борзых, — пробормотал Дуглас. Он тоже не расставался с оружием даже ночью.

— И зайцам лежка нужна, — напомнил доезжачий, сам походивший на борзую. — А вот и хозяин!

Выскочил, твою кавалерию, сейчас начнет шкуру драть. Деньги таяли до безобразия быстро. Дуглас уже просадил все, что имел, вчера в ход пошел кошелек Матильды, а до Алати еще ехать и ехать.

— Какая радость, — пузан в синем фартуке всплеснул ручищами, словно девица, — какая неслыханная радость! Такие гости! Прямо весна на дворе! Сюзанна! Сюзанна!

Бездельница проклятая... А ну иди сюда...

— У тебя много народу? — хмуро осведомился Темплтон.

— Никого, — замотал головой хозяин, — ну как есть никого нет... Такое разорение, господа, такое разорение... Не ездят люди, боятся, а что делать бедному Франсуа? Умирать с голоду?

Такой, пожалуй, умрет. Брюхо — хоть сейчас рожай, да не ребенка, а теленка.

— Ячмень найдется? — Главное — кони, всадники — дело шестнадцатое.

— Найдется, — замахал лапами хозяин, — как же не найтись? Грех таких славных лошадок обижать... Сразу видать, голубчикам досталось... Господа такие смелые, такие смелые. В наше время ездить — по восемь жизней иметь.

— У нас по шестнадцать, — подмигнул Ласло. Чем ближе была Алати, тем веселей становился доезжачий. Мерзавец ехал домой и вез свою гицу, а в Талиге он ничего не забыл.

— Господин любят пошутить, — захохотал трактирщик, — а старый Франсуа посмеяться. Амбруаз, где ты там, кошкин сын?

— Да тут я. — Здоровенный детина благоухал навозом, во вставшей дыбом волосне запуталось сено. — Ух, красавчики какие...

— Ячменя задашь, — велел Франсуа, беря линарца под уздцы, — да подковы погляди, а то знаю тебя...

— Благодарю, любезный. — Дуглас с каменным лицом спрыгнул наземь. — Сколько возьмешь за ячмень и обед?

— Времена тяжелые, — запел свою песню трактирщик, — да для таких гостей... Недорого возьму, ну, совсем чуть-чуть...

Все так говорят, а как до расчетов дойдет, ячмень золотым окажется. Времена у него поганые... Это за Данаром внуковы мародеры последнее подчистую выгребли, а здесь всего хватает, но цены все одно до небес.

— А дозвожь, гица. — Лаци снял Матильду с седла, ненароком прижав к себе. Вот ведь привязался, собака бешеная!

Освободившийся Бочка деловито хрюкнул и сам направился в конюшню. Витязь с Драгуном фыркали и перебирали ногами — торбы с зерном манили и их.

— Нет у меня постояльцев, — вновь завздыхал Франсуа, — ну совсем никого... Но такие гости... Нельзя господам за крестьянским столом обедать, ну никак нельзя. Сюзанна, чистую залу отвори...

— Вина согрей, — не выдержала Матильда, — а поесть, что побыстрее.

— Вино будет, — трактирщик придержал синюю дверь, — как же без вина... Новый бочонок открою, хороший год, отличная лоза, только зачем побыстрее? Лошадкам отдохнуть надо, замаялись лошадки...

Обычная болтовня, и морда тоже обычная, и суета, а не так что-то. Дались ему лошади... Нет, они устали, конечно, но не падают же. Ее Высочество тронула пистолет, знакомая рукоять немного успокоила.

— Вот сюда, — пел трактирщик, — к огоньку, поближе...

— Что ж ты камин в пустой комнате топишь? — осведомилась принцесса, падая на покрытую телячьей шкурой скамью рядом с посудным шкафом. — Ждешь кого-то?

— А я всегда жду, — подмигнул пузан. — Дело мое такое, ждать да кормить-поить...

— Ну и чем кормить будешь? — осведомился Лаци, пристроившись лицом к двери.

— А что господа пожелают? — Трактирщик принялся загибать пальцы. — Говядина, свининка, куры, гуся стушить могу... Хороший гусь, прямо кансильер...

— Свинину, — велела Матильда, шаря взглядом по стенам. Расписные тарелки казались безобидными, а вот занавески... Мало ли, что за ними.

— Что у тебя за занавесками? — Рука Темплтона гладила эфес. — Покажи...

— Дверка. — Франсуа с готовностью дернул вышитые тряпки. — До спален, чтоб через залу не бегать, а что?

— Ничего, — отмахнулся Дуглас, — занимайся своим делом.

— Пусть господа отдохнут, — Франсуа вытер фартуком руки, — а я за вином побежал.
— Мне вина не надо, — крикнул вдогонку Дуглас, — молока принеси, если есть.
Франсуа не ответил, заорал на свою Сюзанну, и дверь захлопнулась.
— Проныра. — Матильда потрясла стриженной головой. Восьмидневная усталость и тепло стремительно превращали тело в неподъемную колоду. — Не нравится он мне. Не жадный какой-то, и глаза бегают...
— Будем расплачиваться, увидим, какой нежадный. — Дуглас стянул перчатки и принялся растирать руки. — Лучше отдохнуть в этой дыре, чем в большом селе.
— Гица, может, заночуем? — Лаци потянулся, откровенно наслаждался отдыхом. — Поздно нас догонять...
— Было бы поздно, если б не сразу хватились. — Леворукий его знает, когда в Тарнике поняли, что королевской бабки нет в столице, а в столице дошло, что в Тарнике ее нет еще больше.
— Ваше вино. — Франсуа с подносом напрочь загородил дверь. Лучше было сесть в общем зале, а не лезть в эту крысоловку.
— Мне вина не надо, — повторил Дуглас, — не пью.
— Как же зимой не пить? — Не держи толстяк поднос, он бы схватился за сердце. — Холод, он вина боится...
— Шадди у тебя есть? А нет, молоко давай.
— Не варим мы горечь эту, — насупился хозяин, — а молоко найдется.
— Дуглас, ты пить совсем бросил? — Вино у Франсуа было отменным, и это тоже было подозрительным. — Или только до Сакаци?
— Сам не знаю. — Темплтон вытащил шпагу, осмотрел, сунул в ножны. — Не пьется что-то... А в Сакаци я не задержусь, поеду в Ургот.
— К Савиньяку или к Фоме?
— К Савиньяку...
— Молоко для господина, — Франсуа опять торчал в проходе, — утреннее...
Может, и впрямь остаться до утра? Фуражиры Альдо за Данар не забираются, а погоня, если она и была, пошла по Алатскому тракту, а не по Южному. И все бы хорошо, если б не трактирщик. Такому поверишь, утром не проснешься...
— А господа, часом, не из столицы? — Подозрительный Франсуа и не думал уходить. — Что люди-то говорят? А то пока до нас новости дойдут.
— Мы из Придды, — Дуглас пригубил свое молоко, — проездом... А про столицу плохо говорят.
— Вот и я слыхал, — закивал трактирщик, — вовсе Та-Ракан распоясался, ну да ничего, и на него управа найдется... Еще вина изволите?
— Давай, — решил за всех Лаци. — Когда обед будет?
— Жарится, — Франсуа закатил глаза и мечтательно потянул носом, — фырчит, шкворчит, любо-дорого... В подливу чеснок или имбирь класть?
— Чеснок. — Матильда угрюмо оглядела пистолеты. — Положишь имбирь — убью.

2

Еще дней десять, и они будут в Алати, а дальше что? Братец Альберт от радости точно не прослезится. Может и продать, особенно если заплатят. Нужно было не в Сакаци гнать, а в Кадану; Розамунда сестру бы не выгнала...

— Вино, сударыня. — Трактирщик шмякнул об стол дымящимися кружками и медово улыбнулся. — А с мясом, прошу простить, задержка выходит. Подливу не доглядели, свернулась... Новую заварили, но пока дойдет...

Точно что-то замышляет, тварь такая!

— Давай без подливки! — И от вина пахнет как-то не так, а ну как воробьиного корня¹³ подмешал?

— Как без подливки? — схватился за сердце плут. — Мясо без подливки, что кошка без хвоста, а ждать всего ничего, да и лошадки отдохнут.

— И то, гица, — вылез и Лаци, — куда торопимся? Солнце не догоним, от луны не сбежим...

— Тише! — хлопнул ладонью по столу Темплтон. — Слышите? Лошади, и много... А где лошади, там и люди, и вряд ли с добром.

— Кто это? — Рука Темплтона легла на эфес. — Кого ты ждал?

— Никого. — Улыбку с красной физиономии как корова языком слизала. — Чтоб меня кошки разодрали, никого. А может, господам в погреб спуститься? Мало ли...

Спустишься, тут тебе и крышка, а не спустишься? Грохнула входная дверь, затоптали чужие сапоги.

— Где твой погреб?

— Ох... Теперь уж и нигде...

Обе двери распахнулись одновременно, упала вышитая занавеска, на столе задрожали кружки.

— Ваше Высочество, мы счастливы вас видеть. — Офицер со знакомой рожей, за ним десятка полтора солдат, еще шестеро с черного хода. А ведь она почти поверила, что погони нет.

— Вы счастливы, а я — нет, — отрезала Матильда. — Потрудитесь выйти вон.

— Увы, — перевязь на офицере была капитанской, но имя принцесса забыла напрочь, — просьба Вашего Высочества вступает в противоречие с приказом Его Величества. Мне поручено вернуть вас в Ракану, и я это сделаю.

— Лучшее, что вы можете сделать, — шадов подарок сам прыгнул в руку, — это убраться.

Темплтон уже стоял с обнаженной шпагой, а Лаци сжимал саблю. Побледневший офицер улыбнулся и сложил руки на груди.

— Повторяю, мне очень жаль, но вы поедете в Ракану. В случае моей смерти вас доставят тенъент Бартон или сержант Лоуз. У вас ведь всего два заряда, у нас — двадцать.

Дула мушкетов дрогнули и уставились не на нее, а на Лаци с Дугласом! Сволочь! Твою кавалерию, какая же сволочь!

Капитан бросил на стол перчатки и поклонился.

— Его Величество распорядился, чтобы с Ее Вы сочеством обходились в высшей степени учтиво. Насчет подозреваемого в измене и убийстве виконта Темплтона подобных распоряжений не поступало, а что касается слуг... Дворцовый комендант подобрал человека, понимающего в дайтских легавых. В случае необходимости он заменит вашего псаря... во всем.

Альдо нашел скотину, готовую на любую мерзость, на любую.

— Темплтон, отдайте им шпагу. Лаци, ты тоже.

— Ваше Высочество, позвольте ваши пистолеты. Его Величество предупредил, что это память о старом друге. Клянусь честью, с ними ничего не случится.

— Поклянитесь чем-нибудь другим, — этого капитана она прикончит, улучит момент и прикончит, — чем-нибудь, что у вас имеется. Перевязью там или задницей.

— Клянусь своей шпагой, — он ее тоже ненавидит, но будет терпеть, холуй поганый, — и своим именем. Капитан Коурвилль к вашим услугам.

— Я запомню, — пообещала Матильда, — можете быть уверены, я запомню.

Коурвилль с поклоном принял пистолеты и положил на буфет.

— Эй, — заорал он, — трактирщик!

¹³ Довольно сильное снотворное.

Капитан раздувался от гордости и хотел жрать. Петух после курицы! Ничего, будет тебе лисица, и очень скоро!

— Сударь? — Пузатый Франсуа обтер фартуком руки. Он был тем, кем был, трактирщиком, а не разбойником. — Чего изволите?

— Что у тебя есть?

— Времена нынче тяжелые, — заныл проныра, — но солонина есть и убоина. Хорошая убоинка, только варить долго. Свининка была, для госпожи готовил...

— Все у тебя найдется, — хохотнул Коурвилль, — а не найдется, тебя зажарим, на всех хватит. Не бойся, за постой заплатим.

— А все одно мясо жесткое, — нахмурился трактирщик. — Разве что вином полить, но дороже станется.

— Поливай! Лоуз, отберешь четверых солдат и останешься с Ее Высочеством, остальные — в большой зал. Монс! — Низенький капрал вытянулся в струнку. — Передай Бартону позаботиться о лошадях и глаз с ворот не спускать, а сам ступай в общий зал. Приглядишь. По кружке на брата — и хватит! Тебя это тоже касается.

— Да, господин капитан...

— Ваше Высочество, — Коурвилль учтиво поклонился, — я и сержант Лоуз разделим с вами вашу трапезу, а тенъент Бартон озаботится, чтоб нас никто не беспокоил.

— Только сядьте так, чтоб я вас не видела, — процедила Матильда, — иначе меня стошнит.

— Как вам угодно.

Главное, надоумить Дугласа и Лаци сбежать, а за себя она как-нибудь ответит.

— Ваш обед, сударыня. — Трактирщик водрузил на деревянную подставку фырчащую сковородку. Увесистую, с ручкой. Леворукий, дай ей силы не прибить Коурвилля на месте.

— Ваше Высочество, нам предстоит долгий путь. Вам следует подкрепиться.

— Смерть от истощения мне пока не грозит. Возвращаться они будут долго, уж об этом-то она позаботится. И еще о том, чтобы капитан Коурвилль проклял сюзерена, его бабку и день, когда появился на свет.

3

Обед, если эта подлость называлась обедом, тянулся и тянулся. За открытой дверью галдели солдаты — радовались, что вернутся с добычей, и лакали из своих кружек. Невидимый Коурвилль стучал ножом по тарелке, сержант пялился оловянными глазами и выпячивал грудь, Дуглас спокойно жевал кусок за куском, запивая мясо молоком, Лаци смотрел в угол. Будь доезжачий один, он получил бы или пулю, или свободу, но гица связала любовника не меньше, чем он ее.

— Ваше Высочество, — подал голос капитан, — я умоляю не видеть во мне врага. Я выполняю приказ Его Величества...

— Ну и выполняйте, — если не уймется, она за себя и сковородку не ручается, — только молча. Даже Люра перевязь не за болтовню получил.

Хорошо б тебя тоже напополам, холуй поганый! Лаци бы сумел, но только с коня. Какие у негодеев лошади? Вряд ли сплошь полумориски. И зачем только она вцепилась в Бочку, взяла бы серого, глядишь, и ускакали бы.

— Его Величество весьма опечален вашим отъездом, но он понимает, что к бегству вас вынудили обманом. Имеются неопровержимые улики против виконта Темплтона, тайно служившего Олларам. Обманом и угрозами он заставил графа Гонта совершить ряд недостойных поступков, а затем, боясь разоблачения, предпринял попытку...

— Закройте пасть! — Плохо Коурвилль ее знает, иначе б не оставил пистолеты на подоконнике.

— Ваше Высочество, позвольте дослушать. — Дуглас допил свое молоко и отодвинул пустую кружку. — Итак, попытку чего я предпринял?

Коурвилль не ответил, Лаци подкрутил усы и подмигнул выпучившему глаза сержанту, что-то омерзительно скрипнуло и завизжало, задребезжала посуда. Посудный шкаф исчез, на его месте зияла низкая, но широкая дыра, из которой тихо и ловко лезли люди с пистолетами. Один, два, три... Пятеро! Добрый дядюшка Франсуа все-таки был разбойником!..

4

Не они одни свалили дурака, Коурвилль тоже не понял ни кошки, а потом соображать стало поздно: гости умело взяли господина капитана и его мерзавцев на прицел. Капитан послушно замер, он не боялся, но поймать пулю в его планы не входило.

Из переднего зала донесся взрыв хохота — солдаты всюду радовались жизни. Визитеры переглянулись, крайний справа саданул ногой по стене, и из темноты возник кто-то рябой и бровастый, огляделся, кивком указал на дыру. Это было приглашением, и выбирать не приходилось.

Матильда медленно, чтоб не спугнуть окаменевших солдат, отодвинула сковородку и выбралась из-за стола. Лицо Коурвилля скривилось, словно в больной зуб попала вода. Так тебе и надо, псина поганая!

Ее Высочество как могла тихо шагнула за спину детины в коричневой куртке, на буфете отчаянно и призывно блеснули пистолеты. Один шаг, и они вновь с тобой... Один шаг, и ты заслонишь сержанта от пули, а он, того гляди, сорвется. Что ж, прощай, шадов подарок!

За стеной по-прежнему ржали и галдели, а «чистая зала» промерзла от ненависти, только сердце грохотало, как телега по булыжникам. Чернявый разбойник отступил в сторону, пропуская Дугласа, Лаци уже стоял у стены, из дыры тянуло сырой землей и гарью. Один шаг, еще один, теперь нащупать ногой ступеньку...

— Стой!

Сержант! Не выдержал, схватился за шпагу и свалился на скамью с ножом в горле.

Пляшущие в черные дула солдаты, неподвижное лицо Коурвилля, стихший шум в первом зале. Капитан ныряет вперед, опрокидывает стол, прячется за столешницей. В дверном проеме возникает усатая рожа, что-то орет и исчезает.

— Гица, — рука Ласло стискивает запястье, — бежим!

— Скорей, — велит бровастый, — за мной!

Согнуться в три погибели, шмыгнуть в лаз... Хорошо, она не в юбках! Рука тянется к пистолетам, но их нет и не будет; подворачивается нога, ничего, споткнуться на правую — замуж выйти... Какой низкий потолок, а Франсуа точно лис, ишь какие норы нарыл!

Глухо, как из погреба, грохнули выстрелы, хлопнула и заскрипела дверь.

— Засов, засов давай!

— Заело, раздери его в лохмотья!

— Есть!

— Доски толстые, пока высадят.

— Все одно, шевелись...

Теперь деваться некуда, теперь только с разбойниками. Земляной пол, горячее дыханье Лаци, серые столбы света из отдушин. Солдаты все еще лупят в дверь, хрипло рывкают мушкеты, с потолка на голову сыплется всякая дрянь.

— Разрубленный Змей!

— Эрвин, куда тебя?

— Плечо, чтоб его...

— Идти можешь?

— А куда я денусь...

Еще одна дверь, за ней — полутьма и сквозняк. У дощатой стены три лошади... Твою кавалерию, Бочка! Поганец недовольно фыркает, норовит лягнуть держащего его

разбойника.

— Открывай!..

День врывается в низкие ворота, бьет по глазам, из слепящего блеска вырастают морщинистый ствол, угол дома, подмерзшая дорожная колея...

— Тетку, тетку подсадите!

Дуглас перехватывает уздечку, Бочка прижимает уши, злится.

— В седло, гица. — Руки Лаци швыряют ее наверх, жеребец приседает на задние ноги, коротко, обиженно ржет.

— Заткнись! — Оседлали или не расседывали? Лаци и Дуглас уже верхом. Витязь вроде ничего, а Драгун ускачет не дальше Бочки.

— Готовы? — Рука жоака тянется к поводу.

— Я сама, — рычит Матильда. Проклятье, ну почему она не оставила пистолеты в ольстрах?!

— По улице и к роще! Мы догоним.

Дуглас вылетел из сарая первым, едва не сбив коневода в желтой шапке. Разномастные высокие кони молча рыли смерзшуюся землю.

— К роще, к роще гоните!

Дорога вьется меж черных пустых садов, уводит в поля и дальше, к синему перелеску. Копыта Бочки бьют вымороженную пыль, пахнет холодом и бедой, издевательски громко орет пестрый петух и исчезает вместе со своим забором.

Глава 10. НОВАЯ ЭПИНЭ **400 год К. С. 15-й день Зимних Скал**

1

Разбойники нагоняли и нагоняли стремительно, а следом неслись белые мундиры. Десятка три, не меньше. Очухались... Внизу и сбоку что-то вжикнуло... Бьют по лошадям, вот уроды! По лошадям...

— Вправо, тетка!..

Лаци рядом, Дуглас отстаёт на полкорпуса, то ли охраняет, то ли Драгун сдает.

— Вправо!!!

Матильда рванула повод, Бочка наподдал задом, бровастый главарь пронесся мимо и теперь скакал впереди — показывал дорогу. Пожелай разбойник уйти, только б его и видели, но удирать бровастый не собирался. Остальные как приклеенные шли за Темплтоном. Семь их или восемь? На скаку не сосчитать, но солдат десятка три, а Коурвилль... Эта скотина не отступится!

Разбойник на рыжем, словно собака, лохмаче обогнал Дугласа, понесся рядом с Матильдой. Сзади кричали, но все тонуло в свисте ветра, грохоте копыт, хриплом дыхании Бочки... Рысак — он для длинной дороги, длинной и спокойной. Галопом ему долго не скакать, упадет, и что потом? А может, Коурвилль первый навернется? Каменюку! Каменюку ему под копыта, яму, веревку, железяку!

С головы Темплтона снесло шляпу, швырнуло в морду несшейся следом лошади. Та шарахнулась, но всадник в седле удержался, что-то крикнул. И жоак что-то орет, все орут. Белая пыль топит тех, кто сзади, солнце бьет в глаза, иней, стерня, облака, барабанящая в виски кровь...

Хозяин рыжего натянул повод, не позволяя коню уйти вперед. Спасибо, конечно, но им не оторваться. Одна надежда на разбойников и на Леворукого.

— Все путем! — Врет разбойник, ветер сносит слова, словно дым. — Держись, тетка!

— Твою кавалерию! — Крик летит к Дугласу и дальше, к Коурвиллю и его мерзавцам. Сбоку, на пустом пастбище, что-то шарахается — то ли овца, то ли собака... «Все путем! —

надрывается ветер. — Путем, путем, тем-тем-тем...»

— Гица... Махнемся... Уходи... с тракта... конями махнемся...

— Спят! — Витязь может скакать, так пусть скачет...

— Уходи... К лесу...

— Все уйдем, — утешает разбойник, — держись!

Бочка весь в мыле и хрипит, только б не споткнулся. Споткнется, не встанет. Чужие кони рвутся вперед, разбойники не пускают, а солдаты сейчас в хвост вцепятся, и все из-за Бочки.

— Убирайтесь, — орет Матильда, — твою кавалерию! Мне... эти... ничего... не... сделают...

Растрепанная гребенка на горизонте стоит на месте, словно гвоздями к небу приколотили. Они скачут к лесу целую вечность, скачут и не доскачут.

— Погодь! — Караковый главаря оттесняет рыжего, идет рядом с Бочкой. Только б удержать повод!

— Лаци!.. Дуглас!.. Не ждите!

Бочка хрипит, но скачет, потому что друг, потому что коурвиллям не сдаются!

— Поднажми, — требует разбойник. — Не бойсь... Выскочим!

Главарь привстает на стременах, машет рукой.

— С дороги! — велит он. — Туда!

Он знает, что делает, должен знать!

Кони мчатся, вытянув шеи, выворачивают куски земли, серые комья летят в оскаленные морды, в лица тем, кто скачет сзади. Поле стелется под ноги облезлым плащом, сухая трава глушит топот. За полем — деревья, растрепанные, блестящие, под копытами — стерня... А в стерне полевки, суслики, норы... Провалился, и конец!

Коурвилль смекнул, рванул наперерез, отрезая беглецов от пляшущих деревьев. Солдаты уже не сзади, они сбоку. Белые мундиры растягиваются полумесяцем, охватывая добычу. Разбойники могут уйти: их лошади свежее, но главарь сдает вправо и назад, закрывая Бочку от преследователей, еще двое бросаются между Дугласом и погоней, всадник на рыжем стреляет. Промазал! Это только в песнях на скаку бьют без промаха, но она бы попала!

— Дай пистолет, — кричит Матильда бровастому, Коурвилль машет рукой, солдаты отвечают нестройным залпом. Мимо!

Витязь спотыкается, клюет носом, почти касаясь земли. Лаци не теряется, как сидел, так и сидит свечкой. Бочка из последних сил рвется за рыжим, белые мундиры несутся к упавшим, но Лаци уже подпернул коня вверх, белоногий выправился, несется дальше. Живы! Живы, твою кавалерию!

Бочка только что не кашлял, но упрямо колотил землю подковами, вот и говори после этого, что рысаки не могут скакать. Если повезет, если удастся вывернуться, придется вести в поводу, хотя какое там вывернуться!

Погоня настигала стремительно, вот солдаты перемахнули очередную лошину, вот Коурвилль поднял пистолет. Замыкавший скачку разбойник выпустил поводья, радостно заорали преследователи. Ну почему она без оружия?! Вот так и продают душу за единственный выстрел...

2

Главарь выхватил саблю, отстал, рыжий тоже завернул, но она не станет оглядываться, не станет и все! Не хватало, чтоб эта мразь мундирная заметила ее бессилие.

Рядом мчатся Лаци и парень с залитым кровью лицом. Солнечный луч вырвался из-за совсем уже близкого леса, саданул по глазам, серое стало алым, белое — огненным.

— Гица, — завопил Лаци, осаживая Витязя, — ой, гица!

Она оглянулась, руки сами дернули повод, Бочка, то ли хрюкнув, то ли простонав,

развернулся и, сделав несколько шагов, замер, тяжело поводя боками, но Матильда забыла даже о нем, потому что из серенькой лошадки, отсекая беглецов от погони, карьером неслась конница. Бровастый знал, где свернуть!

Времени для стрельбы не осталось, пару раз твякнули пистолеты, и всадники сшиблись. Нападавшие ударили по солдатам двумя клиньями, не давая Коурвиллю собрать своих в кулак, а бежать было некуда: с дальнего конца лошадки выскочило десятка два разбойников, умело отрезав белые мундиры от дороги.

— Ух ты, — не выдержал Лаци. — Прямо-таки Балинт под Качай.¹⁴

— Хотели пропустить и ударить в спину, — рука Дугласа искала отсутствующую шпагу, — да не вышло.

— Еще бы вышло, — просипела Матильда, хватая ртом пронизанный светом холод. — Нас за хвост держали, еще б немного...

Из ноздрей и ртов вылетал пар, но принцессе казалось, что ее варят заживо. Рубашка промокла насквозь, пот застилал глаза, и ни платка тебе, ни хотя бы шарфа. Ее Высочество, как могла, утерлась тыльной стороной руки, понимая, что это — котятки, но скоро будут и кошки.

— Ловко они. — Темплтон привстал в стременах. — Господин Коурвилль нарвался.

— Так и надо, — буркнула принцесса, не отрывая глаз от кровавой каши. Разномастные всадники разметали белых по полю, принуждая отбиваться поодиночке. Капитан гнал лису, а догнал волчью стаю...

— Хотел бы я знать, кто это и откуда они взялись? — Лицо Темплтона горело, рука то и дело хватала пустые ножны.

— Хорошо дерутся, — откликнулся Лаци.

Схватка кружилась пестрым водоворотом, рычала, хрипела, вспыхивала на клинках солнечными бликами, заливала серые травы кровью, выплевывала мертвых, сталкивала и разводила живых.

Все больше тел в мундирах валилось наземь, все больше противников доставалось уцелевшим, но, даже окажись разбойников вдвое меньше, песенка Коурвилля была бы спета. Вояки Альдо откровенно уступали непонятым конникам, про лошадей и говорить не приходилось, и дело было отнюдь не в долгой скачке.

Кто-то в испятнанном кровью мундире вырвался из смертельного клубка, понесся к дороге. Удиравший смотрел назад, а смерть выскочила сбоку, привстала в стременах, размахнулась...

Что-то грязно-белое метнулось меж лошадиных ног, исчезло, снова появилось. Одиноким всадник рискнул обойти разбойников, догрызавших сбившихся в кучу солдат. Взмывшая лошадь вынеслась прямо на Дугласа, развернулась, шарахнулась в сторону, к лесу. Беглеца заметили. Двое бросили загнанную добычу, пошли наперерез новой, взяли в клещи. Беглец выхватил из ольстры пистолет, повернулся к тому, что справа, и не успел. Левый прищпорил и без того летящую лошадь, полоснул по белой спине изогнутым клинком, стряхнул с сабли кровь, оглянулся в поисках новой добычи и не нашел.

— Все, — перевел дух Темплтон, — конец...

— Все, — эхом откликнулась Матильда. Она всегда знала, что сабли лучше палашей.

— Никто не ушел, — донесся издали голос Дугласа, — не стоит и пытаться...

— Не стоит, — откликнулся Лаци, — не будем.

Матильда промолчала — не было сил шевельнуть языком. Женщина осела в седле, тупо глядя на бродивших по стерне победителей. Разбойники переворачивали мертвых, обыскивали чужих, взваливали на лошадей своих... Из-за кучи трупов выбрался огромный пес, задрал голову к невидимой в солнечной пене луне, деловито взвыл. Проезжавший мимо

¹⁴ Местечко на стыке Алати и Агари, где во время Двадцатилетней войны Балинт Мекчеи перехватил и разбил агарийскую конницу, преследовавшую «обманный отряд». Бой у Качай считается началом всеобщего антиагарийского восстания, завершившегося распадом Уэрти и созданием независимого Алатского герцогства.

разбойник замахнулся плетью, собака поджала хвост и отскочила. Заржала, пытаясь подняться, гнедая лошадь, не поднялась, упала, замолотив по воздуху окровавленными ногами. Хлопнул выстрел, гнедая затихла...

Десяток всадников отделился от остальных и легким галопом пошел в сторону деревни. Пес бросил покойников и помчался вдогонку.

— Гица, давай повод. — Матильда поймала взгляд Лаци, кивнула, кое-как расцепив сведенные пальцы. Поганая дрожь расплзлась по рукам, спине, ногам, в голове звенело, а растекшиеся по полю разбойники колыхались и дрожали, словно были не людьми и лошадьми, а их отражениями.

Дуглас покачал головой, протянул флягу. Принцесса, ничего не соображая, глотнула, закашлялась, глотнула снова. Бочка дрожал, свесив голову меж разъезжающихся ног, на стерню падали хлопья пены. Одна загнанная кляча верхом на другой...

3

— Нам предстоит новое знакомство. — Темплтон кивком указал на разворачивавших коней разбойников. — Высокий на крапчатом наверняка главарь.

— Да хоть Леворукий, — огрызнулась Матильда, пытаясь унять дрожь в локтях и коленях. К вечеру разболются ноги и поясница, а утром она и вовсе превратится в корягу. Правду говорят, толстуха на коне — слезы не только для лошади...

— Сударыня, — хозяин крапчатого лихо вскинул руку к всклокоченной шевелюре, — Ивлин Грир, капитан второй роты полка господина Коннера, к вашим услугам.

— Какого полка? — тупо переспросила Матильда. — Прошу простить, я что-то не в порядке.

— Полковника Коннера, — спокойно повторил капитан. — К вечеру вы его увидите.

— Мы ваши пленники? — устало уточнил Дуглас.

— Вас искали тараканыши, — пояснил Грир, — значит, вы поедете к Коннеру, а дальше ему решать.

— Нет, — выдохнула Матильда, — ни к какому генералу я не поеду, а сдохну. Тут. Вместе с Бочкой...

— Бочка — рысак госпожи, — пояснил Темплтон. — Сами видите, что с ним. Да и мой немногим лучше.

— У нас есть запасные кони, — утешил главарь, — а до Ланнэ не так уж и далеко.

— Бочку не брошу, — принцесса зло уставилась в жизнерадостную обветренную рожу, — не для того его вела, чтобы бросить...

— Оно так, — подал голос рябой разбойник, — лучше бабу бросить, чем коня.

— Как на тебя, — заржал кто-то с разными глазами, — так точно лучше!

— Поведем в поводу, — решил капитан, — и вашего, сударь, тоже. Колен, веди запасных, Жабку возьми, он помирнее будет. Сударыня, вам помочь?

— Гица, — Лаци уже стоял на земле, — слезай.

Матильда слезла и даже не грохнулась, хотя земля и встала дыбом не хуже Бочки. Освободившийся от тяжести рысак не шевельнулся, остался стоять, свесив голову и тяжело поводья боками, по бабкам задних ног струилась кровь...

— Я его повожу, — предложил разбойник, предпочитавший бабам лошадей. — Рысак на галопе — горе горькое...

— Некогда водить, — покачал головой капитан, — в Шамонэ отряд видели, говорят, побольше этого, не упускать же! Закатные твари, да он шагу сделать не может... Сударыня, мне очень жаль, но вашего коня придется оставить. Разумеется, на время.

На время... Как же! Станут они с перекормленным рысаком возиться. Пристрелят и скажут, что так и было. Рука принцессы рванулась за пистолетами и не нашла ничего, кроме мокрой рубашки.

— Коня не брошу. — Матильда придвинулась поближе к взмыленному боку. — Знаю я

вас...

Бочка тоскливо вздохнул и опустил голову еще ниже. Ее Высочество торопливо оглядела разбитые ноги — рысак на галопе изранил сам себя, к счастью, несерьезно.

— Погодь. — Сердобольный разбойник уже стоял рядом. — Парни, не перцовая есть у кого?

— Держи, — курносый крепыш вытащил из сумки флягу, — медовка... Отдашь при случае.

— Хозяйка отдаст. — Рябой умело просунул флягу меж лошадиных зубов. Жеребчик и раньше не отказывался от винного жмыха и яблочной бражки, но до касеры дело не доходило. Теперь дошло.

Смертельно уставший Бочка не стал трясти головой и отфыркиваться, а плотно сжал губы. Попав под язык, касера подействовала мгновенно, глаза жеребчика съехались в кучу, но дрожь в ногах прошла, а уши встали торчком. Милое создание задрало верхнюю губу и весело захрюкало, выражая полное удовлетворение жизнью и готовность к дальнейшим подвигам. Ни в Эпинэ, ни в целом Талиге не было в этот миг лошади здоровее, резвее и жизнерадостнее.

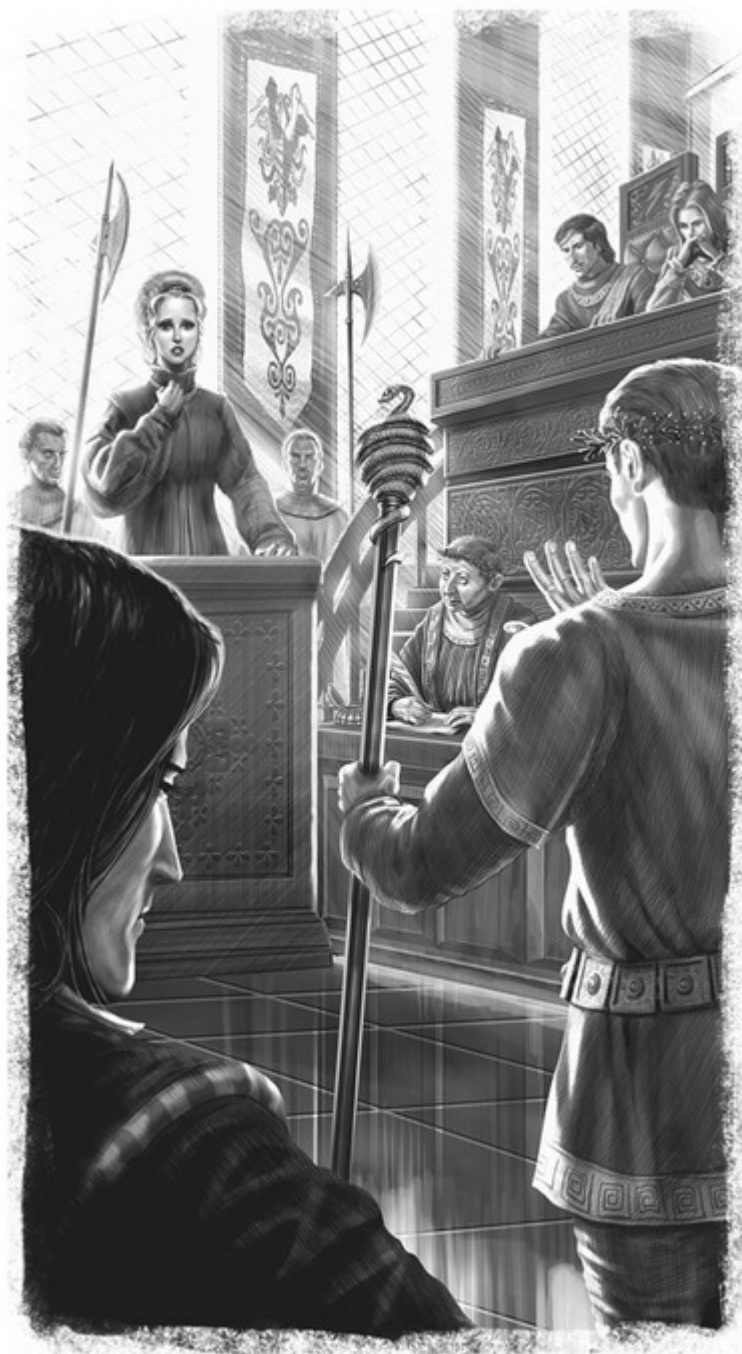
— Твою кавалерию, — не выдержала Матильда, держась за плечо Лаци, — все выдул, поганец! А мы, выходит, подыхай?!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ «ПОВЕШЕННЫЙ»¹⁵

Говорить всего труднее как раз тогда, когда стыдно молчать.

Франсуа де Ларошфуко

¹⁵ Высший аркан Таро «Повешенный» (**Le Pendu**). Карта говорит о необходимости самопожертвования во имя достижения цели. Возможно, надо отрешиться от мирских ценностей, пренебречь материальной выгодой. Иногда карта указывает на то, что следует посмотреть на существующие проблемы под другим углом зрения. Указывает на необходимость понимания того, что жизнь не ограничивается одной лишь материальной стороной. См. примечание к «От войны до войны», часть 3.

Глава 1. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)
400 год К. С. Вечер 15-го дня Зимних Скал

1

Уже привычно сомкнулись двери, отделяя Высокий Совет от остального мира. Мевен замер лицом к порогу и спиной к Его Величеству, а заменивший Дэвида Рокслея Лаптон встал у королевского кресла. Робер покосился на его предшественника: граф глядел в пол, серое траурное платье казалось погребальным саваном. Карваль опасался за рассудок последнего из Рокслеев, и Робер эти опасения разделял — Дэвид ускользал от жизни, словно уходя в серую пустоту.

Важно пробили новенькие часы, повернулся украшенный созвездиями циферблат, Полуденного Спрута в облицованной золотыми пластинами башне сменили Закатные Кони. Наступил вечер, вцепился в сердце красными когтями, требуя вспомнить. Повелитель

Молний был бы и рад, но лихорадка вымела голову и душу подчистую, оставив лишь тени.

Часы отзвонили, Мевен и Лаптон, согласно уставу, поспешно сменили плащи, теперь они были в алом. Лиловый атлас лег на ковер вечерними тенями. Его Величество поднял руку, сверкнули камни четырех колец. Неужели этот человек мог продать фамильный янтарь, чтобы сводить друга в таверну? Неужели у него были друзья?

— Эории Кэртианы, — королевский взгляд скользнул по разноцветным скамьям и остановился на сверкающем Звере, — мы, Альдо Первый, объявляем Высокий Совет открытым. У нас мало времени и много дел, но сначала сплетем боль с радостью.

Дом Скал понес тяжелую утрату. Смерть унесла Джеймса Рокслея и Арчибальда Берхайма. Оба были истинными эориями и Людьми Чести, да будет им покойно в Рассвете. Орстон!

— Мэраторн! — прошуршали эории, но Дэвид даже губами не шевельнул.

— Мэраторн, — наклонил голову сюзерен. — Но жизнь продолжается. По извечному закону ушедшим, не оставившим сыновей, наследуют братья и сыновья братьев. Брат Джеймса Рокслея Дэвид и племянник Арчибальда Берхайма Мариус здесь. Может ли кто перед лицом государя и Создателя оспорить их права?

Берхайм вскочил и замер, словно копье проглотил, Дэвид тоже поднялся, теперь он глядел в стену. Громко стучали часы — воистину нет ничего равнодушнее времени. Альдо повернулся к скамье Скал, звякнули, напомнив о Багерлее, королевские цепи.

— Дэвид, брат Джеймса, Мариус, сын Герберта, будете ли вы нам верны?

— Именем Создателя и во имя Его, — глаза Берхайма верноподданно пожирали сюзерена, — клянусь Честью верно служить Вашему Величеству.

— Граф Рокслей?

Дэвид вздрогнул, словно ему за ворот кинули ледышку. Глупое сравнение, глупая церемония...

— Я умру за Талигойю и короля, — голос новоиспеченного графа был удивленным и каким-то пыльным, — ... клянусь.

— Граф Рокслей, граф Берхайм, займите свои места на Скамье Скал. Мы верим вам, но доверие государя не бесконечно. — Ноздри Альдо раздувались, но говорил он спокойно. — Не прошло и двух месяцев, как мы назвали Удо Борна графом Гонтом.

Увы, Удо предал и свою честь, и свою кровь. Из уважения к прежним заслугам и в память его братьев, погибших за дело Раканов, мы оставляем изменнику жизнь, ограничившись вечным изгнанием. Мы полагали, что титул графа Гонта должен перейти Конраду Борну, но Бонавентур Гонт представил убедительные доказательства того, что его ветвь старше ветви Борнов. Есть ли кто, готовый оспорить его право?

— Есть, — Ричард Окделл поднял руку, словно унар, — есть!

— Слово хозяину Круга.

— Мой государь, — от волнения цивилиный комендант покраснелся, — прямыми потомками Рутгерта Гонта являются графы Штанцлер. Эр Август... Граф Штанцлер имеет огромные заслуги перед Людьми Чести... Я как глава Дома Скал ручаюсь за его верность.

Вот только Штанцлера с его отравой здесь и не хватает, хотя агарисские мерзавцы не лучше. Разве что мельче.

— Что скажет Повелитель Волн? — Пусть что хочет, то и говорит, но Повелитель Молний скажет «Нет!». Эпинэ и Штанцлер одним воздухом дышать не станут.

Валентин Придд неторопливо поднялся, Робер не видел Спрута с Доры, там он казался человеком, на Высокий Совет явился серый истукан.

— Я не готов обсуждать лояльность человека, много лет бывшего кансильером при дворе Олларов и сохранившего свою должность после двух восстаний. — Светлые глаза смотрели прямо и равнодушно. — Исходя же из нынешнего местонахождения господина Штанцлера, я полагаю, что к нему имеется ряд серьезных претензий. Для члена Высокого Совета это нежелательно.

Что до притязаний Штанцлеров на титул графов Гонт, то, если они и впрямь потомки

Рутгерта, у них больше прав, чем у наследников его кузена по женской линии, сбежавшего в Агарис.

— Гонты принадлежат к Дому Волн, — напомнил Альдо, — и долг Повелителя сказать «да» или «нет».

— Нет, — скучным голосом произнес Спрут. — По крайней мере, пока мой государь и задержавший бывшего канцильера Повелитель Молний не признают графа Штанцлера достойным доверия.

— Справедливо, — согласился Альдо. — Герцог Эпинэ, мы вас слушаем?

— Ничего не могу сказать про кровь, — будь Август хоть Раканом, хоть Олларом, он не перестанет быть подлецом, — но самому Штанцлеру я не верю. Должен ли я объяснить почему?

— Это очевидно, — нахмурился сюзерен. — Оклеветать Повелителей Молний и послать на верную гибель Повелителя Скал недостойно человека Чести. К тому же представленные дедом Штанцлера свидетельства вызывают серьезные сомнения в их подлинности, однако мы проверим их еще раз. Пока же титул графа Гонта остается свободным, а его голос на Высоком Совете передается главе Дома Волн. Герцог Придд?

Спрут равнодушно поклонился:

— Клянусь Честью использовать свои полномочия во благо моего государя.

2

Судьба Штанцлера была решена. Обиды Эпинэ и лизоблюдство Придда перевесили заступничество Скал. Ричард глубоко вздохнул и попытался успокоиться. Вмешиваться не следовало, это юноша понимал с самого начала, но не сдержался, оказав эру Августу дурную услугу. Альдо прилюдно согласился с Иноходцем и Спрутом, сказавшим «нет» только потому, что Окделл сказал «да». Добиться другого ответа будет трудно — сюзерен имеет обыкновение решать раз и навсегда, но отступить Дикон не мог. Не только ради Штанцлера, но и в память Морена, просившего за больного старика за полчаса до гибели.

Память о Доре заставила вздрогнуть и сжать резные подлокотники. Пережитый ужас не отпускал, как не отпускает провалившуюся овцу болото, но Окделл не овца! Дикон сжал зубы, заставляя себя слушать сюзерена, хотя и так знал, кто будет командовать гвардией. Мартин Тристрем. Юноша не отказался бы поменяться с ним должностями, но уйти с поста гражданского коменданта — значит признать свое поражение и подвести Альдо и Робера. Лишь поймав мерзавца, покушавшегося на Иноходца и убившего Удо, можно говорить о смене должности, а ключ ко всему — Суза-Муза с его пронырливостью. Это кто-то из обитателей дворца, входящий во все апартаменты и так или иначе связанный с Лаик. Придворный? Гимнет? Слуга? Кем бы он ни был, он — враг Раканов, для отвода глаз примкнувший к победителям. Приспешник Колинъяров? Если первым Сузой-Музой был Эстебан, так оно и есть...

— Гвардия умрет за своего государя. — Мартин Тристрем поднялся с колен, сверкая четырехцветной перевязью.

Сюзерен усмехнулся:

— Гвардия должна не умирать, а побеждать. Пусть умирают наши враги.

— Так и будет! — выкрикнул молодой Берхайм.

— Мэратон! — Голос сюзерена зазвенел, и Ричард понял: сейчас Альдо перейдет к главному.

— Эории Талигойи, — сюзерен еще ничего не сказал, но комната словно бы выстыла, — завтра в полдень в Гальтарском дворце начнется суд над герцогом Алва. Суд продлится три дня, а затем вам предстоит решить, виновен ли подсудимый.

Мы не можем вручить судьбу одного из высших эориев ординарам и чиновникам, и мы не вправе закрыть глаза на его преступления. То, что совершил Удо Борн, касалось лишь нас, и мы помиловали преступника. Рокэ Алва принес неисчислимые бедствия всем Золотым

землям, он должен понести наказание.

Отныне вы — члены Высокого Суда. Пока длится процесс, вы не должны обсуждать происходящее друг с другом и вмешиваться в ход суда, но вы можете требовать в перерывах разъяснений у наших доверенных юристов. Когда все обстоятельства будут прояснены, вы в этом зале и в нашем присутствии скажете свое слово. Мы надеемся на вашу справедливость.

Герцог Окделл, герцог Эпинэ, герцог Придд, граф Карлион, мы знаем, что герцог Алва виновен в гибели ваших близких, но жажда мести не должна застилать вам глаза. Помните, вы судите зория, а нас слишком мало, чтобы мстить себе подобным. Мы не унизимся до мести, мы возвысимся до справедливости. Вы меня поняли?

— Дом Скал будет справедлив, — отрезал Ричард за себя и своих вассалов. Ворон не младенец, виновный лишь в том, что родился не в той семье. Справедливость требует, чтоб он ответил за все, исповедь Эрнани лишь ускорила развязку.

— Дом Волн исполнит свой долг. — Для Спрута суд просто докучливая обязанность. Знай он про Эктора, равнодушия на бледной физиономии поубавилось бы, но эта тайна должна умереть.

— Дом Молнии будет справедлив, — дернул исхудавшей щекой Робер. Святой Алан, он же совсем болен, а еще в Надор собрался! Ничего, раньше приговора не уедет. За три дня лихорадка пройдет, а нет — придется сказать сюзерену. Иноходец может злиться сколько угодно, но в таком виде он никуда не поедет...

— Мы верим своим вассалам и друзьям. — Альдо поправил королевскую цепь и улыбнулся. — Что ж, осталось лишь назвать гуэциев,¹⁶ обвинителя и защитника. Ведение заседаний мы поручаем старейшине Совета провинций, помогать ему будет супрем. Обвинение представляет граф Феншо, защиту — мэтр Инголс.

Граф Феншо... Дядя Оскара... Сможет ли он сохранить беспристрастность и что станут говорить? Желаящие увидеть в правосудии месть найдутся всегда.

Одинокaя рука взмыла вверх.

— Герцог Придд, — сюзерен удивленно поднял брови, — мы вас слушаем. Говорите.

Траурная фигура поднялась над лиловой скамьей. Как много здесь серого — Придд, Рокслей, Эпинэ... Почему он надел траур лишь сейчас?

— Славлю моего государя! — Спрут обернулся к Ричарду и слегка поклонился. — Герцог Окделл знает о прискорбном случае с генералом Феншо больше моего, но разумно ли доверять обвинение близкому родственнику человека, расстрелянного по приказу обвиняемого? Недоброжелатели распускают слухи о личных счетах. Вчера в городе появились очередные вирши графа Медузы, они имеют успех среди черни.

— Придд прав, — кивнул Эпинэ и закашлялся, — говорить станут...

— Говорить станут в любом случае, — устало произнес Альдо, — но отыскать в Талигойе достойного и родовитого законника, который не потерял бы по милости Алвы родича или друга, возможным не представляется. Граф Феншо поклялся Честью следовать закону и только закону, мы не имеем оснований усомниться в его словах.

— Я не вижу повода отзываться графа Феншо, — выпалил Ричард, — если, разумеется, герцог Придд ничего не скрывает.

— Могу я уточнить, что означает «ничего»? — Ледяной взгляд и ледяная ухмылка, кэналлийские работорговцы и то приятней. — О персоне графа Феншо, прослужившего под началом моего отца более шести лет, я знаю весьма немного, я не интересовался судопроизводством. Поклясться же в том, что у меня нет тайн от герцога Окделла, не могу, они есть. Подозреваю, что это взаимно, но позволю себе вернуться к обвинению.

Прокурорскую мантию мог бы надеть вассал Рокслеев. Первой жертвой в этом семействе, насколько мне известно, стал павший от рук знаменитого Давенпорта маршал

¹⁶ Гуэций — лицо, председательствующее на судебном заседании, но не являющееся при этом выносящим приговор судьей.

Генри, что исключает обвинения в личной предвзятости.

Негодяй, какой же все-таки негодяй! На Дэвида страшно смотреть, а Спрут тычет ему в лицо смертью родичей и тем, что при узурпаторах Рокслей не пострадали.

— Герцог Придд во многом прав. — Неужели сюзерен еще не понял, что такое Спрут?! — Но у Мэнселла нет времени для ознакомления с делом. По городу ползут слухи, касающиеся пребывания герцога Алва в Хёксберг, их следует опровергнуть. Посольская палата уже оповещена.

— Феншо не нарушают клятв, — не сдержался Дик, — я бы гордился такими ординарами.

— Значит ли это, что Давенпортами вы не гордитесь? — Спрут поправил манжет на правой руке. Это могло быть случайностью, а могло намекать на пропущенный удар.

— Герцог Придд, — повысил голос Альдо, — герцог Окделл, напоминаем вам об эдикте. Мевен, мы ждем старейшину Совета провинций.

3

Похожий на сыча чиновник развязал кожаный мешок, выложил на конторку несколько свитков и отступил в сторону, склонив голову к правому плечу. Кракл с высоты своего роста покосился на подчиненного, проглядел подготовленные бумаги, поменял местами вторую и пятую и поклонился.

— Мой государь, я готов.

— Мы слушаем, — лицо сюзерена было внимательным, — но только самую суть.

— Мой государь, — возвестил косой барон, — господа, дело, которое я и граф Феншо имели честь изучить во всех подробностях, смело можно назвать выдающимся. Тем не менее оно не является уникальным: мы разобрали более четырех десятков приговоров, вынесенных в пору становления Золотой Империи, и отобрали восемь, имеющих несомненное сходство с делом Рокэ Алвы.

Во всех восьми случаях в присутствии Эрнани Святого, Эсперадора или же глав орденов суд эориев выносил обвинительный приговор. В шести случаях обвиняемые были казнены на пятый день со дня вынесения приговора. Лентул Лициний был прощен Эрнани Святым и выслан в южные провинции без права возвращения в Кабитэлу. Был помилован и Силан Кулла, за которого поручился святой Адриан. Раскаявшийся преступник принял эсператизм и вступил в орден Знания под именем Валерия.

Альдо поморщился, словно вгрызся в незрелый лимон:

— Часто ли магнусы вмешивались в правосудие Эрнани Святого?

— Шесть раз. — Кракл не колебался, видать, и в самом деле одолел старые фолианты, но лучше б косая скотина наслаждалась Рассветом и пением Дейерса.

— Выходит, пять раз император ответил клирикам «нет»? — оживился Альдо, без сомнений, думая о Левии.

— Да, государь, — подтвердил будущий гуэций. — Хочет ли Его Величество услышать о прецедентах подробнее?

— Того, что вы сказали, довольно, — остановил длинного барона Альдо. — Талигойские эории решат судьбу обвиняемого так же, как их предки решали судьбы заговорщиков и предателей, но обвинения должны быть доказаны. Глава Высокого Дома имеет право на справедливый и беспристрастный суд, запомните это.

Герцог Придд, герцог Окделл, герцог Эпинэ, мы уже говорили это и повторяем еще раз. Забудьте о ваших потерях и оцените собранные бароном Краклом и графом Феншо улики, как если бы речь шла о незнакомом вам человеке. Барон Кракл, если мы не ошибаемся, герцогу Алва вменяются и те преступления, которые в Золотой Империи были невозможны?

— Да, Ваше Величество, — оживился косой судия.¹⁷ — Можно считать доказанным,

¹⁷ «Косой судия» — талигойский аналог земного «судья неправедный».

что...

— Об этом мы услышим завтра. Герцог Окделл, вы хотите что-то сказать?

— Да. — Ричард был бледней Придда. — Какой... Как проводилась казнь?

— По кодексу Доминика, — с достоинством произнес Кракл, — осужденным предоставляли выбор между ядом и мечом.

— Спасибо. — Дикон выглядел как-то странно. — А... А были другие кодексы?

Мальчишка понял, что ему предстоит осудить человека, который его отпустил. Подсыпать яд и получить свободу, коня и золото, а потом угодить в судьи... Это страшней, чем получить ненужную тебе жизнь, много страшней и безнадежней.

— Кракл, — в голосе Альдо звучало раздражение, — отвечайте на вопрос герцога Окделла.

— Мой государь, — лицо барона вытянулось, глаза лихорадочно завращались в разные стороны, — гальтарские законы многочисленны, противоречивы, несовершенны и основаны на древних суевериях. С тех пор юриспруденция продвинулась далеко вперед, первым шагом стал кодекс Доминика... Но я... Я предполагал, что возникнут некоторые вопросы, и осмелился привести с собой знатока древнего права. Если будет угодно Его Величеству, он готов к ответу.

— Это, по меньшей мере, любопытно. — Альдо с неподдельным интересом оглядел круглого чиновника. — Как ваше имя?

— Третий советник супрема Фанч-Джаррик к услугам Вашего Величества.

— Вы можете ответить на вопрос Хозяина Круга?

— Я занимаюсь имущественным правом и правом наследования, — важно произнес бумажный сыч, — однако я изучал кодексы Анэсти Справедливого и Эодани, а также комментарии к оным и кодекс Доминика, принятый в одиннадцатом году Круга Волн и действовавший до триста девяносто восьмого года.

— Прекрасно, — кивнул Альдо. — Вы дворянин?

— Я принадлежу к старинной надорской семье, — сообщил чиновник. — До прихода Олларов Фанч-Джаррики из Фанч-Стаута числились вассалами Давенпортов, в свою очередь бывших вассалами Рокслеев, являвшихся кровными вассалами Дома Скал.

— Ричард Окделл, — распорядился Его Величество, — мы обязываем вас как главу Дома взять господина Фанч-Джаррика под свое особое покровительство, а теперь просим всех, кроме герцога Окделла и герцога Эпинэ, нас оставить.

Завтра нас ждет тяжелый день, мы должны явиться в Гальтарский дворец со свежей головой и открытым сердцем. Барон Кракл, Фанч-Джаррик, подождите в приемной. Возможно, вы нам понадобится еще сегодня.

Глава 2. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)

400 год К. С. Ночь с 15-го на 16-й день Зимних Скал

1

— Слава истинным богам, на сегодня — все! — Сюзерен с наслаждением развалился в кресле. — Есть хотите?

— После ужина в сон клонит. — Робер зацепился рукой о подлокотник и поморщился, рана не хотела заживать; а Эпинэ — лечиться. — Хочу проехаться к Багерлее и оттуда — к Ружскому, тьфу ты, к Гальтарскому дворцу.

— Смотри, чтоб твой ужин завтраком не оказался, — предупредил Альдо, — но проверить нужно, хватит с меня уличных сюрпризов.

— Я тоже поеду, — твердо сказал Дикон. Трястись темными, холодными улицами не

хотелось, но мало ли чего не хочется, долг есть долг.

— Мы справимся, — улыбнулся Эпинэ. — Ночью горожане спят, а мародеры по нашей части.

— Робер дело говорит, — подтвердил и сюзерен, — а мне компания нужна, иначе взбешусь.

— Я остаюсь, — быстро сказал Дик.

— Тогда я пошел. — Эпинэ прикрыл глаза ладонями, неприятно напомнив Ворона. — Будем надеяться, обойдется.

— Ты о чем? — Альдо непонимающе уставился на своего маршала и внезапно расхохотался. — А, понял! Не бойся, мы не куры, никакой Жаймиоль нас на вертел не насадит.

— Как Мэлли... ца?

— Мелания ждет Матильду. — Сюзерен зевнул и замотал головой. — Я, кстати, тоже. Что-то бабка загуляла, пора б и вернуться. Ужинать ты не хочешь, а выпить?

— После суда, — пообещал Робер. — И не просто выпью, а напьюсь. Сейчас не до того.

— Тогда проваливай, — велел Альдо, — а то стоишь, как укор совести и пример воздержания.

— Удаchi. — Эпинэ напоследок погладил запястье и быстро вышел, едва не зацепив плечом дверной косяк. Ехать Иноходцу не хотелось, но его долг — проверить улицы, а долг Дика — рассказать про Ринальди. На Карваля, каким бы неприятным он ни был, можно положиться, а переговорить с Альдо необходимо. Причем без свидетелей.

— Рановато эр маршал встал, — буркнул Альдо, — ему бы лежать и лежать. А что делать, если вокруг урод на уроде?

— Вернуть? — вскочил Ричард. — Я сам поеду!

— Сядь, — велел Альдо. — За Робером есть кому приглядывать. Мне б таких вассалов!

— Надор верен Вашему Величеству. — Сердце Ричарда протестующе заколотилось. — Я... Я готов за тебя умереть!

— Я знаю. — Лицо Альдо стало грустным. — И ты, и Робер, но у Робера две тысячи солдат и офицеров, которые думают не о себе, а о нем. Ты можешь таким похвастаться? Я нет! Нам приходится платить за верность или деньгами, или должностями, или обещаниями.

— Нокс не хуже Карваля, — не очень уверенно произнес Ричард, — то есть он мне предан. И Джереми...

— Если Джереми тебе предан, то он мертв, — вздохнул сюзерен. — Нокс... Он за тебя еще не умирал. Нет, твои северяне — отменные воины, я ими доволен, но себя ради нас они не забудут. Помни об этом.

— Люра перешел на твою сторону не за деньги, — напомнил Ричард. Альдо не ответил, прошелся по опустевшему залу, увязая в золотистом ковре, постоял у хмуро тикающих часов, выдвинул и задвинул ящик бюро.

— Истинные боги, — рука короля сжалась в кулак, — мне сейчас понадобится вся верность, которую можно наскрести. Думаешь, Робер зря осторожничает? Он простодушен, но не глух и, к счастью, не слеп. Алву не только ненавидят, но и любят, его могут отбить... Разумеется, не в первый день, но ухо лучше держать востро.

— Ужин для Его Величества сервирован в Малой столовой, — возвестил с порога слуга.

— Хорошо, — бросил Альдо, — через полчаса подавайте.

Лакей исчез, сюзерен царапнул мизинцем переносицу и нахмурился:

— Ты ведь чего-то хотел, у тебя на лбу написано. А ну, рассказывай!

— Хотел. — Если не знаешь, с чего начинать, начинай с самого простого. — Эр Август — честный человек, он достоин титула больше агарисса. Я знаю, Робер его не любит, но Штанцлер всю жизнь служил Великой Талигойе. Я ручаюсь за него.

— И зря. Тут я с Эпинэ на одном берегу. — Альдо поднялся с кресла и потянулся. —

Закатные твари, какой же я голодный! Дикон, твой распрекрасный дриксенский гусь думает только о себе. На Талигойю ему плевать, на друзей и короля тем более, потому он и выжил. В эории ему захотелось! Шляпнику...

— А он шляпник? — растерянно переспросил Ричард. — Это точно?

— Завещание Гонта, где он благословляет своего сына Оскара, подлинное. Якобы исповедь слуги, вывезшего младенца в Дриксен, — брехня, хоть и ловко слепленная. Бумага старая, слова в порядке, но письму и полусотни лет не наберется. Я завещание Бланш вдоль и поперек знаю, королева писала лучшими чернилами, а они выцвели и позеленели. Ты веришь, что у простолюдина в Эзелхард письменные принадлежности были лучше?

— Нет, — вздохнул Ричард, — но... эр Август мог не знать, что его отец или дед...

— Штанцлер не эр, — отрезал Альдо, — а потомок проходимцев и сам проходимец. Говоря по чести, твоего приятеля за все его подвиги следует вздернуть, и я бы это сделал, но эориям полезно посмотреть, как самозванец полезет на террасу Мечей. Августу предстоит путь в Гальтару, а пока пусть думает, что его в Багерлее Эпинэ держит... И, Дикон, что на тебя накатило? Я понимаю твои чувства, но расспрашивать о казни до суда неприлично.

— Я боялся, что Ворон, — юноша почувствовал, что задыхается, — если его осудят, как Ринальди, он должен драться со всеми по очереди, а он... Ты не знаешь, как он фехтует, это... Все равно, что с Леворуким драться...

— Про таланты Алвы наслышан, — лицо сюзерена оставалось хмурым, но он больше не злился, — только пустить их в ход Ворону не удастся. Ты же слышал, что сказал законник. Преступник выбирает между ядом и мечом. Полагаю, Алва предпочтет меч.

— Ринальди должен был драться. — Если б речь шла только о нем, Дикон бы не спорил. — Наверное, выбрать меч — значит принять бой.

— Ринальди был Раканом, — объяснил сюзерен, — а Раканы выше эориев настолько же, насколько эории выше ординаров. Обвиняя и осуждая Ракана, эории становятся преступниками в глазах истинных богов, а преступление смывается кровью. Это же очевидно!

— Да. — Дикон почувствовал, как с его души валится холодный серый камень. Да что там камень, целый надорский утес. — Ринальди должен был драться не с Эридани, а с Лорио и остальными...

— Стой, — вдруг велел Альдо, хватаясь за шнур, — мы не о том говорим.

— Мой государь? — Светловолосый гимнет в закатном плаще напоминал Леворукого. Не хватало только ухмылки и кошки на плече.

— Кракл и этот, второй, здесь? Пусть войдут.

— Повиновение государю.

Альдо отбросил со лба волосы и недовольно поморщился:

— С анаксами не дерутся, Дикон, но я не собираюсь гнать на убой своих вассалов.

— Мой государь? — Длинный, худой Кракл и низенький, не то чтобы толстый, но какой-то круглый Джаррик вдвоем являли собой забавное зрелище, только Дику было не до смеха.

— Мы желаем знать, — сюзерен успел стать лицом к окну, — что означает выбор между мечом и ядом.

— Осужденный мог выбрать способ казни. — Кракл отвечал уверенно, так говорят лишь те, кто знает.

— Хорошо, — руки Альдо были сцеплены за спиной, — что значит «выбрать меч»?

— Это считалось более почетным, — барон явно не понимал, о чем идет речь, — эорий в присутствии свидетелей бросался на собственный меч.

— А если он не выбирал ничего? — продолжал расспрашивать Альдо. — Мы не желаем неожиданностей.

— Такое было только раз, — Кракл сосредоточенно свел брови, — только раз...

— Сициний Батиат в 15-м году Круга Волн, — подсказал Фанч-Джаррик. — Он испугался, и Манлий Ферра довел казнь до конца. Тогда же в кодекс Доминика вписали, что

эорий, отказавшийся от права на смерть от собственной руки, умирает от чужой. В некотором смысле это стало возвращением к более ранним законам, когда род смерти соотносился с Домом, из которого вышел обвиняемый. Преступники из Дома Волн подлежали отравлению, преступников из Дома Ветра пронзали стрелами, вассалов Молний казнили мечом, а Скал — копьем.

— Иными словами, во время действия кодекса обмануть правосудие пытался только Батиат?

— Во время царствования Эрнани Святого, — торопливо уточнил Кракл. — Но позже преступников все чаще казнили сначала гиметы, а потом — палачи. Последним, пожелавшим умереть от собственной руки, был... был...

— Альбин Гариани, осужденный в 202-м году Круга Волн, — не ударил в грязь лицом чиновник. — Казнь пришлось отменить до решения Эсператора, так как конклав к тому времени объявил самоубийство грехом.

Альдо резко развернулся:

— Если герцога Алва приговорят к смерти, — глаза государя недобро сверкнули, — он сможет выбрать между ядом и мечом, если он откажется от своего права, то умрет как Повелитель Ветра. Мы сказали, а вы слышали.

2

— Дитя мое, вы прелестны. — Женщина в сером платье расправила золотые оборки и улыбнулась. Она была добра, красива и недавно потеряла мужа, но имя ее Мэллит не помнила.

— Благодарю, — начала гоганни и замолчала, потому что во дворце она была Мэллицей Сакаци. Даже не Мэллицей, а Меланией, воспитанницей самой Царственной. Так хочет любимый, и ничтожная не огорчит его.

Девушка не знала, что случилось, но ее сердце не было камнем, а глаза — стеклом. Она чувствовала беду и читала страх на чужих лицах. Боялись все, кроме Первородного, и это было плохо, потому что наступала последняя ночь. До полуночи Первородный еще может взять в руки огонь и остановить реку, потом станет поздно.

Мэллит умоляла, она стояла на коленях, заклиная любимого ночами Луны и его кровью, а он смеялся и не верил. Брат достославного из достославных преступил закон, и рука Судеб его покарала, но любимый не верил и в это. Гордый и справедливый, он решил, что правнуки Кабиоховы задумали обман, и отвернулся от них, но молот Судеб бьет наверняка — к утру город внуков Кабиоховых будет мертв, и только Луна оплачет ушедших.

— Золотистые топазы просто созданы для ваших глаз...

— У Его Величества безупречный вкус...

— Но платье должно быть зеленым.

— Лучше желтым. Моя дочь в желтом и розовом выглядела чудесно, — вздохнула помощница Царственной. — Когда Одри Лаптон, а он двоюродный брат графа Рокслея по матери, увидел ее, он погиб...

— Погиб? — переспросила Мэллит. — Погиб?!

Она оденет золотые, как горный мед, камни, ведь их прислал любимый. Если им суждено уйти в лунную бездну из разных мест, пусть на ней будут ценности, которых касались дорогие руки.

— Создатель, — толстая женщина трясла головой, и ее серьги качались, — я забыла, что вы приехали из Алати. Одри Лаптон влюбился в Джинни с первого взгляда и попросил ее руки. Разумеется, мы с моим супругом сказали «да». Лаптон — хорошая партия даже для Мэтьюсов, хотя Джинни могла бы рассчитывать и на большее. Ее красота достойна сосновых ветвей и золотистых топазов... Да что я говорю, она достойна сапфиров, это признавали все, но Одри отказа не пережил бы!

Счастливый Одри, он полюбил и услышал, что он любим. Наши души — зеркала, перед

которыми потомки Кабиоховы зажигают по свече. В одном зеркале — лишь один огонек, но когда зеркала глянут друг на друга, ляжет звездная дорога от встречи до смерти. Это и есть любовь...

— Ужин сервирован в Малой столовой, — напомнил высокий и важный, и Мэллит кивнула.

— Я иду. — В Сакаци было легче, в Сакаци ее не трогали, за ее окном серебряные стволы целовали облака, а в саду были качели. В Сакаци Первородный говорил о любви, и за его спиной не стояла смерть в короне. Любимый говорит, что он не обманул, но обманут и что Кабиох не допустит гибели наследника своего, но как не бояться, идя по волосу над морем огня?

— Баронесса Мелания из Нижней Сакаци! — Возглашающий ударил об пол жезлом, Мэллит вздрогнула и расправила плечи. Она все помнит, ее зовут Мелания, она носит подшитые платья и называет собеседников по имени. Переступив границу границ, достославный из достославных тоже назвался Жеромом и открыл подбородок, но недостойная отреклась от своих корней раньше. Когда стала любящей и любимой.

— А вот и моя прекрасная кузина. — Любимый был здесь, и это было величайшим даром. Им не придется искать друг друга в исполненной света пустыне, ведь они уйдут рука об руку.

— Недо... Я недостойна внимания Вашего Величества. — Пусть последняя ночь станет ночью счастья. — Но я буду пить вино и радоваться.

— В Алати девушки слышат мало комплиментов, — улыбнулся Первородный, — а зря, ведь они прелестны...

— Ваше Величество, — неприятный с разными глазами наклонил голову, — позвольте мне исправить упущение алатских мужчин. Сударыня, знаете ли вы, что ваши очи — осенние листья, пронизанные солнцем?

— Барон, — серый человек едва шевельнул губами, — какое счастье, что Дидерих отдал дань всем глазам, кроме красных.

— Мелания, — как нежен взгляд любимого, но между ними изобильный стол и чужие взгляды, — представляем вам барона Кракла, тонкого ценителя женской красоты, и Повелителя Волн герцога Придда. Он недавно лишился семьи, что печальным образом сказалось на его учтивости. Не сердитесь на него.

Потерявший родных что листок срубленного дерева и пчела сгоревшего улья, но как же легко уходить последним, не глядя назад. Серый человек еще не знает, сколь счастливо его несчастье. Не знающие о судьбе своей и не верящие в худшее смотрели на нее, и Мэллит улыбнулась.

— Я не сержусь, а сердце мое плачет о потере Перв...

— Герцога Придда. — Голос любимого зазвучал громче, он не хотел, чтоб недостойная ошиблась, он до сих пор думал, что вновь увидит солнце.

— Прошу прощения у Повелителя Волн, — пролепетала Мэллит, и шрам на груди отозвался острой болью, напомнив о неизбежном.

— Это я прошу прощения. — Серый поднялся из-за стола, сверкнула золотом цепь. — Я ваш покорный слуга, сударыня.

— Герцог Придд готов пойти к вам на службу. — Любимый рассмеялся весело и беззаботно. — Мы ждем от него подобных слов с осени, но он прячется в своем особняке.

— Как и положено Спруту, — сказал Ричард, он любил Первородного всем сердцем, и Мэллит ему доверяла.

— О да. — Повелевающий Волнами не умел улыбаться. — Сударыня, с вашего разрешения я верну Повелителю Скал его любезность. Заняв особняк, в котором он сейчас властвует, он уподобился настоящему вепрю.

— Господа, — названный бароном вскочил, и в руке его был хрустальный кубок, — мы забываем о главном. О снизошедшей на нас красоте. Здоровье прекрасной Мелании!

Мэллит торопливо выпила вино, но змеиный холод не отпускал. Любимый смеялся,

шутил, о чем-то расспрашивал косоглазого и Первородных, а за стенами свивала кольца и шуршала чешуей смерть, и как же она была голодна!

3

Улицы пусты — ни людей, ни кошек, ни крыс, только молчаливые дома, всадники за спиной и лунные тени впереди. Шаг за шагом, улица за улицей, поворот за поворотом. От дворца к Багерлее. Мимо бывшей площади Фабиана, мимо продрогшего Старого парка, мимо затаившегося темного особняка со спрутом на фронте и дальше, в обход мертвой Доры.

Пустая, холодная, сухая ночь. «Ночь расплаты», как назвал ее Енниоль, но расплата не торопится, а кони сворачивают на улицу Святой Милисенты.

Бьют колокола, знаменуя Час Скалы. Мертвый час. В эту пору и до рассвета зимой лучше домов не покидать, а они едут через полумертвый город и собственные сны. Надо бы бояться, но он не боится. Не потому, что верит сюзерену, а не достославному, просто страх вытек вместе со странными снами и любовью... Нет, он помнит и закатную волну, и пегую клячу, и глаза Мэллит, но помнить — не значит чувствовать, а не чувствовать — это почти забыть.

— Карваль, вы видели воспитанницу Матильды?

— Да, Монсеньор. Очень красивая девушка и так похожа на Ее Высочество.

— Она боится этой ночи.

— Этой? — Маленький генерал казался удивленным. — Но почему?

— Не знаю, — солгал Эпинэ, — я не алат, но Мэллица что-то чувствует.

— Женщины чувствуют больше мужчин, — признал Карваль, — но меньше лошадей, а лошади не хотят приближаться к Доре.

— Я тоже не хочу. — Робер привстал в стременах, вглядываясь в провал улицы, там не было ничего. — Поворачиваем. Проедемся к Нохе и домой.

— Дювье доложил, что Его Высокопреосвященство поднялся к себе в десять вечера. — Голос Карваля вновь стал деревянным. — Монсеньор, не лучше ли вернуться прямо сейчас? Вам предстоит трудный день.

— Трудный. — Вряд ли кардинал спит, скорее варит шадди и ждет очередного рассвета. Появится ли он в суде? Альдо надеется, что нет, но Левий непредсказуем, и он не хочет смерти Ворона.

— Ракану не понравится ваша встреча. — Никола поправил сползшую на нос шляпу, в лунном свете пар из генеральского рта казался зеленым.

— Не понравится. — Эпинэ тоже умеют быть упрямыми. — Но он не узнает.

Где-то громко, с надрывом завыла собака. Дракко топнул ногой и обернулся: в огромных глазах плясала мертвая звезда.

— Карваль, у меня к вам просьба.

— Да, Монсеньор.

— Воспитанница Ее Высочества... Если со мной что-нибудь случится, позаботьтесь о ней.

— Конечно, Монсеньор. — Короткий внимательный взгляд. Что подумал маленький генерал? Что его Монсеньор влюблен? Если бы...

— Благодарю. — Никола обещал, и он сделает. Если выживет маленький южанин, выживет и Мэллит. От смерти спасти можно, а ты попробуй спасти от любви. Она сама загорается и сама гаснет, а потом можешь ворошить пепел сколько душе угодно, не будет ничего, только серая пыль на руках, на душе, на памяти... Когда он сгорел? В Золотую ночь или позже, увидев повешенных во дворе Эпинэ? Почему он не заорал на Карваля, не повернул Дракко, не ускакал в Ургот? Тогда крови на нем еще не было, по крайней мере той, что не смыть.

— Никола.

— Да, Монсеньор.
— Вы верите в проклятия и конец времен?
— Нет. — Эпинэ попытался взглянуть в лицо южанина, но мешала лунная вуаль. — Нет, Монсеньор, не верю.

А Енниоль верит. Гоган собрался умирать вместе с Олларией, а ночь для расплаты и впрямь подходящая, только это было бы слишком просто.

— Генерал Карваль, я рад, что вы со мной, но лучше бы вам увести людей в Эпинэ. Там есть чем заняться.

— Монсеньор, мы уже говорили об этом. Мы не уйдем.
— Если Ворона казнят, от нас не оставят ничего.
— Понимаю, Монсеньор, но мы не уйдем.
— Ваша верность вас прикончит.
— Лучше меня прикончит верность, чем измена. Люра и Джереми ловили других, а поймали себя.

— Джереми не найдут?
— Живым никоим образом, а мертвым — когда вам будет угодно.
— Вы бы предпочли пораньше?
— Пожалуй, да.
— Я бы с вами согласился, если б не Дикон, то есть герцог Окделл.
— Окделлу не нужна правда, Монсеньор, иначе он ее бы уже знал.
— Откуда?
— Закатные твари! Достаточно проехать по городу, и вот она, а Окделлу даже Дора не помогла. Простите, Монсеньор.

— Пустое.

Пустое, но разговор увял. Светила луна, отчаянно ныло запястье, а накрывшая город тишина давила чудовищной подушкой. Если обойдется, сюзерен окончательно уверует в свою звезду, хотя куда уж больше! Эгмонт затевал восстание, не веря в победу, погиб сам и погубил других. Альдо в поражение не верит, и дорога его оборвется не сейчас.

Правнуки Кабиоховы знают много, но с чужих слов, а Ночь Расплаты такая же сказка, как и Ночь Луны. Мэллит гуляла запретными ночами и жива, ее семья блюла обычаи и погибла у рехнувшейся ары. Придды пережили все мятежи и угодили на плаху потому, что Манрикам захотелось от них избавиться, или это и есть возмездие? Если не мстишь ты, мстят за тебя, но кто? Не Создатель же...

Дракко остановился и опустил голову. Так он стоял у ворот Агариса, но крысы из Олларии еще не ушли.

— Лошади боятся идти вперед. — Можно подумать, он не заметил.

— Вижу. Вы все еще не верите в проклятие?

— Нет, Монсеньор, но в этом городе есть много неприятного.

Сзади — сгрудившиеся всадники и испуганный храп, впереди — мощные, облитые лунной мутью стены. Раньше в Нохе молились, потом стали убивать друг друга, а теперь молитвы смешались с кровью. Когда убивали Айнсмеллера, на небе было солнце, почему же убийц захлестнула лунная зелень? Луна холодна, она знает больше солнца, как пепел знает больше огня.

— Вы правы, Никола, едемте домой.

4

Она не спала, она стояла у окна и ждала. Достославный из достославных думал о Шаре судеб, ничтожная Мэллит — о любви и о мече, занесенном над головой Первородного в Ночь Расплаты.

За обитыми шелком стенами спали слуги и бодрствовали стражи, а гоганни не могла ни первого, ни второго. Мир раскачивался, словно она летела на качелях над мгlistой бездной,

но не было в полете ни радости, ни легкости, только гибель.

— Ты, — шептала голодная мгла, — ты... Ты...

Мэллит прикрыла глаза, стало еще хуже, потому что молочно-зеленая муть сгустилась в лицо с раздувающимися ноздрями. Незнакомое, красивое, одержимое.

— Ты, — сказали припухшие губы, — ты...

— Нет! — Девушка изо всех сил вцепилась в показавшийся ледяным подоконник, отвратительное лицо треснуло, разбилось на тысячи тысяч осколков, шорох остался. Так не скребутся мыши, не шепчутся листья, не шуршит одежда.

— Ты, — кто-то требовал, звал, негромко смеялся, предвкушая встречу, — ты... ты... ты...

Шепот кружился по спальне мушиным роем, обливал лунной мутью, обручем сжимал виски, сыпал в глаза ледяное крошево, но опустить веки было невыносимо — из тусклого марева тотчас проступали тонкий прямой нос и твердый подбородок. Остальное скрывала дрожащая пелена, как вода прикрывает утопленника.

— Госпожа моя... Горе! Дочь сердца твоего не может узнать тебя!

— Ложе ее в крови, и это кровь сердца.

Мать, сестры, служанки, белолицые, испуганные, живые...

— Зрачок очей моих... Мэллит, твое имя в сердце моем! Очнись!

— Полотно!.. Сунелли, поторопись во имя света Кабиохова...

— Достославный из достославных... Он знает... Он вышел из дома, он идет...

— Он уймет кровь и вернет огонь очагу.

— Будь он проклят, отнявший радость сердца моего... Ответь родившей тебя!

Ответь!

— Ты... — красивое лицо улыбается за плечами плачущих и дрожащих, — ты...

— Нет! — Мэллит закричала. Только для того, чтобы не слышать шепота. Крик прошел рябью по зеленеющей воде и угас, полные губы презрительно скривились, лицо выросло, заполонило всю комнату, оно было спящим и зрячим, далеким и едва не касающимся раны на груди.

— Что с ней? — Звонкий, знакомый голос, но он тоже вязнет в холодной мути...

— Поранилась, видать.

— Где нож? Нож нашли?

— Нет, гица, не нашли... И двери закрыты.

— Может, упырина какой?

— Сдурела? Чтоб упырь кровь зазря пустил?

— Мэллица, а ну-ка хлебни... Твою кавалерию, да что с тобой такое?

Что с ней? Ничего... Ее ищут, ее зовут, но пусть кара настигнет ее, а не любимого, она — Залог, она — щит и покрывало...

— Не трогайте ее, слышите?!

Горечь на губах, горечь и огонь. Как холодно!

— Гица, может рябины принести?

— Принесите и вон отсюда.

Ара сгорела, стала черной, совсем черной, а клинок? Клинок, смешавший ее кровь с кровью любимого... Они связаны жизнью и смертью, сталью и золотом, кровью и клятвой. Они связаны любовью.

— Ты. — Сейчас она откроет глаза, и ее увидят.

И пусть!

Мэллит, дочь Жаймиоля, забыла свое имя, свой язык, свой дом. Она гуляла в Ночь Луны, она смотрела в мертвую ару... Не смотрела — смотрит. Закатные звери тянут когтистые лапы, скалят черные пасти, рвутся наружу. Чего они хотят, за кем пришли?

— Ты...

Зеленая муть идет волнами, выпуская голову, пальцы, руку, плечо, все тело — длинное, стройное, гладкое. Ни волоска, ни родинки, ни шрама, только ровная, тугая, безупречная

кожа. Лунная зыбь колышет лежащего, а он улыбается блаженно и голодно, улыбается и шепчет:

— *Ты... ты...* — Полусонное тело ворочается в сладкой истоме, а лунный прилив поднимается, набирает силу, в туманной глубине проявляются новые головы, запрокинутые, улыбающиеся, они повторяют одна другую, как горошины одного стручка, как пчелы одного улья. С шей, щек, подбородков стекают дрожащие капли, медленные, как слизи, мерцающие, как позеленевший жемчуг...

— *Ты ...*

Зеленое озеро дышит медленно и сонно, наползает на усыпанный пеплом берег. Пепел клятвы, пепел сердца, пепел цветка... Кольцо пепла от черной стены до сонного зеркала, узкое кольцо, а стена пошла трещинами.

— *Ты ...*

Нет сил терпеть, прятаться, скрываться. Пусть будет, что будет, она идет.

Резкий, властный окрик, скрежет ножа по стеклу и ветер, горячий, сухой, злой. Что-то льется сверху, пепел прорастает гвоздиками, серое расцветает багряным, бледные, гладкие пальцы сжимаются и разжимаются, тянутся вперед.

— *Ты...* — Вязкая сонная волна вздымается медленно и неотвратно, ползет к берегу, ошестинясь скрюченными руками. Тьма припадает к пунцовым цветам, черным снегом кружится пепел, шипят, умирая, дождевые струи, а волна растет, раздувается, как шея песчаной змеи. В слизистой толще проступают темные сгустки, плывут кверху, оборачиваются все тем же лицом, зовущим, чудовищным, неизбежным.

Зеленое озеро гигантским слизнем взбирается на расцветший пепел, мертвая зелень встречает живую кровь. Шипение переходит в рев, кто-то кричит от нестерпимой боли, и эхо повторяет: «Стой!»

— Стой! — Из багрового жара вырываются быстрые тени.

— Стой! — Когтистые лапы бьют студенистую тварь, по черной шкуре стекают алые капли.

— Стой! — Многоликий шепчущий холм дергается и отползает, становясь волной, растекаясь озерной гладью. Ненавистные лица уходят в зеркальную глубину, тонут, расплываются, сливаются с лунным льдом, шепот становится неразборчивым, мешается с треском свечей, с горячим дыханьем.

— Спишь?

Первородный! Здесь, с ней... Как и обещал... Они вместе, и зло истаёт, отступит перед кровью Кабиоховой.

— Ну, — смеется любимый, — спишь как сурок, а говорила, мы все умрем.

Никого! Только белые гвоздики в вазах, любовь и утро. И жизнь.

— Первородный пришел. К недостойной...

— К кому же еще? — Голубые глаза обдают весенним счастьем. — Ты вчера на прощание такого напропорочила... Если б не дела, я бы всю ночь протрясся от страха. Клянусь тебе...

— Я, — крови нет ни на рубашке, ни на простынях, — я уснула... Мне снился спящий в зеленом озере и пепел...

— Бывает и хуже. — Рука любимого ложится на волосы, лаская, скользит по щеке. — Пожелай мне удачи, и можешь спать дальше.

— Пусть твои цветы созовут пчел удачи, — остановить этот миг, замереть, застыть навсегда, — и пусть сомнения твои унесут реки.

— Так и будет. — В глазах любимого сверкнула молния. — Клянусь Истинными богами, а ты сиди тихо как мышонок и жди.

— Когда к недостойной вернется счастье?

— Не знаю, — тень печали затмила радость и унесла смех, — три дня я проторчу в суде, а по ночам придется возиться с делами.

— Первородный хотел, чтобы Мэллит... Мелания выходила к ужину.

— И хочу, — искры в дорогих глазах зажигают в сердце костер, — но суд и смерть — это не для женщин. Будь Матильда здесь, я б ее тоже никуда не пустил.

Мэллит кивнула и улыбнулась, хотя свечи померкли и гвоздики потемнели от печали.

— Ничтожная будет ждать три дня.

— Дольше. — Губы любимого коснулись руки недостойной. — От твари, которую мы судим, просто так не избавишься. Три дня и еще четыре, а потом мы с тобой поговорим. Нам ведь есть, о чем поговорить?

— Первородный любит свою Мэллицу?

— Конечно. — Любимый недоволен, ему не нравится, когда она спрашивает об очевидном, но женское сердце не похоже на мужское, ему нужно не одно слово навсегда, а сотня сотен в каждую встречу.

Глава 3. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 16-й день Зимних Скал**

1

Вокруг вот уже месяц как ставшего Гальтарским дворца горели костры. Двор кипел мундирами и судейскими мантиями, а вот соседние дома ослепли — цивилильный комендант запретил открывать ставни. Дикон до такого б не додумался, значит, кто-то подсказал.

— Господин Первый маршал, — молодой цивилильник был учтив и курнос, — прошу вас свернуть к подъезду Святого Алана.

— Святого Алана? — переспросил Иноходец. — Куда это?

— Бывший Марагонский, — охотно пояснил офицерик, — от него как раз курьер отъезжает.

— Я понял. — В войне названий и имен Альдо поверг врагов в пух и прах, остались сушие пустыки вроде Кэналлийского моста. — Жильбер, поворачиваем.

Сэц-Ариж выразительно пожал плечами и направил гнедого Изверга к ошетилившейся пиками арке, Дракко без понуканий двинулся следом. Днем дороги короче, а стук подков тише, днем видишь только то, что есть, и кто виноват, если ночные кошмары и те приятней яви?

— Господин Первый маршал, — еще один офицер молодежато отдал честь, — тенъент Родстер к вашим услугам. Цивильный комендант приказал открыть для членов Высокого Суда Бронзовый кабинет. Там горит камин и поданы напитки, но, боюсь, времени на отдых не осталось.

— Хорошо. Его Величество уже прибыл?

— Только что, — сообщил Родстер и заученно добавил: — Но герцог Окделл и полковник Нокс здесь с раннего утра.

— Доброе утро, Монсеньор!

Кракл в не успевшем обмяться зеленом одеянии с массивной цепью на шее вызывал, мягко говоря, недоумение. Раньше головы законников украшали невысокие колпаки с пряжками, сейчас на судейских нацепили венки из туи. Сюзерен как мог переделывал сегодня в позавчера.

— Доброе утро, барон. Вижу, вы наготове.

— Трудное дело, — гуэций многозначительно тронул облепленный печатями мешок для бумаг, — но для юриста чем сложнее процесс, тем почетнее его выиграть.

— А разве его можно проиграть? — невольно скривился Робер. — Простите, не совсем здоров.

— Мои соболезнования. — Кракл остался все тем же извлеченным из-под дорских обломков холуем. — Нет, герцог, в победе я не сомневаюсь, меня беспокоит зазор между древними кодексами и современным правом. Если защита ударит туда, Феншо придется

тяжело.

— Я плохо знаю судейский мир, — венки над косыми глазами напоминал о ярмарочных фиглярах, — что представляет собой защитник?

— Мэтр Инголдс очень опытен, — значительно произнес Кракл, — и очень хитер. Государь, назначив обвиняемому защитника, чего в старину не бывало, невольно указал на противоречия между кодексом Доминика и позднейшими законами. Боюсь, мэтр Инголдс принял указание Его Величества использовать для защиты герцога Алва все возможности слишком буквально.

— Вам следовало сказать об этом раньше, — буркнул Робер, прикидывая, с какой стороны обойти увенчанного туей подлеца.

— Я предупреждал государя. — Один глаз гуэция взмыл к небесам, второй вперился в Иноходца. — Его Величество ответил, что чем безнадежнее дело, тем больше прав должно быть у подсудимого. Справедливость и великодушие государя не знают границ, его слова следует выбить на фронтоне этого дворца.

— Так выбейте, — не выдержал Робер.

Адвокат не может выиграть процесс, но он может затянуть. Создатель, Леворукий, кто-нибудь, пусть этот Инголдс протянет до письма Савиньяка!

— Я сегодня же вызову мастеров, — заверил Кракл, — мы сохраним слова Его Величества для потомков.

Здоровенные часы, которым угловой вестибюль был обязан вторым именем, глухо щелкнули, возвещая о своих намерениях.

— Монсеньор, — заторопился Кракл, — нам пора. Вы не забыли? Высокие Судьи входят и выходят через Гальтарские двери.

Эпинэ кивнул и пошел сквозь часовой звон за выскочившим откуда-то судебным приставом. Спасибо «приятелям» Марианны — можно засыпать на ходу, корчить любые рожи и огрызаться, незалеченная рана спишет все. Явится ли Капуль-Гизайль на суд? Приглашение ему послали, должен прийти.

— При входе ступеньки, — прошелестело сбоку, — четыре.

— Благодарю.

— Повелитель Молний герцог Эпинэ! — возгласил невидимый крикун, и Робер нырнул в широкую, низкую дверь. Повелитель Молний замыкал шествие эориев, ведь его вассалы были далеко. Они воевали и готовились к войнам, они были верны единожды данной присяге. Все трое, даже опозоренный отцом Ариго.

— Слава Дому Молний! Слава!..

Закатные твари, как громко! Робер поднялся по зеленым от ковров ступеням на судейский помост, алое с молниями кресло не оставляло выбора. Впереди и внизу скалились друг на друга две еще пустые кафедры, между ними присела окруженная гимнетами черная скамья. Она ждала Ворона.

— Встать! Всем встать!

— Слава Чести и Справедливости!

— Слава Великой Талигойе!

— Слава Дому Раканов!

— Слава Его Величеству Альдо Первому!

Зал вспенился и замер, слившись в пестрый, урчащий ковер. Кафтаны горожан, судейские мантии, туники гимнетов, мундиры цивильников, немногочисленные сутаны рябили в глазах, напоминая о коронации. И о Доре.

— Наши возлюбленные подданные, — стремительно вошедший Альдо начал говорить еще на ходу, по словам хронистов, ненавистный Франциск вел себя так же, — господа послы, мы рады видеть вас здесь и сейчас. Вам выпало стать свидетелями торжества истины и справедливости.

Широко шагая, сюзерен поднялся к белому вызолоченному креслу и встал, скрестив руки на груди. Белую тунику украшал золотой Зверь, золотой была и перевязь.

— Четыреста лет Талигойя изнывала под властью узурпатора и его потомков. — Глаза Альдо горели, он верил своим словам, верил себе и в себя. — Мы сбросили отвратительное ярмо, но этого мало. Нужно очиститься от скверны, воздать по заслугам всем — мертвым и живым. Тем, кто не жалел жизни ради победы, и тем, кто обманом, предательствами, кровью пытался остановить неостановимое.

Марагонский бастард, само присутствие которого оскорбляло талигойскую землю, выброшен из древнего храма, превращенного в могилу нечестивца и блудницы. Лицо Раканы больше не уродуют памятники захватчикам и предателям, но погибшие за нашу и вашу свободу не обретут покоя, пока не свершится правосудие живых над живыми. Потому мы, Альдо Первый Ракан, и созвали вас сюда, в Гальтарский дворец. Здесь по законам наших предков, освященным Святым Эрнани и Святым Домиником, свершится суд над человеком, которого проклинают все Золотые земли.

Рокэ Алва родился в запятнанном предательством доме, но он сам избрал свой путь, приведший его на скамью обвинения. Кэналлийский Ворон ответит за все. Сегодня он взглянет в лицо сыновьям, братьям, отцам погибших по его вине, если, конечно, посмеет поднять на них глаза.

Мы понимаем, что нам предстоит тяжелое испытание. Непросто прикасаться к еще не зажившим ранам, непросто окунуться в море грязи и крови, но мы делаем это во имя справедливости. Мы не желаем мести, мы желаем возмездия, но нам четырежды больно, что герцог Алва принадлежит к древнейшему роду, восходящему корнями к великому Лорио Борраске.

Герцог Алва — глава Дома Ветра, и с ним обойдутся сообразно его происхождению. Более того, положение подсудимого лучше положения зориев, покушавшихся на Эрнани Святого и Золотую Империю: он получил защитника, он имеет право молчать, и он имеет право оправдываться; он имеет право признать свою вину и право отрицать ее. Вы услышите все: слово обвинения и слово защиты, но по законам величайшей из существовавших в Золотых землях империи, законной преемницей коей является Талигойя, лишь Великие Дома могут признать Повелителя Ветра виновным. По этой же причине их главы не должны выступать свидетелями на суде.

Так вышло, что по вине обвиняемого четверо Высоких Судей потеряли близких, но Честь превыше мести. Герцог Окделл, герцог Придд, герцог Эпинэ и граф Карлион поклялись Честью руководствоваться одной лишь справедливостью, и мы приняли их клятву. Так и будет!

Сюзерен поднял глаза к старинным сводам, засиженным новыми гербами, и медленно опустился в кресло:

— Пусть Высокий Суд делает свое дело.

2

Меж кафедрами шмыгнул судебный пристав с жезлом, направляясь к покрытому белым сукном столу, и водрузил на него песочные часы. Эпинэ глянул вниз, сквозь зелень туи сверкнула лысина — ярус Высоких Судей нависал над самым гнездилищем Кракла. Кракл был готов к бою.

— Ваше Величество, — протрубил он. — Высокие Судьи, любезные зории, досточтимые послы...

Кракл витийствовал, словно в Совете Провинций, высокий, напористый голос бил в уши, вызывая желание уронить на облеченную высочайшим доверием плешь хотя бы чернильницу. Это было глупостью, детской, нелепой, бессильной глупостью — косой барон ничего не значил и ничего не решал. Альдо ясно дал понять, чего ждет, остальное доделают преданность Дика и мстительность Приддов.

Алву отправят на плаху, и гром не грянет, а ведь вчера у Нохи Эпинэ едва не поверил, что возмездие — не сказки. Не по себе стало даже Карвалю, но не случилось ничего. Гохи,

флохи и кабиохи плевать хотели и на клятвы, и на клятвopеступников. Клятвы живут лишь в головах тех, кто поклялся, наверное, это и есть совесть. Ты поклялся спасшему тебя человеку сам не зная в чем, и еще ты хочешь спасти Олларию, Эпинэ, пришедших с тобой южан, Енниоля, Мэллит, Дикона и в придачу заварившего всю эту кашу сюзерена... Не многовато ли? А времени у тебя три дня до приговора и еще четыре до казни...

— ... ввести подсудимого, — возвысил голос косо́й барон, — и да свершится правосудие!

Десятка четыре гимнетов торопливо выстроились в живой коридор, до безобразия похожий на тот, сквозь который прошествовал Его Величество Альдо, и дверь с лязгом отворилась. Стало тихо, словно клубившийся над залом невидимый рой внезапно замерз или сорвался и унесся к холодному небу.

Скрипнуло, звякнуло, снова скрипнуло, кашлянул какой-то законник, и Эпинэ увидел Алву. Он выглядел лучше, чем в Багерлее, и держался очень прямо. Левый все же добился, чтобы с узником обращались по-человечески. Чего добивался Альдо, вернув подсудимому маршальский мундир, Иноходец не знал, но это была не лучшая мысль. Дорогое сукно и скучающая улыбка не вязались ни с преступлениями, ни с самим понятием суда. Казалось, Алва явился на званный вечер, сделав навязчивым хозяевам одолжение.

— Подвести подсудимого. — Визг гуэция утонул в кромешной тишине, словно его и не было.

Ворон шел не медленно и не быстро, бесстрастие на худом лице при виде туник и Зверей сменилось любопытством. Поравнявшись с увенчанным туей гуэцием, Алва слегка приподнял бровь. Роберу показалось, что кэналлие́ц присвистнул.

3

Прошедшие олларовские застенки напоминали выходцев, но времена изменились. Альдо не мстил пленным. Месяцы в Багерлее никак не отразились на Вороне, он был таким же, как и раньше, разве что слегка побледнел. Ричард смотрел на своего бывшего эра, пытаясь увидеть на красивом лице хотя бы тень раскаянья. Бесполезно.

— Герцог Алва, — прервал молчание Кракл, — вы осознаете, где находитесь и что вас ждет?

Алва оторвал взгляд от рассветного гимнета:

— Здравствуйте, барон. Вы не будете любезны объяснить, что у вас на голове? Выглядит, надо признаться, не лучшим образом.

По рядам пробежал шумок, кто-то, кажется каданский посланник, уронил перчатку. Сверкнула медь — цивильник повел кого-то из зала. Ворон выждал, пока гимнеты скрестят свои алебарды, и осведомился:

— Барон, так что же все это означает? В Талиге наконец вошли в моду мистерии?

Кракл не ответил, кэналлие́ц небрежно повернулся и направился к своей скамье.

— Алва, вы забываетесь. — Сюзерен не стал ждать, когда судейские придут в себя. — Судьи, делайте свое дело!

— И в самом деле, мистерия, — зевнул Ворон, опускаясь на скамью. Он был скован по рукам и ногам, но цепи были тонкими и легкими, они не мешали закинуть ногу за ногу.

— Рокэ Алва! — потребовал очнувшийся Кракл. — Встаньте пред государем и Создателем.

— Непременно, — пообещал кэналлие́ц. — Как только появится государь или Создатель, я сейчас же встану.

Это было оскорблением. Хорошо продуманным, преднамеренным оскорблением, на которое невозможно ответить, не попав под новый удар.

В тишине зашуршали бумаги, словно по черепице прошелся ветер. Алва равнодушно разглядывал витражи, не замечая обращенных на себя взглядов. Твердость вызывает уважение, даже если это твердость врага, но Рокэ вел себя, словно он был королем...

Неужели исповедь у него? Но тогда зачем ему Фердинанд? Нет, Ворон не знает ничего, он просто в очередной раз наслаждается игрой со смертью.

— Герцог Алва болен, — веско произнес сюзерен. — Мы позволяем ему сидеть.

Да, так и только так! На дерзость следует отвечать величием, и тогда дерзость погаснет.

— Рокэ Алва, — Краклу следовало быть тверже, — вы должны принести присягу.

— Должен? — Ворон даже головы не повернул. — Вам как обладателю огромного количества посвященных моей персоне бумаг следует знать, что у меня нет долгов.

— Хорошо, — председательствующий дернул плечом, — поставим вопрос иначе. Вы находитесь перед Высоким Судом. В него входят те, кто равен вам по происхождению, они и решат вашу судьбу, руководствуясь справедливостью и кодексом Доминика с позднейшими поправками. Вы можете правдиво отвечать на заданные вам вопросы и можете молчать. Присягните, что будете говорить правду и примете вынесенный приговор со смирением и спокойствием.

— Не вижу смысла. — Казалось, Алва сидит за карточным столом. — К тому же здесь собралось достаточно господ, присягавших то мышам, то кошкам, то собакам. Мне с ними не по пути.

Еще одно оскорбление, которое нельзя замечать. Как легко говорить с подлецом, когда на боку у него шпага, но что ответишь пленнику или свихнувшейся женщине?

Рука Кракла метнулась к венку и отпрянула, словно ожегшись.

— Если вы не прекратите оскорблять Правосудие и Закон, — пришел на помощь супрем, — вас лишат права говорить и осудят как «бессловесного».

— Охотно верю, — улыбнулся Ворон, — но тогда вам придется сменить декорации. Гальтарские кодексы запрещают заочный суд. Осуждать и миловать за глаза мог лишь анакс. Это на случай, если сочинители сегодняшней мистерии черпали вдохновение не в хрониках, а в великом Дидерихе. Кстати, клясться или не клясться и чем именно, подсудимый эорий решал сам.

— Вас судят по кодексу Доминика. — Голос Кракла наконец обрел уверенность. — Будете вы говорить правду?

Алва сосредоточенно намотал цепь на левое запястье:

— Я не имею обыкновения лгать и уж тем более не стану лгать сверх необходимого. Придется вам удовлетвориться этим.

— Итак, вы признаете настоящий суд и вверяете себя его справедливости?

— Признаю? — В ленивом голосе позвучало удивление. — Господа, если на вас бросится десятка три убийц в масках, вы станете драться, но разве это дуэль? Ваша затея напоминает суд в такой же степени, но это ваши сложности. Я вас выслушаю и, если сочту нужным, отвечу.

— Что ж, — Кракл развернул желтоватый свиток, — дерзость обвиняемого не должна уводить нас от нашей цели, а цель эта есть торжество Справедливости и Закона. Господин обвинитель, вы готовы?

— Да, господин гуэций.

Граф Феншо неторопливо поднялся на кафедру. Полный и спокойный, он ничем не походил на стремительного Оскара. Что ж, законник и генерал и не обязаны походить друг на друга. Гуэций зазвонил в колокольчик, требуя тишины.

— Господин Феншо, — Кракл был одинаром, но торжественность происходящего чувствовал в полной мере, — готовы ли вы перед ликом Создателя и государя обвинить присутствующего здесь герцога кэналлийского Рокэ Алва в преступлениях против короля, Великой Талигойи и всех Золотых земель?

— Да, господин гуэций. — Голос прокурора был низким и уверенным.

— Клянётесь ли вы, что не испытываете к подсудимому личной вражды и обвиняете его лишь по велению долга и во имя торжества справедливости?

— Да, господин гуэций.

— Высокий Суд с вниманием слушает вас.

— Бывший Первый маршал Талига Рокэ Алва, — спокойно сказал Феншо, — привлекается к настоящему суду по обвинению в государственной измене, покушении на убийство Его Величества Альдо Первого, оскорблении королевской власти, множественных убийствах талигойских подданных и подданных дружественных Великой Талигойе стран, злоупотреблении властью, подделке документов, клевете, возведенной на достойных и благочестивых людей и приведшей к их гибели, а также в присвоении чужого имущества, изнасиловании, демонопочитании и ряде других, не столь значительных преступлений.

— Отвечаете ли вы за ваши слова?

— Ваше Величество, Высокие Судьи, я отвечаю за сказанное своей Честью. Не скрою, мне и моим помощникам было невыносимо тяжело вникать в подробности деяний этого человека, но мы исполнили свой долг до конца. Клянусь, что все обвинения достоверны и подтверждены доказательствами, кои будут представляться по мере необходимости. Наша совесть чиста. Мы просим у вас не отмщения, но справедливости.

— Мы благодарим вас. — Разве это должен говорить Альдо? — Мы доверяем дальнейшее гуэциям.

Все верно. Сюзерен не из тех, кто забывает, когда нужно говорить, но что знает Феншо о Катари? Или изнасилована была другая женщина?

— Высокий Суд благодарит графа Феншо. — Кракл немного выждал и обернулся к обвиняемому. — Рокэ Алва, понятно ли вам обвинение и признаете ли вы себя виновным?

Ворон и бровью не повел. Если бывшему маршалу и было не по себе, виду он не показал.

— Рокэ Алва, — Краклу хватило ума сохранять спокойствие, — отвечайте на вопрос. Повторяю, понятно ли вам обвинение и признаете ли вы свою вину?

— Чего ж тут не понять? — Подсудимый досадливо поморщился. — Меня обвиняют в том, что я родился в семье Алва и дожил до тридцати семи лет, ни разу не подняв руку на сюзерена, которому присягнул. Кроме того, я не принадлежу одновременно двум церквям, не проиграл ни одной битвы и ни разу не позволил себя убить. Да, все так и есть, Феншо прав. Только виной я это не считаю, напротив. Здесь мы с вами, как это ни печально, расходимся.

Глава 4. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)

400 год К. С. 16-й день Зимних Скал

1

У любой наглости должен быть предел. У любой! Сюзерен пытался говорить с Алвой на языке древней славы, а тот все обернул шутовством, но отступать нельзя. Наглость не зачеркнет преступлений.

— Ваше Величество, Высокие Судьи, — а вот венки действительно нелепы, — мы выслушали напутствие Его Величества и прониклись важностью легшего на наши плечи дела. После перерыва граф Феншо предъявит первые доказательства, сейчас же прошу всех встать. Его Величество покидает Гербовый зал.

Альдо поднялся, не глядя на подсудимого, за королем синими тенями скользнули расцветные гимнеты. Четыре судебных пристава ударили о пол жезлами, оплетенными позолоченными гальтарскими медяницами.¹⁸

¹⁸ Гальтарская медяница считается символом правосудия. Есть легенда о том, как бесплодная Виниция, супруга анакса Эодани Молниеносного, была обвинена в убийстве сына супруга, рожденного от другой женщины. Анакс потребовал у жены публично поклясться в своей невиновности. Виниция поклялась и в подтверждение клятвы взяла в руки неожиданно вползшую в комнату ядовитую змею. Медяница обвилась вокруг шеи женщины, но не ужалила ее, тогда супруг подал Виниции руку и повел к трону. Когда они проходили мимо одного из придворных, змея покинула свой «насест», напала на него и укусила. Умирая, он признался в совершенном преступлении и в том, что хотел погубить Виницию, надеясь выдать за Эодани свою

— Государь удаляется. Слава государю!

— Высокий Суд удаляется!

Первым уходит Повелитель Круга. Ричард досчитал до шестнадцати и, придерживая шпагу, направился к двери, противоположной той, из которой вышел сюзерен. Юноша старался не торопиться, но спину царапал тяжелый, холодный взгляд. Это не мог быть Ворон, значит, это был Спрут или... Суза-Муза. Если он пробирался во дворец, то может оказаться и здесь. Ричард рывком обернулся: гимнеты, судейские, ординары, клирики замерли там, где их застал уход короля. Все было в порядке, никто не толкался, не шумел, не спорил.

— Господин цивилиный комендант, к подъезду Эридани прибыл кардинал Левий.

— К подъезду Эридани? Кто его туда пустил?

— Монсеньор, Его Высокопреосвященство просили свернуть к подъезду Алана, но он отказался. Теньент Родстер не счел возможным настаивать.

Закатные твари, опять Левий лезет, куда его не просят. Мало того что кардинал встрял в дело Удо, он еще и сюда явился.

— Иду. — С Левием нужно быть вежливым, Альдо от него зависит. От него и от иноземцев, с которыми приходится быть любезными, особенно с урготами. Посол все еще болеет, но граф Жанду здесь.

2

— Мой друг! — Кругленькая, увитая лентами фигурка выкатилась из-за здоровенных гимнетов. — Мой друг, я счастлив лично поблагодарить вас за приглашение на это действо!

— Ваш покорный слуга, — заверил маленького барона Робер, — и четырежды слуга вашей прекрасной супруги.

— О, Марианна неустанно молится о вашем здравии, — всплеснул руками Капуль-Гизайль. — Так досадно, что женщины не могут присутствовать на суде, это такое изумительное зрелище. Вы не знаете, кто кроил одеяния судей и как это называется? Герцог Алва спросил, но ему не ответили, Кракл стал таким невежливым...

— Судей одели в тоги. — Робер скосил глаз, Карваль только отступил на шаг, но не ушел. И не уйдет, пока не закончит с докладом. — При Эрнани Святом в них ходили судьи. По крайней мере, мне так сказали.

— Тоги?! — Барон молитвенно сплел розовые пальчики. — Вы сказали тоги?! Но, мой друг, их же не шьют!

— Да? — глупейшим образом переспросил Робер, чьи познания в гальтарской моде сводились к тому, что до знакомства с агмами древние не носили штанов и сапог.

— У меня есть прелестные миниатюры, — защебетал Капуль-Гизайль, — прелестнейшие. Я просто обязан вам их показать, там можно во всех подробностях рассмотреть одеяния анакса, эпиарха и зориев. Кроме того, у меня есть подлинные гальтарские диадемы! Если б ко мне обратились, я бы с радостью помог тем несчастным, кто пытался изготовить тоги, а получил холтийские женские халаты... Причем, вы меня извините, холтийские дамы носят зеленый цвет, цвет плодородия, находясь, м-м-м-м, в деликатном положении. Вы меня понимаете?

— Какое счастье, что на суде не присутствует холтийский посланник, — не выдержал Робер. — Барон, я хотел бы засвидетельствовать свое восхищение прекрасной Марианне. Когда она согласится меня принять?

— Сегодня, — восхитился Капуль-Гизайль, — умоляю вас, герцог, сделайте это сегодня. Нам не дано знать, что ждет нас завтра, но к обеду подадут седло барашка. Это такая редкость в наше беспокойное время, не правда ли? Я с таким трудом достал для моих красавиц льняное семя, пришлось перебираться через Данар... И вот там-то я нашел не

сестру. Потрясенный случившимся, анакс сделал медяницу символом правосудия.

только семена, но и животную пищу, ведь люди, говоря по чести, немного хищники. Вы не находите?

— Нахожу. — Встреча с Марианной необходима, а повод лучше не придумаешь. — Что ж, барон, я готов послушать морискилл.

— А вы? — Счастливый Капуль-Гизайль повернулся к Карвалю. — Вы, генерал? Вы составите нам компанию?

— Прошу меня простить, — один коротышка церемонно поклонился второму, — но я должен проверить дорогу из Багерлее в Гальтарский дворец. Я не уверен, что гражданская стража приняла все необходимые меры предосторожности. Герцог Окделл еще не имеет надлежащего опыта, а у подсудимого могут найтись тайные сторонники.

— Увы, военный комендант столицы собой не располагает. — Вот только Карваля у Марианны и не хватало. — Барон, вечером я в вашем распоряжении, а сейчас прошу меня извинить. Дела.

3

Дик промчался обходной галереей, на ходу отвечая на приветствия. Знакомых хватало, незнакомых, набивавшихся в друзья, было еще больше, а год назад желающих протянуть руку сыну Эгмонта не набралось бы и десятка. Струсил даже Ариго и Килеан-ур-Ломбах, а вот Савиньяки — нет. Их обязательно нужно вернуть, обязательно...

— Герцог Окделл, — Левий слегка приподнял брови, — вы слишком торопитесь, на лестнице это чревато падением.

— Ваше Высокопреосвященство, я вырос в горах. — Какой же кардинал мелкий, даже ниже Карваля. — Счастлив вас видеть.

— Этому можно верить? — Кардинал улыбнулся и поправил эмалевого голубя. — Признаться, я вам не верю. Преосвященный Оноре полагал, что герцог Окделл не умеет скрывать своих чувств, в этом он не ошибался.

Преосвященный Оноре?! Но ведь он умер, не добравшись до Агариса? Как он мог говорить с Левием?!

— Вы удивлены? — Кардинальская макушка приходилась Дикону под подбородок, но поднимать глаза на собеседника Левий считал излишним. — Мы с епископом принадлежали к одному ордену. Я был против его талигойского визита, но преосвященный вполне мог позаимствовать девиз Окделлов, он поехал и погиб. К счастью, один из спутников Его Преосвященства уцелел, и я его расспросил. Молодой человек не очень умен, но память у него хорошая.

— Ваше Высокопреосвященство, — разговор был странным и неприятным, как и все, что исходило от эсператиста, — мы вынуждены просить прощения. Мы не ожидали вас сегодня и не подготовили соответствующего места.

— А я и не собирался приезжать, — отмахнулся Левий. — Герцог Алва — оллариянец, и не мне судить его, но до меня дошло, что здесь прозвучит правда об Октавианской ночи и гибели Оноре. Мой долг — при сем присутствовать, а о месте не тревожьтесь. Я сяду среди ординаров, ведь по меркам Эрнани Святого я и есть агарийский ординар.

— Как скажете, — разговор становился все неприятней и непонятней, — но почему бы вам не сесть в посольском ряду? Там есть свободные места.

— Я не посол, — покачал головой Левий. — Приняв сан кардинала Талигойского и Бергмаркского, я обрел новое отечество. Послы думают о выгоде своих держав, а не о бедах и радостях талигойской. Мне среди них не место, но вас ищет ваш офицер...

— Прошу меня простить, — с невольным облегчением произнес Дикон, — я должен проследить за порядком.

— Надеюсь, вам удастся его сохранить, — наклонил седую голову Левий. — Когда люди становятся толпой, они преступают заветы Создателя, заповедовавшего милосердие и сострадание.

Левий улыбался, но в улыбке проступало что-то недоброе. Оноре смотрел и говорил иначе. Святой Алан, ну почему кардиналом стал не он, а этот седой человечек?

— Второй Доры не будет, — отрезал Ричард, — и второй Октавианской ночи тоже. Ваше Высокопреосвященство может не беспокоиться.

4

— Ваше Величество? — Альдо был не один и был откровенно зол. — Я нужен?

— Входи. — Альдо говорил «ты» друзьям либо наедине, либо злясь на кого-то другого. — Похоже, наши законники не в ладах с законом. Все это, господа, следовало учесть до суда. До, а не во время.

— Ваше Величество, — Кракл, несмотря на пышные одежды, словно бы усох, — я предполагал, что защита станет давить на разницу кодекса Эодани, кодекса Доминика, кодекса Лорио и законов, действующих в Золотых землях ныне. Утром я поделился своей озабоченностью с герцогом Эпинэ...

— Герцог Эпинэ не чиновник, а Первый маршал, — чего-чего, а обрывать прихвостней Альдо научился, — и поделились опасениями вы, когда фитиль уже горел. Ладно, ступайте, нам надо подумать. Вускерд, отправляйтесь к послам, объявите, что мы начнем несколько позже.

— Как мне объяснить задержку? — растерялся экстерриор. — Дипломаты могут не понять...

— А вы скажите так, чтобы поняли. — Альдо сдерживался из последних сил. — Вы экстерриор или конюх? Мне начинает казаться, что последнее. Робер, на столе адвокатская писанина, возьми и прочти. Мэтр-как-его-там расстарался, накатав всем судьям.

— Я прочитаю. — Лист с обращением к Повелителю Молний лежал сверху, под ним оказался такой же, но на имя Тристрама.

«Монсеньор, я обращаюсь к вам как к члену Высокого Суда...» — почерк у адвоката был уверенным и четким, буквы честно складывались в знакомые слова, но письмо казалось написанным по-бакрански. Из пестрящего цитатами и цифрами документа Иноходец более или менее уразумел, что мэтр Инголс настаивает на замене членов суда, являющихся кровными врагами подсудимого, к каковым, по его мнению, относится и Робер Эпинэ. Адвокат витиевато указывал на упразднение императором Лорио Вторым сословия зориев и настаивал на приведении обвинения к протоколам Золотого Договора и каким-то «высочайше не отмененным к началу текущего судебного процесса кодексам», после чего начиналось нечто вовсе неудобочитаемое.

— Все ясно? — Голос сюзерена выудил Робера из словесного студня. — Принесенной вами клятвы, по мнению защиты, мало, мэтр требует нашего личного вмешательства, новых судей и нового следствия с участием представителей всех стран Золотого Договора и кардинала Талигойского и Бергмаркского. Толково требует, надо отдать ему справедливость. Упрекнуть его не в чем, мы велели ему защищать Алву на совесть, но мы исходили из того, что обвинение знает, что делает.

— Ваше Величество, — запротестовал Феншо. — Инголс ничего не оспаривает по существу, он пытается затянуть процесс. Увы, опровергнуть его доводы непросто — обвиняемый и в самом деле повинен в смерти родственников судей.

— Мы это уже слышали. — Сюзерен был готов кого-нибудь укусить. — Робер, что скажешь?

А что говорить? Только то, что мэтру Инголсу нет цены.

— *«... поскольку непосредственными свидетелями деяний, вменяемых в вину герцогу Рокэ Алва, являются герцог Окделл и герцог Эпинэ, защита настаивает на том, чтобы они были приведены к присяге, ибо их показания являются основополагающими для выяснения имевших место событий»*, — зачел вслух Иноходец. — Что ж, если нужно, чтобы я дал показания, я согласен. Судья я и впрямь никакой. Я кодексов этих и в глаза не видел...

— Тебе и не нужно, — хмуро бросил сюзерен. — Законы — дело судейских, а они сели в лужу. С плеском.

— Суд можно перенести, — быстро сказал Робер. — Послы должны понять.

— Что понять? — не выдержал Альдо. — Что мы за свои слова не отвечаем?! И ведь как исхитрился! Обвинение до последнего держали в тайне, а он с другой стороны зашел.

— Как же так? — Робер оперся рукой о стол и поморщился от боли. — Ведь защите нужно подготовиться.

— В Гальтаре обвинение оглашалось в день суда, — уныло пояснил Кракл, — обвиняемый знал свою вину.

— Выйдите, Кракл, — лицо Альдо брезгливо сморщилось, — и вы, Феншо, тоже. Робер, адвокатов в дела эориев впутала мать Лорио Второго. Ричард, ты прочел?

— Да. — Дикон махнул письмом. — Я должен давать показания?

— Ты никому ничего не должен, — нахмурился Альдо, — и меньше всего этому бумагомараке, но, да будет вам известно, он завалил своей писаниной Посольскую палату.

— Перенеси процесс. — Письмо адвоката — последний рубеж, за него надо драться. — Я могу переговорить с этим мэтром...

— Чтобы он тебя вконец запутал? — рявкнул Альдо. — Если ты разогнал дюжину разбойников, не думай, что справишься с одним крючкотвором. Закатные твари, я не могу отказаться от суда эориев, не могу! В Талигойе должны понять: эории не чета остальным. Что бы они ни натворили, судить их могут лишь равные.

— Можно сказать, что открылись новые обстоятельства, — нужно тянуть время, изо всех сил тянуть, — мы ведь не должны ни перед кем отчитываться. В конце концов, месяц ничего не изменит.

5

Иноходец может так говорить, он не знает об исповеди. Что сделал бы Робер, открой он шкатулку? Бросил бумаги в огонь, чтобы скрыть позор Шарля, или показал Альдо?

— Повелитель Волн герцог Придд, — возвестил гимнет-тенъент.

Этого еще не хватало.

— Пусть войдет. — Радости на лице сюзерена не было. — Робер, отложить процесс нельзя, и хватит об этом. Валентин, вы знаете о выходке адвоката?

— Да, я только что получил прошение. — Валентин Придд поклонился и поправил воротник. Спрут был верен себе — траурный серый бархат и фамильный меч, примиривший сюзерена с отсутствием лиловой мантии. Ледяная тварь умела говорить «нет», впрочем, сегодня траур Придда был к месту, напоминая о погибших Людях Чести, а значит, о преступлениях Алвы.

— И что вы об этом думаете?

— От Инголса следовало ждать чего-либо подобного, — равнодушно сообщил Придд. — Признаться, я был удивлен, узнав о его назначении, но Кракл объяснил, что у обвиняемого должен быть шанс. Что ж, мэтр свою репутацию оправдал.

— Вы знаете Инголса? — Эпинэ повернулся, в темных волосах мелькнула седая прядь. — Откуда?

— Мой покойный отец длительное время был супремом. — Вежливость Спрута сама по себе была оскорблением. — Он говорил, что Инголс берет самые безнадежные дела и самую высокую плату. Два года назад по настоянию отца у мэтра отобрали мантию, но тот с помощью Манриков ее вернул. Нашей семье ссора обошлась очень дорого.

— Почему вы молчали? — Альдо еще больше помрачнел. — Мы должны были это знать.

— Я признал свою неправоту в отношении прокурора, — пожал серыми плечами Спрут, — и не стал повторять ту же ошибку в отношении защитника. К тому же я опасался услышать о том, что Повелитель Волн сводит счета с адвокатом.

— Вы были не правы, умолчав об Инголсе, — отрезал Альдо, — а мы ошиблись, не задумавшись над вашими словам. Феншо не оправдал нашего доверия.

— Это весьма прискорбно. — Когда речь идет о судейских, к Придду нужно прислушиваться, как бы ни было противно. Альдо хочет, чтоб они прекратили ссору, что ж, сейчас самое время.

— Герцог Придд, — Ричард старался говорить спокойно, — вы можете что-нибудь посоветовать?

— Боюсь, мэтр Инголс обвинит меня в сведении личных счетов не только с ним, но и с Домом Ветра. — Спрут улыбнулся одними губами. — Но я бы спросил Алву, нуждается ли он в защитнике и желает ли переноса суда.

Глава 5. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 16-й день Зимних Скал**

1

Ворон глядел на красно-синие витражи. Черный мундир, черные волосы, спокойный, равнодушный взгляд... Похоже, он просидел весь перерыв, даже не шелохнувшись, и уж всяко возвращение Высокого Суда прошло мимо его внимания. Встать герцога не просили — гуэций учился на ходу.

— Ваше Величество, Ваше Высокопреосвященство, господа Высокие Судьи, — для человека, заслужившего высочайшее неодобрение, Кракл держался неплохо, — прежде чем предоставить слово обвинению, Высокому Суду предстоит рассмотреть прошение, поданное адвокатом герцога Алва на высочайшее имя и на имя членов Высокого Суда.

Мэтр Инголс просит перенести дело и отводит четверых судей как имеющих личные счета с подсудимым. Он также полагает следствие незавершенным и настаивает на участие в оном Его Высокопреосвященства и представителей держав Золотого Договора.

Считаю своим долгом напомнить, что утром в присутствии обвиняемого было подчеркнуто, что суд ведется в соответствии с законами Эрнани Святого, при котором посредникам между обвиняемым и Судом, между зориями и государем не было места.

Прежде чем принять решение, Его Величество король Талигойский и Высокий Суд желают услышать, действительно ли герцог Алва не доверяет чести Окделлов, Приддов, Эпинэ и Карлионов?

Гуэций замолчал. Ворон медленно повернул голову, сощурился и вновь сосредоточился на витражах.

— Герцог Алва, — повторил Кракл, — отвечайте!

— Вы непоследовательны, барон, — светским тоном сообщил Алва. — С одной стороны, вы утверждаете, что посредники между мной и королем не нужны, с другой — короля здесь нет. Ну и кому, по-вашему, я должен отвечать?

— Я не знаю другого короля, кроме Его Величества Альдо Ракана, — возвысил голос Кракл, — и не желаю знать.

— Барон, — Ворон в свою очередь голос понизил, — вас слушают послы, если не ошибаюсь, четырех королевств. Они донесут своим королям, что барон Кракл о них ничего не знает, чем и гордится.

— Я не знаю другого талигойского короля, — вывернулся старейшина Совета провинций. Зал замер и правильно сделал.

— Ужас, — припечатал Алва. — Вы — профан не только в землеописании, но и в истории, и в словесности. Судя по тому, что здесь зачитывали, я надеялся, вы хотя бы Дидериха осилили, но я вас переоценил. У солнца нашей словесности в каждой пиесе король сидит на короле и королем погоняет, а незаконные принцы и вовсе кишат. Как ызарги. Читай вы Дидериха, вы бы знали не меньше дюжины королей, причем в большинстве своем

талигойских.

— Герцог, — не выдержал супрем Кортней. — Вы превращаете суд в балаган.

— Я? — поднял бровь подсудимый. — Помилосердствуйте. Я пытаюсь сделать вашу мистерию хоть сколько-нибудь забавной.

— Герцог Алва, — Кортней почел за благо не принимать вызова, — мы продолжаем. Вы поддерживаете прошение вашего адвоката?

— У меня есть адвокат? — осведомился Алва. — Простите, запомнил.

— Ваш адвокат мэтр Инголс, — Кракл вышел из боя, но супрем был отцом генерала, хоть и не лучшего, — он уполномочен представлять ваши интересы.

— Кем? — вежливо осведомился кэналлиец.

— Высоким Судом. — Какой все же Кракл крикливый, торгуй он лимонами, ему б цены не было. — Это решение утверждено Его Величеством Альдо Первым.

— Несерьезно, — махнул скованной рукой Ворон, — к тому же мои интересы давно представляет Леворукий.

— Иными словами, — возвысил голос супрем, — вы отказываетесь от защитника и не намерены подавать прошение упомянутого содержания?

— Требую слова! — Толстяк в мантии, но без венка рванулся вперед сквозь толпу судейских. — Я должен переговорить с моим подзащитным! Герцог, мы не могли встретиться раньше... Но сейчас... Вы совершаете ошибку... Страшную ошибку... У нас отменные позиции, им нечего возразить!

— Зато мне есть. — Ворон был спокоен, единственный спокойный человек во взбаламученном зале. — Мэтр, как юрист, вы должны понять, что прошение подразумевает признание за тем, кому оно направлено, судейских и королевских полномочий. Я таковых за присутствующим здесь странно одетым молодым человеком и его приятелями не признаю. И я имею обыкновение отвечать за свои поступки лично.

— Высокий Суд, — физиономия адвоката была круглой и блестела, как луна, — я прошу разрешения переговорить с герцогом Алва наедине. Я знаю, что это допускается лишь после допроса свидетелей обвинения, но в создавшейся ситуации...

— Разумеется, — Робер поднялся с места прежде, чем сообразил, что сделал, — говорите.

— Повелитель Молний выразил мнение всех членов Высокого Суда, — уточнил Кортней, — или это его личное мнение?

— Дом Волн согласен, — процедил Придд. — Господин Инголс, полчаса вам хватит?

— Мэтр Инголс, — Алва непринужденно повернулся к защитнику, — давайте говорить при всех, людям же интересно. Разговор наедине для меня ничего не изменит, а вам может дорого обойтись. Мне бы не хотелось, чтобы вас выловили из Данара, в Талиге не так много приличных законников.

— Как вам угодно, — адвокат, надо отдать ему должное, не растерялся, — но я настоятельно советую не полагаться на милосердие ваших кровных врагов. Вы имеете полное право настаивать на замене судей и на том, чтобы к вам применялись законы, действовавшие в королевстве в день и час оглашения обвинений. Это никем не отмененные кодекс Франциска и протоколы Золотого Договора, а не древние кодексы.

— Какая жалость, — улыбнулся Алва. — Нам и впрямь следовало встретиться раньше, но мы с бароном сошлись на гальтарских кодексах, а карте — место. Кстати, сударь, вам заплатили?

— В известном смысле я полностью вознагражден. — Робер предпочел бы видеть лицо мэтра, но видел лишь внушительный юридический зад. Адвокату надо заплатить. Это, как ни глупо звучит, долг чести. Тебе подарили жизнь, Дракко и кошелек, пора отдавать долги, начиная с кошелька.

— Работа мэтра Инголса будет оплачена, — проснулся супрем. — Со дня его назначения по сегодняшний день включительно. Итак, герцог Алва при свидетелях отказывается от защиты и не намерен подавать прошение.

— Более того, — уточнил Ворон, — я согласен на гальтарскую процедуру со всеми ее кульбитами. Мы ведь судимся по допотопным кодексам, не так ли?

— Да, — торжествующе подтвердил гуэций, — суд исходит из приоритета кодекса Эридани за исключением пунктов, под которые подпадают обвинения, невозможные в Золотой Империи.

— Но, — поднял руку прокурор, — процедура принятия и исполнения приговора, а также его обжалования в полном объеме соответствует прецедентам, имевшим место во времена царствования Эрнани Святого.

— Ты сказал, — кивнул Ворон, — а я слышал.

— Герцог, — начал приподниматься Феншо, — никто, кроме государя, не может «тыкать» человеку Чести и...

— Герцог Алва ответил вам, как отвечали во времена Эрнани, — Валентин Придд смахнул с рукава что-то невесомое, — в те времена обращения «вы» еще не существовало.

Обвинитель плюхнулся на свою скамью. Придд еле заметно улыбнулся: его совет оказался верным. Рокэ не мог не ответить вызовом на вызов. Теперь он остался без защитника.

2

— Герцог! — Гони таких, как Инголс в дверь, они влезут в окно. — Запомните! Теперь вы — адвокат... При Эрнани обвиняемые защищались сами! Вы можете задавать вопросы... Можете заявлять протест, сомневаться в правомочности улик, в добросовестности свидетелей. Потребуйте обвинительный акт... Они обязаны предоставить!..

— Мэтр Инголс, — велел супрем, — немедленно удалитесь!.. Вы больше не имеете права...

— Имею! — бушевал мэтр. — Я клялся защищать перед Создателем! Мне всякие недоучки не указ, что бы они на себя ни нацепили...

— Мэтр Инголс! — Алва впервые повысил голос, и это возымело действие. Адвокат замолчал. Замолчали все.

— Любезный мэтр, — подсудимый говорил с законником, как с уросливой лошадей, — все в порядке, вы можете уйти. Уверяю вас, я за себя ответить в состоянии. Господа, дайте мне этот акт, и мэтр Инголс уйдет счастливым.

— Мэтр Инголс, — потребовал Кракл, — вы слышали, что сказал герцог Алва? Он в ваших услугах не нуждается, немедленно покиньте зал суда. Ликтор, примите у мэтра Инголса обвинительный акт и передайте герцогу Алва. Обвинение, вы готовы представить первых свидетелей?

Адвокат больше не спорил. Спрут своего добился: какая простая месть и какая безопасная! Два вопроса и чужая гордыня... Достоин мерзавца и потомка мерзавцев, а ведь Придд об исповеди не знает. Он спасает не Талигойю, а собственную шкуру и честь брата.

Кракл зазвонил в колокольчик. Зачем? И так невозможно тихо.

— Обвинение готово?

— Да, господин гуэций.

Обвинитель разложил на правой кафедре бумаги и выпрямился, гальтарская тога превращала его в какую-то копну. Оскар дал бы себя расстрелять, но не надел бы этот кошмар... Но Оскара Феншо расстреляли на самом деле. Ворон и расстрелял.

— Господин прокурор, — велел Кракл, — говорите.

— Ваше Высокопреосвященство, господа судьи, — начал Феншо. Составленную обвинением речь Дикон видел у сюзерена еще вчера. Феншо и его помощники, собирая доказательства, проделали чудовищную работу, для смертного приговора хватило бы и десятой части. Отрицать вину Ворона не станет никто, и все же было в этом человеке что-то, ставящее его выше спрутов и краклов.

Начни кэналлиеца юлить, выторговывать себе дни и месяцы жизни, дожидаясь помощи

от союзников, это был бы не он, не ворон, бросившийся на орлана. Нет, Альдо никто не упрекнет в легкой победе, эр Рокэ — достойный противник! Он принял последний вызов, как некогда звание Проземператора. Тогда он победил, сейчас это невозможно. Воля Кэртианы вознесла Раканов, круг Олларов завершился, Алва проиграл, но, отказавшись от прощения, он не потерял себя, как не потерял себя отец, встав на линию.

— ... непосредственным свидетелем чего стал тенъент Артюр Рюшан, — возвысил голос Феншо; оказывается, он уже закончил первую статью.

— Суд заслушает свидетеля Артюра Рюшана, — кивнул гуэций, — пусть войдет.

Судебный пристав распахнул низенькую дверцу:

— Артюр Рюшан, Высокий Суд ждет ваших слов.

Ждет! Одно дело — прочесть сухие, пересыпанные юридическими словечками строки и совсем другое — услышать очевидца. Альдо на все расспросы о покушении огрызался, а потом пришла весть о резне в Тарнике, и стало не до того.

— Артюр Рюшан здесь. — Из проема возник еще один пристав, за зеленым плечом маячил худощавый офицер в кавалерийском мундире.

— Назовите свое имя, — строго произнес Кракл, вряд ли хоть раз стоявший под пулями.

— Артюр Рюшан, тенъент второго кавалерийского полка.

— Принесите присягу.

— Именем Создателя, — тенъент уверенно положил руку на серый том, — жизнью государя и своей Честью клянусь говорить правду. И да буду я проклят во веки веков и отринут Рассветом, если солгу.

— Суд принимает вашу присягу, — подтвердил гуэций. — Феншо, этот человек будет правдив. Спрашивайте.

— Да, господин гуэций. — Обвинитель повернулся к тенъенту. — Вы были одним из тех, кого Его Величество взял с собой в Тарнику утром пятого дня Осенних Волн минувшего года? Это так?

— Да, господин обвинитель.

В тот, едва не ставший черным, день сюзерен ускакал в Тарнику, не предупредив ни Ричарда, ни Робера. Он рассчитывал вернуться следующим вечером, но появился раньше. На чужой лошади, с кое-как перевязанным плечом...

— Вы выехали очень рано, намереваясь к полудню достичь загородного дворца, куда съехались приглашенные Его Величеством военачальники?

— Да, господин обвинитель.

— Около девяти часов утра вы поравнялись с Беличьей рощей. Через рощу протекает полноводный ручей с топкими берегами. Мост был поврежден, и Его Величество решил переправляться вброд, для чего стал подниматься вверх по течению?

— Да, господин обвинитель.

— Расскажите, что случилось потом.

— Отряд двинулся вдоль ручья. Тропинка была узкой, мы растянулись. Начинало светать, но под деревьями было еще темно. Его Величество ехал вторым, как раз передо мной...

— Кто ехал первым?

— Капрал Трувэр, господин обвинитель. Он лучше других знал дорогу.

— Что было дальше?

— Сначала мы ехали прямо, потом ручей резко свернул. На излучине очень сильно разросся можжевельник. Капрал Трувэр, Его Величество и я, объезжая заросли, спустились к самой воде, и в это время рухнул росший на том берегу высокий тополь. Он загородил дорогу тем, кто ехал за мной, и напугал лошадей. Его Величество остановил коня, и тут прогремел первый выстрел. Все произошло очень неожиданно, я не сразу понял, что случилось, а Его Величество крикнул: «Убили капрала!» — и велел поворачивать.

— Вы повернули?

— Нет, моя лошадь разволновалась, я не сразу сумел ее успокоить, и тут выстрелили снова. Конь Его Величества упал, но Его Величество успел соскочить. Я спешился и бросился к Его Величеству, и тут выстрелили третий раз. Его Величество вскрикнул, и я увидел, что он зажимает пальцами рану. Я начал срывать с себя шейный платок, чтобы ее перевязать, но Его Величество крикнул, что рана легкая. Я оглянулся и увидел на том берегу всадника.

— Вы его узнали?

— Тогда нет, — Рюшан впервые за время своего рассказа отвернулся от Феншо и взглянул на Ворона, — теперь узнаю.

— Это был обвиняемый?

— Да, господин обвинитель.

— Вы его узнали, несмотря на то что, по вашему утверждению, было темно, а он находился довольно далеко?

— Не так уж и далеко, господин обвинитель, — не согласился тенъент. — От нас до того берега было не больше полусотни бье, а убийца подъехал к самой воде. Лица я действительно не видел, но запомнил фигуру, посадку, стать и ход лошади. Кавалерист в таком случае не ошибется.

— Когда вы увидели этого человека снова?

— В восьмой день Осенних Волн, когда он убил господина маршала Люра.

— Вернемся к первому покушению. Что сделал всадник, которого вы заметили?

— Он поднял пистолет. Я попытался закрыть собой Его Величество, но Его Величество меня оттолкнул, и тут те, кто ехал сзади, опомнились и начали стрелять. Всадник помахал нам рукой, повернул коня и скрылся в зарослях. Преследовать его возможности не было.

Феншо удовлетворенно кивнул:

— Ваше Величество, Ваше Высокопреосвященство, господа судьи, мои помощники опросили всех, кто был в эскорте Его Величества. Они подтверждают показания тенъента Рюшана. Должен ли я их пригласить?

— Не вижу необходимости, — решил супрем, — по крайней мере, до того, как обвиняемый признает или же нет свою вину.

— Закон не обязывает заслушивать всех свидетелей, если они утверждают одно и то же, — поддержал Кортнея Кракл. — Рокэ Алва, признаете ли вы, что в пятый день Осенних Волн стреляли в Его Величество Альдо Первого?

3

Сюзерен не знал, как стреляет Ворон, а Дикон только вчера узнал, что стрелял именно он. И промахнулся. Воистину, Раканы угодны Кэртиане, теперь это поймет даже Робер...

— Подсудимый, — велел Феншо, — отвечайте на вопрос.

Алва всем телом развернулся к гуэцию, его лицо стало заинтересованным:

— А вы потом будете спрашивать, не я ли в восьмой день Осенних Волн прорвался к эшафоту?

— Рокэ Алва, — лицо Кракла было тверже голоса, — не пытайтесь уйти в сторону.

Ворон непринужденным жестом поправил цепь, словно это были Звезды Кэналлоа.

— Барон, это не праздное любопытство. Раз уж мы вступили в гальтарские дебри и отпустили мэтра Инголса, должен же кто-то исполнять его обязанности. Итак, утверждение о драке под эшафотом остается в силе?

— Разумеется, — гуэций был удивлен, — но всему свое время. Покушение на персону Его Величества более тяжкое преступление, нежели убийства маршала, офицеров и солдат. Оно рассматривается первым.

Ворон на мгновение свел брови:

— Не годится, — решительно объявил он. — Если так называемых военных убил я, то при описанных вами обстоятельствах я не мог не прикончить присутствующего здесь

молодого человека в белых штанах. А если я не сумел его убить, то тем более не мог умертвить перебежчика с красной перевязью и иже с ним. Будьте любезны определиться с тем, что я сделал, а до тех пор разговор представляется бессмысленным.

Алва был Повелителем, а Кракл — ординаром, он растерялся, Феншо тоже молчал. Первым опомнился супрем:

— Прибавляя к уже свершенным преступлением публичное оскорбление Его Величества, — напомнил он, — вы лишь отягчаете свою участь.

— Вот и хорошо, — живо откликнулся Алва. — Кстати, раз уж зашел разговор об оскорблениях. Почему вы столь настойчиво нападаете на то, что он — законный король? Нет, я понимаю, что он вам нравится, но законности в нем не больше, чем во Франциске Олларе, которого вы величаете узурпатором. Терпеть не могу вмешиваться в судейские дела, но вы проявляете ужасающую непоследовательность, а юриспруденция подобного не терпит.

— Раканы искони правили Золотыми землями, — отрезал супрем, — их права, в отличие от прав марагонского бастарда, неоспоримы.

— Вы это серьезно? — Алва вновь заложил ногу за ногу. — В таком случае все золотоземельские монархи, кроме кана холтийского и моего друга Бакны, — узурпаторы, присвоившие себе то, что по праву принадлежит Раканам. Раканы владели не только нынешним Талигом, но и Гайифой, и Приморской Дриксен. Господин в белых штанах намерен вернуть и их?

Ворон, издеваясь, попал в яблочко. Королевства и герцогства исчезнут с лица Золотых земель, слившись в великую и вечную анаксию. Они этого еще не знают и не должны знать. Слова Алвы могут насторожить послов, Ворона надо опровергнуть!

— Его Величество Альдо Ракан никоим образом не претендует на бывшие провинции империи, — торопливо произнес Кракл. — Нынешний статус Золотых земель подтвержден Его Святейшеством и подписанными договорами, как и права Раканов, высшей милостью тысячелетиями владевших Талигойсей.

— Тысячелетиями? — оживился Ворон. — И вы говорите это в присутствии кардинала?! Вас послушать, так Раканы правили исключительно именем нечисти.

— Герцог Алва, — потребовал гуэций, — не кошунствуйте!

— Нет, — осклабился кэналлиец, — это вы не кошунствуйте. Если я не путаю, эсператизм подразумевает отречение от духов нечистых. Спросите у кардинала, что под этим подразумевается.

— Вы отвлекаете внимание суда, — поспешил на помощь Кортней.

— Отнюдь нет. Я, если угодно, привлекаю внимание присутствующих клириков к росточкам очаровательной ереси. Нечистыми духами эсператисты объявили богов, почитавшихся в Золотой Анаксии, когда про Создателя не слыхали даже в Гайифе. Впрочем, про Гайифу тогда тоже не слыхали.

Эрнани старые боги разонравились, и он от них отрекся, с кем не бывает. Вот вы, барон, отреклись от Фердинанда, честно сняли старую мантию и надели это... зеленое. И вы не подкрепляете свое нынешнее положение манифестами Оллара. Как же вы можете настаивать на тысячелетних правах династии Раканов? То есть ссылаться на волю отринутых духов. Я уж молчу о том, что духи могли изменить свое отношение к отрекшимся. Я бы на их месте изменил.

— Его Величество Альдо коронован с благословения Эсперадора Юнния, — почти выкрикнул Кракл. Что делать, он явно не знал, а выход существовал. Признать истинных богов богами, но именно это было невозможно.

— Раканы в изгнании были гостями Эсперадора, — подсказал Феншо.

Ворон поднял бровь.

— Вы полагаете, за прошедшие четыреста лет духи нечистые стали чище? Любопытная мысль, я обязательно на сей счет подумаю.

— Господин прокурор, — нашелся супрем, — мы отвлеклись от главного. Суду не нужен теологический спор. Суду нужен ответ, покушался ли герцог Алва, лично на жизнь

Его Величество Альдо или же нет?

— Хорошо, — устало сказал Алва, — дайте мне заряженный пистолет, коня, означенного Альдо, опять-таки с конем, и какого-нибудь капрала. Если именующего себя Раканом господина что-то спасет, то я признаюсь в убийстве капрала и лошади, а заодно и в Создателя уверую.

4

— Но убийства в восьмой день Осенних Волн вы признаете? — быстро переспросил Феншо. Он еще сохранял самообладание.

— При условии, что мне прекратят навязывать бездарную пальбу у ручья.

Кракл повернулся к Кортнею, тот едва заметно пожал плечами, Феншо сошел с кафедры и присоединился к совещанию. Ворон прикрыл глаза. Не понимать, что его ждет, он не мог, но на худом, точеном лице не было ничего, кроме скуки.

Алва так долго искал смерть и наконец нашел. Чего ему бояться? Скоро он будет свободен от всего: чужой ненависти, убитой совести, сожравшей душу пустоты. Как же был прав эр Август, когда говорил, что для кэналлийца жизнь страшней Заката. Смог бы Ворон начать заново, узнав, что его предок не связан с Олларами предательством и убийством? Вряд ли, слишком поздно, но его сына ждет другая участь. Карл Борраска в день своего совершеннолетия услышит правду об Эрнани, Рамиро и Экторе, чтобы в свою очередь передать тайну наследнику.

Часы неторопливо отзвонили шесть, сменилась стража.

— Господа, — негромко окликнул Ворон, — у вас что-то случилось?

Судейские вздрогнули, как застигнутые ментором унары. Феншо уставился в бумаги, гуэций переглянулся с супремом.

— Господин обвинитель, вы располагаете доказательствами нападения подсудимого на находящегося при исполнении своих обязанностей маршала Килеана-ур-Ломбаха?

— Располагаю. — Обретший былую уверенность прокурор взобрался на кафедру. — За Рокэ Алвой с момента его появления и до взятия под стражу наблюдало более тысячи человек. Ошибка исключена.

— В таком случае, если обвиняемый признает содеянное, допрос свидетелей необязателен. Герцог Алва, на этот раз вы не можете отрицать свои... деяния.

— Килеана-ур-Ломбаха я убил, — пожал плечами Алва, — но не маршала, а генерала и не при исполнении, а на дуэли.

— Вы прекрасно понимаете, что имеется в виду, — вмешался супрем. — Мы говорим об убийстве маршала Талигойи Симона Килеана-ур-Ломбаха, последовавшего в восьмой день Осенних Волн. И вы это уже признали.

— Насчет маршала вы ошибаетесь, — светским тоном сообщил Ворон. — Я, пользуясь своими полномочиями, уничтожил нескольких изменников, среди которых находился и бывший генерал Люра.

— Значит, — оживился Кортней, — вы свою вину не отрицаете?

— Если вы объявите пресловутого Алана не святым, а изменником, — кивнул Ворон, — я готов составить ему компанию в Закате и признать покойника маршалом при исполнении.

— Герцог Алва, — Феншо развернул какую-то бумагу, — царствование Его Величества Альдо Ракана начинается с момента отречения Фердинанда Оллара. Соответственно, Симон Люра являлся действующим маршалом Талигойи. В отличие от вас.

— У вас плохо с памятью и логикой, милейший, — упрекнул обвинителя Ворон, — и это у вас фамильное. Последним действующим маршалом Талигойи был Эктор Придд, и все. Что до Люра, то его Величество Фердинанд распорядился о казни изменника, что и было исполнено.

— Оллары никогда не были законными королями, — закричал Кракл, — вы слышите,

никогда?! Талиг принадлежит Раканам и только Раканам.

— Барон, — лицо Алвы стало веселым и злым, — Оллары последние четыреста лет подписывали договоры, включая оба Золотых, и вовсю роднились с династическими домами, даже в Агарисе послов держали. Оллары столь же законны или же незаконны, как и любой из династических домов.

Кэналлиец замолчал и усмехнулся. Он не увидит, как Талигойя станет Золотой Анаксией, в сравнении с которой Талиг Олларов покажется жалким.

— Господа, — супрем затряс колокольчиком Кракла, — успокойтесь! Подсудимый, ваши выпады неуместны. Господин Феншо, суд настаивает на том, чтоб вы придерживались обвинительного акта. У вас остались вопросы к подсудимому?

— Да, — бросился в бой Феншо. — Обвиняемый, почему из всех присутствовавших вы... избрали маршала Люра?

— Ну, — Алва на мгновение задумался, — покойный вообще производил впечатление человека, которого следует незамедлительно убить, и у него была такая притягательная перевязь... То, что я узнал о нем позже, подтверждает, что душевным порывам иногда стоит следовать. Что-нибудь еще?

Кракл ответить не успел, поднялся сюзерен.

— Гуэций, — на Алву государь даже не глянул, — отведенное вам время истекло. Мы обещали послам, что в шесть часов пополудни они будут свободны, и мы не можем задерживать их дольше.

Глава 6. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 16-й день Зимних Скал**

1

Зал суда слишком напоминал Лаик, чтоб оставаться там по доброй воле. В старых зданиях всегда так — холод, плесень, дурные сны. Предав своих богов, Талигойя состарилась и умерла, чего удивляться, что труп сожрали олларские падальщики.

Чужая злоба давила в спину тупым копьем, но оглядываться не стоило. Дикон это понимал и все-таки обернулся, встретив встревоженный взгляд Иноходца.

— Ричард, что-то случилось?

— Не знаю, — протянул Дик, — показалось, кто-то в спину смотрит. Не Ворон.

— Да, он на нас не смотрел, — согласился Эпинэ, — это на него все смотрели.

— Наглец, — дал выход возмущению Берхайм. — Меня поражает великодушие и долготерпение Его Величества. Негодяя следует немедленно четвертовать. Какой суд?! Какие доказательства?! Он оскорбляет государя и великую Талигойю!

— Я вижу в этом определенную пользу, — сощурился Придд, — теперь никто не усомнится, что Рокэ Алва находится здесь. Слухи о том, что флотом мари́кьяре командовал Ворон, стихнут сами собой.

— Это так, — поджал губы Карлион, — но Кракл ведет процесс из рук вон плохо. Он слишком мягок, чтобы не сказать нерешителен. Граф Феншо или супрем ведут себя с большим достоинством.

— Боюсь, — задумчиво произнес Иноходец, — Феншо удастся доказать не все обвинения. Я не законник, но то, что нес прокурор, чушь кошачья!

— Это решать суду, — сюзерен показался на пороге Бронзового кабинета, и лицо его было угрюмым, — то есть вам, господа. Если большинство сочтет обвинения недоказанными, они будут отменены. Феншо сделал все, что в его силах, но обвинение еще не приговор.

— Великодушие и справедливость Вашего Величества останутся в веках, — выразил общее мнение Карлион, — но Ворон их не стоит.

— Проявляя милосердие, мы спасаем не своих врагов, но свои души. — Дикон сначала не понял, в чем дело, а потом едва не рассмеялся: о милосердии заговорил не дверной косяк, а Левий, почти невидимый из-за плеча Альдо. «Луч животворного солнца и серая, мрачная тень» — так однажды написал Веннен, и как же эти слова подходят к королю и кардиналу!

— Его Высокопреосвященство оказал нам большую честь, — сухим голосом сообщил сюзерен, — а теперь ему нужен Эпинэ.

— Герцог, — хмуро возвестил Левий, — ваша кузина просила передать, что желает вас видеть.

— Благодарю, Ваше Высокопреосвященство, — для Робера визит к Катари всего лишь родственная обязанность, — я обязательно к ней заеду.

— Если вы решите сделать это сегодня, — все так же хмуро сказал кардинал, — моя карета к вашим услугам.

— Благодарю, Ваше Высокопреосвященство, — повторил Робер, — я привык ездить верхом.

— Но вы неважно выглядите.

— Я не выпался.

— Его Высокопреосвященство прав, — положил конец спору Альдо, — тебе следует себя поберечь, так что отправляйся в карете. Заодно заверишь госпожу Оллар в нашем неизменном к ней расположении. Скоро она узнает неприятную новость. Окделл, идемте со мной, остальные могут быть свободны.

2

— Сегодняшний день был слишком долгим. — Левий задумчиво поглядел на догорающее небо. — Что ж, Эпинэ, проходите и выбирайте: шадди, вино или исповедь?

— Если не возражаете, вино.

— Герцог, — взгляд кардинала стал лукавым, — я не имею обыкновения предлагать то, против чего возражаю. Кэналлийское не разбудит в вас непрошенных сожалений?

— Не разбудит, — невольно усмехнулся Робер, — потому что они не спят.

— Тогда выпьем «Рыцарской крови». Она не так горчит, как «Змеиная».

Совпадение или намек на Спрута? Закатные твари, как мерзко всюду видеть двойное дно!

— Я недавно пил «Змеиную кровь» с герцогом Приддом.

— Этот молодой человек знает многое, — кардинал расставил бокалы, — но он умеет молчать.

О да, молчит Валентин просто великолепно.

— В Доре Придд и его люди сделали очень много.

— В отличие от тех, чьей прямой обязанностью это являлось. — Кардинал с недовольным видом отхлебнул из бокала. — Зимой я кипячу вино со специями. Увы, сегодня я слишком устал и не имею ни малейшего желания доверять это секретарю. Пьетро весьма полезен, но не в этом случае.

— Доверьте мне, — улыбнулся Робер. — Я, как-никак, служил в Торке.

— Охотно. — Кардинал бросил на стол ключ. — Все необходимое в правой дверце. С жаровней справитесь?

— Конечно. — Из резного шкафчика пахло пряностями и лимонами, тускло блеснул медный кувшин. — Однажды в Агарисе я чуть не убил торговку лимонами. Она орала под окнами, а мне хотелось мяса и вина, но не было денег.

— Вы голодны? — оживился Левий.

— Нет. — Эпинэ заглянул в кувшин, внутрь была вставлена сетка для кусочков фруктов. — Сам не знаю, почему вспомнилось. Тогда казалось, хуже быть не может.

— Его Святейшество любил притчу о кролике, которого гнала лиса, — откликнулся Левий. — Бедняга кролик возроптал на свою участь, и в тот же миг мимо пронеслась лань,

которую гнала свора собак. Не правда ли, поучительно?

— Очень. — Что лисица, что собаки, для добычи конец один. — Вы любите гвоздику?

— Разумеется, — удивился Левий. — Вы обратили внимание, что сегодня в одном месте собрались все четыре Повелителя и Ракан?

— Вы полагаете, это важно? — Лимонные кольца влажно блестели и пахли Агарисом и уходящей любовью. — То, что мы сошлись?

— Последний раз подобное случилось в ночь падения Кабитэлы. Эрнани Ракан, Алан Окделл, Рамиро Алва, Эктор Придд, Шарль Эпинэ... Четверо погибли, один выжил. Любопытно, знал ли он правду.

— О чем? — не понял Робер, разыскивая гвоздику. Дела четырехсотлетней давности казались неправдоподобно далекими.

— Хотя бы о последней воле Эрнани Ракана, — подсказал Левий, — о его подлинной воле.

— Он же передал власть Придду, — не понял Робер. — Король был болен и отрекся, потом его убили...

— «Убили», — поднял палец Левий. — Так говорят, когда не готовы назвать убийцу, но убийца Эрнани известен четыреста лет. Вы не согласны?

... Расколота молнией ара, крупный, светловолосый человек за столом и другой, быстрый и смуглый, в дверном проеме. Неслышный разговор, сверкнувшие мечи, тело на каменных плитах...

— Рамиро Алва убил герцога Придда, а его самого убил Окделл, но король... Я не знаю.

— Разве «премудрый» Домециус не открыл вам истину? — Кардинал погладил своего голубка. — Кладите больше корицы, если она вам не отвратительна.

— Мы его не спрашивали. — Свихнувшийся астролог не та тайна, которую нужно беречь. — Альдо хотел узнать свою судьбу, а предки были отговоркой для любопытных.

— Выходит, правду вновь подменила легенда. На сей раз о не вынесшем древних тайн астрологе. Жаль, что четыреста лет назад Окделл поторопился...

— Пожалуй, — не стал спорить Робер, — но Алан был верен сюзерену, это свойственно Скалам.

— Возможно, — лицо кардинала сделалось замкнутым, — но если Алан походил на нынешнего Окделла, его верность стоила недорого.

— Ричард готов умереть за Альдо. — Верность Дикона сюзерену — то небольшое, в чем нельзя усомниться. — Дело Раканов для него — все.

— Опять-таки возможно, — согласился Левий, — но я не помню прецедента, когда оруженосец судил бы своего господина. И я не помню прецедента, когда монарх освобождал вассала от присяги оруженосца. В старое доброе время между юношей и эром мог встать лишь Создатель в лице магнуса ордена Славы, но Леонид далеко, и он не одобряет предателей. Как и святой Адриан. По-моему, угли сейчас погаснут.

— Алва освободил Ричарда от клятвы.

— Это говорит об эре, а не об оруженосце.

— Простите, — Робер помешал уголья, по черному побежали закатные сполохи, — не мне судить Ричарда и Алана.

— Сейчас судят не их, — напомнил Левий. — Странное дело, на первый взгляд суд над Алвой кажется глупостью, причем двойной. Герцог Алва жертвует собой, спасая короля. Но умный человек, к каковым я причисляю кэналлийца, спасал бы не Фердинанда, а Талиг. Альдо Ракан заполучил ценнейшего заложника и вытаскивает его на открытый суд с очевидным приговором. Зачем?

— Чтобы исправить мою нерасторопность. Остановив казнь, я оставил Альдо с Алвой на шее, но без средств.

— Глупости, — на коленях кардинала непонятным образом возникла кошка, — ваше благородство играло Ракану на руку. У него был роскошный выбор: его новое величество

мог свалить все подлости на разрубленного Люра, поблагодарить Ворона за самоотверженность и отпустить марагонца Оллара к кошачьей матери. Конечно, он вряд ли до нее бы доехал, но причем здесь Альдо Ракан? Ну а если б и доехал... Согласитесь, такое знамя Талиг не украсит, а как заложник Ворон много ценнее, по крайней мере, в глазах Ноймаринена и Фомы. Особенно если страна узнает, от кого на самом деле «дети Фердинанда».

— А вторая возможность? — Раскаленная жаровня, черные крыши за окнами, запах пряностей и покой... А прошлой ночью Ноха казалось ужасной, почему?

— Вторая? Опять-таки отпустить всех, но Ворона убить. Немедленно и прилюдно. Пристрели вы Алву на месте, особого удивления это ни у кого бы не вызвало, даже у него самого, но Ракан захотел суда. Он его получил, а дальше?

— Не знаю.

— Алва, целивший во всадника и попавший в коня и капрала, это смешно. — Рука кардинала ласкала кошачью шерсть, но глаза были злыми. — Абсурдные обвинения, абсурдная процедура, абсурдные одежды! Что можно вменить кэналлийцу по гальтарским кодексам? Да ничего! По законам анаксии измена — преступление против государства. В раннеимперские времена туда же подогнали преступления против императора, но императора действующего. В этом смысле Алва невинен, как невеста, а вот Его Величество Ракан — увы...

— Ваше Высокопреосвященство, — сейчас он спросит и услышит то, что знает и так, — Алву убьют?

— Все идет к тому. — Кардинал снял с колен недовольно вякнущую кошку, встал, прошел к окну. — Альдо нужен мертвый Алва, до такой степени мертвый, чтоб слухов о том, что кэналлиец жив, и тех не возникло. Ракан идет даже на то, что Ворон изваляет суд в грязи. Ведь это, как ни печально, доказывает подлинность подсудимого.

В горле запершило, Робер кашлянул и повернул жаровню. Над носиком кувшина клубился розовый пар, потрескивал раскаленный песок, сзади что-то заскрежетало, Иноходец резко обернулся. Ничего страшного, просто кошка точит когти о сундук.

— Ваше Высокопреосвященство, — насколько можно верить этому человеку? — выдвинутые обвинения можно опровергнуть?

— Чем нелепее обвинения, тем труднее с ними спорить. — Левий принялся неторопливо задерживать портьеры — медленно, словно не желая поворачиваться к собеседнику лицом. — Поверьте кардиналу, мои предшественники отправили на костер и в мертвые озера тысячи. Большинство обвинений были еще глупее.

— Покушения не было. — Пусть знает, хуже не будет. — Алва не стрелял в короля, а Давенпорт не был в Тарнике.

— Не могу сказать, что моя совесть чересчур нежна, — Левий наконец отгородился от сгустившихся сумерек и вернулся к камину, — но подробности воцарения Альдо Ракана могут оказаться... слишком своеобразными для члена конклава. Я не желаю их знать, по крайней мере сейчас.

— Их знаю я. — Что сделает Альдо, если Эпинэ поднимется на кафедру и потребует привести себя к присяге? Прикажет замолчать? Вызовет гимнетов? Выстрелит? Объявит сумасшедшим?

Кардинал подхватил кошку и водрузил на прежнее место.

— Судья не может свидетельствовать, а кодексы признают свидетелями лишь очевидцев. Вы присутствовали при покушении на Его тогда еще Высочество и при убийствах в Тарнике? Насколько мне известно, нет. А где те, кто присутствовал или записан в таковые? Давенпорт и кэналлийцы далеко, мертвые, в том числе и господин Килеан-ур-Ломбах, в Закате, а от перевязи Люра Ворон не отопрется.

— Он и не пытается, — устало произнес Робер, — но он исполнял свой долг.

Левий вздохнул.

— Попробуйте взглянуть на дело глазами Феншо, — посоветовал он. — Альдо объявил

себя королем со дня отречения Фердинанда. «Павлины» с «гусьями» это признали. С их точки зрения, Алва напал на солдат и офицеров законного короля, исполняющих СВОЙ долг. Фердинанд в своем треклятом манифесте велел Первому маршалу сложить оружие, а не драться. Вы можете доказать, что, исполни Ворон приказ, его бы прирезали в ближайшем овраге, а Оллара и заложников казнили?

— Нет.

— И никто не сможет, так что Алву признают виновным. Тем более что Оллар скажет все, что ему велят. Это не король, не человек и даже не крыса, потому что крыса бы защищалась.

— Вино готово. — Он не станет ничего предлагать, пусть это сделает Левий. — Но я не уверен в том, что положил мед.

— Это плохо. — Кардинал подставил кружку. — Когда человек не помнит, куда кладет мед, а куда — перец, ему следует отдохнуть.

— Я положил перец? — Вот так и сходят с ума. — Прошу прощения.

— Не положили, — успокоил Левий, — но если не выпитесь этой ночью, положите. Вам ли не знать, что лошадей загонять не следует.

— За лошадей решают всадники. — С медом все в порядке, а вот корицы могло быть и меньше, хотя Левий ее вроде любит.

— А за людей решает совесть. — Кардинал щелчком захлопнул крышку. — Пусть настоится. И все-таки, герцог, что заставило Альдо нырнуть в лужу?

А действительно, что? Слухи про Хёксберг? Но о суде заговорили еще на коронации. Альдо был пьян своим триумфом, но не настолько же...

— Сюзерен не хочет решать судьбу Алвы в одиночку, — предположил Эпинэ, разглядывая львов на кувшине.

— Это похоже на Альдо Ракана. Ему кажется, что, если использовать для подлых дел подлеца, останешься чистым, а подлеца можно выбросить — не жалко. Был Айнсmeler, теперь Кракл и Феншо. После приговора их если не казнят, то с позором прогонят, а ваш друг разведет руками. Именно так поступает Его Величество Дивин, когда из его хвоста выпадает очередное перо. Кстати, давно хотел спросить, зачем вы понадобились гайифскому послу?

— Сам не понял. — Дурацкий разговор, иссушающая мозги жара, удивленное сморщенное личико, очень удивленное. — Конхессер Гамбрин хотел передать мне письмо от старого знакомого и не передал.

— Ваш знакомый накоротке с послами, он дипломат? И почему вы не пьете?

— Не люблю очень горячее вино. Мой знакомый — офицер-артиллерист. Мы познакомились в Кагете. Гамбрин говорил, что свободный генерал, у которого служит Ламброс, готов предложить нам свои услуги.

— Не любите горячее, пейте холодное, — подмигнул Его Высокопреосвященство, — а что до генерала-наемника, то вряд ли он появится, даже если существует. Особенно если существует. Видите ли, нар-шад Шауллах убил льва. Черного. А нар-шад-ар-марим Астаррах поднял алые паруса. Гайифа и Бордон ждут цветения миндаля и гостей из-за моря. Им не до талигойских яблонь.

— Шады вступают в войну? — не поверил своим ушам Робер. — На чужом берегу?!

— По всей вероятности, — кивнул кардинал. — Но шады далеко, а весна еще дальше. Мориски могут ждать, мы с вами — нет.

— Хорошо, — Левий прав тысячу раз, — что я должен сделать?

— Допивайте вино и идите к кухне. А я буду варить шадди и думать. У нас в запасе шесть дней, а ночей даже больше.

весьма озабочена.

— Мы рады вас видеть, конхессер, — перебил Альдо, — и мы разрешаем вам сидеть в нашем присутствии.

— Благодарю, Ваше Величество. — Гайифец с достоинством устроился в коричневом кресле. — Увы, я хотел бы испросить аудиенции по более приятному поводу.

— Прежде чем перейти к делу, — Альдо передвинул серебряный подсвечник так, чтоб свет падал на морщинистое личико, — мы хотели б узнать, как себя чувствует дуайен Габайру.

— Он все еще болен, — вздохнул гайифец, — но маркиз ставит дипломатический долг превыше здоровья. Он отказывается делегировать свои полномочия графу фок Глауберозе. Теперь дурные языки станут говорить, что Его Величество Фома не доверяет политике Его Величества Готфрида. Увы, затяжная лихорадка делает больных упрямыми.

— Мы ценим самоотверженность маркиза Габайру, — сощурился сюзерен, — и никогда не поверим досужим сплетням, но чем обеспокоена Посольская палата?

— Ваше Величество, — Гамбрин едва заметно покачал головой, — вы — воин, а не дипломат, и вы не можете знать, сколь важны для нас всяческие мелочи. Дипломаты обязаны предусмотреть даже то, чего нет и быть не может, в этом мы сходны с юристами. К сожалению, гуэций, супрем и прокурор допустили ряд оплошностей, которые не могли не привлечь к себе внимания приглашенных в Гальтарский дворец послов. Теперь мы вынуждены выступить с протестом. Завтра утром дуайен потребует срочной аудиенции, чтобы его заявить.

Поверьте, я искренне предан Вашему Величеству и люблю этот город и эту страну, но я был вынужден поставить свою подпись.

— Мы ценим ваше отношение, — заверил Альдо, — и мы внимательно слушаем.

— Ваше Величество, — гость развел сухими желтоватыми руками, — мне очень неприятно... Видите ли, то, что я имею сказать, не предназначено для широкой огласки.

— Вы совершенно верно заметили, что я — воин, — взгляд Альдо окаменел, — я предпочитаю узнавать о неприятном сразу. Говорите без обиняков, герцогу Окделлу я полностью доверяю.

— Извольте, — поджал губы посол. — Сегодня гуэций, супрем и прокурор вольно или невольно дали понять, что власть Раканов является по своей природе божественной и что права Раканов несопоставимы с правами других династических домов.

Если к этому добавить саму процедуру, основанную на древних кодексах, создается, безусловно, превратное впечатление о том, что Ваше Величество противопоставляет себя прочим монархам Золотых земель.

Увы, неудачные и неточные формулировки, допустимые в обычной речи, будучи произнесены со столь высокой кафедры, становятся поводом для протеста, который вынуждены поддержать все участники Золотого Договора вне зависимости от отношения к Вашему Величеству. Ведь, отрицая заключенные Олларами брачные союзы и подписанные в последние четыреста лет соглашения, вы бросаете зерна непонимания между государствами. Достаточно вспомнить историю возникновения Агарии и Алата.

Прошу меня простить, Ваше Величество, но, сделав суд над маршалом Алвой открытым и передав полномочия защиты обвиняемому, вы создали очень непростую ситуацию. Рокэ Алва знаком с Золотым Договором и иными международными актами. Он весьма умело переводит ошибки обвинения в плоскость нарушения Талигойей дипломатических канонов вплоть до оскорбления иноземных монархов.

Меня, как посла его величества Дивина, крайне беспокоит возвращение к военной кампании 398-го года, в которую помимо Талига были втянуты Кагета и Бакрия. Как это ни прискорбно, международное право в данном случае расходится со справедливостью. То, что было предпринято герцогом Алвой, признано соответствующим Золотому Договору. Более того, Посольская палата считает, что прокурор Феншо, пригласив в качестве свидетеля посла Кагеты, превысил свои полномочия и поставил господина Бурраза-ло-Ваухсара в весьма

щекотливое положение. Ведь он, давая показания, вынужден отвечать на вопросы не только обвинения, но и защиты, причем в присутствии Его Высокопреосвященства Левия, а он, да простится мне такое предположение, вряд ли является горячим сторонником обвинительного приговора.

— Вы совершенно правы, — после дипломатического киселя слова Альдо казались отточенным клинком, — кардинал излишне милосерден к врагам Талигойи. Впрочем, он агариец по происхождению. Мы благодарим вас за предупреждение. Наш ответ будет дан утром.

— Позвольте старому дипломату дать воину несколько советов. — Конхессер слегка приподнял уголки губ. — Поверьте, мной движет искренняя привязанность к Великой Талигойе и ее королю. Мне бы не хотелось, чтоб безграмотность и излишнее рвение талигойских юристов сказались на репутации талигойской короны и послужили причиной дипломатического скандала.

— Мы все понимаем, — в углу кабинета замер мраморный найер. Лицо Альдо было еще спокойней, — и мы благодарны.

— Ваше Величество, — Маркус Гамбрин слегка понизил голос, — не следует предоставлять обвиняемому возможность раз за разом возвращаться к обоснованию прав Раканов и подчеркивать, что Оллары были признаны Золотыми землями и Его Святейшеством и отличаются от династий Гайифы и Агарии лишь сроком пребывания у власти, тем паче, ряд династий правит еще меньше. В том числе родственная вам династия Мекчеи, чей приход к власти во многом напоминает воцарение Олларов. Кроме того, посол Дриксен окажется в весьма затруднительной ситуации в случае обсуждения саграннской кампании. Я имею в виду рукотворный паводок.

— Мы понимаем, — наклонил голову Альдо, — тем более у вас, как у представителя Гайифской империи, тоже возникнут определенные сложности. Если речь пойдет о причинах, побудивших Адгемара Кагетского послать своих подданных... Простите, попросить своих соседей напасть на Варасту.

— Я не понимаю, что Ваше Величество имеет в виду.

— Это не так уж и важно, — улыбнулся Альдо. — Хорошо, конхессер, мы не станем касаться случаев, которые страны Золотого Договора не считают преступлениями. Что до готовивших процесс барона Кракла и графа Феншо, то мы приняли решение об их отстранении еще до вашего визита. Имена тех, кто их сменит, будут объявлены утром в Гальтарском дворце.

— Благодарю Ваше Величество за понимание, — посол Его Величества Дивина с достоинством поднялся, — теперь я спокоен.

— Мы также вам признательны, — кивнул Альдо, — за дружеское участие. То, что ваши советы несколько запоздали, никоим образом не умаляет их в наших глазах.

— До свидания, Ваше Величество.

— До завтра, конхессер, мы будем рады вас увидеть снова.

Слова были вежливыми, но Дикон достаточно знал сюзерена, чтоб понять — Альдо в бешенстве. Ричард и сам был готов вытряхнуть из морщинистого человечка заменившую ему душу труху.

Юноша коротко поклонился гайифцу, жалея, что в кабинете нет портрета Рене Эпинэ, принимающего ключи от Паоны. Сюзерену картина тоже нравилась, но все портил развевавшийся на первом плане «Победитель Дракона». Может, его чем-нибудь зарисовать? Каким-нибудь трубачом или летящей Победой?

— Истинные Боги! — Альдо вскочил, едва за гайифцем скрестились алебарды гимнетов. Теперь сюзерен если кого и напоминал, так грозовую тучу, только молний не хватало. — Всякий павлин будет нам указывать... Ты помнишь, что Ворон про эту шуштуру говорил? Что она не лучше Олларов. Правильно говорил, мы это им еще припомним... Жаль, не сейчас.

Комнаты были небольшими и очень светлыми. Они не походили ни на кельи, ни на монастырскую гостиницу, в которой Робер пробедовал четыре года. После глупой дворцовой роскоши и превратившегося в казармы особняка Эпинэ обычный человеческий уют казался трогательным и хрупким.

— Ты вся в цветах. — Робер хотел поцеловать кузине руку, но Катари неожиданно подняла голову — пришлось целовать в лоб, очень горячий. — У тебя лихорадка?

— Нет, что ты, — женщина отодвинула в сторону изящный томик и улыбнулась, — это бывает... в моем положении, а цветы... Они слишком роскошны. В юности я любила фрезии и маки. Помнишь, сколько их в Эпинэ? Целые поля, по которым гуляют табуны. Один раз Мишель взял меня посмотреть, как они пляшут. Он говорил, наши гербы стали алыми от маков...

Когда поля цветов обернулись закатным пламенем, а весна — осенью? Прежде думалось, в Ренквахе, теперь кажется, раньше.

— Ты не сердись, что я тебя позвала? — Руки Катари привычно перебирали янтарь. — Его Высокопреосвященство говорил, ты занят.

— Ерунда, — поспешил заверить Робер. — Я собирался зайти к неким Капуль-Гизайлям, только и всего, это терпит. Ты молодец, что меня позвала, а то я совсем тебя бросил. Прости меня, пожалуйста.

— Это ты прости... Без тебя все рухнет, я же вижу, а у меня просто страхи. За маленького, за тебя, за Айри... Она тебе пишет?

— Нет, но так и должно быть. Одного человека в Надор не пошлешь, а гонять из-за писем целый отряд глупо. Айрис знает, что после Излома я приеду, так зачем писать?

— Любовь таких вопросов не задает, — вздохнула Катарина, — любовь просто пишет, даже если не знает, куда. Даже если ее писем не ждут.

— И опять ты права, — пошутил Эпинэ и вдруг добавил: — Мэлли... ца приехала.

— Мэллица? — переспросила кузина. — Странное имя. Звучит как алатское.

— Воспитанница Матильды, — это не вранье, но и не правда, — я ее любил...

— Любил? — Светлые глаза стали огромными. — Не любишь?

— Я не знаю, Катари. — Он никогда не втянет кузину в заговор, кровавые игры не для нее, но о Мэлли с ней говорить можно, вернее, можно только с ней. — Я уже ничего не знаю... Она любит Альдо... Полюбила с первого взгляда, а я полюбил ее. Мне удалось стать ей другом, на большее я не надеялся. Мы спали в одной комнате, то есть она спала, а я с ума сходил, даже завел себе женщину. Красивую. Очень красивую и очень странную.

Потом мы уехали, сначала — в Сакаци, затем — в Талиг. Все понеслось, как с горы, но я знал, что люблю, а меня не любят. Знал, пока мы не встретились, нет, не так! Пока она не увидела Альдо и не пошла за ним... Мне хотелось ее схватить, запереть, отправить назад, но не из ревности. Все умерло, мне даже сны больше не снятся...

— Бедный. — Кому она говорит: ему, себе, Создателю? — И девочка эта бедная... Потерять тебя — это несчастье. Это страшней, чем влюбиться в тень. Приведи ее ко мне... Я еще не монахиня, я могу взять к себе подругу.

— Мэллица не пойдет, она у Альдо... То есть в апартаментах принцессы. Альдо так проще скрывать бегство Матильды.

— Матильда Ракан бежала? — задумчиво произнесла Катарина. — Это конец... Если не выдерживает материнская любовь, значит, человек больше чем умер. О мертвых плачут, а бегут — от выходцев.

— Матильда не мать, — зачем-то напомнил Эпинэ, — а бабушка.

— Это еще страшнее. — Катари зябко передернула плечами. — Расскажи мне про суд, только правду. В чем его обвиняют?

Можно спросить «кого», но зачем притворяться?

— Во всем. — Слова сорвались с языка сами, и как же глупо они прозвучали, но

Катарина, кажется, поняла.

— Меня тоже обвиняли во всем, — женщина почти улыбнулась, — от государственной измены до адюльтера с оруженосцами. Забыли только то, в чем я и в самом деле виновна.

То есть связь с Алвой. Манрики трогать Ворона побоялись, но Альдо ему Катарину припомнит.

— Робер, — кузина отложила четки и сложила руки на коленях, — Расскажи мне все. Я знаю больше, чем ты думаешь, и я, став королевой, поумнела. Не сразу, конечно, но я была достаточно одинока, чтоб научиться думать.

— Прокурор извел очень много бумаги, я насилу прочел. — Шутка не удалась, но он Иноходец, а не граф Медуза. — Главные обвинения связаны с покушением на короля и его слуг, потом идет убийство епископа Оноре, Октавианская ночь, заговор против всех Людей Чести Талига и всякая ерунда.

— Будь мои братья живы, — голосок Катарина дрожал, но глаза смотрели твердо, — я бы молчала... Я... очень виновата перед Рокэ. То, что я скажу, его не спасет, но можно доказать, что братья знали об Октавианской ночи и ждали ее.

— Ты уверена? — Неужели она решилась пойти в суд? Но ее нельзя туда пускать. Алву не спасти, по крайней мере, не спасти правдой.

— Когда их отпустили, Иорам проговорился. — Женщина судорожно вздохнула. — Я дала ему пощечину, первую пощечину в моей жизни... Я ударила его как... королева, потерявшая подданных.

А ведь она может ударить... Без криков, слез, оскорблений. Молча, поджав губы.

— Если тебе трудно говорить, не говори. Дело прошлое.

Она покачала головой:

— У нас нет прошлых дел, кузен. У простых людей есть, а наше прошлое — это сегодняшняя беда. Я дала себя уговорить, я молчала и молилась, а теперь почти поздно.

— Ты хотела что-то рассказать.

— Да. Ты помнишь мэтра Капотту?

— Капотту... Что-то знакомое. Нет, не помню!

— Ментор из Академии. Его взяли для братьев, он учил их описательным наукам, а я подслушивала. Мэтр Хорас говорил, что читающий проживает тысячу жизней и становится бессмертным. Ги с Иорамом из него веревки вили, а он их любил, особенно Иорама.

Когда мы уехали из Гайярэ, Капотта поселился в Оллари, где-то у Конских ворот. Именно у него Иорам перед погромами спрятал ценности.

— Он станет говорить?

— Станет... Скажи ему, что это моя просьба. Или лучше я сама скажу. Если он струсит, я... я приду сама.

— Ты же не хотела...

— Я боялась... И боюсь, но иначе нельзя... Я видела сон, это знак. Если я предам, я... Я не могу потерять и этого сына! И потом, долги надо платить, а я должна Ворону...

— А говорили, ты его ненавидишь. — Нашел что сказать, болван несчастный!

— Я ненавидела, — Катарина схватила четки, — ведь я считала его убийцей Мишеля и... И всех остальных. Теперь я понимаю, виноваты Штанцлер и Эгмонт... Когда подлец погоняет глупца, это страшно. Робер, я боюсь Ричарда, он слишком похож на отца. Я пыталась остановить Эгмонта, он не стал меня слушать. Я пыталась объяснить Ричарду, что нельзя смотреть чужими глазами, у меня ничего не вышло.

— Дикон влюблен в Альдо и победу. — Если Капотта жив, Никола его найдет. — Мне его жаль, но я ему завидую.

— Мне жаль Талиг, — грустно сказала Катарина, — и невиновных в том, что на них свалилось.

Сквозь тонкие пальцы медленно текли золотые капли, словно сами по себе. Почему янтарные глаза больше не манят, почему, когда уходят страх и любовь, остается пустота?

— Ты ничего не чувствовала этой ночью? — Они были возле Нохи, когда Дракко

заертачился, а луна стала зеленой.

Янтарные слезы упали на черный атлас, так осенью в темную заводь падают листья.

— Я видела сон, — лицо кузины стало растерянным и виноватым, — но я не знала, что сплю... Я лежала и думала о суде, о том, что с нами будет, а потом подошла к окну. Не было ничего, только луна и тени. Мне стало очень страшно, как в детстве... Страшно смотреть, страшно закрыть глаза, страшно вернуться в постель. Помню, пробило два часа и через двор пошли монахи со свечами. Они шли вдоль стены по колено в зеленом тумане, и их свечи светили зеленым. Я пыталась считать, потом молиться, потом снова считать, и не могла, а они все шли и шли. Звонил колокол, а в каменном колодце лежала луна, и какая же она была злая! Она ненавидела тех, кто бросил ее в колодец, а вода поднималась, луна плавала у самого края, она была гнилой, Робер...

— Ты уверена, что видела сон? — Про монахов Лаик слышали все, но в Нохе не видят никого, кроме Валтазара.

Катарина вновь стиснула руки:

— Уверена. Будь это на самом деле, я бы умерла, а я проснулась.

Глава 7. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 17-й день Зимних Скал**

1

— Приветствие Повелителю Скал! — Гимнет-тенъент в рассветном синем плаще отдал честь, матово сверкнул серебряный пояс. — Государь примет гражданского коменданта в Бронзовом кабинете.

Через несколько лет Золотые земли вспомнят слово «анакс», но пока пусть будет «государь». Это лучше, чем король и даже император. Королей много, Ракан — один.

— Дорогу Повелителю Скал! — Гальтарские обычаи и одеяния все уверенней входили в повседневную жизнь, и столица от этого лишь выигрывала. Времена Алана, что бы ни говорила матушка, были временами увядания. Зачем оплакивать осень, если можно вернуть лето? Выставшие замки, тяжелые доспехи, неподъемные мечи, плохое вино, эсператистские молитвы — кому это сегодня нужно?

— Входи, Дикон.

Сюзерен стоял у камина, задумчиво подбрасывая большое зеленое яблоко. Рыжие сполохи плясали по усталому лицу, напоминая о другом кабинете и другом огне. Все могло кончиться еще тогда. Не кончилось. Круг должен был замкнуться, а Ракан и Алва — встретиться. Когда-нибудь новый Дидерих об этом напишет. Кто станет его героем, Альдо или Ворон? Поэты любят казненных...

— Что у тебя? Говори быстрее, сейчас судебные черви сползутся.

— Альдо, — негромко сказал юноша, — я... Я всю ночь думал...

— Похвально. — Его Велчество вгрызся в яблоко. — А вот я, представь себе, спал и даже выспался. Ну и что ты надумал?

— Ты говорил, что даже Ворон не должен отвечать за то, чего не совершал.

— Говорил, — кивнул сюзерен, — и теперь говорю. А что такое?

— Я слушал этого тенъента, а потом эра... то есть обвиняемого. Это был не он. Там, у ручья.

— Да знаю я, что он не промахивается, — перебил сюзерен, — но и на старуху бывает проруха. Сколько раз тебе говорить, что Раканов хранит сама Кэртиана, вот Алва и промазал. Не его вина.

— Я не об этом, — затр головой Дик. — Эр Рокэ не стал бы отпираться.

— Стал бы, — сюзерен окончил с яблоком и поднес к глазам огрызок, — и не потому, что боится казни. Он не трус, а гордец, стыдно за промахи, вот и отпирается.

Да, кэналлие́ц горд, как леворукий, и все равно не похоже. Не похоже и все.

— Альдо, — выдохнул Дикон, отгоняя видение лесной речушки и летящего через нее Моро, — до Люра добраться было труднее... Если б в роще был Алва, он бы... взялся за саблю.

— Поймай, — сюзерен швырнул огрызок в камин, — ты хочешь сказать, что он полез бы в ближний бой? В этом что-то есть. Определенно что-то есть. Жаль, мы разминулись.

— Это был не Ворон, — повторил Ричард. Спорить с Альдо не хотелось, но в бою с Алвой его бы спасло лишь чудо.

— Если не он, — буркнул Альдо, — кто тогда? Его же узнали... Правда, физиономию не разглядели, но фигура, конь, посадка... Это не подделать.

Не подделать? Смотря что...

— Это был кэналлие́ц, — выпалил Дик. — Они ездят по-своему, а Рюшан Монсеньора не знал.

— Может быть. — Альдо закусил губу и свел брови. — Надо разузнать про лошадь. Если Ворон не брал ее в Фельп, на нас и впрямь напал не господин, а слуга. Даже обидно...

— Экстерриор Талигойи барон Вускерд. — Голос гимнет-тенъента положил конец разговору, но они еще договорят. Сегодня же! — Супрем Талигойи барон Кортней, первый советник супрема Фанч-Джаррик из Фанч-Стаута!

— Мой государь, — начал экстерриор, — мы счастливы...

— А мы — нет, — отрезал Альдо, на глазах превращаясь в повелителя. — Экстерриор, вы знаете, что Посольская палата возмущена Краклом и Феншо?

— Мой государь, я как раз намеревался доложить... Дуайен Габайру посетил меня утром. Он требует незамедлительной аудиенции. Я обещал немедленно доложить...

— Можете не докладывать, мы знаем больше вас. Отправляйтесь к маркизу Габайру, осведомитесь о его здоровье и сообщите, что барон Кракл больше не является гуэцием и старейшиной Совета провинций, а граф Феншо — обвинителем. Безграмотность и самомнение двоих судейских не должны встать между нами и державами Золотого Договора. Вы все поняли?

— Да, Ваше Величество.

— Отправляйтесь. Кортней, с этой минуты вы — единственный гуэций и отвечаете за все. Вы меня поняли? За все! Мы ценим верноподданнические чувства, но не тогда, когда они приносят вред. Герцог Алва хочет рассорить нас с нашими союзниками, противопоставив дом Раканов прочим династическим домам, не давайте ему повода. Фанч-Джаррик, это в полной мере относится и к вам как к нашему прокурору. Изымите из обвинительного акта все, что касается Сагранской войны и восстаний, нам не нужны дриксенские и каданские протесты.

И вот еще что. Герцог Окделл сомневается, что в нас стрелял именно Алва. Его доводы представляются нам обоснованными. Нам не нужны обвинения ради обвинений, и нам не нужны обвинения, которые будут опровергнуты, учтите это.

2

Утреннее солнце добралось до окон, пробралось внутрь, вцепилось в позолоченных Зверей, тронуло Молнию на браслете. Оно светило, а Оллария стояла вопреки нарушенной клятве и гоганским страхам.

— Что вы можете сказать об убийстве пятерых офицеров? — Мантия и венок были прежними, обвинитель — другим. Маленьким, упрямым и умным.

— Эти люди не были офицерами.

— Но вы их убили.

— Это моя обязанность.

Фанч-Джаррик спрашивал, Ворон отвечал. Четкими, до издевательства правильными фразами. Он держался так же прямо, как вчера, разве что поднял бровь при виде нового

прокурора.

— Напав на маршала Люра, вы нарушили приказ, предписывавший вам сдать оружие.

— Вы опять противоречите сами себе, — указал Алва. — Если я нарушил приказ Фердинанда Оллара, значит, Фердинанд Оллар являлся королем Талига. По крайней мере на тот момент, когда я нарушил приказ. Следовательно, пришедшие с господином в белых одеждах иноземцы — захватчики, а изменившие присяге талигойцы — предатели, подлежащие немедленной казни. Если же Фердинанд Оллар королем не являлся, он не мог отдать никаких приказов и я был волен поступить, как считал нужным.

— Подсудимый, — одинокий гуэций счел за благо вернуться к «разрубленному змею», — свидетели единодушно утверждают, что вы имели возможность убить маршала Килеана-ур-Ломбаха приличествующим талигойскому дворянину образом. Вместо этого вы...

... Черный, вылетевший из полуденного сияния демон, бессильные выстрелы, жалкие крики с эшафота, водоворот перекошенных лиц, свист сабли... Неужели это было на самом деле? Было! Хотя и кажется сном, одним из тех, что раз за разом предвещали кровь и предательства, а после схватки у Марианны иссякли. Потому что нет сна, который был бы страшней Доры и ночного конского цокота.

— ... зверское убийство является вызовом Создателю и всем истинным талигойцам.

— Если Создателю угодно дивное спасение молодого человека в белых штанах, — не согласился «зверь», — то смерть господина с перевязью ему еще угодней. Уверяю вас, добраться до него было значительно сложнее.

— Итак, вы признаетесь в убийстве маршала Люра, но отрицаете свое участие в покушении на Его Величество?

— Я никогда не покушался на Его Величество Фердинанда Второго, — отрезал Ворон. — Что до молодого человека, которому вы стараетесь угодить, то в него стрелял не я. В противном случае вы бы сейчас угождали кому-нибудь другому.

— У меня нет слов, — развел руками Кортней. — У меня просто нет слов.

— Это можно исправить, — утешил супрема Алва. — Пока не поздно, возьмите несколько уроков логики и риторики. Это вам пригодится, когда мэтр Инголс откажется вас защищать.

Он откажется. Если доживет... Мэтру нужно заплатить за то, что он сделал, и расспросить. Может ли один из судей отказаться судить? И если может, повлечет ли это перенос процесса?

— Рокэ Алва! — Анггерран Карлион торжественно поднялся с места. — Высокий Суд требует уважительного отношения к Его Величеству, Высокому Суду и слугам Его Величества, исполняющим свой долг.

— Барон, — живо откликнулся Ворон, — вы всерьез полагаете, что уважительное отношение может возникнуть по вашему требованию? Вот вы лично смогли бы уважать киркореллу, потребуй этого столь любезный вам молодой человек в белом? Вы знаете, кто такие киркореллы?

— Я знаю, кто такие Раканы! — Лицо Карлиона налилось кровью. — И я знаю своего короля Альдо Первого Ракана.

— О, господина в белых штанах вы знаете, без сомнения, — как странно Ворон держит голову, — но почему вы решили, что он имеет отношение к Дому Раканов? И почему вы решили, что Раканы должны править Талигом?

— Права монарха в его крови! — Если так пойдет и дальше, Анггеррана хватит удар. — Его власть исходит от Создателя... И не смей называть меня бароном. Карлионы — графы и кровные вассалы Скал!

— Вы — барон, Карлион, — солнечный зайчик пробежал по плечу Ворона, вскарабкался на щеку, — и то лишь милостью Его Величества Карла Второго. Ваших предков лишили титула за измену, но вы такой малостью не отделаетесь, обещая вам.

— Граф Карлион! — Опомнившийся Кортней изо всех сил затряс своим

колокольчиком. — Призываю вас к спокойствию! Высокий Судья не может лично вести допрос обвиняемого. Высокий Суд заслушал свидетелей и допросил обвиняемого по двум первым пунктам обвинения. Господин обвинитель, потрудитесь подвести итоги и двинемся дальше.

— Было со всей очевидностью доказано, — сварливо произнес Фанч-Джаррик, — что подсудимый Рокэ Алва в восьмой день Осенних Волн, нарушив имеющийся у него приказ, собственноручно убил находящегося при исполнении своих обязанностей маршала Талигойи Симона Килеана-ур-Ломбаха и еще шестнадцать человек.

Что до покушения в Беличьей роще, то подсудимый был опознан заслуживающими доверия свидетелями. С другой стороны, тенъент Рюшан не мог видеть лица стрелявшего. Существует определенная вероятность, что в Его Величество стрелял кто-либо из людей Давенпорта или же кэналлийских прислужников обвиняемого.

Прокурор поклонился и скатился с кафедры, супрем устало вздохнул:

— Обвиняемый, вы хотите что-то добавить?

— Возвращаясь к началу нашей беседы, — Алва зашуршал обвинительным актом, — прошу отметить, что прокуроры отвратительно раскрыли пункт об оскорблении мною господина в белых штанах. Вышеозначенный господин скромно молчит, так что по этому вопросу свидетелем обвинения придется выступить мне. Чего не сделаешь во имя истины и справедливости... Ликтор, записывайте: «Герцог Алва даст подробные показания о том, как он неоднократно оскорблял упомянутого Альдо во время пяти, нет, шести свиданий в Багерлее...»

Справа что-то громко и зло стукнуло, Робер обернулся: Альдо с раздувающимися ноздрями нависал над залитым солнцем залом.

— Мы покидаем Высокий Суд, нас призывают иные дела. Кортней, по окончании заседания ждем вас с докладом. Мы более не намерены присутствовать на судебных заседаниях, но мы полностью доверяем Чести и Слову талигойских эориев. Продолжайте!

— Ваше Величество, — гуэций позеленел, но его тога все равно была ярче, — Ваше Величество!..

Ответа Кортней не дождался, только стукнули алебарды гимнетов. Его Величество промчался по бело-золотому ковру и скрылся за украшенными Зверем створками.

— Какая жалость, — сказал Ворон, — не правда ли, господа?

3

Альдо сбежал, Кортней с Фанч-Джарриком уткнулись в бумаги, Алва прикрыл глаза. Время тянулось, Рассветных гимнетов сменили Полуденные, по осиротевшему белому креслу плясали разноцветные блики, шевелились и перешептывались послы, становилось душно.

— Ваше Высокопреосвященство, господа Высокие Судьи, господа послы, — опомнился наконец Кортней. — Высокий Суд приступает к следующему пункту обвинительного акта. Обвинение готово?

— Да, господин гуэций. — Фанч-Джаррик, придерживая зеленый балахон, взобрался на кафедру. Смертельный балаган продолжался.

— Высокий Суд слушает. — Вряд ли супрем был счастлив свалившейся на него честию, но отпраляться за Краклом и Феншо ему не хотелось.

— Господа Высокие Судьи, — равнодушно прочитал маленький прокурор, — обвинение намерено доказать, что подсудимый был участником заговора, направленного против Людей Чести, и что жертвами этого заговора стали Его Преосвященство епископ Оноре, множество талигойцев, включая малолетних детей, и девятеро иноземных негоциантов.

С целью сокрытия данного заговора обвиняемый собственноручно убил лжеепископа Авнира и приказал уничтожить свидетелей из числа так называемых висельников. По той же

причине, а именно, чтобы отвести подозрение от себя и Квентина Дорака, обвиняемый подделал улики, указывающие на братьев Ариго. Обвинение просит суд последовательно заслушать показания Фердинанда Оллара, Жанетты Маллу, Раймона Салигана и графа Штанцлера. Если Высокий Суд сочтет необходимым, будут допрошены и другие очевидцы так называемой Октавианской ночи.

— Высокий Суд выслушает перечисленных свидетелей.

— Обвинение вызывает Фердинанда Оллара.

— Введите, — велел гуэций, и Оллара ввели. Через ту же дверь, что и Алву. Низложенный король и не подумал похудеть, напротив, бледное лицо стало толще, или дело было в отеках? Богатое бархатное платье казалось совсем новым, цепей не было, да и зачем? Такие не бегут и не дерутся.

Звякнуло. Алва поднялся стремительно и гибко, гимнеты схватились за оружие, но Ворон и не думал нападать, он просто стоял, глядя на понурого толстяка. Очень спокойно глядя.

— Обвиняемый, — лицо Кортнея оставалось спокойным, лицо, но не скомкавшие бумагу пальцы, — сядьте.

— Я обещал встать в присутствии государя, — отчеканил Алва. — Тогда вместо вас был Кракл, но за мной записывали весьма усердно. При желании можно проверить.

— Вы должны сидеть.

Ворон ответить не соизволил, лицо Фердинанда пошло красными пятнами, мясистые губы дрожали. Зеленый чиновник шмыгнул к бывшему королю, что-то шепнул, Оллар не понял, продолжая тарашиться на своего маршала. Судейский повторил, Фердинанд кивнул, словно деревянный болванчик.

— Герцог... Алва... прошу... можете сесть...

— Благодарю, Ваше Величество. — Ровный голос, высоко вздернутый подбородок, ничего не выражающее лицо. Неужели он не ненавидит? Нет, не судей, хотя и их любить не за что, а ничтожество, из-за которого скоро умрет. «Ваше Величество...» Над кем издевается Ворон: над ушедшим Альдо, над Олларом, над собой?

— Назовите свое имя. — Супрем глядел только на свидетеля.

— Фердинанд...

— Фердинанд? — переспросил Кортней. — Назовите полное имя.

— Фердинанд Вто... Оллар.

— Принесите присягу...

— Именем Создателя — пробормотал толстяк. — Именем Создателя... клянусь... говорить... да буду я проклят во веки веков!

— Вы клянетесь спасением говорить правду? — пришел на помощь гуэций.

— Клянусь...

— Суд принимает вашу присягу. Обвинитель, этот человек будет правдив. Спрашивайте.

— Да, господин гуэций. — Прокурор повернулся к бывшему королю: — Итак, на предварительном дознании вы показали, что поздней осенью 398-го года Квентин Дорак потребовал от вас казни неугодных ему людей согласно составленного им списка. Вы ему отказали, сославшись на мнение держав Золотого Договора. Тогда Дорак заверил вас, что найдет способ уничтожить Людей Чести, не вызвав осложнений. Вы подтверждаете сказанное?

— Подтверждаю.

— Когда Квентин Дорак вернулся к этому разговору?

— Весной 399-го года, когда вынудил двор выехать в Тарнику.

— Расскажите об этом подробнее. Когда именно это было?

— Это было... За две недели до дня Святой Октавии... Сильвестр...

— Свидетель Оллар, — вмешался гуэций, — вы имеете в виду лжекардинала Талигойского Квентина Дорака?

— Да... Да, Кортней.

— Хорошо. Господин прокурор, продолжайте.

Кракл потребовал бы, чтоб его назвали «Господин гуэций», но супрем был умнее. Он вмешивался в показания лишь по мере необходимости. Называть Дорака кардиналом Сильвестром было строжайше запрещено, причем не Левием, а сюзереном.

— Передайте разговор с Дораком так подробно, как вы его запомнили.

— Квентин Дорак сказал, — Фердинанд смотрел в пол, но губы его больше не дрожали, — сказал, что в городе вспыхнет возмущение, направленное против эсператистов, во время которого погибнут опасные для моего престола фамилии, те, кто хранит верность святому престолу в Агарисе, и богатейшие негоцианты. Последнее требуется для пополнения казны.

Я спросил, сможет ли Квентин Дорак остановить погромы, и тот ответил, что это сделает герцог Алва, который вернется в город в праздник Святой Октавии.

Я спросил, какие распоряжения будут отданы городской страже и гарнизону столицы. Квентин Дорак ответил, что комендант столицы Килеан-ур-Ломбах получит приказ не покидать казарм.

Я сказал, что такой приказ не поймут державы Золотого Договора, чьи подданные пострадают. Квентин Дорак сказал, что во время беспорядков приказ будет тайно изъят одним из надежных офицеров гарнизона.

Я не мог одобрить задуманное и сказал, что не желаю гибели невинных, но Квентин Дорак напомнил мне о судьбе моего отца, отравленного Алваро Алвой, и сказал, что Рокэ Алва будет лучшим регентом, чем я был королем. Больше я не возражал.

— Вы не предприняли попытки предупредить хотя бы ваших родственников Ариго?

— Нет, господин... — Фердинанд беспомощно заморгал, явно забыв, как зовут нового прокурора, — нет...

— Почему? — Фанч-Джаррик не был честолобив. — Вы могли это сделать через вашу супругу.

— Я не мог, — забубнил Оллар, — люди Дорака следили за каждым моим шагом и за каждым шагом моей супруги. Я знал, что нас подслушивают. Если бы я рассказал моей супруге, убили бы нас обоих.

— Благодарю вас, — равнодушно произнес прокурор. — Господин гуэций, обвинение больше вопросов не имеет.

Гуэций повернулся к Ворону:

— Защита может задавать вопросы свидетелю.

— У меня нет вопросов. — Рвущиеся сквозь витражи лучи забрызгали рубаху подсудимого зеленым и алым. Кровь растений и кровь движущихся, дышащих тварей, какая же она разная...

— В таком случае, обвиняемый, признаете ли вы свое участие в заговоре Квентина Дорака против Людей Чести?

— Нет.

— Вы опровергаете слова свидетеля Оллара?

Алва медленно, всем телом повернулся к сюзерену, которого за какими-то кошками спас.

— Король Талига не может лгать, — холодно объявил он.

Глава 8. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 17-й день Зимних Скал**

боль. Служить ничтожеству и погибнуть по его вине — это страшно и несправедливо. Не будь Ворон по горло в крови, ему можно было бы посочувствовать: кэналлиец, как и Алан Святой, оказался заложником верности, и если бы только он! Савиньяки и фок Варзов тоже прикованы к тонущему кораблю, но у них, в отличие от Алана, есть выход: признать наследника богов — не то что склониться перед марагонским ублюдком.

Надо, чтобы после суда Альдо подписал манифест, подтверждающий права дворян, чья служба Олларам не нанесла вреда Талигойе. Юноша схватил бумажный лист, благо перед креслом Высокого Судьи стояла конторка со всем необходимым.

«Мы, Альдо Первый Ракан, — именно так сюзерен начинал свои манифесты, — милостью Создателя король талигойский, объявляем, что те, кто защищал и защищает от внешнего врага границы...»

Это будет первый манифест, подготовленный Повелителем Скал, но чьи границы, Талига или Талигойи? Фок Варзов служит на Севере, а сюзерен отдает Марагону дриксенцам. Временно, но об этом никто не должен знать. Написать «талигойские границы»? Но в манифестах так не пишут... Ничего, сюзерен исправит.

«... кто защищал и защищает от внешнего врага границы, невиновны в наших глазах и не могут быть обвинены в...»

— Жанетта Маллу здесь! — Вопль судебного пристава сбил с мысли. Дикон раздраженно поднял голову: на свидетельском месте стояла худенькая горожанка.

— Назовите свое имя. — Голос гуэция звучал непривычно мягко.

— Жанетта, сударь, — женщина стиснула руки, — я вдова... Мой муж умер год назад. Он был аптекарем... Очень хорошим аптекарем...

— Принесите присягу.

— Именем Создателя, — рука Жанетты прильнула к Эсператии, — своим спасением клянусь... Скажу все, как было.

— Высокий Суд принимает вашу присягу. Господин обвинитель, эта женщина будет правдива. Спрашивайте, но будьте милосердны к ее горю.

— Да, господин гуэций, — пообещал прокурор. — Сударыня, вы привели своих детей к епископу Оноре, он благословил их и дал им выпить святой воды?

— Да, господин.

— Суд понимает, воспоминания для вас мучительны, но во имя справедливости расскажите, что случилось, когда вы с детьми вернулись домой.

— Кати закапризничала... Это моя младшая... Была... Я думала, устала, головку напекло, мы же долго ждали... Зашла соседка, попросила ниток. Синих. У меня было, я дала... У матушки Мари краснолист зацвел, я пошла поглядеть, мы заговорились. Я вернулась, а они оба... Рвет, бледные, пот холодный... Я подумала, в огороде чего-то наглotalись... Я за рвотный камень, потом за уголь... Базилу полегчало, а Кати все хуже и хуже. Меня не узнает, дом не узнает, мечется, кричит, что все зеленое... Потом ей крысы привиделись. Я говорю, нет их, а она плачет, аж заходится, прогнать просит... Матушка Мари старшего унесла, а я с Кати так и просидела... До конца...

— Еще раз прошу простить Высокий Суд за причиняемые вам страдания. — Кортнею было не по себе, да и кто бы мог вынести этот кошмар. — Как вы поняли, от чего погибла ваша дочь?

— Я думала... — прошептала Жанетта, — думала... Я не хотела верить... Оноре был таким добрым, но... Я помогала мужу, я знаю, что такое дождевой корень...

— Значит, вы узнали яд? По каким признакам? — деловито задал вопрос Фанч-Джаррик. Ему были нужны ответы, и он спрашивал. Дай такому волю, он и к умирающему пристанет.

— Где вы сталкивались с дождевым корнем? — уточнил Кортней. Это был важный вопрос, но Дику показалось, что гуэций просто вырвал Жанетту из равнодушных лап.

— В аптеке, — бездумно произнесла женщина... — Вытяжка из него помогает при болезнях сердца.

— По каким признакам вы узнали яд? — повторил Фанч-Джаррик, и Дику захотелось его придушить. — Вам доводилось видеть отравленных таким образом?

— Нет, сударь, но Поль... Мой муж заставил меня заучить все про то, чем мы торговали...

— Поль Маллу основывался на труде Просперо Вагеччи «Трактат о ядах, кои, будучи употреблены должным образом, целительные свойства проявляют», — пояснил Фанч-Джаррик. — Госпожа Маллу, не могли ли ваши дети случайно принять тинктуру дождевого корня или отравиться им в саду, где вы выращиваете лекарственные травы?

— Нет, — покачала головой женщина, — нет...

— Вы так в этом уверены?

— У нас не растет дождевой корень. — Жанетта говорила все тише. — Аптеку мы запираем... И дверь, и шкафы с лекарствами. Мы завтракали все вместе, потом я повела детей в Ноху... Я взяла Базиля и Кати, и мы пошли... Пошли...

Она все-таки расплакалась, ухватившись за оказавшегося рядом судебного пристава. Гуэций угрюмо взглянул сначала на обвинителя, потом на Ворона.

— Полагаю, вопросов к Жанетте Маллу больше нет?

Вопросов не было, было желание вытащить убийцу из Заката и поставить перед этой женщиной. Или хотя бы сровнять его могилу с землей, потому что Дорак был хуже Франциска и его пасынка-Вешателя...

2

Ну зачем было тащить на свидетельское место задыхающуюся от горя мать?! И так ясно, что детей отравили и отравы была в святой воде. Кто бы это ни сделал, ему нет прощения ни в этом мире, ни в Закате, но судят не отравителя, судят человека, которого раз за разом травил. Не вышло, теперь убивают другим способом, а Штанцлер — свидетель. И Салиган — свидетель... Еще один мерзавец, которому соврать, что вина выпить. И надо ж было Дикону ухватить этого угря... Началось с ревнивой служанки, кончилось смертью Удо, если кончилось...

— Раймон Салиган является свидетелем трех непосредственно связанных с данным разбирательством преступлений, — объявил Фанч-Джаррик. — Я прошу разрешения допросить его сразу обо всем.

— Это разумно. — Кортней обернулся к Ворону. — Если не будет возражений со стороны защиты, суд склонен удовлетворить просьбу обвинения.

— Удовлетворяйте, — бросил Алва, ему было все равно.

— Господин Салиган, — Фанч-Джаррик уставился в свои записи, — вы более десяти лет исполняли тайные поручения Квентина Дорака. Как вы, маркиз, опустились до подобного?

— Я расплачивался за ошибки молодости, — охотно объяснил неряха. — Это не были преступления в прямом смысле этого слова, но если бы некоторые мои дела стали известны, мне пришлось бы покинуть Талиг. Дорак располагал доказательствами моих прегрешений, в обмен за молчание он потребовал оказать ему ряд услуг. Я оказал и в самом деле стал преступником. Высокий Суд может мне не верить, но, когда герцог Окделл взял меня под арест, я испытал облегчение.

— Это весьма похвально, — одобрил прокурор. — Высокий Суд оценит вашу откровенность.

— Я принес присягу, — с достоинством произнес Салиган, — и я счастлив сбросить со своей совести отвратительный груз.

— Что вам известно о покушении на семейство Раканов, имевшем место в Агарисе?

— Очень мало. Дорак передал в Агарис своему человеку некое распоряжение. Этот человек не справился с поручением и был наказан. Об этом я узнал перед Октавианской ночью непосредственно от Квентина Дорака.

— Зачем лжекардинал рассказал вам о покушении?

— Дорак имел обыкновение рассказывать о том, что случается с теми, кто не справился с его поручением. Он полагал, что подобные разговоры способствуют исполнительности, и был совершенно прав. Я подозревал, что в переданном мне ковчежце — яд, и тем не менее...

— Об этом вы еще расскажете. Если вам нечего больше сказать об агарисском покушении, расскажите о нападении на герцога Эпинэ.

— Охотно. — Салиган слегка поклонился обвинителю. — Ночью в мой дом пришел неизвестный мне человек, по виду кэналлиец или марикуляр. Гость сказал, что смерть Дорака не освобождает меня от моих обязательств и что если я не помогу похитить герцога Эпинэ, о моем прошлом узнают все. Что мне оставалось делать?

— Называл ли ваш гость какие-либо имена?

— Герцога Алва. По его словам, Дорак передал Алве доказательства моих и не только моих преступлений. Тайно вернувшись в Талигойю, герцог встретился с верными людьми и оставил им распоряжения на случай своего пленения. Оставшиеся на свободе должны были захватить ценного заложника и обменять его на Алву.

— Что вы предприняли?

— Я вынудил слугу моего доброго знакомого барона Капуль-Гизайля уступить место человеку Алвы.

— На этом ваше участие в нападении исчерпывается? — уточнил гуэций.

— Да, сударь. Упомянутую ночь я провел за картами, чему есть множество свидетелей.

— Это правда, — подтвердил Фанч-Джаррик. — Раймон Салиган виновен в недонесении о готовящемся преступлении, но не в нападении на Первого маршала Талигойи.

Салиган поклонился еще раз. Врет, но почему? Не знает правды или... выгораживает Марианну? А вот ты не Иноходец, ты — осел! И ведь собирался же к Капуль-Гизайлям, но не добрался.

— Господин Салиган, Высокий Суд удовлетворен вашими ответами, а теперь расскажите о том, что предшествовало так называемой Октавианской ночи.

— Охотно. — Неряха старательно наморщил лоб. — Прошлой весной, к сожалению, точный день назвать не могу, меня вызвал Дорак. Принимал он меня в саду, и я сразу понял, что речь пойдет о чем-то тайном даже по его меркам...

3

Все стало на свои места — покушения на сюзерена, охота за Робером, новые выходки Сузы-Музы... За всем стояли люди Дорака и кэналлийцы. Салигана поймали на подлости, а Удо — на любви. Шепнули, что жизнь баронессы зависит от послушания графа Борна, — и все! Хорошо, что Салиган об этом не знает, и хорошо, что, пока дело Сузы-Музы не раскрыто, об участии Удо в покушении приказано молчать. Юноша смотрел на высокого неопрятного человека и проклинал себя за глупость. Салиган судит по себе, он мог поверить, что Борн гонится за маршальским жезлом, но как же все они не поняли?! Даже сюзерен, хотя Альдо не знает, что такое любовь...

Борну можно было помочь, догадайся хоть кто-нибудь, что его визиты к куртизанке не минутная прихоть, а настоящее чувство. Марианна, несмотря на свои занятия, была по-своему честной и смелой. Она спасла Робера, и она помнит добро. Если баронессе объяснить, в чем дело, она поможет выловить уцелевших шпионов Дорака. Салиган дневал и ночевал у Капуль-Гизайлей, надо полагать, захаживают туда и его сообщники. Дернув за нужную нитку, можно добраться и до кэналлийского отряда, и до Сузы-Музы, чьи вирши распевает простонародье. Вот уж кому место в Занхе, кем бы он ни оказался.

— Вы отвечаете за свои слова? — Обычно невозмутимый супрем казался потрясенным.

— Я устал молчать. — Лицо маркиза было угрюмым и решительным. — Подумать только, когда-то самым страшным моим проступком был адюльтер с довольно-таки вздорной графиней, а чем кончилось...

— Раймон Салиган, — гуэцию как-то удавалось скрывать брезгливость, — ваши похождения Высокий Суд не интересуют. Итак, вы знали, что в святой воде, которую передал вам Дорак?

— Тут и гусак бы сообразил, — буркнул Салиган. — Сосуд был просто брат родной того, что привез Оноре. И чеканка, и печать орденская, все на месте.

— Как вам удалось подменить сосуды?

— Во время диспута. Монах, который их таскал, заслушался, даже рот разинул. Если б я вместо святой воды ему бочонок вина подсунул, он и то бы не заметил.

— Вы видели, как из принесенного вами сосуда поили детей?

— Зачем? Я свое дело сделал и убрался. По дороге встретил пару знакомых, сказал, что святые отцы перед обедом — это страшно.

— Что еще поручил вам Дорак?

— О, скучать мне не приходилось, — заверил маркиз. — Я должен был договориться с «висельниками», а незадолго до погромов подбросить Ги Ариго письмо с предупреждениями.

— Что, кому и от чьего имени вы приказали «Двору висельников»?

— Я говорил с предводителем, получившим власть с разрешения Дорака. Мы не называли имен, но «висельник» знал, от имени кого я пришел.

— Что именно вы передали?

— Что лигисты во главе с Авниром начнут бить еретиков. Увидев это, «висельники» должны надеть черные банты и сжечь провиантские и мануфактурные склады, за что им будет дозволено разграбить дома иноземных негоциантов. На самом деле склады будут вскрыты и очищены людьми Дорака, так как кардинал не имел средств на содержание новых армий. Погромы скрывали недостачу.

— Кто должен был прекратить погромы?

— Маршал Алва с помощью людей генерала Савиньяка. Разумеется, Авнир и «висельники» об этом не знали.

— А вы?

— Господин гуэций, — природная наглость Салигана взяла верх над проснувшейся было совестью, — Дорак был чудовищем, а не дураком. Он не мог оставить свидетелей. Признаться, я боялся, что отправлять Авнира и короля «висельников» в Закат предстоит мне, но этого не потребовалось. Герцог Алва вошел во вкус и покончил с ними сам.

4

— Защита имеет спросить что-то у Раймона Салигана?

— А надо? — вяло полюбопытствовал Алва. — Что ж, извольте. Господин Салиган, что сказал посол Гайифы господин Маркос Гамбрин, узнав о планах Его Высокопреосвященства?

— Я не понимаю, о чем речь, — отрезал Салиган. — Причем здесь посол?

— Это потеря памяти! — Голос даже не безразличный, пустой. Так люди не разговаривают, вернее, так не разговаривают с людьми. — Прискорбно, но бывает. Что ж, вопросов к господину Салигану у меня больше нет. Выражаю свои соболезнования господину Маркосу Гамбрину, более десяти лет оплачивающему услуги беспамятного шпиона.

Кракл стал бы спорить и уточнять. Кортней просто вызвал следующего свидетеля.

Алва не слушал, смотрел куда-то сквозь пылающие витражи, словно происходящее его не касалось, а найденные Краклом с Феншо люди говорили о том, как жгли склады и дома, грабили, убивали, насиловали, а помощи не было, словно в городе разом остались только жертвы и преступники.

— Герцог Алва, — супрем-гуэций в упор глянул на человека в мундире, — чего вы ждали, почему не остановили погромы?

— Не счел нужным.
— Но вас умоляли.
— Только меня?
— Вас умолял епископ Оноре, вас умолял герцог Окделл.
— Я не эсператист.
— Почему вы вернулись раньше, чем было объявлено?
— Мне было видение.
— Видение? — Супрем сдерживался из последних сил. — Какое именно?
— Вряд ли оно поразит ваше воображение. — Ворон прикрыл глаза. — Во сне мне потребовалось созвать моих вассалов.
— Подсудимый, — предупредил гуэций, — имейте в виду, что Высокий Суд может расценить ваши последние слова как скрытую угрозу.
— Как вам будет угодно, но я имею обыкновение предъявлять ультиматумы в очевидной форме.
— Вам был задан вопрос о причинах вашего возвращения, — не принял вызова гуэций, — вы сослались на видение, в котором разыскивали своих вассалов.
— Разыскивал, — подтвердил подсудимый, — причем в на редкость неприятном месте. Сначала мне показалось, что это Ноха, но там, по крайней мере раньше, не было плесени. Еще любопытней вышло с вассалами, потому что вместо них я нашел нынешнего герцога Эпинэ.
— И вы хотите убедить Высокий Суд, что вернулись в столицу из-за данного сна?
— Милейший, — поморщился Алва, — я уже давно ничего не хочу, но в Олларию я вернулся именно поэтому.
— Вы не знали, что маркиз Эр-При находится в Агарисе?
— Местонахождение Робера Эр-При меня не волновало, — Алва задумчиво свел брови, — но мне захотелось убедиться, что в Нохе нет плесени.

Глава 9. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ)

400 год К. С. Вечер 17-го дня Зимних Скал

1

Лабиринт оживших, сужающихся стен, низкое небо, черно-серо-зеленые пятна на грязной, разбухшей штукатурке, сливающиеся в грубое подобие лошади... Он это видел! Видел, когда умирал и не умер. Пятна плесени обернулись пегой кобылой, но Алва вытащил его из сжимающегося тупика. Нет, кобыла появилась раньше...

— Монсеньор!
— А, это вы, Карваль. Что-то срочное?
— Не очень, Монсеньор. — Никола позволил себе улыбнуться. — Учитель вашей кухни найден.
— Где он?
— Я приказал проводить его к кухне Монсеньора. Я был прав?
— Безусловно. Вы нашли Инголса?
— Да, он принял приглашение и в девять будет у вас.
Значит, Марианне опять придется ждать, ее «висельники» не подскажут, как сорвать процесс, и не справятся с солдатами. Инголс важнее, мэтр готовился к схватке и знает, что делать, так пусть научит! Но в девять уже темно.

— Карваль, — еще немного, и он станет шарахаться от кошек, — вы слышали, что вчера сказал Алва? Не хотелось бы, чтоб мэтра Инголса вытащили из Данара.

Взвизгнули дверные петли. Двери Бронзового кабинета распахнулись — то ли Высокий Суд покончил с легкими закусками раньше, чем рассчитывал Робер, то ли он сам замечтался.

В любом случае отступить некуда.

— Монсеньор... — Маленький генерал покосился на цвет Великой Талигойи и отчеканил: — Вчера я принял меры к охране... видных законников, покинувших Ружский, простите, Гальтарский дворец до конца заседания.

— Мой дорогой Эпинэ, — шедший в авангарде Берхайм горел любопытством, — куда вы исчезли? А мы все думаем, что имел в виду Алва? Он намекал на вас?

— Не знаю. — Намекал или предупреждал? О чем, о зеленой луне в колодце? — Боюсь, я был не слишком внимателен. Старые раны... дают о себе знать в самый неподходящий момент.

— Здесь удивительно душно, несмотря на холод. — Придд, как всегда, был сер и любезен. — А духота способствует бреду. Я бы не стал полагаться на сделанные в таких обстоятельствах признания.

— Кэналлиец бредил, — важно кивнул Карлион, — его слова нельзя расценить иначе.

— В таком случае вы, граф, прожили в бреду всю свою сознательную жизнь, — предположил Спрут, — иначе с чего бы вам более сорока лет называть себя бароном. Господин Первый маршал, я пришлю вам кэналлийского. В вашем состоянии оно необходимо.

— У вас осталось кэналлийское? — пошутил Берхайм. — Теперь понятно, почему вы никого не принимаете.

— Я в трауре, — напомнил Придд, — и не только я.

— Конечно, — Маркус натянул на физиономию скорбное выражение, — все мы потеряли близких. Я лишился дяди, но нет победы без потерь.

— С этим трудно спорить, — согласился Придд, — хотя лично я не назвал бы Дору победой.

— Монсеньор Эпинэ. — Кортней был озабочен, как Клемент, пытающийся влезть в сахарницу. — Вы плохо выглядите, не стоит подвергать себя риску.

— Я не могу допустить, чтоб из-за меня перенесли процесс. — Если его не перенесут, он заболеет. Серьезно заболеет. Смертельно.

— О, господин Первый маршал, — гуэций избавился от венка, но след на лбу остался, — впереди сущие пустяки — заслушать показания Штанцлера и свидетелей защиты, буде таковые объявятся, и выяснить, где меч Раканов. Вы смело можете не появляться. Самое позднее к полудню все закончится, и я тотчас же отбуду с докладом во дворец. Приезжайте прямо туда. Высокий Суд собирается в три часа пополудни, к этому времени вы будете знать все.

Не хочет допрашивать Штанцлера в присутствии Эпинэ, а придется. Старому мерзавцу полезно лишний раз вспомнить о пистолете...

— Вы очень любезны. Если лекарь посоветует мне остаться в постели, не стану с ним спорить.

— Это разумное решение, — обрадовался гуэций, — ваше здоровье принадлежит Талигойе.

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Спрут. — Герцог, вам следует немедленно отправиться домой и лечь.

— Вы правы, сударь. Господа, прошу меня простить.

Как же здесь холодно, чего удивляться, что фрески пошли плесенью, но в Нохе никаких пятен нет, они были только во сне. Плесень, спящий всадник, девочка за его спиной...

«Папенька, я выбрала!..» Щербатая улыбка, глаза-светляки, бледный язык облизывает губы — в Алати тоже была она! Как он мог забыть?! Взлетающую Лауренсию, два сцепившихся огня, бешеную скачку помнил, а оскалившаяся дрянь соскользнула с памяти, как вода с вощенной тряпки.

— Что-то случилось? Вам не нужна помощь?

— Скажите, Валентин, вам не попадалась на глаза девочка лет шести, щербатая, в короне и со шрамами вот здесь? — Робер коснулся щеки и только тут сообразил, что

несет. — Вам, вероятно, кажется, я брежу.

— Неприятный ребенок. — Повелитель Волн и не подумал удивиться. — Мои люди пытались ее поймать, но она сбежала.

— Где вы ее видели?

— В Доре, — задумчиво произнес Валентин, — у фонтана. Ей там было не место.

Значит, хотя бы в Доре маленькая гадина не была бредом... Если только Спрут не издевается, хотя откуда ему знать?

— Вы ее хорошо запомнили?

— Даже слишком. — На породистом лице мелькнула гадливость. — Чудовищный костюм и чудовищное создание... Признаться, я рад, что вы о ней заговорили. Это доказывает, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти, а ведь одеяния судей свидетельствуют об обратном.

— Вы правы, — попробовал улыбнуться Эпинэ и неожиданно для себя добавил: — Сударь, могу я попросить вас об одной любезности?

— Разумеется.

— Не задевайте герцога Окделла. По крайней мере, пока не закончится суд. Ричард находится в непростом положении...

— Вы не находите, что оно несколько проще положения, в котором оказался его эр? — Глаза Придда были ледяными. — Хорошо, я обещаю до вынесения приговора не разговаривать с Повелителем Скал сверх необходимого. Тем более это не трудно, меня сейчас занимают вещи, весьма далекие от терзаний герцога Окделла, если, конечно, он терзается.

— Ему тяжело, — зачем-то повторил Эпинэ и торопливо добавил: — Я благодарен вам за великодушие.

— Право, не стоит, — заверил Придд, — всегда рад оказать вам любезность.

2

Груда писем и прошений ждала монаршего внимания, но Альдо и не думал их разбирать. Он сидел за столом, вертя в руках нож для бумаг, и о чем-то сосредоточенно думал. Розоватые валмонские свечи заливали кабинет теплым сказочным сиянием, превращая мраморные угловые фигуры в живые тела. Особенно хороша была змеехвостая девушка с виноградной гроздью в словно бы светящейся руке. Дикон улыбнулся и невольно тронул орден Найери. Древние любили изображать возлюбленных в виде спутников богов. Что бы сказала Катари, увидев себя крылатой? Робер говорит, ей хорошо у Левия, но аббатство не место для одинокой молодой женщины.

Катари и раньше слишком много думала о Создателе, теперь это становится опасным. Эти ее слова о долге и верность проклятому Фердинанду порождены эсператизмом, а Левий только раздувает огонь. Катарину нужно у него забрать, но не раньше, чем улягутся разговоры о казни. Сейчас Ноха для королевы самое безопасное место, но к весне Робер должен взять кузину к себе.

— Значит, Алва больше не кусается. — Сюзерен, скорее всего, заговорил сам с собой, но юноша ответил:

— Почти нет... После Фердинанда он почти не спорит... Альдо, жаль ты не видел это ничтожество! Ты не представляешь...

— Представляю. — Альдо отбросил нож и с хрустом потянулся. — Жаль, я сразу не показал Ворону его Оллара, не пришлось бы возиться с послами.

— Экстерриор говорит, они успокоились, — напомнил Ричард.

— Они-то успокоились, — скривился сюзерен, — я — нет. Гайифа предала империю, дриксенцы и вовсе пришли из-за моря, а теперь «павлины» с «гусями» разевают клюв на потомка богов. Гайифский сморчок поучает анакса, как какой-то ментор, а я вынужден слушать! Как же, союзники, кошки их раздери...

— Мы их сами раздерем! — выпалил Дик. — Помнишь, как «павлинов» разбили при Каделе? Мокрое место осталось.

— Гайифа воюет золотом, а не сталью, — лицо сюзерена прояснилось, — но вера в победу — это полпобеды. Представляешь, как нам обрадуются в Паоне?

— Уж не так, как Джастину Придду, — хмыкнул юноша.

— Ричард, — Альдо вновь помрачнел, — ваша вражда начинает меня утомлять. Сколько раз тебе говорить, нас слишком мало! К тому же Придду есть чем тебе ответить.

— Чем? — не выдержал юноша, хотя сюзерен был прав. — Напомнит про Ричарда и Джеральда? После них был Эгмонт!

— Нет, напомнит твою службу Ворону, которую легче объяснить по-гайифски, чем по-гальтарски. Вспоминая Джастина, ты бьешь себя.

— Альдо! — Мир обернулся кривым зеркалом и разлетелся на сотни кривляющихся лиловых осколков. — Это ложь! Ты же знаешь... Я...

— Я знаю. И Робер, и Рокслеи, и даже Придд, но ты жил у Ворона. Если Джастин — любовник кэналлийца, почему таковым не можешь быть ты? Я сегодня зря сослался на твои слова о невиновности Ворона. Ты можешь быть уверен, что Суза-Муза не вывернет твое заступничество наизнанку, а после этого не займется уже нашей дружбой? Болтунам нужна не правда, а сплетня, так что про Джастина забудь. Это приказ. Понял?

— Да, — выдавил из себя юноша. — Я могу идти?

— Нет, — отрезал Альдо. — Кто тебя просил вмешиваться в дела Джаррика? То, что вычеркнуто из акта, вычеркнуто по моему распоряжению. Ты меня убедил с выстрелами, но не считай себя вправе указывать прокурору.

— Я только просил убрать из обвинения про... госпожу Оллар.

— Знаю, — сюзерен внимательно посмотрел на юношу, — Джаррик доложил.

— Но ведь она просила, — сюзерен не знает, что такое любовь, его счастье, — при нас просила. Она не хочет рассказывать.

— Ничего, — махнул рукой Альдо, — жена молчит, муж скажет.

— Не надо! — Как объяснить, что позор Катари убьет?! — Она не хочет мести... Алва убил Люра и устроил с Сильвестром Октавианскую ночь, этого хватит...

— Ты не понимаешь, — хохотнул сюзерен, — я обещал избавить Катарину Оллар от мешка с салом, чтобы не сказать хуже, и я избавлю. То есть Фердинанд избавит, когда расскажет, что вынуждал жену к сожительству с другим мужчиной, и признается в своем бессилии. Этого довольно, чтоб счесть брак недействительным. Заодно и зубы Ноймаринену вырвем. Он думает, у него принц. Как бы не так!

— А Катари? — шепотом спросил Дик. — Она... Она этого не переживет!

— Катари после суда станет свободной, причем совесть ее будет чиста. Брак расторгнут не по ее просьбе, а под давлением открывшихся обстоятельств и по согласию с позволения сказать мужа. Если она и после этого в монастырь захочет, так тому и быть, но год на размышление у нее будет.

— Год? — подался вперед Дикон. — Но... Между просьбой и отречением от мира проходят четыре месяца, матушка говорила...

— Твоя матушка — вдова, а святой Игнатий определил всем разные сроки послушания. Изнасилованным и тем, чей брак расторгнут не по их вине, на раздумья дается год. Магнус, даром что эсператист, понимал, что сперва мозги на место встать должны.

За год Катари передумает, особенно если вернуть ей сына, а Карла вернут. Зачем сторонникам Оллара бастард, от которого отказался Фердинанд? Нужно только предложить подходящую цену и написать кому-то не до конца утратившему совесть. Катершванцам?

— Альдо. — Вот оно и настало, время правды, Альдо не только сюзерен, он — друг, он должен знать все. — Я люблю ее, и она станет моей женой!

— Кто? — не понял Альдо. — Ты о чем?

— Катари! — Жаль, они не одни в весенних холмах и нельзя от счастья кричать. — Я люблю ее... Я говорил тебе о ней, а вовсе не о Марианне... Марианна — куртизанка, я был с

ней несколько раз. Там все кончено, а Катари... Это — моя звезда, талигойская звезда!

— Катарина? — Глаза сюзерена стали круглыми. — Но... Она же старше тебя и, уж прости, далеко не красавица.

— Ты не понимаешь, — замотал головой Дик. — Катари не роза, она — гиацинт, небесный гиацинт...

— Может быть, — с сомнением произнес Его Величество, и Дикону стало смешно от счастья, — но лично я розы предпочитаю. Женщины должны быть как Матильда в молодости, но о вкусах не спорят... Хорошо, если Катарина Ариго тебя любит, женись, только не пожалей потом. А то увидишь эдакую фиалочку, юную, свеженькую...

— Окделлы любят только раз, — вскинул голову Ричард, — или не любят вообще. Катари в юности была влюблена в моего отца, она боялась за меня, думала, что Алва...

— Так вы встречались? — Сюзерен вновь улыбался. — Вот ведь проказники, а по виду не скажешь!

— Мы говорили два раза. — Королева будет свободна, но как мерзко, что ее тайны узнают все. — Сначала Катари меня предупреждала про Джастина. Потом хотела оправдаться... Я видел ее с Алвой, так получилось. Альдо, а нельзя дальше без свидетелей? Только судьи, и все.

— Дикон, — скривился Альдо, — не говори ерунды. Я не собираюсь тебе мешать, женись и будь счастлив, но для меня Талигойя важнее свадьбы, даже твоей. У Оллара не должно быть законных наследников. Алва будет осужден так, что ни одна мышь нохская не придерется.

3

Многоопытному юристу пристало юлить и ждать, когда обалдевший собеседник скажет больше, чем собирался, но мэтр Инголс явил собой прямо-таки солдатскую прямооту.

— Итак, Первому маршалу Великой Талигойи и Высокому Судье понадобился адвокат? — в упор спросил толстый законник, отринув не только здоровье, но и погоду. Робер такого не ждал, но придуманная загода фраза выручила.

— Ваше время и ваша голова стоят дорого, а ваши усилия пропали зря. Во сколько вы оцениваете проделанную работу?

— Вы желаете дать мне денег? — Адвокат удивленно поднял брови. — Для ближайшего друга Альдо Ракана это, по меньшей мере, странно.

— Тем не менее сколько?

— Я не готов отвечать. — Законник слегка передвинул бокал с довольно-таки посредственным вином. — Давайте поговорим об этом после обеда, раз уж вы меня на него пригласили.

— Я предпочитаю сначала уладить дела.

— Видите ли, Монсеньор, — медвежьи глазки стали лукавыми, — я называю цену, исходя из возможностей клиента и важности для него результата моей работы. Сколько стоит герцог Эпинэ, я примерно знаю, но зачем внуку Анри-Гийома платить за Алву? Я теряюсь в догадках, а значит, боюсь продешевить.

— Тогда давайте обедать, — Робер вздохнул и понял, что проголодался, — но без платы я вас не выпущу.

— Я буду звать на помощь, — предупредил адвокат, разворачивая салфетку. — Но, Монсеньор, заданный вами вопрос не стоит обеда. Вы хотели узнать что-то еще, не правда ли?

— Я хочу знать ваше мнение о процессе, вернее, о том, что вы видели.

— Неужели вы думали, что такая судебная крыса, как ваш покорный слуга, не отыщет лазейки? — Мэтр укоризненно покачал головой и взял оливку. — Господин Кракл выпроводил из зала толстого законника в зеленой мантии. Наутро в Ружский дворец вошел толстый негоциант в коричневом платье.

— Тем лучше. — Наглость Инголса вызывала восхищение. — Итак, что вы думаете? Ручаюсь, сказанное останется между нами.

Адвокат бросил косточку на тарелку.

— Альдо Ракан не первый, кто пытается свести счеты с противниками с помощью закона. И не последний. Обычно устроители судилищ выныривают из них, благоухая, как сточная канава, господин Ракан лишь подтвердил это правило. Честная казнь по горячим следам победителя не запятнает. В отличие от попытки сделать убийство законным. Вы со мной не согласны?

Соглашаться было нельзя, спорить не тянуло, оставалось увести разговор в сторону. Робер отломил кусок хлеба. Мэтр ждал ответа, крутя во рту очередную оливку. Эпинэ обмакнул хлеб в горчичный соус.

— Следовало судить не Алву, а Фердинанда.

Законник поморщился, словно оливка превратилась в лимон.

— Позвольте с вами не согласиться. Юриспруденция — удивительная вещь, сочетающая безумие поэта с беспощадностью математика и наглостью кошки. То, что обычному человеку кажется очевидным, для юриста эфемернее радуги, зато откровенная чушь может стоять жизни и имущества.

— И вы посвятили этому жизнь? — Разговор шел не так, как думалось, но прерывать его не хотелось.

Юрист ухмыльнулся:

— Я нахожу в этом извращенное удовольствие. Для меня мои дела — то же, что мыши для кота, — и пища, и забава, но вернемся к вашему вопросу.

Мой дорогой хозяин, вы не можете вменить Фердинанду в вину узурпацию, ведь он не подданный Раканов. В лучшем для вас случае он — иностранец и завоеватель, как его предок, но тогда с ним положено обращаться как с военнопленным.

Если же исходить из худшего, то есть из худшего для Раканов, он — признанный сопредельными державами и Агарисом монарх, связанный кровными узами и многочисленными договорами с династическими домами Золотых земель. В этом случае Оллар тем более вне юрисдикции Альдо Ракана. Я уж молчу о том, что древние кодексы не предусматривают никаких мер на предмет узурпации за пределами августейшего семейства, зачем запрещать то, что попросту невозможно? Вот насчет мятежников там сказано предостаточно.

Не хочу оказаться дурным пророком, но, если вы когда-нибудь окажетесь на месте герцога Алва, ваш защитник должен сделать все возможное, чтоб вас судили по более поздним законам.

— Постараюсь, — пообещал Эпинэ, чувствуя спиной неприятный холодок. — А что думали о мятежниках в Гальтаре?

— О, — показал крепкие зубы адвокат, — при анаксах и первых императорах любое, сколь угодно правое, вооруженное выступление сначала давили, а потом разбирались. При этом в позднегальтарский период случалось, что мятежи поднимали с одной-единственной целью — привлечь внимание анакса к безобразиям в провинциях. Пару раз это себя оправдало: виновным оторвали головы, но их требования удовлетворили. В последнем особенно преуспел сын Эрнани Святого Анэсти Гранит. С благословения святого Адриана, разумеется.

— Значит, измена законному государю каралась смертью и только смертью, — кивнул Робер. — Что ж, я так и думал.

— Измена законному государю? — юрист страдальчески вздохнул. — Мой герцог, такой статьи в законах анаксии не было и быть не могло. Измена государству место имела, а измена личности монарха — нет. Разумеется, речь шла о монархе действующем, но таковым в нашем случае является Фердинанд, а ему изменил кто угодно, но не Алва.

Таким образом, мы вновь упираемся в сравнение статусов и прав Фердинанда Оллара и Альдо Ракана, где обвинители изначально были обречены на полный разгром. Кракл и

Феншо в своем усердии не приняли в расчет, что обвиняемый заявит о незаконности притязаний Ракана. Кортней и Фанч-Джаррик умнее, но им пришлось бежать по болоту в чужих сапогах. Вы меня понимаете?

— Почти. — Робер сам не понял, когда увлекся допотопными тонкостями. — Если признать Фердинанда завоевателем, то судить его не за что, сдался и сдался. С ним следует обращаться как с пленным хорошего происхождения, но Алва, будучи коренным талигойцем, получается пособником захватчика.

На лице собеседника проступила блаженная улыбка.

— Обвиняя Воронов в пособничестве захватчикам-Олларам, — пояснил мэтр, — вы подписываете приговор себе и своему государству. Потому что выходит, что виновна вся страна поголовно. Разумеется, кроме тех, кто участвовал в мятежах. И что прикажете делать? Судить всех, живых и мертвых? Ах, не всех? Но тогда любой обвиняемый может сослаться на процветающего соседа...

— Советник, — совершенно искренне произнес Эпинэ, — готовить и вести процесс следовало вам, а никак не Краклу. Даже с помощью Джаррика.

Адвокат с достоинством наклонил голову, без сомнения, он знал себе цену.

— Кракл — неуч, а знания Фанча как шкура у леопарда. Пятнами. Что-то он изучил отменно, но достаточно шагнуть в сторону, и нарываешься на полное невежество. Вам не кажется, что на столе появилась крыса?

— Кажется. — Эпинэ сгреб в охапку негодующее Крысейшество. — Это Клемент, я его отбил у кота.

— Это делает вам честь. — Мэтр Инголс обмакнул в соус кусок хлеба и положил на край стола. Клемент расценил это как приглашение и задергался, пытаясь освободиться. Робер разжал пальцы, и Его Крысейшество потопал к подношению.

— Он, я вижу, немолод, — палец адвоката указал на седину, — кстати, в Гальтаре держали ручных крыс. Они отгоняли диких. Считается, что чуму в Варасту занесли домашние любимцы: заразились от степных ежанов, а те, в свою очередь, переели холтийских сусликов.

— Из обвинительного акта изъяли все, связанное с Варастой и Золотым Договором, — вернулся к прерванному разговору Эпинэ, — по настоянию Посольской палаты.

— Естественно, ведь ни один закон не был нарушен, а все разговоры о жестокости отменяются прецедентами Дриксен и Марагоны, Уэрты и Алата, Гайифы и внутренней Клавии. Более того, согласно законам анаксии, хотя мой несостоявшийся подзащитный вряд ли имел это в виду, затопление долины Виры правомочно. Древние всерьез полагали, что власть земная держится на силе четырех стихий, которые анакс и главы домов могли пускать в ход. Разумеется, во имя государственной пользы.

— И вы в это верите?

— Трудно сказать. — Инголс с одобрением глянул на жующего Клемента. — Два серьезных мятежа захлебнулись морскими волнами. Это могло породить легенду о силе Раканов, а могло быть следствием проявления этой самой силы. Впрочем, чем ближе к нашему времени, тем меньше упоминаний о подобном, а те, что есть, скатываются к откровенным суевериям.

— Мэтр, признайтесь, зачем вы этим занимались?

— Любопытство. — Медвежьи глазки совсем сузились. — Простое человеческое любопытство, помноженное на юридическое. Несколько лет назад ко мне обратился некий священник. Его волновали вопросы наследования и то, как с течением времени менялись законы. Я занялся этим и увлекся. Находя один ответ, я натыкался на четыре вопроса. Гальтарцы весьма остроумно соединили свои верования с законом. Забавно, но иногда им это помогало.

— Если б Его Величество знал о вашем увлечении, — заверил Робер, — он остановил бы свой выбор на вас.

— Не думаю. — Взгляд адвоката стал еще острее. — Альдо Ракану нужно не торжество

закона, а смертный приговор. Добиться его с помощью древних кодексов невозможно. Разве что поискать прецеденты в области сговора с иноземными державами или их властителями с целью отторжения от анаксии тех или иных земель, передачи их под иноземное управление и удержания в этом состоянии. С точки зрения закона неважно, о каких землях речь — пусть даже о сердце страны или всей стране.

— Прошу прощения, — Робер отложил вилку и схватился за бокал, — я сейчас сойду с ума.

— Прошу вас воздержаться, — улыбнулся адвокат, — и забыть мои умствования, тем более Кракл и Феншо пошли по избитой стезе. Они решили утопить подсудимого в полуправде и вранье, которое невозможно опровергнуть, как бы нелепо оно ни звучало. Надо отдать обвинению справедливость, оно проявило недюжинную изобретательность. Говорю вам как юрист.

— Да, — пробормотал Робер, отпихивая вернувшегося Клемента, — один Оллар чего стоит... «Король Талига не может лгать». Это — конец.

— Как раз этот довод отместить легче легкого. — Мэтр Инголс отложил вилку и поднял палец. — Сильвестр, или, если угодно, Дорак, королем не был, а Фердинанд дает показания с чужих слов и не в состоянии доказать, что кардинал говорил правду. Другое дело, что обратного тоже не доказать.

Не доказать, но ведь Алва и не доказывает.

— Закатные твари! — Ярость молнией рванулась из каких-то закоулков души. — Алва не дурак! Он не просто маршал, он все ваши дурацкие договоры знает, так за каким змеем он молчит?

— Самое простое объяснение — это болезнь, — предположил Инголс. — Вы обратили внимание, как герцог держит голову? Готов поклясться, она раскалывается. В таком положении не до защиты, тем более итог суда очевиден.

— Болезнь — повод отложить суд. — Против этого не возразит даже Альдо, особенно если за дело возьмется Левий, а он возьмется.

— Если подсудимый отрицает свою болезнь и находится в здравом уме и твердой памяти, а он находится, вы ничего не добьетесь. У Алвы были все возможности требовать отсрочки, он предпочел отказаться от защитника, а теперь и от защиты.

Отказался. Но Ворон не из тех, кто сдается. У него остается последнее слово, может быть, дело в этом, но врач ему нужен. Настоящий врач, а не коновал и не придворный лизоблюд. Левий должен найти подходящего...

— Прежде чем нам подадут горячее, следует покончить с делами. Вы определились с ценой?

— Монсеньор, давайте поговорим об этом после процесса... Я намерен окончить свои дни в Западной Придде. Надеюсь, изгнание из Ружского дворца послужит мне хорошей рекомендацией при вступлении в палату судебных защитников славного города Хёксберг. Как видите, определенные дивиденды я получил, и немалые. Тем не менее я не откажусь и от ваших денег. Кстати, вы не хотите передать письмо вашему кузену по матушке? Я имею в виду графа Ариго.

В этом есть свой смысл. Что бы ни натворил Жермон в юности, он стал торским бароном и генералом. Такое даром не дается.

— Я отвечу вам вашими же словами. После процесса.

Глава 10. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 18-й день Зимних Скал**

— Высокий Суд заслушает Августа Штанцлера. Пусть свидетель войдет. — Дик ждал

этих слов третий день, и все равно они прозвучали неожиданно, а судебный пристав уже распахивал дверь.

— Август Штанцлер, Высокий Суд ждет ваших слов.

— Август Штанцлер здесь. — Эр Август шагнул в зал, и Дикон с облегчением увидел, что на старике нет цепей. Альдо при всем своем предубеждении к бывшему кансильеру оставался рыцарем, но лучше бы он внял голосу рассудка. Пусть Штанцлеры не зории, это еще не преступление. Люра тоже не мог похвастаться знатным происхождением, а победой сюзерен обязан в первую очередь ему! Кансильер, кем бы ни был его предок, всю жизнь служил Талигойе, а ошибся только один раз.

Да, он оскорбил Эпинэ, но как можно равнять все им сделанное с тем, что и виной-то не назвать?! Нет, если кто и вправе укорить Августа Штанцлера, так это Повелитель Скал, согласившийся с его доводами и готовившийся умереть, чтобы жили другие, но Ричард Окделл не обвиняет, обвиняет скрывавшийся в Агарисе Эпинэ...

— Назовите свое имя. — Гуэций встречает свидетелей одним и тем же вопросом, и все же в подобном обращении к тому, перед кем раньше вставал, есть что-то оскорбительное. К счастью, военные живут по другим законам, для них главное не бумаги, а Честь.

— Я — Август, второй граф Штанцлер, — спокойно произнес бывший кансильер, ничем не выказывая ни возмущения, ни страха.

— Поднимитесь на кафедру и принесите присягу. — Кортней бубнил, не поднимая головы от бумаг, и Ричард готов был поклясться, что гуэцию не по себе.

— Именем Создателя, жизнью государя и своей Честью клянусь говорить правду, и да буду я проклят во веки веков и отринут Рассветом, если солгу. — Рука эра Августа спокойно легла на обложку Эсператии, но клятва была не нужна, Штанцлер лгал только врагам. Чтобы спасти друзей.

— Суд принимает вашу присягу, — с расстановкой произнес супрем. — Господин обвинитель, этот человек будет правдив. Спрашивайте его.

— Да, господин гуэций. — А вот маленькому прокурору нравится допрашивать тех, на кого он еще вчера смотрел снизу вверх. Нет ничего хуже поднявшихся из грязи. Казалось бы, Франциск и его свора это доказали, но благородство не думает о подлости. Альдо возвысил мелкого ординара и ждет благодарности, дождется ли?

— Господин Штанцлер, — Фанч-Джаррик, не мигая, уставился на спокойного старого человека, — вы восемнадцать лет занимали должность кансильера при дворе Олларов, следовательно, вам известны истинный размер и подоплека всех имевших место беззаконий?

— Я ввел бы Высокий Суд в заблуждение, если б это подтвердил. — Голос бывшего кансильера звучал устало и спокойно. — О многом я узнавал тогда, когда уже ничего нельзя было изменить. Да, о чем-то я догадывался, что-то выводил у людей, облеченных большим доверием, но я вряд ли смогу полностью удовлетворить любознательность Высокого Суда. Увы, меньше кансильера при дворе последнего Оллара значила только королева и, как это ни чудовищно звучит, сам Фердинанд, не принявший за свою жизнь ни единого самостоятельного решения.

— Иными словами, — быстро произнес Фанч-Джаррик, — вы утверждаете, что Фердинанд Оллар являлся лишь орудием в руках правивших его именем вельмож?

Август Штанцлер негромко вздохнул:

— Можно сказать и так. Я, по крайней мере, ему не судья. Несчастный сын несчастной матери! Фердинанд родился лавочником в душе, а ему пришлось сесть на трон. Он был слишком слаб, чтоб говорить «нет» окружавшим его хищникам. Оллар виновен в слабости, но не в жестокости; в отсутствии способностей, но не в коварстве и злонравии.

— В таком случае, — вмешался в допрос Кортней, — кто несет ответственность за пролитую в Надоре, Борне, Эпинэ, Варасте кровь? За Октавианские погромы, казни невинных и иные преступления, творившиеся именем Фердинанда Оллара?

Бывший кансильер медленно повернулся, он и раньше жаловался на боли в спине:

— В Талиге все решали сначала Штефан Ноймаринен и Алваро Алва, затем Квентин

Дорак, Рудольф Ноймаринен и Рокэ Алва. Последние шесть лет Ноймаринен от дел отошел.

— А супруга Фердинанда Оллара? — деловито уточнил Фанч-Джаррик, вызвав у Дика желание ухватить недомерка за зеленый шиворот. — Не ее ли, обусловленным некоторыми подробностями частной жизни, влиянием объясняется всеисилие Рокэ Алвы?

— Никоим образом, — отрезал эр Август, позабыв, что он не более чем узник. — Ее Величество... Катарина Ариго обладает честнейшей и чистейшей душой. По сути и она, и я были заложниками и отступным, которое Дорак платил странам Золотого Договора. Неудивительно, что мы сблизились. Я всю жизнь мечтал о дочери, о такой дочери... Мне сказали, что Катарина Ариго больна и не может подняться на свидетельское место. Что ж, тогда я поклянусь, что эта женщина никому в своей жизни не причинила зла. Она жила в муках и унижении, ее жизни угрожала опасность, а она молилась не только о спасении друзей, но и о врагах. О том, чтоб Создатель открыл им истину и разбудил в них совесть...

— Господин Штанцлер, — что-то писавший супрем отложил бумаги, — что вам известно о происхождении признанного Олларами наследником малолетнего Карла и его сестер? И о насилии, коему подвергалась госпожа Оллар?

— О том, как это было, знают лишь сама госпожа Оллар, ее супруг и... еще один человек. Я видел, что она более чем несчастна в браке. Большого без разрешения Ее Величества я сказать не могу. К тому же это будет лишь пересказ чужих слов, что, насколько я помню, допускается, лишь когда речь идет об умерших и находящихся в длительном отсутствии.

— Это так, — подтвердил Фанч-Джаррик, хотя его никто не спрашивал, — и я прошу Высокий Суд для прояснения этого вопроса повторно допросить свидетеля Оллара.

— Высокий Суд разрешает сделать это после окончания первичных допросов, — принял решение гуэций. — Господин Штанцлер, верно ли я понимаю, что вы не считаете Фердинанда Оллара дееспособным и всю вину за то, что творилось его именем, возлагаете на временщиков, в частности на подсудимого?

— Да, господин гуэций, — подтвердил Штанцлер. — Но вина Квентина Дорака неизмеримо выше. Говоря же о подсудимом, я должен подчеркнуть, что он уже длительное время находится в состоянии, которое требует лекарского освидетельствования.

— Это решит Высокий Суд, — отрезал супрем, — но мы учтем ваши показания. Итак, известно ли вам о заговоре Квентина Дорака, имевшем целью уничтожение Людей Чести и сторонников эсператистской веры, и участвовал ли в оном заговоре подсудимый?

— Высокий Суд поставил меня в сложное положение, — задумчиво произнес Штанцлер. — Я не был непосредственным свидетелем Октавианской ночи и не являлся доверенным лицом Дорака и Алвы. Мой рассказ во многом будет основан на умозаклчениях и пересказе чужих слов.

— Высокий Суд примет это во внимание, — кивнул Кортней. — Начинайте.

— В начале весны Катарина Оллар заметила, что ее супруг угнетен. Это была дурная примета: Фердинанд никогда не возражал Дораку, но часто сочувствовал его жертвам. Госпожа Оллар пыталась узнать, что происходит, но Оллар был слишком напуган. Тогда она обратилась за помощью ко мне, так как мне порой удавалось застать короля в местах, где не подслушивали.

На этот раз у меня это получилось с легкостью: казалось, Оллар сам ищет встречи. Фердинанд спросил, не являюсь ли я скрытым эсператистом и не знаю ли, кто таковым является. Я ответил, что вероисповедание — дело совести каждого, и тут Оллар понизил голос и сказал, что видел дурной сон. О том, как эсператистский священник благословляет паству, а по его следам идет Смерть с секирой. Когда я услышал о приезде Оноре и готовящемся диспуте, то понял, что несчастный король пытался меня предупредить.

— Что вы предприняли?

— Увы, ничего. За мной по пятам ходили люди Дорака и Лионеля Савиньяка, к тому же меня обманула болезнь лжекардинала. Я решил, что Создатель услышал молитвы Катарини Ариго и накинуд на временщика узду. То, что болезнь оказалась хитростью, мы поняли

позже.

— Что вам известно об участии Алвы в событиях Октавианской ночи?

— То, что его появление не стало неожиданностью, по крайней мере для Лионеля Савиньяка.

— Знакомо ли вам имя Чарльз Давенпорт?

— Сын генерала Энтони Давенпорта?

— Да.

— Этот молодой человек — шпион Лионеля Савиньяка. Сначала он следил за генералом Килеаном-ур-Ломбахом, затем его перевели во дворец.

— Пересекались ли пути Чарльза Давенпорта и герцога Алва?

— Мне рассказывали, что Давенпорт и Алва встречались в Октавианскую ночь.

— Это можно считать доказанным, — подтвердил супрем. — Господин Штанцлер, вы предполагаете или знаете, что Рокэ Алва был осведомлен о планах лжекардинала?

— Я не слышал разговора герцога Алва с Дораком, но я верю человеку, который мне его передал, рискуя жизнью. Герцог Алва знал обо всем. Его промедление, равно как и поспешное устранение свидетелей, было частью замыслов Дорака.

— Что вам известно о задуманных Дораком убийствах Людей Чести?

— Уже упомянутый мною свидетель передал мне список будущих жертв, первой из которых значилась Катарина Ариго. Я предупредил об опасности ее и герцога Окделла. Это все, что я мог сделать, но Создатель смилостивился над невинными.

В Октавианскую ночь лжекардинал разыграл болезнь, и это переполнило чашу терпения Создателя. Дорак умер так, как лгал. К несчастью, это не спасло ни братьев Ариго, ни Килеана-ур-Ломбаха, ни семейство Приддов.

— Что вам известно о поддельных письмах, послуживших поводом для ареста братьев Ариго и графа Килеана-ур-Ломбаха?

— Чарльзу Давенпорту не удалось выкрасть приказ кардинала, предписывающий Килеану-ур-Ломбаху не покидать казарм, о чем Давенпорт сразу же доложил Алве. Герцог Алва обладает несомненным талантом к подделке почерков, он спешно набросал якобы черновики приказа Дорака и лично подбросил в особняк Ариго.

— Герцог Алва, — вспомнил об обвиняемом супрем, — вы имеете что-то возразить по существу или же задать свидетелю вопрос?

— Пожалуй. Кто этот баловень судьбы, раз за разом оказывавшийся за портьерой Его Высокопреосвященства?

Эр Август вздернул голову:

— Этот человек — слуга Великой Талигойи и своего короля. Это все, что я могу сказать во всеуслышание. Да, Квентин Дорак мертв, а Рокэ Алва бессилен, но Рудольф Ноймаринен надел на себя регентскую цепь. Зная этого человека, не сомневаюсь, что его мысли — о короне. Тот, о ком я говорю, сейчас находится в волчьем логове. Я не могу подвергать его жизнь опасности.

Кортней зашелестел бумагами. Святой Алан! С судейских станется отместить показания эра Августа или потребовать имя человека, ходящего по лезвию меча. Супрем поднял руку, и Дик торопливо вскочил:

— Высокий Суд принимает объяснение эра... графа Штанцлера. Мы не должны подвергать жизнь нашего друга опасности.

— Герцог Окделл, — в голосе Кортнея был упрек, но на самом деле он не сердился, — вы превысили ваши полномочия. Сядьте. Тем не менее Высокий Суд удовлетворится тем, что свидетель сообщит имя своего осведомителя конфиденциально. Герцог Алва, у вас есть еще вопросы?

— Эр Август, — краденное обращение ударило, как хлыстом, — почему, будучи счастливым обладателем известного по крайней мере четверым здесь присутствующим кольца с секретом, вы не передали его вашему примечательному во всех отношениях другу? Я неплохо знал Сильвестра, свои мысли он оберегал тщательнее своего шадди. Если ваш

друг имел доступ к первому, сложностей со вторым возникнуть просто не могло.

— Я обязан отвечать на этот вопрос? — Бывший канцильер справился с голосом, но на щеках проступили красные пятна.

— Вас что-то смущает? — пришел на помощь Кортней. — Может быть, вы боитесь повредить невиновным?

— Да, господин гуэций.

— Герцог Алва, вы настаиваете на ответе?

— Господин Штанцлер мое любопытство уже удовлетворил, — пожал плечами Алва, — в полной мере.

2

Штанцлер врет, как проворовавшийся интендант, нет у него никакого осведомителя, и списка никакого не было, и заговора. Старый плут сочинил для Дикона сказку и вынужден за нее цепляться, а Рокэ молчит, то ли устал, то ли Ричарда жалеет.

Если мальчишку загнать между Августом и Джереми, он наконец проснется, но это потом. Окделл есть Окделл, разочарования не перенесет. С дурня станет броситься к Альдо, а сюзерен не рискнет держать при себе второго Алана. Зато когда все закончится, Дику придется выслушать много интересного. И от Джереми, и от сестры, и от Катари.

Крови на дураке пока, слава Создателю, нет, а остальное смыть можно, даже яд.

— Граф, — Кортней расстилается перед Штанцлером, словно убудок все еще канцильер, — почему вы предпочли бежать, а не потребовали суда над угрожавшим вам человеком?

— Мне, знаете ли, нечего терять, — свидетель глубоко вздохнул, — и нечего бояться, ведь я старый человек, и я одинок. К побегу меня вынудили обязательства перед покойным герцогом Эпинэ. Кроме того, моя смерть стала бы еще одной победой Дорака и Алвы. Я должен был жить хотя бы для того, чтоб они не чувствовали себя полными хозяевами Талигойи. Да, я бежал, но не в Гайифу и не в Дриксен, а к своему старшему другу. Анри-Гийом умирал и знал это. Он завещал единственному уцелевшему внуку свою борьбу и свою месть, но Робер Эр-При был далеко, а в провинции с благословения Дорака бесчинствовали Колиньяры.

Что мне оставалось делать? С помощью верных людей я начал готовить восстание, но мое присутствие приходилось скрывать. Увы, я не мог и помыслить, что тщательность, с которой мы оберегали герцога Гийома, в глазах его внука станет предосудительной.

Надо было его убить, пусть и на глазах Карваля. Марион Нику... Тварь, едва не сжегшая провинцию и опять уцелевшая. Но это ненадолго... «Эру Августу» нечего делать в Багерлее, ему пора в Закат!

— Граф Штанцлер, — ворковал Джаррик, — какими доказательствами заговора против Людей Чести вы располагаете?

Бывший канцильер развел чистыми руками, на которых было больше крови, чем на бойне.

— Что я могу привести в доказательство, кроме моего слова и участи, постигшей Ариго, Килеан-ур-Ломбахов, Приддов... Только восстание в Эпинэ.

— Господин Штанцлер, — обвинитель пошевелил какой-то бумагой, — как вам удалось покинуть дворец?

— Мне помогла Катарина Ариго. Королева Алиса, любя жену сына как родную дочь, открыла ей тайну Дороги Королев. Я стал первым после Алана Святого мужчиной, воспользовавшимся этим ходом. Я пришел сообщить об исходе дуэли, но мне не пришлось стать черным вестником, Катарина встретила меня вопросом. Мне осталось лишь подтвердить то, что она почувствовала. Я не стал говорить, что случилось в моем доме, это было бы слишком, но Ее Величество, да, для меня она всегда останется королевой, приказала мне бежать.

— Почему вы ушли один?

— Сестра Ги и Иорама Ариго отказалась меня сопровождать. Она хотела оплакать братьев.

Катари спасла эту тварь? Очередная ложь! Или нет? Кузина цену Штанцлеру знает, если она его и отпустила, то спасая тех, кого мерзавец мог выдать. Но почему она не воспользовалась ходом сама? Ее больше не пускали в молельню?

— У меня нет вопросов, — сообщил Кортней. — Герцог Алва, вы желаете о чем-либо спросить графа Штанцлера?

— Нет.

— Вы опровергаете его слова?

— Я подтверждаю, что он стар и не имеет наследников.

— Граф Штанцлер, займите место на свидетельской скамье. Высокий Суд оставляет за собой право вызвать вас повторно.

— Да, господин гуэций. — Штанцлер тяжело спустился с кафедры. Гуэций звякнул колокольчиком, в ответ согласно ударили жезлы судебных приставов.

— Первичный допрос свидетелей обвинения окончен. Слово свидетелям защиты.

3

Молчание затягивалось, давило, как давят перед грозой нависшие над головой тучи. Фанч-Джаррик закусил губу, супрем взялся за колокольчик. Звон был визгливым и коротким, словно в зале тявкнула левретка.

— Подсудимый, — в голосе супрема раздражение мешалось с беспокойством, — вы намерены предоставить свидетелей?

— Нет, не намерен. — Алва с отсутствующим видом смотрел куда-то вверх. Если б не обстоятельства, можно было подумать, что герцог пьян.

— Защита не может представить свидетелей, — объявил гуэций, — но, прежде чем начать повторный допрос Фердинанда Оллара, Высокий Суд согласно кодексу Диомида спрашивает.

Имеет ли кто сказать нечто, опровергающее сказанное здесь?

Имеет ли кто сообщить нечто, ускользнувшее от внимания Высокого Суда, но имеющее непосредственное касательство к делу?

Высокий Суд обещает свидетелям свою защиту и ждет ответа шестнадцать минут.

«Нечто, опровергающее сказанное здесь...» То, что можно опровергнуть, опровергнуто и изъято из дела. Ворона больше не обвиняют ни в покушении на государя, ни в нарушении Золотого Договора, он не станет отвечать за взорванное озеро, утопленные села и повешенных пленных, потому что «павлины» и «гуси» поступают так же.

— Имеет ли кто сказать нечто, опровергающее сказанное здесь? — Тяжелые жезлы приставов отбили первые четыре минуты. — Имеет ли кто сообщить нечто, ускользнувшее от внимания Высокого Суда, но имеющее непосредственное касательство к делу?

— Во имя Создателя всего сущего, — по проходу, придерживая мантию съентифика, торопливо пробирался высокий белоголовый человек, — я прошу слова у Высокого Суда.

— Как ваше имя? — Заступивший дорогу незнакомцу пристав был строг и равнодушен. — И что вы имеете сообщить?

— Меня зовут Горацио Капотта, — голос съентифика был звучным, мягким и до странности знакомым, — я преподавал описательные науки сыновьям графа Ариго и пользовался их полным доверием. Мой долг — сообщить Высокому Суду о том, что предшествовало Октавианской ночи. Приведите меня к присяге.

— Мэтр Капотта, — взялся за дело супрем, — опровергают ли ваши сведения сказанное здесь или же подтверждают?

— Приведите меня к присяге, — повторил ученый, — и я отвечу.

— Означает ли это, что вы связаны клятвой?¹⁹

— Да.

Дик понял, почему этот человек показался знакомым. Он говорил как мэтр Шабли, вернее, очень похоже. Казалось, съентифик сейчас прочтет сонет Веннена или спросит, когда была основана Паона, но тот отчетливо произнес:

— Именем Создателя, жизнью государя и своей жизнью клянусь говорить правду, и да буду я проклят во веки веков и отринут Рассветом, если солгу.

— Суд принимает вашу присягу, — подтвердил супрем, — и освобождает от прежнего обета. Говорите.

— Господин гуэций, — ученый слегка поклонился, — Ваше Высокопреосвященство, я настаиваю на том, что граф Ги Ариго, граф Иорам Энтраг и, более чем вероятно, граф Килеан-ур-Ломбах знали о будущих погромах не меньше чем за месяц.

Я также должен признаться, что по просьбе моих бывших учеников, знакомых с моими способностями каллиграфа, по принесенному ими черновику изготовил фальшивый приказ, предписывающий городской страже не покидать казарм. Мне был вручен образец почерка и подписи Квентина Дорака, который я сохранил и готов предъявить Высокому Суду вместе с черновиком, написанным рукой графа Ариго. Я также принял на хранение ценности Ариго, часть которых позднее нашли в моем погребе, а часть и доньше хранится в известном мне месте, на которое я готов указать.

— Мэтр Капотта, — супрем казался потрясенным, — вы клянетесь в том, что сказанное вами — правда?

— Я принес присягу, — вскинул голову съентифик, — и я верую в справедливость Создателя.

— Как вышло, что вы избежали преследований со стороны Олларов?

— По совету Иорама Ариго я, спрятав переданные мне вещи, покинул город и вернулся, лишь узнав о падении Олларов.

— Вы пользовались полным доверием Ги и Иорама Ариго, что вас заставило предать их память?

— Моя вера и моя совесть. — Говоривший заметно волновался. — Не знаю, как бы я поступил, останься мои ученики живы. Наверное, я умолял бы освободить меня от клятвы, но они мертвы, а поединок в святом месте наши предки почитали божьим судом. Убитые защищали неправо дело. Раскрывая их тайну, я облегчаю Ожидание томящимся в Закате грешным душам.

— Вы не являетесь духовной особой, — сварливо сказал Фанч-Джаррик, — и неправомочны утверждать подобное.

Гораций Капотта гордо вскинул голову:

— Ги и Иорам Ариго могли спасти тысячи невинных, но не спасли. Более того, они намеревались извлечь из происходящего выгоду, лишив гражданскую стражу возможности остановить погромы. Я исповедовался у Его Высокопреосвященства, и он укрепил меня в моем решении открыть правду.

Глава 11. РАКАНА (Б. ОЛЛАРИЯ) **400 год К. С. 18-й день Зимних Скал**

¹⁹ У эсператистов судебная присяга освобождает свидетеля от всех клятв и разрешает разгласить все тайны, кроме тайны исповеди и тайны церкви. У олларянцев место церковных секретов занимают государственные, а к тайне исповеди прибавляется тайна, доверенная королем.

Левий все-таки ударил! Пусть про Капотту вспомнила Катари, она не могла подсказать, что и как говорить. Вряд ли скромный книжник набрался смелости сыграть с королем даже по просьбе бывшей королевы. Другое дело, чувствуя за спиной кардинала... А Его Высокопреосвященство и впрямь последователь Адриана, сказавшего, что, если бой безнадежен, это не повод опускать оружие.

— Вы все сказали? — деревянным голосом осведомился супрем.

— Да, господин гуэций. — Капотта слегка поклонился то ли гуэцию, то ли подсудимому. Что ж, будь суд судом, а не мистерией с заведомым концом, слова съентифика означали бы новое следствие.

— Высокий Суд выслушал Горацио Капотту и запомнил сказанное им. — Супрем умен, он смотрит не только на короля, но и на кардинала.

— Подсудимый, — подал признаки жизни Джаррик, — отвечайте, вы видели когда-либо этого человека?

— Не думаю, — объявил Ворон, даже не взглянувший на нежданного защитника.

— Вы хотите его о чем-то спросить?

— Не хочу.

— Вы доверяете его показаниям?

— Не меньше, чем прочим... Впрочем, и не больше.

Это было бы оскорблением, если б съентифику не нужно было возвращаться домой. Сюзерен на месть свидетелям размениваться не станет, но вот судебские, чьи выдумки рассыпаются карточным домиком... Попросить Никола приглядеть? Закатные твари, скоро придется взять под охрану четверть Оллари.

— Высокий Суд спрашивает, кто еще имеет сказать нечто, имеющее непосредственное отношение к делу?

— Я прошу Высокий Суд выслушать мой рассказ. — Негромкий голос, стройная фигурка в сером. Монах-эсператист... Пьетро?!

— Как ваше имя? — Судебный пристав исполнял свои обязанности, остальное его не касалось. — И что вы имеете сообщить?

— Мое имя Пьетро. Я — монах ордена Милосердия и личный секретарь Его Высокопреосвященства Левия. Прошлой весной, будучи послушником ордена, я вместе с братом Виктором сопровождал преподобного Оноре в Талиг и принял его последний вздох.

— Благочестивый Пьетро, опровергает ли то, что вы намерены рассказать, сказанное свидетелями, или же подтверждает?

— Опровергает, — твердо произнес монах, — ибо мне доподлинно известно, что сосуд со святой водой не был подменен. В детоубийстве и смерти преподобного Оноре виновны те, кто не желал примирения двух церквей, и след их тянется в Агарис.

— Благочестивый Пьетро, — супрем смотрел на эсператиста, словно у того было четыре носа, — вы понимаете, ЧТО говорите?!

— Я исполняю свой долг, — лицо Пьетро стало вдохновенным, — и несу Чтущим и Ожидающим весть из садов Рассветных. В ночь на четвертый день Зимнего Излома мне, недостойному, явились преподобный Оноре и святой Адриан и повелели во имя Милосердия и к вящей Славе Создателя раскрыть тайну братьев моих, как бы постыдна та ни была.

И еще сказал святой Адриан, что судей неправедных и немилосердных ожидает Закат, равно как и свидетельствующих ложно. Сильным же мира сего, что вынуждают вместо правды искать кривду и называть черное белым, а теплое — холодным, воздастся четырежды.

— Вы долго молчали о вашем видении, — нашелся Фанч-Джаррик, — вам следовало прийти раньше.

— Я молился, уповая на разум и справедливость судей мирских и на то, что не будет недоказанное объявлено доказанным, а незаконное возведено в закон, но предубеждение высоко подняло знамена свои.

Третьего дня услышал я, в чем обвиняют Рокэ Алву, укрывшего святого Оноре в день

гонений, и я просил Его Высокопреосвященство об исповеди. Я открыл все, что знал и помнил, и поведал о видении.

Его Высокопреосвященство сказал, что воля святого превыше доброго имени князей церкви, и повелел мне поделиться всем, что знаю я. И я говорю и клянусь, что это истинно.

— Что ж, — Кортней тяжело опустил руку на кипу бумаг, — Высокий Суд слушает. Что вам известно об отравлении детей святой водой, об Октавианской ночи и об убийстве епископа Оноре?

— Вина детоубийства лежит на брате Викторе, но он был лишь руками, а головой — магнус Истины Клемент. Это он вручил брату Виктору яд.

— Благочестивый Пьетро, — нахмурился Фанч-Джаррик, — Высокий Суд не может поверить, что князь церкви злоумышлял против невинных.

— Целью его было низвержение Оноре, в коем орден Истины видел помеху на своем пути. Магнус Клемент вознамерился убить его руками обезумевших родителей, потом же обвинить в смерти преосвященного жителей Оллари и Квентина Дорака. Вместе с преподобным Оноре должен был умереть мир между Агарисом и Олларией, за который ратовали Эсператор Адриан и принявший после него светлую мантию Его Святейшество Юнний.

Стало так, как хотел магнус Клемент. Дети погибли, гнев пал на Его Преосвященство и нас, его спутников. Мы бы погибли, если б не добрый человек, приведший нас в дом герцога Алва. Оруженосец герцога укрыл нас, а слуги, хоть и не были эсператистами, готовились защищать. Видя это, преподобный Оноре хотел выйти к толпе, дабы не подвергать опасности приютивших его, но Создатель привел в город герцога Алва. Он остановил нападавших и оставил нас в своем доме, пока не миновала опасность.

Увы, мы спаслись от ярости, но не от вероломства. На обратном пути мы по совету брата Виктора заночевали в придорожной харчевне. Ночью на нас напали разбойники, и впустил их тот, кого мы называли братом. Его Преосвященство был убит первым же выстрелом.

— Как же уцелели вы?

— Я бежал. Создатель послал мне гигантскую иву с четырьмя стволами. Я укрылся в развилке, и разбойники прошли мимо, не заметив меня. Выждав, я вернулся в харчевню. Преосвященный был мертв, а Виктор смертельно ранен, при нем находились трактирщик и лекарь. Предатель узнал меня, он был в сознании и перед смертью открыл правду. Не из раскаяния, но из мести. Виктора убили по приказу Клемента, не желавшего оставлять свидетелей. Добрый трактирщик помог мне доставить тела и вещи в Агарис.

— Герцог Алва оскорблял преосвященного Оноре и Создателя, — напомнил Фанч-Джаррик, — он бездействовал до ночи, и в городе гибли невинные.

— Преосвященный Оноре не винил приютившего его. — Руки Пьетро спокойно перебирали четки. — Его Преосвященство назвал Рокэ Алву щитом слабых и надеждой Золотых земель и не устал молиться о его спасении.

— И тем не менее, — не мог унять обвинитель, — герцог Алва мог вмешаться раньше и предотвратить гибель тысяч юрожан.

— Не мне, укрывшемуся от мира в стенах ордена Милосердия, говорить о делах военных, — вздохнул монах, — но были в городе воины, когда нас гнали. Были и сильные мира сего, но никто не сподобился остановить возмущенных. Почему вы сетуете, что Рокэ Алва ждал с утра и до вечера, но не вините тех, кто, презрев долг свой, затворился в казармах? Должен ли я, смиренный служитель Создателя, напомнить Высокому Суду, чья рука на освященной братьями нашими земле Нохи покарала виновных в недеянии?

Эр Август ошибся, выжил не Виктор, а Пьетро. Выжил и рассказал то, что не могло быть правдой, но было. Если только кардинал не вынудил монаха солгать. Левий не Оноре,

он на это способен, а Пьетро — трус! Во время Октавианской ночи он трясся, как заяц...

— Благочестивый Пьетро, Высокий Суд принимает твои слова и не требует присяги от того, кто уже вручил себя Создателю. Можешь покинуть кафедру.

Белокурый монашек опустил голову и побрел к своему кардиналу. Судебные приставы согласно ударили жезлами, Кортней медленно перевернул часы, отмеряя положенные по закону минуты:

— Есть ли в этом зале еще желающий выйти и сказать?

Куда ж еще! Съентифик и Пьетро и так разнесли половину обвинений. Святой Алан, теперь вина братьев Ариго доказана, и эта тень падет на Катари...

Зал молчал, только Фанч-Джаррик рылся в бумажной куче. Сейчас песок вытечет, на кафедру поднимется Фердинанд Оллар и его спросят про Катари. То, что королева доверила лишь самым близким, станет достоянием всех, и еще неизвестно, что скажет Алва.

— Время истекло, — сообщил судебный пристав, — все сказанное сказано.

— Высокий Суд выслушал всех свидетелей, — объявил гуэций, — однако вскрывшиеся обстоятельства требуют повторного допроса Фердинанда Оллара. Пусть он поднимется на кафедру.

Бывший король затравленно оглянулся и поплелся к кафедре. Он и раньше был отвратителен, а сегодня и вовсе казался полуразложившейся тушей.

— Фердинанд Оллар, — на лице Кортнея читалось вполне понятное отвращение, — вы уже принесли присягу.

— Да, господин гуэций. — Фердинанд усталился вниз, то ли на носки сапог, то ли на собственное, обтянутое бархатом брюхо.

— Вы слышали, что сказали Горацио Капотта и брат Пьетро?

— Да, — выдохнул бывший король, — да, господин гуэций.

— Их показания расходятся с теми, что дали вы. Вы солгали?

— Нет, господин гуэций... Клянусь... Я сказал, как было... Граф Штанцлер подтвердит мои слова... Я сказал правду, я принес присягу...

— Остается предположить, что Квентин Дорак лгал или же совместно с подсудимым вынашивал умыслы, которыми и поделился. Случившееся с преосвященным Оноре было совпадением, сыгравшим на руку заговорщикам, чем они не преминули воспользоваться. Вы с этим согласны?

— Да... — затряс щеками Оллар. — Да, господин гуэций...

— Постарайтесь вспомнить, — подался вперед Фанч-Джаррик, — не говорил ли при вас Квентин Дорак или подсудимый, как они воспользовались сложившимися обстоятельствами? Вероятно, это было после взятия под стражу братьев Ариго. Напрягите вашу память, это очень важно.

— Да, господин гуэций. — Теперь Фердинанд напоминал рыбу. Большую бледную донную рыбу, вытащенную из-под коряги на берег и судорожно раскрывающую круглый, мягкий рот.

— Вы вспомнили? — Переминающееся с ноги на ногу ничтожество было отвратительно не только Дику, но и Кортнею. — Вы намерены говорить?

— Да, господин гуэций, — закивал Фердинанд, — вспомнил... Я все вспомнил. Это было после Тайного Совета... Я не верил, что граф Ариго... Что Человек Чести мог написать такое письмо... Я сказал это Сильвестру, то есть Квентину Дораку, а Квентин Дорак сказал, что... Что это очень хорошо, что братья Ариго виноваты. Теперь не надо подбрасывать им улики, все получилось само собой... И еще он сказал, что никто из Людей Чести не доживет до зимы и в Талиге больше не будет сторонников Раканов... Это он так сказал.

— Присутствовал ли при этом герцог Алва? — Фанч-Джаррик в упор смотрел на бывшего короля. — Да или нет?

Фердинанд прикрыл глаза, шевеля губами, а потом резко кивнул.

— Да, — почти выкрикнул он. — Рокэ Алва стоял у яшмовой вазы и все слышал.

— Он что-нибудь говорил?

— Он сказал... Прошу прощения у Высокого Суда... Он сказал, что падаль следовало вывезти раньше, но лучше поздно, чем очень поздно.

— Что ответил Дорак?

— Квентин Дорак сказал, что у него были связаны руки.

— Кем именно?

— Кансильером графом Августом Штанцлером и... И моей супругой Катариной, урожденной Ариго.

— Что ответил Алва?

— Герцог Алва... Герцог Алва сказал, что одна веревка порвалась сама, а вторую следует разрезать. И засмеялся.

Алан погиб из-за коронованного ничтожества, теперь потомок Рамиро-Вешателя идет через тот же огонь. Это и есть искупление. Высшая справедливость.

— Рокэ Алва, — обвинитель не скрывал торжества, — это правда?

— Я имею обыкновение смеяться, если слышу что-либо смешное, — бросил Ворон, — а вы? Разве вам не смешно?

— Высокий Суд удовлетворен. — Гуэций не дал себя сбить. — Показания Оллара полностью сняли кажущиеся противоречия. Что ж, нам осталось прояснить лишь два простых, хоть и весомых обстоятельства. Первое касается передачи меча Раканов в руки Рокэ Алвы. Высокий суд желает знать, как и почему это произошло.

Фердинанд Оллар сплел пальцы.

— Меня вынудили, — выкрикнул он, — вынудили... Я не хотел, но Дорак... Он приказал мне... Он сказал, что меч Раканов будет носить Алва и чтобы все это видели... Чтобы это стало известно в Агарисе. Я хотел оставить меч там, где он висел, но Дорак велел...

— Не Дорак, — серая фигурка в заднем ряду вскочила торопливо и грациозно, и Дику показалось, что он бредит, — не Дорак, а я... Клянусь Создателем всего Сущего!

3

— Я — Катарина-Леони Оллар, урожденная графиня Ариго. Я должна говорить... Дайте мне Эсператию!

Она же не хотела идти, боялась и не хотела. И пришла!

— Сударыня, — взгляд гуэция стал затравленным, — поднимитесь на кафедру... и примите присягу.

— Да, господин гуэций. Я иду.

Кто-то высокий, кажется, посол Дриксен, торопливо поднялся, подавая пример другим. Катарина Оллар, глядя прямо перед собой, почти бежала сквозь строй торопливо встающих мужчин. Плохо закрепленная вуаль серым дымком скользнула с плеч, упала под ноги, женщина даже не оглянулась. Всегда тихая, нежная, робкая, кузина была исполнена какой-то отчаянной силы. Она горела, как горит сухая трава, светло, стремительно и коротко...

— Я готова. — Фарфоровая ладошка легла на огромный том. — Именем Создателя, жизнью детей... своей жизнью и своей честью клянусь, это правда... Правда все, что я скажу!

— Сударыня, — голос гуэция был мягким до полной гнили, — госпожа Оллар, Высокий Суд знает, что вы нездоровы. Высокий Суд не счел возможным вас тревожить.

— Я здорова, — Катари судорожно вцепилась в кафедру и покачнулась, — и я буду говорить... Я должна... Хотя бы я, если другие лгут или молчат. Мне терять нечего, я уже все потеряла... Давно потеряла...

— Госпожа Оллар, правильно ли я понял, что это вы подали вашему супругу мысль отдать герцогу Алва меч Раканов?

— Я. — Катарина быстро, словно маленькая девочка, кивнула головой. — И не я... Этого хотели все...

— Госпожа Оллар, — подал голос Фанч-Джаррик, — что значит «все»?

Личико бывшей королевы стало мечтательным, она улыбнулась робко и удивленно. Так улыбаются в ответ на непонятную шутку.

— Сударь, вы ведь талигоец? Я вас видела, вы служили у Придда, то есть... у супрема... Неужели вы забыли, как встречали спасителей Варасты? Людям не платили за восхищение, за любовь, за благодарность... Их чувства были подлинными... Рокэ Алва принес стране мир и хлеб, это... Это стоило награды, но у герцога было все, и я подумала...

Гальтара, древние анаксы, для меня это было сказкой, чем-то красивым, высоким, навсегда ушедшим, но оставившим в сердце серебряный след. Я не думала, не могла думать, что Раканы на самом деле...

Господин Фанч-Джаррик, мы вошли в тронный зал, я увидела на стене меч... Я вспомнила, как Эрнани Святой в день триумфа вручил Лорио Борраске свой меч, ведь сам император не мог его носить. Это было красиво, это было справедливо...

— Госпожа Оллар, Высокий Суд благодарен за то, что вы разъяснили это небольшое недоразумение, — прервал рассказ о Лорио гуэций. — Вы нуждаетесь в покое, сейчас вам подадут конные носилки.

— Я не уйду. — Женщина сжала губы и высоко вздернула подбородок. — Я не по своей воле оказалась на троне, но я была королевой. Я не стану прятаться ни за свою слабость, ни за своего брата...

Мой супруг и я... мы перед Создателем и Золотыми землями были талигойскими владыками, мы, а не Квентин Дорак и не Рокэ Алва. Так судите нас, если есть за что... Нас, а не нашего полководца!

Такой сестру Робер еще не видел. Если б не монашеское платье и судорожно сжатые тоненькие руки, она и впрямь казалась бы королевой... Пеночка, напавшая на кошек!

— Подсудимый защищает себя сам. — Кортней повысил голос, скотина! — Нуждайся Рокэ Алва в вашем заступничестве, он бы просил Высокий Суд вызвать вас, но он не представил ни одного свидетеля своей невиновности, равно как не отвел никого из свидетелей обвинений. Тем не менее, раз вы расположены говорить, я считаю своим долгом допросить вас. Госпожа Оллар, мой вопрос может показаться вам неприятным, но я обязан его задать. Итак...

— Рокэ, почему вы молчите? — Катари смотрела не на гуэция, а на Ворона. — Расскажите им, что творилось в Варасте... Что вы видели здесь, как бросились в горящий дом... Вы хотели спасти людей, а нашли предательство... Вас всегда предавали, всегда... А вы делали свое дело и даже не мстили!

— Ваше Величество ошибается, — на лице Ворона не дрогнул ни один мускул, — я отомстил. В том числе вашим братьям.

— Удар шпаги спасает от Занхи, — лицо Катари стало грустным, — удар шпаги спасает от позора... Вы дали моим братьям умереть с честью, и не только им... Теперь вас судят. Так объясните судьям, что значит честь и верность. Что значит жить не для себя, а для своего короля и для своей страны... Вы же умеете говорить, так скажите, может, кто-нибудь поймет...

Вы не боитесь смерти, это все знают, но другие боятся. Люди боятся, женщины, старики, дети... Они не хотят умирать, но умрут, потому что их некому защищать... Потому что вы верны королю, а он вас предал... Да-да, предал... Но король еще не королевство, которое рвут на части и разорвут... Вот тогда вы будете достойны казни, господин Первый маршал... Достойны Заката!

— Госпожа Оллар. — Робер не заметил, когда супрем успел вскочить. — Госпожа Оллар, успокойтесь, вам будет плохо...

— В самом деле, Ваше Величество, — негромко произнес Ворон, — вам следует себя побереечь. Возвращайтесь в аббатство, за себя я отвечу сам.

— Будь проклят тот день, когда я вам написала. — Катарина забыла, где она и что с ней. Она видела только неподвижно сидящего человека без шпаги. — Но я... Я думала, это

просто мятеж против Колинъяров... Я боялась, что Манрики утопят Эпинэ в крови, мою Эпинэ... Я ничего не могла сделать, только позвать вас... А теперь вас убивают... Из-за меня!

— Ваше Величество, вы поступили совершенно правильно. — Алва еще был спокоен, только дернулась выбритая до синевы щека. — Кровь и жизнь Первого маршала принадлежат Талигу и его королю.

— Королю, — как в забытии нараспев произнесла Катарина, — королю... Король отрекся от единственного человека, который был ему верен... Еще немного, и он отречется от своих детей. Создатель, я бы хотела, чтоб они были не Олларами...

Тонкая рука провела по лицу, словно снимая незримую паутину. Бывшая королева Талига шагнула вперед, к человеку, все еще бывшему ее мужем.

— Фердинанд! — Звонкий голос разбился о потолок, разлетелся хрустальными осколками. — Вы не только не король... Вы не дворянин, не мужчина, не человек...

Пальцы Катарина судорожно метнулась к тугому вороту, она споткнулась, но не упала, осунувшееся личико стало снеговым. Робер вскочил и кинулся к сестре. Кажется, он что-то сбросил на пол... Чьи-то бумаги, ну и кошки с ними.

— Ей плохо, — выкрикнул кто-то тонким голосом. Кто-то? Фердинанд! — Катарина... Душа моя!

Женщина рванула воротник, что-то отлетело, звякнуло об пол, Иноходец отпихнул судебного пристава, перепрыгнул через какую-то лавку и успел подхватить обмякшее тело. Гребни, или чем там женщины закалывают волосы, выпали, пепельная волна хлынула на пол, Робер едва не наступил на блестящие пряди.

— Двери! — рявкнул откуда-то Мевен. — Двери откройте! Шире!

— Катарина, что с тобой?! Катарина...

— Врача!

— Госпожу Оллар сопровождает мой личный врач, — голос Левия перекрыл тревожное гуденье, — он в Дубовой приемной, пошлите за ним.

— Сейчас...

Только бы не споткнуться, здесь такие мерзкие ступени...

— Монсеньор, вам помочь?

— Я сам!

Эпинэ нес бесчувственную женщину, а за спиной бился крик Фердинанда:

— Я лгал, лгал!.. Делайте со мной, что хотите, но я лгал! Я — трус, я лжец, но я король... И Карл — мой сын... Мой! А Рокэ невиновен... Он спасал Талиг по моему приказу! Он — солдат, а король — я! Я приказывал, а он воевал... И я отвечаю... За все и за всех! За моего маршала, за Сильвестра!..

Двери уже закрывались, когда до Эпинэ донесся стук жезлов и вопли судебного пристава:

— Высокий Суд просит покинуть зал... Его Величеству... Переносится... На неопределенное время...